90 коп.   Индекс 70145

ISSN 0042-8779 Вопросы истории. 1990. № 1. 1–192

ISSN 0042-8779

Вопросы Истории

НОВЫЕ КНИГИ

БЕНОВ А. **Българско, българи.** Неизвестно за известното. София. Изд-во на Отечествения фронт. 1988. 226 с.

БОЧЕВ Б. **Балканите и повелите на нашето време.** София. Партиздат. 1988. 99 с.

ВАСИЛЕВ Л. **Политическо и организационно развитие на БЗНС (VI.1923–IV.1925).** София. Изд-во на БЗНС. 1988. 194 с.

КАРАИВАНОВ Н. В. **Васил Левски по спомени на Васил Караиванов.** София. Изд-во на Отечествения фронт. 1987. 312 с. (8) л. ил.

ОБРЕТЕНОВ Н. **Дневници и спомени (1877–1939).** Съст. Веселина Дюлгерова и Димитър Минцев. София. Изд-во на Отечествения фронт. 1988. 432 с.

Съвременното развитие на света и новото политическо мислене. Ред. колегия: Нора Ананиева – отг. ред. и др. София. Партиздат. 1988. 228 с.

ТАКОВ Н. **Поклон. Спомени.** Лит. обраб. Кирил Нейков. София. Партиздат. 1987. 252 с.

ТРИФОНОВ С. **Българското националноосвободително движение в Тракия. 1919–1934.** София. Наука и изкуство. 1988. 210 с.

ФИЛИПОВ Д. **Съветският авангард.** София. Изд-во на Отечествения фронт. 1988. 314 с.

FEHÉR I. **A magyarországi németek kitelepítése, 1945–1950.** Budapest. Akad. kiadó. 1988. 231. old.

KUN M. **1917: egy év krónikája.** Budapest. Kossuth. 1988. 686. old. (16) l. ill.

ORDAS I. **Az aradi tizenhárom.** Budapest. Móra. 1988. 154. old.

SCHLETT I. **A «munkáskérdés» és a szocializmus a magyar politikai gondolkodásban, 1848–1906.** Adalékok a polit. ideológiák jelentésváltozásahos. Budapest. Kossuth. 1987. 373. old.

BEYER H. **Die Revolution in Bayern, 1918/1919.** 2., bearb. u. erw. Aufl. Berlin. Dt. Verl. der Wiss. 1988. 212 S. (8) Bl. Ill.

KUCZYNSKI J. **1903: Ein normales J. im Imperialistischen Deutschland.** Berlin. Akademie. 1988. 287 S.

L' TZ M. **Kurze Geschichte der sandinistischen Revolution: Wurzeln, Verlauf, erste Ergebnisse.** Hrsg. von der Akad. für Gesellschaftswiss. beim ZK der SED. Inst. für intern. Arbeiterbewegung. Berlin. Dietz. 1988. 264 S.

Vergleichende Revolutionsgeschichte – Probleme der Theorie und Methode. Hrsg. von Manfred Kossok. Berlin. Akademie. 1988. VIII, 270 S.

ЧЖАН ЦЗИНЬПАНЬ, ВАН ЧАО. **Чжунго чжэнчжи чжидуши.** Пекин. Чжунго чжэнфа дасюе чубаньшэ. 1987. 9. 710 с.

SELVA A., WILLIAM A. **Girón. Testimonio de una victoria (Frente Norte).** La Habana. Ed. de Ciencias Sociales. 1987. 195 p.

AMBROZIEWICZ J. **Aniolowie śmierci.** Warszawa. KiW. 1988. 301 s.

BRAVO B., WIPSZYCKA E. **Historia starożytnych Greków.** T. I. Do końca wojen perskich. Warszawa. PWN. 1988. 407 s. (48) k. il.

Droga do niepodległości czy program defensywny? Praca organiczna-programy i motywy. Wyboru dok. oraz wstępem i przypisami opatrz. Tomasz Kizwalter i Jerzy Skowronek. Warszawa. Pax. 1988. 254 s.

Inteligencja polska XIX i XX wieku. Pod red. Ryszardy Czepulis-Rastenis. Studia 1. 327 s. Studia 2. 322 s. Studia 5. 254 s. Warszawa. PWN. 1978–1987.

De la révolution russe d'Octobre à la révolution d'août vietnamienne. Hanoi. Ed. en langues etrangères, 1987. 115 p.

TEJCHMAN M. **Balkánský fašismus.** Fašistické hnutí a organizace v zemích jihovýchodní Evropy. Praha. Academia. 1989. 86 s.

MILJANIĆ G. **Velike bitke na jugoslovenskom ratištu, 1941–1945.** Beograd. Nar. knjiga. 1987. 416 s. (28) l. ill.

PETRANOVIĆ B., ZEČEVIĆ M. **Jugoslavija 1918–1988.** Tematska zb. dok. 2. izmenjeno i dop. izd. Beograd. Rad. 1988. 1445 s.

POLOVINA G. **Svedočenje: Sećanja na događaje iz prve godine ustanka u Lici.** Beograd. Rad. 1988. 505 s. (8) l. ill.

OSBORNE R. **Indonesia's Secret War.** The Guerilla Struggle in Irian Jaya. Third Impr. Sydney etc. Allen and Unwin. 1987. XVI, 213 p. (6) l. ill.

Der un-heimliche Anschluss: Österreich u. die EG. Margit Scherb, Inge Morawetz (Hg.). Wien. Verl. für Gesellschaftskritik. 1988. XII, 194 S.

SÁBATO J. F. **La clase dominante en la Argentina moderna.** Formación y características. Buenos Aires. CISEA. Grupo Ed. Latino-amer. 1988. 280 (6) p.

Henri Rolin et la sécurité collective dans l'entre-deux-guerres. Textes choisis et prés. par Michel Waelbroeck. Av.-prop. de Jean J. A. Salmon. Bruxelles. Bruylant. Ed. de l'Univ. de Bruxelles. 1987. XI, 477 p.

CHARMELEY J. **Lord Lloyd and the Decline of the British Empire.** London. Weidenfeld and Nicolson. 1987. X, 294 p.

COOK Ch. STEVENSON J. **British Historical Facts, 1688–1760.** Basingstoke (Hants.), London. Macmillan Press. 1988. VIII, 252 p.

HARRIS K. (1919–). **Thatcher.** London. Weidenfeld and Nicolson. 1988. 248 p. (4) l. Portr.

The Revolution in Ireland, 1879–1923. Ed. by D. G. Boyce. Basingstoke (Hants.); London. Macmillan Education. 1988. VI, 278 p.

DIAZ E. **La transición a la democracia.** (Claves ideológias. 1976–1986). Madrid. EUDEMA. 1987. 222 p.

SÁDABA J., SAVATER F. **Euskadi: pensar el conflicto.** Madrid. Libertarias. 1987. 115 p.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 1 ЯНВАРЬ 1990

Вопросы истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года.
Москва. «Наука»

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВА — НА УРОВЕНЬ ЗАДАЧ ПЕРЕСТРОЙКИ

3 октября 1989 г. в ЦК КПСС состоялось совещание историков, на котором обсуждались актуальные проблемы развития советской исторической науки.

Открывая совещание, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, член-корреспондент АН СССР В. А. Медведев сказал, что возникла необходимость обменяться мнениями по проблемам, которые выдвигаются сейчас на передний план и приобретают большую остроту. Сегодня, когда страна переживает такой сложный, возможно, даже решающий период преобразований, от которых зависит как, какими темпами, в каком направлении пойдет дело в будущем, когда в обществе идут такие бурные процессы, очень многое зависит от уровня его исторического сознания. С этим связан общий идейно-политический фон в стране. И, конечно же, историческая проблематика, ее исследование играют огромную инструментальную роль, являясь необходимым компонентом обоснования того, как следует решать сегодняшние задачи.

В. А. Медведев поделился с собравшимися своими соображениями, как развивалась перестройка на протяжении минувших лет, как сегодня представляется логика ее развития.

Непосредственно перед апрелем 1985 г. и сразу после него мы столкнулись прежде всего с острейшими экономическими проблемами, и, пожалуй, отсюда начался процесс познания и практического действия. С начала 80-х годов страна оказалась в полосе экономической стагнации, возникла серьезная опасность для социальной сферы и политической обстановки.

Одним из первых шагов на пути перестройки после апрельского Пленума ЦК стало проведение совещания в ЦК КПСС по проблемам научно-технического прогресса. Иначе говоря, первое, за что взялись, было ускорение научно-технического прогресса, так как дела здесь находились в крайне запущенном состоянии. Пленум по этим вопросам готовился еще в предыдущем, 1984 г., готовился очень настойчиво, углубленно. Занимались им М. С. Горбачев и Н. И. Рыжков с привлечением группы ученых. Проводился подробный анализ экономических проблем. Тогда этот Пленум провести не удалось, он был заблокирован. Однако подготовленный материал и сделанный анализ были реализованы при проведении совещания в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса в июне 1985 г., на протяжении последующих месяцев главное внимание руководства партии сосредоточивалось на экономических вопросах. Они занимали значительное место и на XXVII съезде партии.

Вместе с тем по мере углубления в экономическую проблематику яснее становилась необходимость осуществления глубокой экономической реформы — и не в виде косметического ремонта, а в виде серьезной

экономической перестройки. Одновременно яснее становилось и другое: осуществление ее невозможно без серьезных политических преобразований, без перестройки политической системы.

И вот наступил 1987 год, который во многом стал очень важным и переломным в ходе перестройки. Этот год был ознаменован тремя крупными политическими событиями.

Прежде всего — январский Пленум ЦК КПСС. Формально это был Пленум по кадровой работе партии (так он вначале и планировался), но стал он, по сути дела, Пленумом по проблемам перестройки политической системы. Именно тогда впервые было сказано о необходимости глубокой перестройки и государства, и партии. На этом Пленуме утвердилась идея — и потом она внедрялась в жизнь — коренного изменения системы выборов партийных руководителей тайным голосованием, на альтернативной основе. Казалось бы, частный вопрос, но за ним скрывалось принципиальное изменение взглядов на развитие внутрипартийной демократии. Конечно, не все детали будущего преобразования политической системы были тогда ясны, важно, однако, что был дан, пожалуй, первый мощный толчок развитию в этом направлении.

Затем в июне того же года состоялся Пленум ЦК по проблемам экономической реформы, на котором впервые в комплексе были поставлены все проблемы преобразования экономической системы и перехода от административно-командных методов управления хозяйством к экономическим методам. Был выстроен и весь комплекс мер, включая реформу ценообразования, реформу организационных структур управления. К сожалению, на последующих этапах не все удалось осуществить в полной мере. Кое-что пришлось отложить, в том числе реформу ценообразования.

Важно, однако, что в ходе анализа и поиска решения проблем все понятнее становилось, что их причины коренятся не только в десятилетиях застоя, но гораздо глубже — в 30—40-х годах, и более того они связаны со всей историей развития страны после Октября. Такое осмысление совпало с юбилеем 70-летия Октября, было в определенной степени вызвано им. Но, независимо от юбилея, переосмысление этапов предшествующего развития нашего общества было неизбежно, потому что оно вытекало из логики перестройки, из необходимости освоения более глубоких пластов истории. Обнаружилось, что та работа, которая была начата в середине 50-х годов, оказалась прерванной, остановилась чуть ли не в самом начале. Итак, юбилей Октября и связанное с ним серьезное, глубокое обращение к исторической проблематике, осмысление пути развития нашего общества — третья крупная веха 1987 года.

Таким образом был открыт путь к XIX Всесоюзной партийной конференции. Выводы, обобщения, оценки XXVII съезда КПСС с точки зрения последующего развития событий оказались уже недостаточными, жизнь пошла вперед, потребовалось идти вровень с нею.

К сожалению, наше обществоведение, и, в частности, историческая наука оказались не готовыми к работе, которую надо было проделать. Сложившиеся представления находились еще где-то на полпути от давно прошедших времен к новым потребностям. В итоге инициатива в историческом исследовании оказалась в руках не ученых-историков, а публицистов, журналистов, писателей. Их публицистические эмоции, острый взгляд помогали делу, в принципе сдвиги шли и идут в правильном направлении. В какой-то степени это процесс закономерный, по крайней мере объяснимый. К тому же нельзя сказать, что ученые стояли от него в стороне. И все же не они задавали тон, не они исполняли главную партию.

Вместе с тем необходимо ясно понимать, что общественное сознание по вопросам исторических оценок приведено сейчас в очень динамичное, подвижное состояние, наступил исключительно ответственный момент.

Разумеется, очищение нашей исторической совести — это процесс,

который нельзя считать законченным,— он будет продолжаться. Тут, конечно, необходимы серьезные, фундаментальные исследования по всем направлениям. Но на общем фоне недовольства многими аспектами нашей действительности, и прежде всего неудовлетворенности положением в социальной сфере, чаша весов начала колебаться, волны самобичевания перехлестывают через край. Порой речь идет уже не об очищении социализма, не об избавлении его от деформаций, а о пересмотре основных социалистических ценностей, основ нашей идеологии и политики.

Есть проблемы, которые приобрели сегодня особую остроту,— это Ленин, Октябрь, социалистический выбор, этапы развития страны, международные аспекты ее развития. Причем сложность ситуации состоит здесь в том, что нужны и глубокие непредвзятые исследования, и новый взгляд на вещи, и окончательное искоренение прежних представлений и догм. Вместе с тем делать это надо так, чтобы укреплялись наши основные позиции.

Всем хорошо известно, что участились выступления в печати, которые искажают смысл учения Ленина, его практическую деятельность, его облик, участились и выступления против Октября. Налицо также стремление доказать, что административно-командная система, террор, насилие, лагеря — все это адекватно социалистическому строю, что это не сталинское порождение, а заложено, якобы, Октябрем, Лениным.

Происходит нечто парадоксальное. На формуле: Сталин — не извратитель марксизма, а его выразитель, сходятся и те, кто выступает в защиту Сталина, пытается его реабилитировать, и те, кто хотел бы вместе с ним опрокинуть нашу идеологию. Ленина, Октябрь, даже Маркса.

Есть свои перекосы и в понимании, и, особенно, в толковании различных этапов развития нашего общества. С одной стороны— повальное увлечение нэпом, неисторическое его восприятие, идеализация. Хотя нэп является непреходящей исторической ценностью, нельзя утрачивать здравый смысл, не говоря уже о требованиях исторического подхода, то есть надо видеть нэп непредвзято, в том числе с имевшимися трудностями и проблемами. А с другой стороны — оценка всех последующих этапов развития страны как сплошного потока преступлений, ошибок, регресса по сравнению даже с царской Россией.

Как бы, может быть, не было это сейчас непопулярно, но следует во всем разобраться, если надо, идти и против течения. Разве могла бы наша страна превратиться в великую державу, если были только сплошные понятные движения, только движение назад или застой?! Надо дать ответ на этот вопрос, и ответ непредвзятый, объективный, учитывающий всю сложность противоречий, никого и ничего не обеляя и не оправдывая.

Что же касается оценки отдельных событий и деятелей, то даже в течение года у нас происходят чуть ли не полярные колебания: то сплошное восхваление Бухарина, его идеализация, то наоборот. Ясно, что нужен научный подход, нельзя поддаваться моде. То же самое относится и к оценке таких фигур, как Зиновьев, Каменев, Троцкий. Теперь наиболее рьяные критики сходятся чуть ли не на том, что, мол, «все это одна компания, все они одним миром мазаны». И это тоже требует к себе внимания.

Необходим внимательный, ответственный анализ и международных аспектов нашего развития. Нужно показать, как мучительно шел процесс переоценки традиционных ценностей, связанных с представлениями о мировой революции,— от Октября, Брестского мира, освоения принципа мирного сосуществования до современного политического мышления, признания взаимосвязанности, целостности мира, диалектики общечеловеческого и классового, необходимости участия в международном разделении труда и налаживании нормальных отношений в мировом сообществе.

Чего стоят хотя бы такие параллели, появляющиеся порой в публицистике: Сталин — Гитлер, их одинаковая степень виновности и чуть ли не наша вина за приход фашизма к власти, чуть ли не равная с Гитлером ответственность за вторую мировую войну. Все это очень далеко от действительно серьезного, глубокого анализа. Ученые не могут и не должны проходить мимо антиисторических домыслов. Здесь нельзя отступать. Другое дело, что нельзя действовать прежними методами запретов, следует опираться на методы научной дискуссии, необходимы серьезные по содержанию и желательно яркие по форме выступления наших ученых—историков.

В общем, необходимо активизировать непредвзятую исследовательскую работу. Нельзя защищать то, что требует разоблачения. С совестью не может быть сделок. Расчет с ошибками прошлого должен быть обязательно доведен до конца, и никаких ограничений тут быть не может. Но и вести эту работу надо так, чтобы не выплеснуть с водой ребенка.

Вся эта работа имеет огромнейшее значение для перестройки. Это ответственнейший ее участок в общеидеологическом плане, с точки зрения создания и поддержания здорового идеологического климата в обществе и с чисто практической точки зрения — обоснования путей обновления социализма, перспектив его последующего развития.

В. А. Медведев призвал собравшихся обсудить эти наболевшие вопросы.

Академик И. Д. Ковальченко (академик-секретарь Отделения истории АН СССР) отметил целесообразность проводимой встречи и выразил согласие со всеми основными соображениями, высказанными В. А. Медведевым по вопросам состояния идеологии, трактовки прошлого, состояния и задач исторической науки.

Общее положение на идеологическом фронте, по мнению И. Д. Ковальченко, можно охарактеризовать как состояние разброда. Без каких-либо оснований и доказательств отвергаются коренные положения марксистской теории общественного познания (материалистическое понимание истории, учение об общественно-экономических формациях, революциях и т. д.). Все эти и другие вопросы нуждаются в углубленной разработке. Безосновательно же их отвергать — значит тормозить эту разработку и дезориентировать широкое общественное мнение. В этих вопросах должна быть более развернутой и определенной позиция ЦК КПСС. Ученые могут соглашаться или не соглашаться с нею, но она должна быть, и ее должны знать.

Указанный разброд имеет место и в освещении прошлого. Сейчас в его трактовке преобладает публицистический, а не научный подход. При всей оперативности и значимости первого ему присущи во многих случаях поверхностность, тенденциозность и сенсационность. Под флагом плюрализма и радикализма нередко выдвигаются не соответствующие действительности и уже отвергнутые наукой трактовки. В качестве одного из примеров можно привести столыпинскую аграрную реформу. Консервативная по своей сути и направленная прежде всего на защиту помещичьих интересов, она изображается чуть ли не как образец аграрных преобразований, которые должны быть учтены при решении современных проблем.

В нынешней ситуации задача историков состоит, как считает И. Д. Ковальченко, не только в фундаментальной разработке на основе новых подходов проблем отечественной и всеобщей истории, но и в популярном раскрытии этих проблем, в воздействии на процесс формирования общественного исторического сознания. Для этого необходимо ускорить ход перестройки в самой исторической науке. Эта перестройка идет медленно. Для ее ускорения необходимо решение ряда вопросов.

Тормозящее воздействие на развитие исторической науки культа личности и периода застоя выразилось не только в ограничении исторической проблематики, появлении множества «белых пятен» и искаженных трактовках многих событий, но и в засорении кадров историков людьми, далекими от науки, и в падении профессионального уровня историков. Наличие со стороны руководящих верхов спроса на конъюнктурно-прикладное историческое знание породило и соответствующее предложение. Появилось немало историков, которые ограничивались изготовлением научных поделок. И эти поделки признавались высшим достижением исторической науки. Все это привело к широкому распространению иллюстративности, фактографизма, теоретико-методологическому иждивенчеству, когда научный анализ и синтез фактов подменялся их простой оценкой, исходящей из тех или иных официальных установок и трактовок. Такие оценки часто прикрывались формальными ссылками на классиков марксизма.

Все эти явления еще далеко не изжиты в исторической науке. И сейчас при пересмотре событий прошлого все еще распространен переоценочный подход. Если раньше что-то оценивали положительно, то теперь налицо стремление оценить это отрицательно, и наоборот. Новые проблемы решаются старыми методами. Но ведь все это не что иное, как новый виток той же конъюнктуры.

Предстоит еще большая работа, чтобы добиться действительной перестройки исторической науки. Систематической и обстоятельной разработки прежде всего требуют, по мнению И. Д. Ковальченко, теоретико-методологические проблемы исторического познания и исторических исследований. Необходимо повышение профессионализма историков, совершенствование исследовательских методов. Без этого никакая постановка новых проблем, использование новых данных не дадут должного результата.

Из других проблем, решение которых требует помощи со стороны ЦК КПСС, И. Д. Ковальченко отметил следующие. В первую очередь необходима большая работа по подготовке кадров историков высокой квалификации (кандидатов и докторов наук). Следует открыть доступ историкам к документальным материалам. До сих пор этот доступ остается крайне ограниченным, а многие материалы — по-прежнему закрытыми. Нужно расширить публикацию источников, без чего исторические исследования не получат необходимого размаха. Крайне ограничены публикаторские возможности историков даже в системе академических учреждений, не говоря уже о вузах и других учреждениях (архивы, музеи, библиотеки).

Нуждается в совершенствовании материально-техническая база исторической науки. Ее учреждения плохо обеспечены помещениями, множительной и другой техникой. В век, когда во всех развитых странах идет интенсивный процесс внедрения компьютерной и другой техники, даже в Москве академические институты и факультеты вузов имеют едва ли десяток персональных компьютеров. Такое отставание чревато тяжелыми последствиями.

В заключение И. Д. Ковальченко подчеркнул, что историки понимают важность стоящих перед ними как исследовательских, так и особенно популяризаторских задач и примут меры к их решению.

Сейчас общество ставит перед историками вопросов значительно больше, чем историки могут на них ответить,— с этого начал свое выступление А. А. Искендеров (член-корреспондент АН СССР, главный редактор журнала «Вопросы истории»). Процесс естественный, вызванный атмосферой демократизации, гласности и теми реальными достижениями, а также трудностями и проблемами, которые стоят перед нашим обществом. Поэтому, как полагает А. А. Искендеров, общественный интерес к истории закономерен. Он возник не случайно и имеет глубокие корни. Конечно, задавать вопросы легче, чем на них отвечать. И тем не менее историки обязаны максимально полно и объективно удовлетворять растущий

общественный интерес к историческим знаниям. Между тем по разным причинам этот процесс идет медленно. Ответы на принципиальные вопросы отечественной истории, особенно советского периода, откладываются либо являются половинчатыми. Так же, как порою откладываются решения социальных вопросов, других проблем, стоящих перед обществом.

Одна из причин создавшегося положения состоит в том, что наша историческая наука пока полностью не преодолела негативных тенденций и застойных явлений в своем развитии. За четыре с лишним года перестройки мало что сделано для коренного улучшения положения в исторической науке. Это крайне тревожно, если учесть, что те многотомные издания по отечественной и мировой истории, которые выдавались чуть ли не за вершину исторической мысли, не выдержали испытания временем в силу своей научной необъективности, а новые труды до сих пор не созданы.

В том, что в обществе медленно преодолеваются старые стереотипы, ложные исторические концепции и взгляды, нельзя не видеть определенной вины историков, которые не совершили пока прорыва в исторических исследованиях, а кое-кто продолжает занимать выжидательную позицию. Все это крайне затрудняет движение к исторической правде.

Один из непреодоленных до сих пор недостатков, продолжал А. А. Искендеров, состоит в том, что отечественная историческая наука существовала как бы сама по себе, в отрыве от мировой науки. Более того, некоторыми считалось даже, что для советской исторической науки вообще не существует такого понятия, как мировой уровень развития науки. Однако сейчас, когда наши историки стали широко общаться с зарубежными исследователями, оказалось, что по проблемам советской истории, в частности периода 1920—1930-х годов, за рубежом опубликовано немало трудов, которые по глубине научного анализа и содержащегося в них фактического, в том числе документального, материала не только не уступают, а в ряде случаев и намного превосходят работы советских историков, публиковавшиеся в годы застоя.

Главный недостаток многих исторических исследований прошлых лет А. А. Искендеров усматривает в том, что они все более утрачивали подлинную научность и становились наукообразными, по существу, компилятивными трудами. Пришло время сделать историческую науку действительной наукой, способной активно влиять на формирование правдивого исторического сознания советских людей. А для этого необходимо повернуться лицом к нуждам и запросам общества, ставить и решать крупные научные проблемы, что позволит восстановить историческую правду в полном ее объеме. Сегодня уже говорилось, что нередко публицисты идут впереди историков в постановке многих, в том числе острых, исторических проблем. А что мешает историкам прямо и непосредственно выходить на общественность, давать свою версию событий и фактов, которые широко обсуждаются в обществе? Говорят, что историкам сделать это трудно, поскольку требуется время, необходимое для глубокого научного анализа, без которого невозможно установить историческую истину. Все это верно. Но верно и то, что такой анализ явно затянулся. Ссылки на отсутствие всех необходимых архивных документов вряд ли могут оправдать эту медлительность.

Одной из главных проблем, которая нуждается в тщательном анализе и объективном освещении, А. А. Искендеров считает проблему соотношения партии и государства, партии и общества. Сейчас, сказал он, высказываются разные, порой взаимоисключающие, точки зрения на такие ключевые проблемы нашей недавней истории, как роль партии в формировании и функционировании политической системы Советского государства, характер и значение Великой Октябрьской социалистической революции, ленинское теоретическое наследие, подлинные социалистические ценности и причины деформации социализма и др.

Всесторонний и объективный анализ этих и других важнейших проблем истории советского общества поможет не только приблизить нас к исторической истине, создать правдивую историю нашей Родины, но и дать ясные перспективы на будущее.

А. О. Чубарьян (директор Института всеобщей истории АН СССР) отметил, что мы переживаем сейчас период крайне обостренного чувства истории в самых широких слоях общества, не имеющий аналога в жизни страны. Это ощущается не только в сотнях публикаций в толстых журналах и ежедневных газетах. Их редакции получают огромное число писем, в которых читатели радуются или негодуют, одобряют или подвергают сокрушительной критике те или иные публикации на исторические темы.

Столь же, видимо, справедлив и упрек профессиональным историкам, что не они, а публицисты в большой мере отвечают на этот спрос общества, на интерес к истории страны. Но дело не в том, что профессиональные историки не могут найти путь к средствам массовой информации. Вопрос заключается в том, с чем историки могут выйти на широкую аудиторию, как они ответят на вызов времени.

Историки согласны с тем, что в ходе развернувшихся общественных дискуссий подвергнуты сомнению или критике фундаментальные основы нашего наследия и нашего мировоззрения. Идут споры о марксизме, о его месте и роли как о методологическом инструментарии, об Октябрьской революции, о социализме и пр.

Многие справедливо считают, что именно историки должны, на этом переломном и драматическом этапе, защитить наши основополагающие ценности. Но возникает вопрос, какие ценности мы должны защищать, а главное как их следует защищать. Основная проблема, как полагает А. О. Чубарьян, состоит в необходимости ясного осознания, что историки призваны отстаивать эти ценности не с догматических позиций и не догматическими средствами, а на основе идеологии обновления и критического переосмысления многих, в том числе и методологических, проблем.

Для примера А. О. Чубарьян обратился к теории общественно-экономических формаций. Существовавшая в течение многих десятилетий догматическая, вульгаризаторская интерпретация теории формаций сужала наше видение исторического процесса, исключала из него многие явления, не укладывавшиеся в эту схему. Следовательно, речь идет не просто о том, чтобы заявить о значении теории формаций, а о том, чтобы очистить ее от деформаций и наслоений, чтобы освоить опыт XX века. В этой связи необходим новый подход к понятию прогресса в истории. Сегодня всем ясно, что цивилизационный уровень должен занять важное место в нашем понимании развития человечества.

Общество активно обсуждает вопрос о значении Октябрьской революции, о ее влиянии на ход мировых событий, однако историки не смогут удовлетворить запросы общества, если будут просто возвращаться к прежним оценкам и теоретическим построениям. Необходим новый взгляд на эти проблемы. Нужен анализ различных моделей социализма, существовавших с XIX в., понимание социализма как фактора и органической части мировой цивилизации. И необходимо ясное осознание и раскрытие тех извращений социализма, которые принесла сталинская теория и практика.

А. О. Чубарьян поддержал идею о том, что нам нужен существенный прорыв в методологических вопросах, таких, как понимание прогресса и его цены, диалектика внутренних и внешних факторов, взаимосвязь социального и антропологического в подходе к духовной сфере исторического развития и т. п.

Что касается выхода историков на широкую аудиторию, то существенным недостатком является постоянное запаздывание историков в освеще-

лии событий. Это можно проиллюстрировать на примере предыстории второй мировой войны. Историки включились в дискуссию о событиях 1939 г., когда она уже шла по всему миру. И хотя появилось много статей и публикаций, фундаментальных исследований пока нет. В самый последний момент мы начали проводить «круглые столы» и другие встречи. Пора, видимо, давать обществу серьезные аналитические и публицистические книги и статьи, не ожидая памятных дат.

В целом же, по мнению А. О. Чубарьяна, историки должны предъявить себе серьезный счет — прошло уже четыре года перестройки, но значительных фундаментальных работ по наиболее острым проблемам еще не создано. Поэтому дефицит серьезных исторических исследований, которые дали бы ответ на общественные запросы, ответ, раскрепощенный от прежних догм и стереотипов и в то же время основанный на серьезной документальной базе и творческом восприятии и позитивного и негативного опыта, продолжает существовать.

В. Т. Логинов (Институт общественных наук при ЦК КПСС) в своем выступлении попытался перевести дискуссию в русло выработки конкретных мер по преодолению кризисного положения в обществоведении.

Этот кризис, по его мнению, характеризуется сегодня по меньшей мере тремя особенностями: 1) определенной утратой чувства реальности; 2) хроническим запаздыванием, а отсюда — 3) слабым воздействием на реальную политическую борьбу.

Что касается чувства реальности, то, по мнению В. Т. Логинова, историки зачастую явно недооценивают глубину и характер перемен — как позитивных, так и негативных, произошедших в историческом сознании широких масс. Речь идет уже не о том, чтобы подправить отдельные выступления некоторых публицистов, а о том, что в массовом сознании — особенно молодежи — более чем 70-летний период истории страны воспринимается порой лишь как сплошная цепь преступлений, как своего рода «уголовная хроника».

Если брать сугубо научную сторону дела, то из признания этого факта вытекает необходимость фундаментальной разработки ряда вопросов. И прежде всего — роли и места в истории человечества революционного насилия; соотношения реальной политики с нравственностью и моралью; выхода за пределы «узконационального» опыта, то есть сопоставления исторического опыта решения аналогичных проблем разными странами и «системами» в различные эпохи и, наконец, исследования самого формирования исторического процесса, который всегда складывался как конечный итог взаимодействия многих сил, а не был лишь результатом «злого умысла» тех или иных лидеров или партий.

Хроническое запаздывание историков — результат всего предшествовавшего развития нашей науки, вернее, того, во что она была превращена. И ныне наша историческая наука находится в глухой обороне. Впрочем, в окопы залегла и основная масса историков-профессионалов. Каждый лежит в своей индивидуальной ячейке и под градом пуль все ниже пригибает голову к земле.

Разве нужны какие-то новые исследования для того, чтобы противостоять попыткам возвеличить «невинноубиенного государя императора» или Столыпина? Разве в атмосфере всеобщего увлечения «красным террором» историки не могут внести свою лепту в поиски истины, рассказав хоть немного о «белом терроре» и о том социально-психологическом климате, который рождает многолетняя и кровавая война? И разве не могла заблаговременная публикация новейших документов о пакте 1939 г. смягчить остроту тех конфликтов, свидетелями которых мы были в конце августа — начале сентября 1989 года?

Из всего этого в большой мере и вытекает то печальное обстоятельство, что значительная масса историков-профессионалов оказалась как бы на обочине нынешней политической борьбы. Во всяком случае, в сравнении с влиянием публицистики «историков—неформалов» они явно проигрывают соревнование.

Существуют два пути ведения идеологической борьбы. Один — традиционный, чиновничье-бюрократический: «Рекомендовать соответствующим институтам провести научные конференции, обязать редакции исторических журналов выступить,.. указать на недопустимость,.. запретить...». Но это путь бесперспективный. Другой путь — выход на реальную арену политической борьбы, происходящей вокруг проблем отечественной истории, открытая дискуссия с представителями любых общественно-политических течений в массовой печати, на радио, телевидении, в театре, документальных и художественных фильмах.

Но для этого необходимо многое: новые жанры собственно исторической литературы, новый язык, новые формы профессионального общения, новый тип взаимоотношений со средствами массовой информации, с литературой и искусством... И прежде всего необходима собственная, личностная позиция. Сетовать в одинаковой мере на удары «справа» и «слева» — это значит закрывать глаза на главную, если хотите,— «черносотенную» опасность со стороны тех, кто пытается паразитировать на невежестве, кто не только не знает истории, но и не желает ее знать.

Кстати, выход на массовую арену позволил бы демократизировать обстановку и в самой исторической науке, избавиться от многих старых догм и дутых авторитетов, возросших на бюрократической почве. Ибо завоевать многомиллионную аудиторию, выступая «от имени» тех или иных учреждений, полагаясь лишь на высокие звания, дело сегодня безнадежное. Наметившийся уклон к превращению нашей истории в «уголовную хронику» вполне понятен. В ходе всеобщей переоценки старых ценностей он в какой-то мере даже неизбежен. И то, что не устоит под огнем критики, то обречено. Но критический анализ и плюрализм мнений плодотворны лишь в том случае, если они не носят одностороннего характера, если в общем хоре слышны разные голоса и в том числе — голос науки.

С. В. Кулешов (Московская высшая партийная школа) высказал некоторое недоумение по поводу тех акцентов, которые были проставлены в отношении публицистики, представителям которой якобы следует «давать отпор». Вопрос, наверное, должен быть поставлен в иной плоскости, а именно: кто говорит правду, а кто — неправду. Книги и статьи некоторых историков неадекватны реальным историческим и политическим процессам. И наоборот — ряд работ непрофессиональных историков содержит догадки и подходы, весьма близкие к истине. Более того — в условиях, когда на подлинное знание накладывалось вето, вырезались из исследовательских выписок в архивохранилищах «неудобные» факты, политический заказ доминировал над наукой, именно писатели и публицисты в своих произведениях нередко излагали то, что сегодня мы именуем историей с позиций нового политического мышления. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к сочинениям А. Платонова, М. Булгакова, В. Гроссмана, А. Бека, Б. Можаева и других.

Уже говорилось о путанице в работах историков, о противоречиях и нечеткости позиций. Но ведь иначе и быть не может в условиях, когда ломается старая парадигма и на смену сталинскому менталитету должен прийти новый, подлинно гуманистический. Процесс познания на переломных этапах развития общества всегда идет сложно, диалектически противоречиво, несет в себе и движение вперед и топтание на месте и даже отход на прежние позиции.

По мнению С. В. Кулешова, нынешний этап развития гласности и

демократизации объективно ставит вопрос о необходимости знать персонально корпус исследователей, принимающих участие в подготовке того или иного партийного документа. В преамбуле к принятой недавно Платформе ЦК КПСС по национальному вопросу, документе по своей политической значимости важном, говорится, что при его составлении учитывались мнения ученых. Но каких? Что было взято, чьи концепции отвергнуты, почему?

С. В. Кулешов остановился также на ленинской теме, вопрос о которой стоит очень остро. Следует «деиконизировать» Ленина: из портрета, плаката сделать его реальным субъектом политической истории. Подойти к Ленину исторически, вновь творчески перечитать его произведения без купюр, переосмыслить его деятельность с позиций нового мышления — вот задача обществоведов.

По мнению члена-корреспондента АН СССР П. В. Волобуева (председатель Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции»), вина за сумятицу в историческом сознании общества, которая принимает угрожающий характер, в значительной мере должна быть отнесена на счет обществоведов, в том числе историков. Перестройка исторической науки, бесспорно, затянулась и далека от завершения. Еще не сошли со сцены кадры застоя. И в этом плане предстоит большая работа, иначе, как полагает П. В. Волобуев, перестройку не осуществить. Это показали экономическая и другие реформы.

В последнее время академические институты и прежде всего Институт истории СССР, хотя и с запозданием, приняли участие в обсуждении сложных и острых проблем отечественной истории, сделали немало полезного; их сотрудники выступили с компетентными публикациями, что не всегда, по мнению П. В. Волобуева, можно сказать о публицистике.

В то же время обществоведы, в том числе и историки, в качестве публицистов выступают подчас не с лучших позиций. Некоторые историки до того «осмелели», что, будучи специалистами по XIX в., берутся за анализ нэпа. В «Литературной газете», например, недавно можно было прочесть о том, что февральский декрет 1918 г. о социализации земли будто бы внес раскол в крестьянство и стал чуть ли не причиной гражданской войны и т. п. Наблюдается массовое отречение былых поборников социализма и активных деятелей периода застоя от марксизма и социалистических ценностей. Иначе как предательством это не назовешь. Это сейчас приобретает широкий размах. И наоборот: те, кто были во времена застоя под ударом, сейчас оказались в числе защитников социализма.

Наступление на идеологическом фронте явственно обозначилось по линии отождествления Сталина с Лениным, сталинизма с ленинизмом, приукрашивания дореволюционного прошлого, прежде всего апологетики Столыпина, разнузданных нападок на Октябрь. Некоторые попадают под влияние таких публикаций, и стоит больших усилий, чтобы их переубедить. Необходимо поэтому четко показать разрыв Сталина с марксизмом-ленинизмом. Авторитет марксизма как общественной теории во всем мире очень высок, а мы его развенчиваем. Необходимо выработать конкретные меры идейно-политической борьбы, защиты ленинизма и социалистических ценностей.

Наметившийся в последнее время поиск альтернатив Октябрю на основе воскрешения меньшевистских взглядов представляется П. В. Волобуеву бесперспективным. Непродуктивны и обращения к Столыпину. Вызывает удивление уровень компетентности экономистов, не отличающих прусского варианта развития капитализма от фермерского.

Известны случаи, когда средства массовой информации уклоняются от борьбы с идейно порочными концепциями и взглядами. Так, еще два

года назад в издательство «Наука» была сдана и подготовлена к печати научно-популярная правдивая книга о Столыпине. Издательство сначала хотело ее пустить по «зеленой улице», но теперь дело надолго затормозилось. Видимо, кое-кто идет на поводу у незрелой части общества, наконец, у «Памяти», для которой Столыпин — национальный герой.

В последнее время многие периодические издания начали много и охотно публиковать Солженицына. Это справедливо и необходимо. Но надо видеть, что его историческая концепция, его политические взгляды должны быть подвергнуты серьезному критическому анализу. Иначе резонанс их у читателей и влияние на формирование исторического сознания общества превзойдут самые худшие ожидания.

Вызывает удивление общественности снисходительная позиция по отношению к правым радикалам, непонятная к ним терпимость. Некоторые писатели нравственные вопросы ставят правильно, но многие идеи в их публичных выступлениях и публицистике заслуживают того, чтобы отнестись к ним критически. Но этого не делается, правый радикализм, как и прежде, оказывается у нас в чести.

Как считает П. В. Волобуев, необходимо быстрое завершение перегруппировки сил на идеологическом фронте, в том числе и историков, и переход в наступление с позиций исторической правды. К этой работе следует больше привлекать молодежь. Именно в ее среде надо отыскивать новых людей и создавать условия для их плодотворной работы.

Обсуждая вопросы исторической науки, мы не можем не обратиться к сегодняшней идейной и политической ситуации в стране, отметил академик Г. Л. Смирнов (директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). И потому, что только через призму истории можно объяснить многое в происхождении нынешних явлений и процессов, и потому, что те или иные исторические оценки выступают в качестве орудия обострившейся за последнее время идейной и политической борьбы внутри страны. Атаки на партию усилились и справа, и слева. Если совсем недавно носители оппозиционных настроений считали целесообразным маскировать свои взгляды и далеко идущие цели, то сейчас они открыто ведут линию на дискредитацию Октября, Ленина, отождествляют взгляды Ленина и Сталина, объявляют несостоятельным обновление социализма как задачу перестройки, вещают о полном провале перестройки как практической политики, требуют ликвидации руководящей роли КПСС. Так, по мнению Ю. Н. Афанасьева, перестройка или утрачивает свой предмет или, может быть, еще точнее, она его никогда не обретала. А посему, дескать, надо отрешиться от этого гибрида — статус-кво перестройки.

Г. Л. Смирнов привел еще одно высказывание Афанасьева. Социализм, по словам последнего, у нас не только деформирован. Он в марксистско-ленинской своей девственности не способен к саморазвитию. Что же он предлагает взамен? Социалистическую идею он будто бы признает, но только не в русской, большевистской ее сущности. Марксистско-ленинские идеи социализма он предлагает заменить некоей смесью из учения Христа о братстве и справедливости, некоторых идей Ленина (но как же быть с неспособностью к саморазвитию?) и социал-демократии. Все это довольно невнятно с точки зрения единства этих элементов, но предельно ясно с позиций отрицания всего, что делает партия. Можно назвать ряд публикаций, которые есть не что иное, как стремление представить всю историю социалистического строительства в СССР антигуманным, разрушительным для человека процессом.

В такого рода публикациях этапы нашей истории — 20—30-е годы, Великая Отечественная война, послевоенный период и перестройка — преподносятся таким образом, чтобы не оставить у читателя никаких

положительных представлений об осуществленных преобразованиях, конструктивно-созидательной деятельности народа, роста экономики страны и культуры народа. Репрессии, преступления, ошибки, просчеты, неудачи составляют при этом не только драматические, трагические стороны исторического процесса, а исключительное и исчерпывающее содержание нашего развития и деятельности партии. Очевидно, цель поставлена такая — не оставить никакого следа в сознании людей, в памяти потомков, доказать крах дела партии, ее идеологии и политики, обосновать необходимость отстранения партии от руководства обществом. И это несмотря на то, что именно партия развернула перестройку, критически переосмыслила многие страницы истории.

Ученые не должны недооценивать разрушительную силу враждебных влияний, полагаясь на то, что сложная правда истории «сама собой» дойдет до народа.

Здесь говорили о том, что положение усугубляется, так как за исторические темы активно берутся публицисты, привнося в их трактовку излишнюю эмоциональность и некомпетентность, тогда как ученые-историки отстают в оперативности и уступают в яркости подачи материалов. Но публицистика по своим идейным позициям очень различна, поэтому говорить надо прежде всего об этих позициях. Тем более, что разные позиции занимают и историки. Однако у них то преимущество, что они лучше знают исторический материал, лучше владеют системой аргументов. Беда, по мнению Г. Л. Смирнова, состоит в том, что историки выступают редко и главным образом в научной печати. Общественно-политическая, популярная печать для них мало доступна. И первое, что надо сделать, чтобы поднять роль исторической науки в освещении узловых проблем истории советского общества и истории партии,— расширить возможности для выступлений специалистов, особенно в партийной печати. Но это вряд ли можно сделать без координации усилий историков.

Далее Г. Л. Смирнов подчеркнул, что речь не идет об отказе от плюрализма мнений. Плюрализм предполагает полемику, диалог. И это сейчас крайне необходимо. Наши же газетные и журнальные сражения больше похожи на забрасывание гранатами окопов друг друга, и в таких случаях аргументы оппонентам заведомо не нужны. Поэтому задача сейчас состоит не в урезывании плюрализма, а в усилении в плюралистической мозаике позиций марксистских, ленинских, социалистических.

Для нас также крайне важна активная разработка узловых проблем социалистического строительства, особенно в связи с перестройкой. Есть ли у нас правильные ориентиры в этом отношении? Есть. Как бы ни «старались» разные хулители нашей истории, как бы ученые по-разному ни подходили к оценке истории социалистического строительства,—несомненно, что страна развивалась под знаком воплощения социалистических идей. Но, конечно, главное состоит в том, чтобы разобраться в отступлениях от принципов научного социализма, в извращениях ленинизма, различных деформациях. Вследствие диктата в науке история понесла, может быть, самые большие потери. Поэтому историкам предстоит тщательно, на документальной основе выявить все те сложные перипетии, которые пережил народ, и рассказать об этом.

Как подчеркивал М. С. Горбачев, никто не снимает с партии вины за допущенные ошибки. Но мы не вправе перечеркивать десятилетия борьбы партии за социализм и то, что именно она начала и возглавила перестройку. Пройденный страной путь — уникальный опыт, который должен стать предметом глубокого, заинтересованного, но непредвзятого изучения и осмысления. Сложность такого познания, считает Г. Л. Смирнов, не должна быть поводом для растерянности. На каждом новом витке истории мы смотрим на события прошлого с учетом нового опыта. И было бы скверно, если бы наши представления окостенели.

В заключение Г. Л. Смирнов сказал, что требования объективности справедливы. Но мы еще раз убеждаемся, что ни литература, ни наука, ни искусство никогда не бывают зеркальным отражением жизни. В наших писаниях всегда есть позиция. Разве мы не видим, как одни и те же факты истории преподносятся то со знаком плюс, то со знаком минус. С точки зрения белогвардейской идеологии, гражданскую войну начали большевики, Ленин; с нашей точки зрения, гражданскую войну начали белые. Кто послал войска на восставший Петроград, кто расстрелял солдат 56-го полка в Кремле в дни Октября, кто развязал террор? Необходимость партийности оценок не исчезает и сейчас, поскольку появилось немало людей, которые хотят перевернуть факты истории под видом возвращения к истине.

Председатель Советской ассоциации молодых историков Е. М. Кожокин (Институт всеобщей истории АН СССР) выступил против осмысления духовной ситуации в стране в категориях идеологической гражданской войны. По его мнению, если мы хотим остаться на почве уважения к закону и к правам человека, мы не должны стремиться к победе в такой войне. Надо признать, что с людьми, идеалы которых мы не разделяем, нам предстоит вместе жить, и жить долго, а точнее — всегда.

Мы все еще никак не научимся признавать неудобные реалии. Действительное так и хочется объявить неразумным, а потому и недействительным. В стране уже произошла идейная дифференциация. Каждое из общественных течений имеет сейчас своих кумиров, своих лидеров и теоретиков.

В ситуации углубляющегося раскола необходима четкая и последовательная политика центра. И смысл ее отнюдь не в балансировании между крайностями. Именно центр должен выдвинуть идею консенсуса, который обеспечил бы сосуществование различных идейных течений. Есть ценности, которых никто не отвергает: человек, Родина, государство, народ — именно они и должны послужить основой консенсуса. Как бы нам вновь не увязнуть в борьбе! Нам нужен гражданский мир, а отнюдь не гражданская война. Отстаивать свои принципы необходимо, это ни у кого не вызывает сомнения, но увы, слишком многие не хотят считаться с не менее простой истиной, что следует уважать и чужие принципы. Ведь в конце концов мы уже поняли, что никто не является монополистом на истину. Неужели повернем вспять?

Е. М. Кожокин рассказал о том, что недавно созданная Советская ассоциация молодых историков стремится к установлению профессионального диалога с историками различных идейных ориентаций. Ассоциация позволила молодым критически оценить собственный научный потенциал. Открывшиеся благодаря созданию организации возможности публикаций, участия в научной и общественной жизни показали, что новые поколения отнюдь не застрахованы от «болезней» своих предшественников. Узость научного кругозора, отрыв от мировой науки, нигилизм по отношению к смежным отраслям знания продолжают уродовать отечественную историческую науку. Многие молодые историки до сих пор отличаются гражданской пассивностью.

Иерархическая структура построения науки и образования — аспирант, кандидат наук, доктор наук, ассистент, доцент, профессор — принуждает к осмотрительности. Нетерпимость к научному (не говоря уже о политическом) инакомыслию многих руководителей кафедр и факультетов обрекает молодых на тяжкий выбор: скрывать свои взгляды и подлаживаться или отказываться от перспектив нормальной научной и педагогической деятельности.

До сих пор, особенно в провинции, остается нерешенным вопрос о доступности архивных материалов. Преподаватели провинциальных вузов лишены возможности профессионально заниматься всеобщей истори-

ей: на местах нет необходимой иностранной литературы, за редчайшими исключениями все они лишены заграничных стажировок. Но чрезвычайно сложно заниматься и отечественной историей. Слишком высоки нормы педагогических нагрузок. И давит, давит зависимость от начальства. Журналистов худо-бедно защищает известность, они на виду. Кто и что защитит историка? Грустно бывает слушать молодого историка, который сообщает об уничтожении архивов в своем городе, но просит не упоминать его фамилию. А сведения об уничтожении неугодных или неудобных местному начальству архивов приходят то из одного места, то из другого. Последнее известие такого рода поступило из Смоленска.

В исторической науке надо менять этику отношений между старшими и младшими, руководителями и подчиненными. Иначе у нас не появится по-настоящему новое поколение историков. Надо поддерживать научную, концептуальную дерзость. Часто приходится слышать сетования на упадок интереса к теории. Но теоретиков всегда единицы. Есть они и сейчас: достаточно назвать статьи по проблемам формаций и цивилизаций А. И. Фурсова или работы о политической культуре А. М. Салмина. Появились в нашей историографии и немарксистские работы, в качестве таковых их надо и рассматривать.

Остановился Е. М. Кожокин и на проблеме национальных отношений в стране. Он считает, что национальное возрождение, переживаемое практически всеми этносами страны,— феномен длительного порядка. Национальные отношения к прежней норме не вернутся, историки должны участвовать в выработке новых форм сосуществования различных национальностей. Сейчас они к этому плохо подготовлены. Так сложилось, что в российских научных центрах изучали языки и историю всех зарубежных стран. Изучали все что угодно, только не историю народов собственной страны. Как целое ни Союз, ни Российскую империю никто не изучал. Казахи изучали Казахстан, узбеки — Узбекистан, литовцы — Литву, латыши — Латвию. Среди русских же специалистов нет людей, которые бы знали казахский либо эстонский язык. Это не просто стыдно — в этом проявляется определенное неуважение к суверенным республикам. Видимо, пора вводить подобного рода специализацию и пора в Москве изучать эти языки. Мы возвращаемся к себе, мы обретаем свой дом, но в нем мы должны быть все равными, мы обязаны знать и понимать историю и культуру друг друга, только в этом случае наш дом будет действительно общим.

Без бережного отношения к марксистско-ленинской идеологии, без тщательного обоснования теории перестройки нельзя рассчитывать на ее успех, заявил декан Исторического факультета МГУ академик Ю. С. Кукушкин. Невозможно вести перестройку под флагом деидеологизации. А между тем требование деидеологизации исторической науки стараются нам нередко навязывать путем отдельных публикаций, телевизионных передач и другими способами. Так, 28 сентября 1989 г., напомнил Ю. С. Кукушкин, по ленинградскому телевидению транслировалось заседание за «круглым столом», где обсуждался вопрос, каким должен быть школьный учебник по истории. Лейтмотивом этой передачи была деидеологизация исторической науки. И подобных примеров можно привести немало.

С одной стороны, с телевизионных экранов раздаются прямые призывы к деидеологизации исторической науки, а с другой — программы заполняются выступлениями экстрасенсов, астрологов, мастеров черной магии и т. п. Ю. С. Кукушкин считает, что в этом также состоит одно из проявлений деидеологизации. И вина за это ложится, в частности, на профессиональных историков, которые еще крайне медленно перестраиваются и мало дают духовной пищи для народа. Есть много причин, объясняющих это отставание. Так же как от экспериментатора-химика трудно ждать каких-либо открытий, если в его распоряжении не будет необходимых реактивов, так и историк не может продуктивно работать, не располагая документами, многие из которых хранятся в архивах за семью печатями. Пока у нас не будет общегосударственного законодательства об архивах, получать в них необходимые материалы будет трудно, отставание от уровня мировой науки будет беспрерывным и в конечном итоге — необратимым.

В качестве примера отставания нашей исторической науки от задач, выдвигаемых жизнью, Ю. С. Кукушкин привел изучение событий 1939 года. Если бы мы действовали более оперативно, возможно было бы снято излишнее напряжение в Прибалтике в августе 1989 года.

Ю. С. Кукушкин остановился также на проблемах преподавания обществоведческих дисциплин в высших учебных заведениях. По его мнению, несмотря на общепризнанную необходимость коренного улучшения их преподавания перестройка в данной области ведется крайне неудовлетворительно. Так, только за два дня до начала нового учебного года вузы страны получили приказ Государственного комитета СССР по народному образованию об изменениях в порядке преподавания обществоведческих дисциплин.

Столь серьезный шаг требовал, несомненно, более основательной подготовки. Следовало бы учесть и тот общественно-политический фон, на котором был произведен пересмотр набора обществоведческих дисциплин. С одной стороны, разного рода экстремисты на своих митингах поднимают лозунги «Долой КПСС!», а с другой — издается приказ Госкомитета СССР по народному образованию, в котором содержится предложение освободить учебные планы от преподавания истории КПСС как специальной дисциплины. Этот приказ оставляет нерешенными многие другие вопросы: что будет, например, с кафедрами и отделениями истории КПСС? Студенты, обучающиеся на этих отделениях, задают вполне естественный вопрос, что они будут делать после завершения обучения, какова у них трудовая перспектива.

По мнению Ю. С. Кукушкина, наиболее верный путь не в изменении названий преподаваемых дисциплин, а прежде всего в качественном улучшении состава педагогов. Плохой преподаватель истории партии будет еще хуже преподавать новый для него предмет. А кто, где и как будет готовить новые кадры квалифицированных преподавателей нового набора обществоведческих дисциплин, пока еще до конца не ясно.

Как полагает Н. Н. Митрофанов (первый заместитель начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР), освещение многих исторических коллизий, ориентация творческой, научной интеллигенции на скорейшее восстановление во всей полноте «пропущенных» страниц истории советского общества имеют немало общего с аналогичными устремлениями второй половины 50-х — первой половины 60-х годов. Однако имеются и различия, одно из которых весьма существенно. Стирание «белых пятен», восстановление в правах запретных некогда имен сопровождалось ранее, как правило, введением в оборот данных из архивных документов. Ныне количество открываемых первоисточников сравнительно невелико. Исторические факты, в частности, касающиеся жизни и деятельности тех, кто оставил заметный след в политике, науке и культуре страны, зачастую заимствуются не из архивных дел, а из книг и журналов, лежавших ранее в спецхранах, и из ставших доступными иностранных изданий.

Углубление процессов перестройки, рост потребностей общества и специалистов в полной и достоверной информации о различных этапах нашей истории выдвигают перед наукой и архивистикой ответственные задачи по расширению источниковой базы исследований, улучшению информации о ней, более четкому выявлению просветительско-образова-

тельного назначения знаний о прошлом. Одним из важных направлений этой работы стало рассекречивание архивных документов, снятие необоснованных ограничений допуска к ним.

За последние два года государственные архивы страны сняли ограничение с доступа к материалам, засекреченным в 30—60-х годах. Продолжается работа по рассекречиванию фондов, поступивших в государственные архивы в 60—70-х годах. К настоящему времени сняты ограничения и гриф секретности с более чем 5,5 млн. дел. Полностью открыты, в частности, хранящиеся в ЦГАОР СССР материалы, поступившие из Праги в 1946 г. в составе Русского заграничного исторического архива (около 100 тыс. дел), сосредоточившего материалы белой эмиграции.

Высказываемые порой упреки по поводу «закрытости» архивов относятся на счет ведомственных хранилищ. От медленного устранения ведомствами препон на пути использования документов нередко страдает совместная работа архивных учреждений и институтов АН СССР. Так, по этой причине не сдан в производство второй том серии «Промышленность и рабочий класс СССР. 1946—1975 гг.», охватывающий 1951—1958 гг., приостановлена подготовка следующего за ним сборника. Н. Н. Митрофанов считает, что исправлению несообразностей, накопившихся в течение длительного времени в работе с архивными документами, будет содействовать подготавливаемый сейчас закон об архивах. На основе всестороннего анализа практики научно-публикаторской работы, ее актуальных задач и перспектив в настоящее время вырабатываются конкретные предложения о сотрудничестве архивных учреждений с Институтом истории СССР АН СССР по подготовке публикаций документов.

Проведена значительная работа по отбору и археографическому оформлению документов центральных государственных архивов, отражающих общность исторических судеб народов страны и историю советского национально-государственного строительства. Обсуждение основных направлений и форм сотрудничества в области использования архивных документов, проведенное совместно с руководством Отделения истории АН СССР, институтами АН СССР показало насущную необходимость увеличения возможностей публикации документов и реализации программ улучшения положения с выпуском научно-справочных изданий госархивов.

Главархив СССР заинтересован во всестороннем укреплении и развитии сотрудничества с научными учреждениями по широкому кругу действий, служащих обеспечению перестройки в исторической науке, выполнению ею своих образовательных и воспитательных функций. Необходимой мерой, как полагает Н. Н. Митрофанов, должна стать разработка с участием ведущих научно-исследовательских учреждений долгосрочной программы публикации источников, отвечающей потребностям комплексных программ исторических исследований и широкой популяризации исторических знаний.

В число публикаций крупных комплексов документов должны быть включены сборники, пополняющие базу исследований по истории Октябрьской революции, первых десятилетий Советской власти (протоколы заседаний СНК, СТО, ВСНХ, Госплана, документы Реввоенсовета СССР, протоколы и постановления Всероссийских и Всесоюзных съездов Советов и др.). Существенное внимание нужно уделить публикации материалов о поиске путей экономического развития страны, реализации нэпа, по истории кооперации и хозрасчета, о разработке и выполнении первых пятилетних планов. Необходимо, чтобы развитие работы по публикации документов сопровождалось изменением отношения ряда ведомств (Госплан, Министерство внешних экономических связей, Госкомстат и др.) к снятию ограничений на использование материалов, хранящихся в государственных архивах.

Реализация программы публикации источников, создания автоматизированных банков данных об архивных документах требует радикального совершенствования материально-технической базы архивной службы. Необходимо оснащение ее средствами вычислительной техники и информатики, создание автоматизированных информационно-справочных систем, машинных банков и массивов конкретно-исторических данных, широкое использование персональных компьютеров. Это позволит на адекватном технологическом уровне включаться в исследования историков капиталистических стран, проверять их результаты, обмениваться информацией на основах взаимности. Удовлетворение потребностей в достоверной информации с помощью ЭВМ может стать существенным компонентом деятельности, направленной на культивирование аналитического подхода к познанию пройденного страной пути.

Член-корреспондент АН СССР В. А. Куманев (заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР) говорил о важности формирования исторического сознания общества. Именно из-за его низкого уровня дилетантские безответственные выступления в массовой печати имеют, к сожалению, столь широкий резонанс и дают печальные всходы. Истоки незнания истории следует искать в средней школе, где главным образом и формируется историческое сознание. А низкий уровень учебников, да и преподавания предмета — общеизвестен. Отсюда и столь плачевный результат.

Говоря о необходимости выступлений специалистов перед массовой аудиторией, использования такого важного канала общественного воздействия, как Центральное телевидение, В. А. Куманев отметил, что некоторые передачи, программы подготовлены хотя и эффектно, но в целом поверхностно и непрофессионально. А это вызывает у людей, знающих историю, не только досаду, но и протест. История требует бережного к себе отношения, недопустимы ни огульная критика, ни идеализация тех или иных явлений или событий.

Сейчас в печати можно, например, встретить намеки на то, что Февраль 1917 г.— это истинно демократическая революция, на которой-де и нужно было остановиться, хотя кардинальные вопросы (о земле, мире и т. д.) ею решены не были, а опасность надвигавшейся военной диктатуры была суровой реальностью. Вообще в наше время под флагом плюрализма говорится немало такого, что требует немедленного реагирования обществоведов. В частности, хотелось бы гораздо чаще видеть на экранах телевизоров историков.

Касаясь идеи созыва Всесоюзного совещания историков, В. А. Куманев сказал, что считает это преждевременным. К тому же громоздкие многоликие совещания мало эффективны. Это — вчерашний день. Он внес предложение о проведении совместного делового совещания гражданских историков и историков партии (таких совместных встреч, по сути дела, не было) для обсуждения актуальных проблем и поисков путей выхода из того тяжелого положения, в котором находится сейчас историческая наука.

Крайне неотложным, по мнению В. А. Куманева, является создание для исторических журналов «режима наибольшего благоприятствования»: ведь сегодня именно им принадлежит ведущая роль в раскрытии «белых пятен», изложении новых подходов в оценке тех или иных явлений и фактов прошлого, в публикации источников, освещении опыта мировой историографии, а без глубокого и всестороннего усвоения достижений зарубежной исторической науки мы обречены на еще большее отставание. Призыв исторической общественности создать научно-популярный массовый журнал по истории (подобные журналы имеются в большинстве цивилизованных стран), к сожалению, так и не был услышан, если не считать «высокого решения», оставшегося на бумаге.

В. В. Журавлев (заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) отметил, что многообразие, несходство, а часто и антагонизм идей и представлений в области истории КПСС и советского общества сыграли свою позитивную роль, обеспечили успешность внедрения плюрализма мнений в эту область обществоведения, стали важным условием слома многих догматических стереотипов, обеспечения раскованности мысли исследователей и публицистов. В ходе проникновения плюралистического образа мышления в процессы познания прошлого партии и страны наметились, однако, далеко не однозначные тенденции.

Если попытаться выделить наиболее существенное из того, что определило необычайно сильный всплеск интереса самых широких кругов общественности к истории советского общества, то его можно сформулировать так: неудовлетворенность настоящим. Имеется в виду то настоящее, которое вытекает из эпохи застоя, является его следствием и результатом. Эта неудовлетворенность, будучи «опрокинутой в прошлое», породила вал новых подходов и истолкований истории КПСС и советского общества. Они столь же многообразны и порой причудливы, сколь многоцветна палитра претензий различных групп и слоев общества к его нынешнему состоянию, уровню развития, сложившимся в прошлом политическим и иным социальным структурам.

В этих условиях нагнетание эмоций вокруг ключевых проблем послеоктябрьской истории объяснимо. Плюрализм массового исторического сознания, пожалуй, закономерно принял формы плюрализма настроений, от которого постепенно стал отпочковываться плюрализм тех или иных политических амбиций. В последнем случае истолкование прошлого все больше начинает принимать характер открытой, можно сказать, нарочитой тенденциозности. Отсюда — нападки на ленинизм «слева» и «справа», неприятие Великой Октябрьской социалистической революции, стремление увидеть «упущенный исторический шанс» во все более далеком прошлом, даже за пределами Февраля 1917 г. (столыпинская реформа и т. д.).

Задачи перестройки исторической науки сегодня, естественно, выходят за рамки решения комплекса чисто профессиональных проблем. Они составляют органическую часть процессов совершенствования концепции перестройки, ее идеологических основ. Социальная потребность в осмыслении действительных, а не мнимых, иллюзорных, тенденций и закономерностей послеоктябрьского развития возросла необычайно. И эта потребность не имеет ничего общего с конъюнктурой. Вот почему историки-профессионалы, как представляется, должны сделать все возможное для весомого, аргументированного противопоставления плюрализму эмоций и политических претензий многообразия иного рода, а именно — плюрализма строго научных мнений.

Здесь говорилось о консенсусе. Тяга к нему движет любое истинно научное познание. Но его достижение предполагает идейную принципиальность, взаимную требовательность и добросовестность всех стремящихся к сближению сил. Думается, что сегодня уже можно назвать научный коллектив, который в острых дискуссиях в ходе напряженной работы стремится к такого рода консенсусу. Речь идет об авторском коллективе «Очерков истории КПСС», вобравшем в себя на альтернативной основе специалистов по истории КПСС и гражданской истории из самых различных научных коллективов страны. Этот коллектив близок к тому, чтобы представить на суд общественности свои первоначальные разработки, материалы к будущему труду. Это — итог кропотливого анализа большого круга источников, в том числе и впервые вводимых в научный оборот, определенный шаг на пути к новой концепции истории КПСС.

Чрезвычайно необходимо сейчас, полагает В. В. Журавлев, возможно быстрее опубликовать эти исследования в виде серии специальных выпусков и организовать их широкое, взыскательное и демократическое обсуждение. Оно могло бы и должно стать важным этапом в перестройке исторической, историко-партийной науки.

В заключение В. В. Журавлев поддержал предложение о проведении рабочего совещания историков партии и гражданских историков для обсуждения накопившихся проблем развития исторической науки.

О задачах созданного около года тому назад с целью подготовки «Очерков истории КПСС» авторского коллектива рассказал доктор исторических наук В. П. Наумов. В этот коллектив вошли ученые ряда исследовательских учреждений Москвы и Ленинграда. Среди них не только известные в стране ученые, но и молодые исследователи, заявившие о себе в последние годы интересными публикациями. Авторский коллектив не ставит перед собой цель создать новый катехизис, новый «Краткий курс» — перед ним стоит задача разобраться в научных проблемах истории КПСС. Поэтому в «Очерках» найдут отражение самые различные точки зрения, версии, гипотезы по отдельным проблемам, но этот труд будет лишь научным ориентиром для дальнейшего исследования истории партии и советского общества.

Работа авторского коллектива организована на конкурентной основе. В адрес его поступили соображения и пожелания относительно как структуры готовящегося издания, так и освещения отдельных вопросов. К сожалению, таких обращений пока еще не так много. Готовые тексты взыскательно и заинтересованно обсуждаются всем авторским коллективом. Дискуссии бывают содержательными и острыми, проходят на высоком научном уровне.

Первые две книги, охватывающие дооктябрьский период, готовятся к публикации для широкого обсуждения общественностью. Предполагается, что они увидят свет уже в первой половине следующего года. Завершается работа над книгами, посвященными Октябрю и гражданской войне. Наряду с «Очерками» будут изданы и документы по соответствующим периодам истории КПСС. В этих публикациях будут представлены и те материалы, которые ранее не были известны широкому кругу ученых. В. П. Наумов выразил надежду, что публикация такого рода документов, уже осуществляемая в журнале «Известия ЦК КПСС», будет расширена.

Ю. А. Щетинов (Исторический факультет МГУ) коротко остановился на двух вопросах. Первый из них касается организации исторических исследований в современной ситуации. Здесь надо идти не от научных учреждений, а от людей, отдельных ученых, в том числе преподавателей высшей школы. Не секрет, что за последние десятилетия многие историки по разным причинам утратили интерес к работе с архивными материалами. В большой степени это коснулось и сотрудников академических институтов, а также ИМЛ при ЦК КПСС, имевших максимально широкие возможности для научных разысканий. Работа же в архивах, как известно, отличается исключительной трудоемкостью и требует много времени. Поэтому не следует ожидать, что исследователи, обратившиеся к архивам лишь в годы перестройки, сумеют быстро подготовить на основе хранящихся там документов новые книги.

В то же время в вузах имеются профессиональные историки, энтузиасты своего дела, которые, преодолевая бюрократические барьеры и запреты, отказываясь от своих отпусков, на протяжении многих лет изучали архивные фонды, в том числе по привлекающей сегодня всеобщее внимание политической истории советского общества. Но, как правило, эти ученые не могут оперативно проанализировать накопленные ими материалы из-за большой загруженности учебными делами. Поэтому, по мнению Ю. А. Щетинова, сейчас целесообразно обратиться к такой форме

организации научно-издательской работы, как партийный заказ. Следует найти этих людей и, выяснив их возможности, поручить им в краткие сроки подготовить к публикации работы по острым и актуальным вопросам истории советского общества, в первоочередном освещении которых, честном и правдивом, нуждается как партия, так и общество в целом. Понятно, что на какое-то время их надо полностью или частично освободить от учебных занятий.

Второй вопрос — об издании документов. В обществе обозначился живой интерес к подлинным документам, отражающим прошлое, особенно динамичные и нередко остродраматические процессы и события первых послереволюционных десятилетий, наложившие серьезный отпечаток и на нынешний день страны. В этой обстановке, как представляется Ю. А. Щетинову, необходимо без промедления издать массовым тиражом сборник документов и материалов в двух или трех томах по политической истории нашей страны начиная с февраля 1917 г. и кончая хотя бы серединой 30-х годов. В таком сборнике должны найти место не только документы руководящих партийно-большевистских и советских органов, но и программные документы российских буржуазных и социалистических партий, течений, группировок. Важное место в сборнике следует отвести научно-справочному аппарату — вступительной статье, предисловиям к разделам, комментариям. Сборник должен дать емкую и четкую характеристику социально-экономической и политической обстановки в стране, расставить верные в методологическом плане ориентиры для читателей, целенаправленно вести их от одной группы документов к другой, выявляя внутренний драматизм и жесткую логику политической борьбы по проблемам социалистического строительства.

Подобный сборник, по мнению Ю. А. Щетинова, будет в состоянии удовлетворить стремление многих людей, прежде всего молодежи, самостоятельно разобраться в истории своей Родины, проследить разработку Коммунистической партией генеральной линии строительства нового общества в острейшей борьбе с противниками социализма, нарастание деформаций в советском обществе, оценить те альтернативы развития страны, которые выдвигались тогда различными политическими силами. Этот сборник может стать также пособием в изучении истории в средней и высшей школе, позволит придать занятиям со студентами и школьниками дискуссионный, творческий характер, которого так недостает сейчас.

Подводя итог состоявшегося разговора, В. А. Медведев подчеркнул, что прежде всего можно констатировать общую озабоченность состоянием идеологической обстановки, работой обществоведов, в частности историков. Очевидно, всем ясно, что и современная идеологическая ситуация, и ее проявления в сфере исторического сознания не оставляют другого выхода, кроме необходимости начать большую серьезную работу.

На совещании проявилось разнообразие взглядов и точек зрения. Одни его участники подчеркивали опасность со стороны правых радикалов, другие, напротив, говорили об опасности «слева». Видимо, это реальность, от которой нам не уйти. И здесь важно занять верную позицию, вести линию, которая не уводила бы нас ни в ту, ни в другую сторону. Такая линия есть. Она обозначена и не раз излагалась, в том числе и относительно оценок прошлого. Участники совещания говорили о необходимости проявления большей решительности, большей инициативы в отношении крайностей. В. А. Медведев отметил, что это правильно и что такая линия проводится — линия ясная, недвусмысленная. Другое дело, что, отмежевавшись от каких-то неприемлемых взглядов, мы не должны отталкивать носителей этих взглядов, как это делалось раньше.

Можно согласиться с выступавшими, что, ведя линию на консолидацию, диалог, товарищескую дискуссию, надо стремиться к достижению консенсуса. Но здесь есть и определенные пределы. Мы как коммунисты

должны хорошо это понимать. Прозвучало мнение, что победа в идеологической борьбе невозможна. Наверное, какими-то выступлениями, статьями трудно заставить человека думать иначе. Но это не значит, что не должно быть ориентиров в идеологической дискуссии. Это не значит, что консенсус должен достигаться на беспринципной основе.

Надо отстаивать принципиальные позиции Ленина, Октябрьской революции, социалистического выбора. Тут не может быть уступок. Хотя и к Ленину должно быть реалистическое отношение, и здесь необходим конкретно исторический анализ. Нельзя поправлять Ленина, подгонять его взгляды и действия под нынешние эмоции и концепции.

Итак, есть широкое поле для исторических исследований, дискуссий, а они, по-видимому, будут еще более жаркими. Следует иметь в виду, что нас ожидает ряд публикаций, которые дают собственную версию истории. Речь идет, в частности, о произведениях Солженицына. Разделяя ленинскую мысль о возможности и даже необходимости публикаций не только тех, кто разделяет наши взгляды, но и тех, кто выступает с противоположных позиций, не надо забывать другой его мысли о том, как важно не оставлять без внимания идейно-политическую сторону таких произведений.

В общем нужна взвешенная и достоверная позиция специалистов-историков. И надо, чтобы она присутствовала не только в исследованиях, но и, скажем, на телевидении. В условиях провозглашенного плюрализма мнений нередко на практике получается так, что излагается лишь одна точка зрения, а другая полностью отсутствует. Так что надо, не нанося ущерба гласности, не отталкивая способных людей, а работая с ними, утверждать подлинный плюрализм мнений, достигать консенсуса на принципиальной основе.

Вот главная проблема: как нашу озабоченность, нашу позицию вывести из узконаучной сферы на широкое общественное поприще, как сделать, чтобы, скажем, журналы, которые заполнены подчас односторонними оценками, предоставляли свои страницы и для выражения других взглядов. И здесь ответственность историков не менее велика. Нельзя оставлять без ответа ни одного выступления, которое вносит сумятицу, путаницу, а то и просто антиисторично, противоречит объективным истинам. При этом ни в коем случае нельзя ослаблять внимание и к фундаментальным исследованиям, потому что основы закладываются именно в них.

Наступил очень важный момент, сказал в заключение В. А. Медведев, время серьезной работы. Настоятельная просьба и призыв к историкам и обществоведам — быстрее выходить на политическую арену, активнее участвовать в нашем общем деле перестройки.

СТАТЬИ

ЕЩЕ РАЗ О МАСОНСТВЕ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Л. Хасс

Интерес, проявляемый в последнее время советскими историками к масонству в России, особенно «новому», то есть масонству первых двух десятилетий XX в.,[1] не случаен. Он вызван, во-первых, тем, что советская историография в течение более полувека вообще не интересовалась этим общественным явлением, а существование «нового» масонства замалчивала. В «Советской исторической энциклопедии» справка об этом общественном движении заканчивается сообщением о его запрете 1(13) августа 1822 года. В 70-х годах впервые в популярной книге, насколько исторической, настолько же политической и сенсационной, появились конкретные сведения о «новом» масонстве[2]. В серьезнейшем труде русской эмигрантской историографии лишь вскользь упомянуто о существовании масонства в России в начале XX в., с эпитетом «карбонарское», что должно было подчеркнуть его немасонскую природу[3]. Молчание советской историографии, даже и сталинских времен, не совсем понятно, эмигрантской же, особенно в межвоенный период, объясняется довольно просто: тема затрагивала лиц, либо проживавших в СССР, где за былую принадлежность к ложе их могли репрессировать, либо занимавших видные места в общественной и политической жизни эмиграции, и причастность к масонству могла быть использована их противниками в эмиграции.

«Русский масонский вопрос» неоднократно служил определенным политическим целям. И в советской историографии, начиная по меньшей мере с 70-х годов и по сей день, обращение к истории масонства, особенно русского, начала XX в. для многих пишущих служит лишь оружием в политической борьбе, и именно это является вторым источником интереса к «королевскому искусству», как масоны иногда называли свое движение. Появилось довольно много литературы — от публицистических статей в духе авторов журнала «Наш современник»[4] до научно-историче-

ХАСС Людвик — профессор Института истории Польской Академии наук.

[1] См. Соловьев О. Ф. Масонство в России.— Вопросы истории, 1988, № 10; Старцев В. И. Русские масоны XX века.— Там же, 1989, № 6.

[2] Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 г. М. 1974. Одну из первых острых дискуссий со взглядами автора см.: Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М. 1979, с. 303–305.

[3] Bakounine T. Répertoire biographique des francs-maçons russes (XVIII-e et XIX siècles). Bruxelles. 1940, pp. XVIII–XIX. Другой автор хранит полное молчание о «новом» русском масонстве (Bouryshkin P. Bibliographie sur la franc-maçonnerie en Russie. P. 1967).

[4] См. Гульбинский Н. Восхождение к «Краткому курсу».— Огонек, 1989, № 23, с. 24.

ских или полунаучно-исторических брошюр Н. Н. Яковлева, В. Я. Бегуна[5] и прочих, не говоря уже о небылицах на сложнейшую тему мирового масонства межвоенного и послевоенного периодов[6].

Такие «приобщающиеся к политике» авторы относятся к масонству в целом, к его отдельным ложам и к их объединениям в масштабе какой-либо страны (обедиянсам), как к организации заговорщической, идейно и политически строго централизованной во всемирном масштабе или хотя бы в масштабе одной страны. На самом деле, по своей сущности масонство является свободным союзом отдельных лиц, в какой-то степени даже индивидуалистов. Иерархический же организационный принцип, даже в системах высших степеней, по всей видимости, играет весьма второстепенную роль. Так же огромен диапазон идейных расхождений внутри этого движения[7]. Обо всем этом можно прочитать в богатейшей западной научной литературе о масонстве. Поэтому жалко выглядят все еще появляющиеся рассуждения о «масонско-сионистском заговоре против человечества» или более «приличные» — о каком-то постоянном особом «масонско-империалистическом заговоре» против всех прогрессивных стран и движений. Отголоски таких «суждений», неоднократно подвергавшихся справедливой критике, иногда встречаются и в трудах советских историков. В этом и обыкновенная ошибка и дань неизжитому, старому положению об «истории — служанке политики», притом понятому вульгарнейшим образом.

Историческая истина и общественно-интеллектуальное здоровье требуют, чтобы такие взгляды и подходы к прошлому масонства стали уже вчерашним, не очень славным днем советской историографии. Но сегодняшнее состояние ее «масонской области» еще далеко не позволяет успешно строить большие «концептуальные» статьи о русском «королевском искусстве» начиная с первых дней его существования по октябрь 1917 г. и далее. Не стоит, наверное, ни слишком торопиться с закрашиванием этого «белого пятна», ни соперничать в том, кто сколько лет этим занимается. Ведь при таком споре остается открытым вопрос: как занимался, какого качества красками пытался это «пятно» закрасить.

Именно в наши дни необходим, как никогда раньше, спокойный и взвешенный подход к разбираемой теме, не «разоблачение», а объективный анализ. Поэтому сейчас необходимо прежде всего уделить глубочайшее внимание источниковедческим, методологическим и методическим вопросам истории русского масонства, особенно первых десятилетий XX века. Необходимо также тщательно ознакомиться с особенностями масонской организационной структуры, специфической риторикой и историей этого движения в других странах. Лишь такое предварительное изучение вопроса может уберечь от некоторых заключений, вроде того что французские ложи охотно открывали свои двери для выходцев из России ради далеко идущих политических расчетов французского империализма. При этом упускается из виду то обстоятельство, что те же

[5] Яковлев Н. Н. Ук. соч.; Бегун В. Я. Рассказы о «детях вдовы». Минск. 1983. Последний автор, в частности, сообщает, что известный гонитель масонства Б. Муссолини был масоном 33-й степени (с. 67), то есть высшей степени шотландского устава, но источника этой сенсационной информации не называет.

[6] В этой области можно наткнуться на головокружительные открытия, вроде того, что «в формировании и идеологии национал-социализма... масоны сыграли не последнюю роль» (Якименко Н. В лабиринтах масонства.— Литературная газета, 1984. № 14). Доказательством, пишет этот автор, служит принадлежность К. Хаусхоффера к «масонской секте «Туле». Однако «Туле» была основана австрийским антисемитом и великогерманским националистом Р. фон Зебальтендорффом и являлась тайной немецкой шовинистической организацией, выступавшей против масонства (Peters B. Geschichte der Freimaurerei im Deutschen Reich, 1870–1933. Brl. [1986], S. 124; Phelyss R. B. Before Hitler Came: Thule Society and German Orden.— Journal of Modern History, 1963, vol. 35).

[7] Например, масонами были президент США Гарри С. Трумэн и чилийский сенатор, позже президент, Сальвадор Альенде Госсенс.

ложи и тогда и ранее так же охотно привлекали к своей деятельности выходцев из любой другой страны, если по уровню образования и идейным взглядам они не слишком отличались от французских собратьев. Денежная же помощь, которую ложи предоставляли своим русским членам, не была (вопреки утверждению того же автора) явлением повседневным и тем более не давала им «возможности безбедного существования» [8].

И Соловьев и Старцев относятся к масонству как к сугубо политической организации или широкому движению, имеющему политический характер («политическое масонство»), что далеко не верно. Умеренным вариантом этих манипуляционных приемов вокруг проблем истории масонства является выделение в нем в качестве главного течения так называемого политического масонства. Таким путем насаждается представление о существовании этого надуманного «политического масонства» якобы наряду с истинным масонством, занимавшимся отвлеченными вопросами. По существу же последовательное исповедование принципов гуманизма и терпимости — основополагающих принципов масонства как учения — если не сводить их к пустой фразе, было равносильно занятию каждым его представителем своей политической позиции по отношению к принципиальным вопросам современности. Это не означало, однако, принятия масонами как организацией той или иной конкретной партийно-политической точки зрения. Именно поэтому и могло масонское руководство определенной страны (например, Великий Восток Франции) в решающие моменты ставить вопрос о координации действий более или менее близких себе политических группировок и влиять через своих членов на поведение этих группировок. Но масонская организация, именно из-за политической неоднородности своих членов, не углублялась в такие подробности повседневной политической деятельности, т. е. «текущей политики», как, скажем, формирование персонального состава каких-либо правительственных учреждений. Вовсе не политика прежде всего притягивала к масонству. Это относится и к России XX века. Ведь даже здесь после 1905 г., когда масонство начало возрождаться, имелось достаточно политических организаций и партий, в которых желающие действовать на политическом поприще имели возможность давать выход своей энергии. Следовательно, не политическая деятельность прежде всего притягивала людей к ложам. К ним принадлежали как политические деятели разных группировок и мировоззрений (кроме крайне правых и клерикалов), так и лица разных вероисповеданий, агностики и даже атеисты; многие из членов лож не очень активно участвовали в политике или вообще были к ней равнодушны. При таком членском составе отдельные ложи, а тем более целые обедиансы («Великие Востоки», «Великие Ложи» и т. п.), не могли принимать, не рискуя развалом, обязательных для своих членов решений, касающихся текущей политики. Они высказывались (но не всегда и не все) лишь в поворотные моменты жизни страны по ее надпартийным, жизненно важным, принципиальным вопросам.

В общем и целом масонская организация была прежде всего местом, где могли встречаться и общаться без предвзятости, в атмосфере взаимного доверия, сторонники всех оттенков либерального мировоззрения, от беспартийных приверженцев его консервативного крыла до крайних буржуазных радикалов и близких к ним умеренных левых. Именно в ложе приверженцы и даже члены порой враждующих между собой группировок иногда впервые знакомились, некоторые становились друзьями. В царящем здесь духе доверия идейные и политические противники могли искренне и без подвохов обмениваться мнениями, не обходя и спорных вопросов. В итоге некоторые убеждались в возможности совместных действий (несмотря на различия в партийной принадлежности и политических точках зрения) в определенных областях общественной жизни и иногда, вместе с близкими себе не-масонами, основывали различные общества, не преследовавшие узко политических целей. Считать эти общества масонскими, исходя из обстоятельств их возникновения, было бы грубейшей ошибкой [9]. Но нельзя также упускать из виду, что поскольку масоны играли в этих обществах руководящую роль, масонство могло в определенные моменты использовать их в своих целях.

[8] Соловьев О. Ф. Ук. соч., с. 13.

Иногда члены разных политических группировок, знакомые по ложе, приходили к общим, не согласованным со своими партиями выводам, которые они потом пытались распространить и осуществить довольно широко — через общественные организации, прессу и т. д. Некоторые масоны, как и любые лица, придерживающиеся в каком-то отношении одинакового мнения, совместно действовали на определенных участках общественной жизни, в различных организациях и союзах, но из этого не следует, что это была масонская деятельность и что они вели ее по поручению ложи. Тут обязательна исследовательская осмотрительность. Известно, что для ведения переговоров, даже и на международном уровне, если стороны заинтересованы в их успешном завершении, желательно направлять деятелей, уже знакомых между собой. По этой причине в качестве представителей сторон в переговорах часто участвовали лица, являвшиеся масонами. Все это позволяет рассматривать масонство скорее как организацию параполитическую. Его общественный вес обусловливался не столько деятельностью его лож, сколько личной деятельностью их членов. Следовательно, одна из первоочередных задач историка «королевского искусства» — установить, кто, когда и к какой ложе принадлежал.

Решение этой, казалось бы, совсем несложной задачи надо начать с анализа источников, которыми мы располагаем, и — на этой основе — точного установления фактов. Не все тут обстоит благополучно. Ведь неопровержимым доказательством принадлежности к ложе являются только членские списки лож и другие масонские документы. Ввиду того, что, по всей вероятности, мы не располагаем архивными материалами русского масонства, особый вес приобретают немногочисленные подлинные документы, находящиеся в богатейших архивных коллекциях «Великого Востока» и «Великой Ложи» Франции (преимущественно хранимые сейчас в отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже) [10]. Эти документы относятся исключительно к прогрессивному течению русского масонства (организационно не зависимого от других его течений), связанному в то время с «Великим Востоком Франции». Вероятно, кое-какие сведения находятся в менее доступных архивах масонских обе-

[9] Соловьев, например, считает, что созданные в сентябре 1909 г. в Петербурге легальный клуб «Образование» и немногим позже в Москве «Общество единения народностей России» были простым продолжением деятельности лож, только что закрытых по решению центрального масонского руководства (Соловьев О. Ф. Ук. соч., с. 18–19). Эту версию повторил без каких-либо оговорок Старцев (Старцев В. И. Ук. соч., с. 36). Но ей отчасти противоречит то обстоятельство, что во время основания упомянутых обществ ложи, вероятно, еще не были закрыты. Это произошло, как сообщает самый ранний источник, единственный, указывающий относительно точную дату, только в декабре 1909 г. (Freemasonry in Russia.— The New Age Magazine, 1923, № 5, p. 315). Кроме того, в руководстве обществ и, по-видимому, среди их основателей были не-масоны, вроде А. Н. Брянчанинова.

[10] Опубликованные Б. Элькиным документы (Elkin B. Attempts to Revive Freemasonry in Russia.— The Slavonic and East European Review, 1966, July) находились в канцелярии «Великого Востока Франции» в Париже (на них видны ее печати с датой их поступления) в деле двух первых русских лож. Каким-то образом все материалы этого дела оказались в частном владении Элькина, потом в коллекции Б. Тикстона (Париж), а после его смерти в 1982 г. они, вероятно, были переданы в архив «Великой национальной ложи Франции» или в ее русское отделение — ложу «Астрея» (Париж).

диясов других стран Запада. Но, рассеянные по многим хранилищам и делам, они не могут быть, как и во французских коллекциях, предметом систематического поиска и попадают к исследователю только случайно. Так же обстоит дело и с заметками в многоязычной масонской прессе до 1918 г., в которой упоминаются по разным поводам русские масоны.

Историк обязан отличать организационные масонские документы в строгом смысле этого слова от всяких других масонских бумаг, вроде докладов на заседаниях лож, заметок и т. п. К обнаруживающимся в таких источниках сведениям о масонстве тех или иных лиц обязателен сугубо критический подход [11]. Это требование относится и к часто в последнее время цитируемой «Записке Кандаурова» [12]. Из воспоминаний (и переписки, содержащей воспоминания) достоверными в вопросе о принадлежности к ложе следует считать только воспоминания масонов, причем лишь относительно того времени, когда авторы сами участвовали в «королевском искусстве». Сведения, касающиеся более раннего времени и поэтому являющиеся пересказом услышанного, очень часто неточны, нередко основаны только на догадках пишущего или лица, ему рассказывавшего.

Некоторые исследователи находят целесообразным привлекать в качестве источника русскую антимасонскую литературу, включая эмигрантскую, ссылаясь на содержащиеся в ней сведения, подтвержденные обнаруженными позже масонскими документами. Однако эти подтверждения черпались в основном из западных, главным образом французских, антимасонских журналов и брошюр, которые перепечатывали их из разнообразных официальных масонских изданий, в свое время недоступных не-масонам, добавляя попутно собственные догадки, домыслы, иногда — сознательную ложь. Русские антимасоны все это — и истину и выдумки — черпали оттуда и обогащали плодами собственной извращенной политической фантазии [13]. В настоящее время, когда эти масонские первоисточники стали по большей части доступны историкам, вероятно, теряет всякий смысл обращение к русской антимасонской публицистике.

Мы располагаем только четырьмя самостоятельными воспоминаниями русских масонов периода до 1918 г., в которых перечислены фамилии их товарищей по ложе: Д. И. Бебутова [14], Н. В. Некрасова, Л. А. Велихова [15] и Л. К. Чермака [16]. В источниках «вторичных», то есть в заметках авторов, которые верно передали сообщенное им масонами периода до 1918 г., можно обнаружить фамилии еще нескольких тогдашних русских приверженцев «королевского искусства» [17].

Таким образом нам известны: а) из документов «Великого Востока Франции» — 49 русских масонов, действовавших в России (в том числе 41 — из документов, опубликованных Элькиным); 4 (не упоминающиеся у Элькина) — из документов «Великой Ложи Франции»; б) 60 — из вышеупомянутых достоверных воспоминаний. Заметим еще, что в них попадается, кроме того, ряд фамилий, известных из документов, некоторые же другие встречаются в воспоминаниях более чем одного автора. Всего, следовательно, известны фамилии 113 масонов. При их общем числе в 1907—1917 гг. 400—450 человек, это составляет свыше 25% [18] (а если принять максимальное число — около 600, то до 20%). Несколько русских, принятых в масоны за границей, не участвовали в деятельности лож в России [19]. Из масонов-женщин нам известна лишь одна — Е. Д. Кускова.

Очередной задачей можно считать составление полного списка русских лож, действовавших в 1907—1917 гг., или хотя бы списка местностей (регионов), где существовала хотя бы одна ложа. Известно, что в начале 1909 г. в Петербурге работали три ложи (среди них «Полярная Звезда»), в Москве — две (в том числе «Возрождение»). В течение этого года было основано по одной ложе в Одессе и Киеве, не исключено, что также и в Нижнем Новгороде [20]. Следовательно, к концу 1909 г. в системе «Великого Востока Франции» в России действовало (исключая Царство Польское) не более восьми лож. Ничем не подкреплено утверждение Берберовой, повторенное Старцевым, что уже в 1908 г. было открыто 18 лож; ее утверждение, будто Булэ и Сеннполь несколько раз

---

[11] Например, в ежегоднике «Великой ложи Вены» сообщается, что масоном был П. Н. Милюков (Das Blaubuch der Weltfreimaurerei. Jahrgang 1934. Wien. 1934, S. 140).

[12] Л. Д. Кандауров был принят в масоны в Париже 27 ноября 1917 года. Чиновник русского консульства в столице Франции, по убеждениям консерватор, оккультист и приверженец кабалистики, он был чужд дореволюционным русским масонам, настроенным либерально и рационалистически. Поэтому считать его «старым масоном» (Старцев В. И. Ук. соч., с. 38) — большая условность. Его «Записка», которую многократно некритично цитирует Н. Н. Берберова (Берберова Н. Н. Люди и ложи. Нью-Йорк. 1986), в части, касающейся периода до конца 1917 г., опирается исключительно на услышанное от других и догадки. В свою очередь, Б. Телепнев положил рассказ Кандаурова, в частности, сообщение о 15 русских, принятых около 1906 г. на Западе в масоны, в основу того раздела своего очерка, который касается 1907–1917 гг. (Telepnev B. An Outline of History of Russian Freemasonry. Lnd. 1923, p. 34). С тех пор эти сведения повторяют и другие, в том числе Берберова и Старцев (Старцев В. И. Ук. соч., с. 46). Но по французским источникам их было 7–8 человек (ср.: Lennhoff E. Über slavische Freimaurerei.— Die Drei Ringe, 1930, № 2, S. 41).

[13] Один из наиболее серьезных русских антимасонских писателей причислил к масонам В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Я. М. Свердлова, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Х. Г. Раковского, К. Б. Радека (Иванов В. Ф. Тайная дипломатия. Харбин. 1937, с. 294). Другой известный антимасон, Н. Свитков (Ф. Степанов), в «Масонстве в русской эмиграции» (Париж. 1932) перечислил масонов, не ссылаясь на какие-либо документы, но в предназначенной для французского читателя книге «La Grande Loge de France» (P. 1934) включение каждого лица в список обосновано.

[14] Опубликовано Берберовой (Берберова Н. Н. Ук. соч., с. 185–192). Вопреки утверждению Старцева (Старцев В. И. Ук. соч., с. 43), большинство из названных лиц (24) не упоминается в документах, изданных Элькиным.

[15] Это следственные показания Н. В. Некрасова, данные в середине 20-х и в 30-х годах (Яковлев Н. Н. Ук. соч., с. 221, 230–232), и Л. А. Велихова; время последних не указано (там же, с. 238).

[16] Пересказ у Бегуна (Бегун В. Я. Ук. соч., с. 82–83) и Соловьева (Соловьев О. Ф. Ук. соч., с. 22–23).

[17] Имеются в виду: Вяземский В. Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства.— Вестник объединения русских лож Д. и П. Шотландского устава, 1960, № 5 (названо 4 лица); в сообщении Б. И. Николаевского Хаимсону (Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1907.— Slavic Review, 1965, № 1, pp. 13–15) упомянуто 3 лица; он же Н. В. Вольскому 8 апреля 1960 г. назвал 3 лица (Берберова Н. Н. Ук. соч., с. 203); польские воспоминания указывают на 3 лица (поляки в русских ложах); 2 лица — автобиографические сведения (А. Ф. Керенский, В. А. Оболенский).

[18] Из этих 113 масонов не названы в «Биографическом словаре» Берберовой (Берберова Н. Н. Ук. соч., с. 106–166) 40, зато упомянуты многие, масонство которых в 1907–1917 гг. сомнительно. К масонам того периода она причислила, например, князя Г. Е. Львова, «который был связан с первыми ложами в Москве и Петербурге» (с. 138). Но в сохранившихся документах этих лож именно его и нет. Неубедительны доказательства причастности к масонству А. И. Гучкова (с. 123) и других. Неоднократные ссылки на сведения, полученные от М. Горького и других не-масонов, совсем несостоятельны. Для исследовательского подхода Берберовой характерен такой пример: она зачислила Г. Я. Аронсона в масоны (с. 110), хотя признает, что в разговорах с ней он «слабо отрицал, что был масоном» и в своих воспоминаниях такую принадлежность он также отрицает (с. 260). Ввиду вышеуказанного распределение масонов, перечисленных в книге Берберовой, по партийной принадлежности, сделанное Старцевым (Старцев В. И. Ук. соч., с. 40–41) следует считать несостоятельным.

[19] В их числе: революционер Н. Д. Авксентьев (принятый в 1908 или в 1913 г.), литератор М. А. Кириенко-Волошин (1905 г.); бывший офицер, потом юрист А. Ждан-Пушкин (1911 г.); литератор Б. Лебедев (1911 г.); художник М. Широков (1913 г.). Кроме Авксентьева (страна и ложа неизвестны), все они были приняты в парижские ложи.

[20] Margoulies M. La Franc-Maçonnerie...— Acacia, 1925, № 16, p. 290. Телепнев (Telepnev B. Op. cit., p. 35) прибавляет к названным Маргулиесом и другими ложу в Нижнем Новгороде («The Iron Ring» — «Железное кольцо»), основанную в 1908 или 1909 году.

приезжали в Россию и открывали на ее территории ложи, подчиненные «Великой Ложе Франции»[21], тоже неверно.

Эти сановники «Великого Востока» не являлись таковыми в «Великой Ложе» и не имели полномочий открывать ее ложи. Существенно и то, что ни в каких документах «Великой Ложи» историки по сей день не нашли даже намека на существование в XX в. ее лож на территории империи Романовых. Упоминание Теленнева о двух таких ложах представляется недоразумением[22]. М. Ковалевский, вопреки утверждению Старцева[23], также никаких патентов на открытие лож осенью 1907 г. от этой «Великой Ложи» не получил. Раньше, 15 апреля 1907 г., «Великий Восток» уполномочил Булэ открыть в Москве ложу «Возрождение», что, однако, произошло лишь год спустя[24].

Слишком далеко идущие выводы делает Старцев[25] из факта образования Верховного Совета русского масонства. До сих пор не были найдены хотя бы косвенные свидетельства того, что «уже зимой 1908—1909 гг. русское масонство... получило от «Великого Востока Франции» права на дальнейшее самостоятельное развитие». Ведь неизвестно даже, было ли само образование этого Совета согласовано с Парижем, знал ли он вообще о нем.

Конец 1909 г.— это перелом в развитии русского масонства. Все его прежние ложи закрылись («были усыплены», по масонской терминологии). Вместо них создаются другие, действовавшие до конца 1917 года. Их было основано до 50. Они были полностью независимы от Парижа и объединены в «Великий Восток Народов России» («Великий Восток»= =«Верховный Совет»). Известно, что они функционировали в Киеве, Самаре, Саратове, Тифлисе, Кутаиси[26], Минске[27] и Екатеринбурге[28], по нескольку лож было в Петербурге и в Москве[29].

Старцеву кажется, что была «усыплена» только «Полярная звезда», он видит подтверждение этому в письме Я. Л. Рубинштейна Керенскому[30]. Но цитируемая им фраза не дает основания для такого вывода. Далее автор ищет доказательств закрытия также и «Возрождения». В этом нет необходимости: «усыпление» всех лож, созданных до конца

[21] Старцев В. И. Ук. соч., с. 46.

[22] Телепнев (Telepnev B. Op. cit., p. 35) пишет (на основании сведений, полученных от Кандаурова) об учреждении «Великой Ложей Франции» по одной ложе в Москве и в Петербурге («Феникс»). Других упоминаний о них нет. По-видимому, все это — недоразумение, порожденное слухами о действиях французского масонского Ордена Рыцарей Филалетов. Его представители приехали в 1910 или 1911 г. в Петербург по приглашению местных поклонников консервативного течения русского масонства и открыли там ложи «Северная Пирамида» и «Северная Звезда» (Lantoine A. Histoire de la franc-maçonnerie française. P. 1925, p. 392; Библиотека Варшавского университета, отдел рукописей, 2862, письмо Ю. Руммеля от 9 июля 1931 года).

[23] Старцев В. И. Ук. соч., с. 43.

[24] Hass L. Ambicje, rachuby, rzeczywistość. Warszawa. 1984, илл. 3.

[25] Старцев В. И. Ук. соч., с. 43.

[26] Haimson L. Op. cit., p. 14.

[27] Biblioteka Narodowa (Warszawa), akc. 11258, L. Lodiz-Frayerowa, Wspomnienia, k. 20).

[28] A. P. Naše štyky slovanské.— Svobodný zednář, 1926, № 2, p. 29.

[29] Известны наименования некоторых петербургских лож: «Малая Медведица», «Роза» и «Истинные друзья» (Архив «Великого Востока Франции», д. Loge «Fraternité» (Paris), Radiations... 23.I.1922; д. Loge «Fraternité des Peuples» 1919—1920 (Paris), avis d'affiliation 20.VI.1919). По Берберовой (Берберова Н. Н. Ук. соч., с. 111, 113, 123), здесь существовали также ложи «Английская», «Humanité» («Человечества») и «Северное сияние». Московская ложа «Кубического камня» и киевская «Нарцисс», судя по некоторым признакам, не входили в состав «Великого Востока Народов России» (Архив «Великого Востока Франции», д. Loge «Fraternité des Peuples» 1919—1920 (Paris), demande des diplômes 26.VIII.1919; Национальная библиотека (Париж), FM² rés 153, д. «Russie, Kiev», Declaration 4.VII.1919). Общее число лож «Великого Востока Народов России» в 1913—1914 гг. было 40—42 (Russian Freemasonry.— The Builder, 1927, № 6, p. 187).

[30] Старцев В. И, Ук. соч., с. 45, 46.

1909 г., вполне подтверждается источниками[31]. Поэтому также необоснованы его выводы относительно петербургской ложи «Малая Медведица» как звена, связывавшего русское масонство 1906—1909 гг. с последующим. Ведь Старцев сам пишет о ее основании в 1910 году[32]. Неприятности с полицией из-за болтливости Д. И. Бебутова возникли не в 1912 г.[33], а в 1909 г. и явились одной из причин «усыпления».

Это «усыпление» стало исходным моментом упомянутого перелома в развитии русского масонства, поскольку ложи, основанные после 1909 г. (имеются в виду ложи так называемого прогрессивного течения), и их верхушка, «Великий Восток Народов России», уже не были организационно подчинены «Великому Востоку Франции» и никакому иному иностранному руководству. За границей даже понятия не имели о существовании этой ветви «королевского искусства». По сей день не найдено никакого масонского документа, опровергающего это утверждение[34]. Однако Старцев на основании неточных сведений Берберовой делает категорические заключения, вроде того, что новый русский «Великий Восток» был «отделением» французского, что связи между ними «не были в действительности разорваны». Он вслед за Берберовой повторяет фразу о «тирании Парижа над Петроградом», что не находит ни малейшего подтверждения в документах.

Вопреки сделанным на основании небрежных высказываний Берберовой выводам, «в главном масонском «ведомстве» Франции» не велось даже учета русских лож, а следовательно, и речи быть не может о насаждении «намеренной» лжи в воспоминаниях русских масонов о каком-то полном их разрыве с французским масонством[35]. Но ведь именно из-за отсутствия какой-либо связи между русской и иностранными ветвями «королевского искусства» русская ветвь не была приглашена в Париж ни на Конференцию масонских обедиянсов Союзных Наций 14—15 января 1917 г., ни на Конгресс масонских обедиянсов Союзных и Нейтральных Наций 28—29 июня 1917 года[36]. Поэтому после победы Февральской революции «Великий Восток» и «Великая Ложа» Франции направили поздравительные телеграммы Государственной думе и Временному правительству, а не «Великому Востоку Народов России», как следовало бы по масонскому обычаю[37]. Поэтому следует отнести к домыслам рассказ Берберовой, некритично повторенный Старцевым, о том, что приехавшая в Россию в 1917 г. французская делегация якобы напомнила Керенскому о клятве, данной им при вступлении в масоны в 1912 г., «никогда не бросать союзников и братьев по «Великому Востоку», разумеется, Франции[38].

[31] Яковлев Н. Н. Ук. соч. с. 230 (сообщение Н. В. Некрасова); Freemasonry in Russia.— The New Age Magazine, 1923, № 5; Zur Geschichte der Freimaurerei in Russland.— Die Drei Ringe, 1925, № 11, S. 179; Telepnev B. Op. cit., p. 35.

[32] Старцев В. И. Ук. соч., с. 45, 47.

[33] Там же, с. 47.

[34] В докладе русских эмигрантских масонов на международной конференции Верховных Советов шотландского обряда в 1929 г. прямо сказано, что «Верховный Совет Народов России» не признан международным масонством, равно как не имеет отношения к иностранным масонам (Compte rendu de la Quantième Conférence Internationale des Suprêmes Conceils du 33-e degré... P. 1930, p. 50). Почти дословно повторено в ст.: Kornfeld M. Aperçu historique sur la Franc-Maçonnerie Russe.— Les Lettres M, 1954, № 4, pp. 11—12. Ср. письмо М. М. Тер-Погосяна Керенскому, 22 декабря 1962 г. (Старцев В. И. Ук. соч. с. 46).

[35] Старцев В. И. Ук. соч., с. 47, 48.

[36] Conférence des Maçonneries des Nations Alliées 14—15 Janvier 1917 [P. 1917]; Congrès des Maçonneries des Nations Alliées et neutres les 28, 29 et 30 Juin 1917 [P. 1917].

[37] Les événements en Russie.— Le Temps, 24.II.1917; Compte rendu des travaux du Grand Orient, 1.I.— 30.VI.1917, pp. 4, 23—24, 45.

[38] Во-первых, Керенский был в 1912 г. принят в ложу, не входившую в состав французского обедиянса; во-вторых, за границей тогда вообще не знали о существовании в России масонской организации (были известны только ложи польских масонов в Царстве Польском). Упомянутый Берберовой (Берберова Н. Н. Ук. соч.,

Ранее упомянутая «Малая Медведица» и «Думская» ложа, якобы созданная лишь в 1915—1916 гг.,— это, если судить по фамилиям членов первой из них, одна и та же ложа, и раскол в них и «усыпление» — это одно и то же событие. Что же касается «Военной ложи» [39], то Маргулиес пишет только о ее существовании, фамилии же ее членов сообщает одна Берберова. «Морская ложа» и «Балтийский кружок в Гельсингфорсе» [40], по всей вероятности, не были «подотделом» «Военной» ложи, как предполагает Старцев [41] и, следовательно, не входили в состав «Великого Востока Народов России». Вероятнее предположить, что, если они вообще существовали, то скорее были связаны с переплетавшимся с Лигой Обновления Флота консервативным масонством Н. Беклемишева (Великая ложа «Астрея»), не упомянутым ни Берберовой, ни Старцевым [42].

Он же вполне обоснованно сомневается, были ли перечисленные Берберовой 17 дореволюционных дипломатов членами лож «Великого Востока Народов России» [43]. Берберова дает этот список без ссылки на источник, ибо таковых не найти. Один из фигурирующих в этом списке, Л. Д. Кандауров, стал масоном только 27 ноября 1917 года [44]. Поэтому не мог он во время первой мировой войны образовать «Общество» из русских дипломатов, как повторяет за Берберовой Старцев [45]. В этом списке имеется и фамилия действительного масона — Лорис-Меликова. Но это не указанный Берберовой Иосиф Григорьевич [46], бывший дипломатом в Норвегии, а Иван Захарович, врач и друг М. М. Ковалевского [47].

Однако во всех спорах о позднем русском масонстве вопросы общего числа лож, их географического распространения, числа их членов, существования и судьбы той или иной ложи, подчинения иностранному обедиенсу или независимости от заграничных руководящих инстанций, иного рода связей с международным масонским миром имеют второстепенное значение. Центральной является проблема участия русских масонов в революционном движении, особенно в подготовке Февраля и в дальнейшем развитии революции. При этом наблюдается своеобразное единство апологетов роли масонства и их противников. Одни и те же версии служат поводом для осуждения первым и предметом гордости — вторым. Обе стороны привлекают одни и те же доказательства, но, в зависимости от точки зрения, либо как обвинительный материал, либо как свидетельство славной роли, сыгранной масонской организацией.

Книга Берберовой укрепила позиции тех, кто считает Февральскую революцию результатом заговора. Такие позиции определяют выводы Старцева, касающиеся Гучкова, его деятельности в 1915—1916 гг., его заговорщической группы, и, в частности, поспешное заключение, что эта группа «была масонской целиком, и заговор этот был все-таки масонским» [48]. Оно слабо обосновано. Ибо, во-первых, принадлежность к ложе не только всех, но хотя бы большинства заговорщиков далеко не доказана. Достаточно внимательней присмотреться к приведенным Берберовой «доказательствам» их масонства. Во-вторых, даже тот факт, что часть политических деятелей, которые были членами лож, участвовала в какой-то группе, не является доказательством масонского характера этой группы. Ведь гораздо больше русских приверженцев «королевского искусства» к группе Гучкова не были причастны. И уже крайне несерьезным свидетельством мнимого организованного участия масонства в подготовке к перевороту или революции является рассказ о том, что в 1915—1916 гг. «списки членов будущего правительства... составлялись досточтимыми мастерами лож по требованию «Верховного Совета Народов России» [49]. Предприятия такого масштаба серьезные политики проводят в обстановке большей секретности, не при столь широком участии разных лиц.

Уже Французской революцией конца XVIII в. и польскими событиями 1788—1795 гг. доказано (подтверждение можно найти во многих исследованиях), что именно в переломные моменты истории масонские узы практически разрываются, уступая связям и расхождениям иного рода — идейно-политическим, социальным. Знакомства, завязанные в ложе, как уже было сказано, действительно могли бы способствовать установлению или укреплению некоторых из этих связей. Но по мере обострения обстановки ложи собираются все реже, а в момент кульминационного напряжения перестают собираться вообще, то есть практически не существуют. В такие периоды закономерно происходит поляризация взглядов членов лож на происходящие события, что не позволяет даже вчерашним друзьям беспристрастно обмениваться мнениями на заседаниях ложи. Их дороги резко расходятся [50].

Уже поэтому (вопреки Г. М. Каткову [51] и его последователям, в том числе и советским) всякое концентрирование внимания на роли масонства в событиях марта—октября 1917 г. ведет в тупик. Роль эта не могла быть не только решающей, но даже сколько-нибудь значительной. Такую точку зрения полностью подтверждает цитируемый Старцевым Рубинштейн [52]. Ведь именно это, а не что иное, означает его не предназначенная для общественного внимания фраза: «Свеча продолжала мерцать, но что значило ее пламя среди постоянных вспышек молний». Заметим еще: в тогдашних многочисленных газетах, журналах и листовках, выходивших в условиях — как никогда до или после того — полнейшей свободы слова, не найти никаких сообщений, подтверждающих усиление масонской деятельности или создание лож.

Добросовестное изучение масонства предполагает обязательное знание его особенностей: организационной структуры, терминологии, символики, а также ритуалов. Поэтому исследователь обязан систематически знакомиться с разнообразными масонскими изданиями. Тогда невозможны были бы рассуждения о разнице между «притушением» (чаще назы-

---

с. 33—35) А. Тома, якобы на коленях умолявший Керенского сохранить верность союзникам, не только не был масоном 30-й степени, но, по всей вероятности, вообще масоном не был. Рыдающий же в платок М. Кашен масоном в то время был, но принадлежал к социалистической партии, а не к радикал-социалистам. Удивительно также, что все это якобы выделывали масоны в присутствии человека, который масоном не был. Ведь Н. Н. Пораделов стал масоном лишь в эмиграции, 3-ю степень получил в мае 1922 года. Все это Старцев повторяет без каких-либо оговорок (Старцев В. И. Ук. соч., с. 47—48).

[39] Старцев В. И. Ук. соч., с. 38—41, 45, 47.

[40] Берберова Н. Н. Ук. соч., с. 137, 163.

[41] Старцев В. И. Ук. соч., с. 40—41.

[42] Подробнее см.: Hass L. Op. cit., s. 69—70, 114.

[43] Старцев В. И. Ук. соч., с. 46—47; Берберова Н. Н. Ук. соч., с. 21.

[44] Архив «Великого Востока Франции», д. Loge «Fraternité» (Paris), извещение от 20.I.1923 г. о выходе Кандаурова из ложи.

[45] Старцев В. И. Ук. соч., с. 46.

[46] Берберова Н. Н. Ук. соч., с. 19, 21, 22, 137.

[47] Elkin B. Op. cit., pp. 458, 462.

[48] Старцев В. И. Ук. соч., с. 44.

[49] Там же, с. 47. Повторено за Берберовой.

[50] Hass L. Wolnomularstwo w Europie Srodkowo-Wschodniej w XVIII i XIX ww. Wrocław. 1982, s. 191—193, 207—212; ejusd. Sekta farmazonii warszawskiej. Warszawa. 1980, s. 232—244.

[51] Катков Г. М. Февральская революция. Париж. 1984, с. 175—182. Катков и Берберова считают значительной роль масонства в Февральской революции. Другая точка зрения высказана в частном письме Тер-Погосяна от 22 декабря 1962 г. Керенскому: «В Февральской революции [масонская] Организация не играла руководящей роли. Если она облегчала сотрудничество некоторых членов Временного правительства, и в частности Вам служила подсобным орудием в Вашей работе, то не она поставила Вас на это место, которое Вы занимали в 17 году, и не она определяла Ваши действия» (цит. по: Берберова Н. Н. Ук. соч., с. 230). Автор письма был в 1917 г. партийным товарищем адресата.

[52] См. Старцев В. И. Ук. соч., с. 39.

ваемом «усыплением») и «радиированием» или о том, как и где «радиированные», или «усыпленные», могли проводить «свою масонскую работу» [53].

«Усыпление» — это наименование решения, в силу которого ложа или отдельный ее член остается в масонской организации, но без права на какую-либо в ней деятельность, участие в масонских заседаниях и т. п. Оно может быть мерой, принятой вышестоящей инстанцией по отношению к ложе за нарушение ею организационных или идейных правил или в случае ее длительной бездеятельности. Такую же меру принимает ложа по отношению к своим членам за аналогичные нарушения. В таком случае «усыпление» может быть определено на какой-то срок или бессрочно. Но ложа может сама принять решение о своем «усыплении», а масон может ходатайствовать перед своей ложей, чтобы его «усыпили» на определенный или неопределенный срок. «Усыпление» ложи влечет за собой «усыпление» ее членов. Но каждый из них может ходатайствовать перед вышестоящей инстанцией («Великий Восток», «Великая Ложа») о своем «пробуждении», то есть восстановлении в правах активного масона и зачислении («аффилировании») в определенную ложу. «Пробудить» можно также и ложу. Поэтому не может быть и речи о какой-либо строго масонской деятельности «усыпленного».

В 1909 г. русские ложи «Великого Востока Франции» были «усыплены» по решению не Парижа, а их русского руководства. «Великий Восток Франции» даже не был поставлен об этом в известность и не мог никого из русских масонов «пробудить». Только после 1917 г., когда Парижу объяснили, что произошло, часть «усыпленных» вернулась, уже в эмиграции, в ряды лож. Следовательно, в 1910—1917 гг. в России «по-масонски» действовали только те члены существовавших до того лож, которые стали членами новых русских лож.

«Радиация» означала пожизненное исключение из масонства руководством ложи ее члена за грубейшее нарушение им масонских принципов, а также за длительную неуплату членских взносов. Однако, особенно во втором случае, эта мера неоднократно отменялась.

Очень существенным понятием является в масонстве «регулярность». В применении к отдельному масону оно означает, что он был посвящен в тайны «королевского искусства» в «регулярной» ложе и не был из нее «радиирован» или «усыплен». Ложа считается «регулярной», если документ о своем основании получила от «регулярного» «Великого Востока» или «Великой Ложи» любой страны. Сложнее обстоит дело с «регулярностью» этих инстанций. Согласно самому либеральному толкованию этого понятия, упомянутая высшая инстанция считается «регулярной», если ее таковой признают и поддерживают с ней отношения аналогичные инстанции нескольких стран [54].

В этом свете «масонство Керенского», точнее, «Великого Востока Народов России», вопреки утверждениям Старцева [55], «регулярным» не было. Ни «масонская клятва», принесенная членами лож, ни их «обязательство повиноваться уставу и начальникам» не делали «регулярными» ложи, а тем более их вышестоящие инстанции. Впрочем, похожие клятвы и обязательства давали члены других секретных организаций, например, карбонарии, которых мы к масонам не причисляем. Заявление же (имеющее целью косвенно подтвердить «регулярность» русского масонства 1910—1917 гг.), будто «связи между «Великим Востоком Народов России» и «Великим Востоком Франции» никогда не были в действительности разорваны», документально не подтверждается. Косвенные доказательства на этот счет приведены выше.

[53] Там же, с. 45, 46.

[54] Ср. Lennhoff E., Posner O. Internationales Freimaurerlexikon. Zürich. 1932, S. 409, 1247, 1294; Faucher J.-A. Dictionnaire maçonique. P. 1981, p. 234, 239, 261.

[55] Старцев В. И. Ук. соч., с. 40, 41, 45, 48.

Н. В. Чайковский, агитировавший в 1913 или 1914 г. Н. Чарушина вступить в какую-то не известную нам организацию, вопреки убеждению Старцева, по всей вероятности, не имел в виду масонства, поскольку сам вступил в ложу лишь в декабре 1919 г. в Париже [56]. Л. А. Кроль получил степень мастера не в 1914 г., а уже в 1910 году [57].

Решение IV конгресса Коммунистического Интернационала, принятое 2 декабря 1922 г., запрещающее членам компартий принадлежать к масонским организациям,— проблема гораздо более сложная, чем ее представляет О. Ф. Соловьев. Она имеет свою длинную — еще не написанную — предысторию, тянущуюся с середины XIX века. По существу она сводится к вопросу о взаимоотношениях между рабочим и мелкобуржуазным движениями. Известно, что уже в начале лета 1920 г. Исполком Коминтерна не считал возможным одновременное членство в компартии и в ложе [64]. Вскоре, в связи с обсуждением на II Конгрессе Коминтерна (июнь—июль 1920 г.) организационной структуры международного коммунистического движения, некоторые итальянские делегаты (А. Балабанова, Н. Бомбаччи, А. Грациадеи, Д. М. Серрати) подняли вопрос о недопустимости одновременной принадлежности к компартии и к ложе. Конгресс принял решение запретить двойное членство и оформить это как 22-й пункт условий приема в Коминтерн. Однако опубликование этого решения, по словам Г. Е. Зиновьева, было признано (не ясно, кем) неудобным [65]. Поэтому широкие круги коммунистов ничего о нем не знали.

На IV конгрессе Коминтерна вопрос о двойном членстве возник в связи с фракционной борьбой в Компартии Франции. Принятое по нему решение по форме касалось только Франции, но его мотивировка и приданная ему широкая международная известность свидетельствовали об универсальном значении этого документа [66]. Так его и поняли коммунисты разных стран, в которых стали появляться журнальные статьи с резкой критикой масонства [67].

Почти все вышесказанное в основном касается доминировавшего в русском масонстве 1907—1917 гг. прогрессивного течения, которое идейно было связано с течением, преобладающим (в 1907—1909 гг. также и организационно) в движении «королевского искусства» романских стран. Кроме масонских лож этого течения, в России действовали также и другие — ложи уже упоминавшегося консервативного течения, а также сугубо мистические, основанные мартинистами. Об этих ложах и их членах до сих пор известно очень мало. Это обстоятельство исследователям следует постоянно иметь в виду, чтобы не путать сведений, касающихся этих мелких ветвей движения, с относящимися к главному течению. Нельзя также забывать о существовании в пределах империи Романовых польского масонства (с ложами в Вильне и в Петербурге), а также украинского и финского (кружок в Гельсингфорсе) [68].

[56] Там же, с. 36. Ср.: Lennhoff E., Posner O. Op. cit., S. 1596.

[57] Старцев В. И. Ук. соч., с. 45. Ср.: Архив «Великого Востока Франции», д. Loge «Etoile du Nord» (Paris), извещение от 19 июля 1929 года.

[64] Frossard L.-O. Le Parti Socialiste et l'Internationale. P. 1920, pp. 15–16.

[65] Второй Конгресс Коминтерна. М. 1934, с. 63, 178, 189–190, 202; Julien Ch.-A. Souvenirs de Russie – 1921.– Le Mouvement social, janvier – mars 1970, № 70, p. 13; Protokoll des III Kongresses der Kommunistischen Internationale (Moskau, 22. Juni bis 12. Juli 1921). Hamburg. 1921, S. 161–162.

[66] Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale. Hamburg. 1923, S. 865–869; Bericht über den IV Kongress der Kommunistischen Internationale. Hamburg. 1923, S. 190–194; Trotzki L. Kommunismus und Freimaurertum.– Internationale Presse Korrespondenz, 9.XII.1922, № 233, S. 1725–1726.

[67] Например, в Польше: B. K. Masoneria.– Kultura Robotnicza, 7 kw. 1923, № 13(35), s. 390.

[68] Hass L. Wolnomularstwo ukraińskie (do rewolucji lutowej 1917 r.).– Studia z dziejów ZSRR i Europy Srodkowej, 1981, t. XVII; ejusd. Wolnomularstwo ukraińskie 1917–1921.– Ibid. 1983, t. XVIII.

ХРОНОГРАФЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

О. В. Творогов

Стремление подчеркнуть, что история Руси неотделима от истории всемирной, было присуще уже Нестору — создателю Повести временных лет. Если его предшественники начинали повествование с деяний русских князей, то Нестор предпослал истории Русской земли историю славян, а самих славян упомянул в числе народов, которые, согласно библейской легенде, населили Землю после всемирного потопа: в перечень стран, располагавшихся в уделе Ноева сына Иафета между Эпиром, Иллирией и Лихтинией, был им вставлен этноним «славяне», а за перечислением народов, извлеченным из переводной хроники, следовал перечень племен, обитавших в пределах Киевской Руси [1]. Таким наивным приемом летописец как бы удостоверял равенство славян с другими народами и племенами, чья древность, уходящая в библейские времена, подтверждалась авторитетной иноземной хроникой.

Упоминания о европейских странах в Повести временных лет эпизодичны — лишь в тех случаях, когда речь идет о дипломатических сношениях Руси с этими государствами, о военных конфликтах или брачных связях. Но знакомящее с жизнью других народов «летописанье греческое» — переводная византийская хроника — ощутимо присутствует в сознании древнерусских книжников. Не случайно летописец походя упоминает, например, о знамениях, случившихся в правление сирийского царя Антиоха Эпифана или византийского императора Маврикия [2], словно уверен, что имена этих исторических лиц его читателям хорошо известны. Сведения о всемирной истории они могли почерпнуть из известных на Руси уже в XI в. переводных византийских хроник — Георгия Амартола и Иоанна Малалы [3]. Хроника Амартола была завершена автором в IX в., а затем, еще на греческой почве, продолжена до середины X в.; Хроника Малалы доводила повествование до середины VI века. Обе хроники, как и другие средневековые всемирные хроники, имели сходную композиционную структуру. Они начинались с рассказа о «сотворении мира», затем следовала библейская история, история Навуходоносора и персидских царей, древнейшая история Рима, история Александра Македонского и его преемников в Египте и Сирии, вновь история Рима от Юлия Цезаря и до Констанция Хлора и, наконец, история Византии от Константина Великого до Юстиниана (в Хронике Малалы) или до Романа Лакапина (в Хронике Амартола).

ТВОРОГОВ Олег Викторович — доктор филологических наук, заместитель директора Института русской литературы АН СССР, Ленинград.

[1] Повесть временных лет (ПВЛ). Ч. 1. М.— Л. 1950, с. 10.

[2] Там же, с. 110—111.

[3] См. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI — первая половина XIV в. Л. 1987, с. 467—470, 471—474.

Таким образом прослеживалась как бы единая линия династической преемственности, в начале которой стоял библейский Адам: библейским праотцам наследовали «судьи», затем цари Израильского и Иудейского государств, покоренных Вавилоном и Персией. Персидскую державу разгромил Александр Македонский, а Египет и Сирия, где правили династии, ведущие начало от его полководцев Птолемея Лага и Селевка Никатора, были в свою очередь покорены Римом. Римский император Константин Великий был первым императором, сделавшим своей столицей Константинополь — будущую столицу Византийской империи. История древнейшего Рима оказывалась также связанной с историей Трои (сын троянского вождя Энея Асканий основал в Италии Альба Лонгу), а отцом Александра Македонского средневековая историография называла последнего египетского царя Нектанеба II.

Нетрудно заметить, что за пределами этой магистральной линии исторической преемственности оказывалась античная Греция: Афины упоминаются лишь как объект посягательств Александра Македонского, опущена история республиканского Рима — весь период от изгнания Тарквиния Гордого до Юлия Цезаря (464 года по подсчету, имеющемуся в Хронике Малалы). Начиная с IV в. внимание хронистов сосредоточено лишь на Византии и ее соседях; остальная Европа будто не существует: ни агонизирующая Западная Римская империя, ни возникающие на ее развалинах варварские государства, ни Карл Великий, император, коронованный самим римским папой и вторгшийся в Северную Италию, в Хронике Амартола не упоминаются.

Впрочем хроники отличались одна от другой по отбору материала: только в Хронике Малалы присутствуют рассказы о легендарных царях и героях античных мифов, излагается древнейшая история Рима от Энея до Тарквиния Гордого, а одна из книг хроники посвящена событиям Троянской войны; в Хронике Амартола зато очень подробно пересказана библейская история.

Тем не менее византийские хроники дали возможность древнерусскому читателю ощутить свою страну частью мирового сообщества. С Византией, наследницей Римской империи, Русь поддерживала политические, религиозные и культурные контакты. «Линейность» исторического процесса, изображенного в хрониках, подчеркнутая «преемственность» великих держав впоследствии послужат оправданием для теории «третьего Рима», согласно которой Русское государство оказывается как бы единственным преемником «второго Рима»: воспитанному на византийских хрониках древнерусскому историографу можно было позволить себе не принимать в расчет всю остальную Европу.

Полные тексты хроник Амартола и особенно Малалы, вероятно, не получили на Руси XI—XIV вв. широкого распространения: возможности переписки столь больших текстов были все же ограничены. До нас дошли только два пергаменных списка Хроники Амартола XIII—XIV вв., а полных списков Хроники Малалы мы вообще не знаем: ее текст известен лишь по фрагментам, вошедшим в состав различных хронологических компиляций. Но потребность в сочетании, излагавшем всемирную историю, была, и она восполнялась, как можно полагать, кратким «Хронографом по великому изложению», составленным в основной своей части по Хронике Георгия Амартола, и в меньшей степени — по Хронике Малалы. Списки «Хронографа» до нас не дошли [4].

Однако по мере того как возрастал интерес к всемирной истории и расширялись возможности древнерусских книжников, встал вопрос о создании более подробных хронографических сочинений. Стимулом могло послужить то, что известные Хроники Амартола и Малалы как бы

[4] Состав его может быть реконструирован на основе восходящих к нему поздних хронографических компиляций.

дополняли друг друга и могли быть соединены с другими историческими сочинениями, в частности с эллинистическим романом об Александре Македонском («Александрией»), так как о македонском царе в обеих хрониках лишь упоминалось. Древнейшим из известных нам хронографических сводов является хронограф, составленный в середине XIII в. и объединивший библейские книги, выписки из Хроники Малалы, «Александрию» и «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия. Но ни этот хронографический свод, открытый и изученный В. М. Истриным, ни другой, названный Троицким хронографом, ни обширный хронограф, условно называемый первой редакцией Летописца еллинского и римского, не получили широкого распространения. (Взаимоотношение редакций Еллинского летописца — особая проблема. Для нас здесь существенно лишь то, что вторая редакция, несомненно, создана позднее, чем первая, хотя и не восходит к ней непосредственно, как это считалось ранее.) Подлинными вершинами древнерусской хронографии явились два памятника: так называемая вторая редакция Летописца еллинского и римского и Русский хронограф в нескольких своих разновидностях.

В 1903 г. В. М. Истрин, казалось бы, установил, что Летописец еллинский и римский второй редакции (ЕЛ-2) существовал уже в середине XIII века. Впоследствии новые наблюдения заставили отказаться от этой датировки. В действительности ЕЛ-2 был составлен, по-видимому, в середине XV века. Эта датировка текстологически обоснована и к тому же оправдана современными представлениями о развитии историографической мысли в тот период. Это было время бурного развития летописания. В частности, именно в середине века был составлен летописный свод (так называемый Свод 1448 г.), объединивший великокняжеское и новгородское летописание. Интерес к всемирной истории в те годы был исключительно велик. Характерно, например, что краткими хронографами предваряются тексты некоторых летописей (например, Летописи Авраамки и Тверской летописи); что бо́льшая часть дошедших до нас списков Хроники Амартола, ЕЛ-2, Полной хронографической палеи и других памятников, содержащих изложение всемирной истории, относится ко второй половине XV — началу XVI в., причем некоторые из рукописей имеют точные даты: сборник, объединяющий Хронику Георгия Амартола и Хронику Георгия Синкелла, датирован 1452 г.; два списка Хроники Амартола — соответственно 1453 и 1456 гг.; список Полной хронографической палеи — 1477 г.; список ЕЛ-2 из собрания Библиотеки АН СССР (БАН) — 1485 годом.

Именно на рубеже XV—XVI вв. древнерусские книжники знакомятся и с новыми хронографическими и историческими источниками — сокращенной переработкой сербского перевода византийской Хроники Иоанна Зонары, так называемым «Паралипоменом», с болгарским переводом византийской Хроники, написанной в XII в. Константином Манассией, с особой редакцией романа об Александре Македонском — Сербской Александрией, старший список которой также имеет точную дату — 1491 год. В это же время осуществляется перевод огромного латинского романа Гвидо де Колумна «Historia destructionis Troiae» («История разрушения Трои»), воспринимавшегося как историческое повествование.

Итак, ЕЛ-2 был составлен, вероятно, в середине XV века. Принятое в науке заглавие памятника условно: первая редакция Летописца имеет пространный заголовок, начинающийся словами «Летописец еллинский и римский» (то есть содержащий греческую и римскую — собственно Рима и Византии — историю). Все дошедшие до нас списки ЕЛ-2 не имеют начала: либо утрачены первые листы, либо текст ЕЛ-2 без вводной части (так мы называем текст от начала памятника до рассказа о пророке Данииле; вводная часть ЕЛ-2 в основном сходна с началом первой редакции Летописца) присоединен к тексту библейских книг или к тексту Хроники Амартола. От Летописца первой редакции ЕЛ-2 отличается не только своим составом (круг источников его значительно расширен), но и внешним оформлением. Если в первой редакции заголовки лишь вычленяли компоненты текста и носили, так сказать, источниковедческий характер («Слово 7-е лет здания миру», «Слово 9-е», «Слово 16-е, лета Иустиниана царя и падение» и т. д.: это отсылки к соответствующим книгам Хроники Иоанна Малалы — 7-й, 9-й, 16-й), то в ЕЛ-2 текст расчленен на главы и более мелкие композиционные единицы, условно именуемые статьями, названия которых отражают прежде всего содержание данного фрагмента. Так, глава «Царство 5 Уалентово, иже царствова в Константине граде» имеет в своем составе статьи: «О избиении мних», «Чудо о хромом», «Чудо о слепом» и др. Эти заголовки пишутся, как правило, киноварью и существенно помогают ориентироваться в огромном тексте памятника, который занимает в переводе на привычные нам меры исчисления объема около 30 печ. листов.

ЕЛ-2, как и другие всемирные хроники в византийской и древнерусской традиции, начинает повествование от «сотворения мира». Но несколько неожиданным является состав и источники вводной части ЕЛ-2: наряду с библейскими книгами, которые изложены в наикратчайшем пересказе, здесь используется Хроника Иоанна Малалы. В изложении древнейшей истории Малала причудливо сочетает античные мифы и библейские легенды: боги Кронос и Зевс оказываются у него потомками Хама, сына Ноя; «ангелы божьи» становятся участниками гигантомахии — битвы богов с гигантами; наряду с рассказами о библейских персонажах, Малала сообщает о Геракле, Персее, Медузе Горгоне, Эдипе и других героях античных мифов. В ЕЛ-2 эти экскурсы Малалы в античную мифологию переданы в значительном сокращении, но все же присутствуют рядом с пересказом библейских книг.

Следующий раздел ЕЛ-2, казалось бы, опровергает только что сказанное: в памятник включен полный текст библейской книги пророка Даниила, к тому же с толкованиями. Но интерес именно к этой книге, как можно предположить, вызван в значительной мере ее сюжетными особенностями: здесь и мелодраматическая история невинной Сусанны, оклеветанной сластолюбивыми старцами, и столь привлекательные для средневекового читателя рассказы о пророчествах и вещих снах, и описания превратностей судьбы, когда вчерашний царь становится жалким рабом победителя. История пророка Даниила рассматривается на историческом фоне: он пророчествует вавилонским царям Навуходоносору и Валтасару, персидскому царю Киру. Эта сюжетность и богатство исторического (как полагали составители и читатели ЕЛ-2) материала, вероятно, и привлекли внимание именно к данной книге. Но примечательно, что составитель ЕЛ-2 счел нужным поместить в текст книги несколько вставок, с помощью которых стремился соотнести деяния Даниила с определенными периодами политической истории Вавилона и державы Ахеменидов. В хрониках (и, соответственно, в ЕЛ-2) в изложении истории стран Востока допускались существенные искажения. Так, последним вавилонским царем был Набонид, а красочно изображенный в библейских книгах и хрониках царь Валтасар — загадочный образ. Это имя носил сын Набонида, возглавлявший войско в войне с персами, но правление его после пленения Набонида Киром (а не «Дарием Мидянином», как сказано в Хронике Малалы) было кратким и номинальным.

Доведя повествование о странах Востока до времени Дария III Кодомана, побежденного в 331 г. до н. э. Александром Македонским, составитель ЕЛ-2 обращается к более глубокой древности — ко времени основания Рима. Древнейший период римской истории дается по Хронике Малалы, и в традициях этого источника исторические легенды сочетаются с античными мифами: рассказывается о пребывании в Италии Геракла, о бегстве Энея из-под стен Трои (попутно приводятся история Энея и Дидоны, эпизоды из странствий Одиссея). Затем в ЕЛ-2 излагается

история первых римских царей от Ромула до Тарквиния Гордого. Республиканский период римской истории опущен, но период от изгнания Тарквиния Гордого (509 г. до н. э.) до объявления Юлия Цезаря пожизненным диктатором (44 г.) назван: по словам хрониста, «инаты» управляли Римом 464 года (так обозначен период Римской республики).

Заключив изложение римской истории приведенной хронологической выкладкой, составитель ЕЛ-2 обращается к истории Александра Македонского: он вводит в текст памятника «Александрию» — обширный эллинистический роман о жизни и подвигах знаменитого полководца, значительно дополненный, по сравнению с текстом «Александрии», читавшимся в первой редакции Летописца. Трудно переоценить то богатство исторических и географических сведений, которые предлагала своим читателям «Александрия»: ведь ее действие развертывалось на огромных пространствах от Рима на западе до Инда на Востоке, в ней описывались политическая, религиозная жизнь и быт различных народов; персонажами романа являлись исторические лица, чья судьба будет привлекать к себе внимание не только европейских историков, но и людей искусства — писателей, художников, композиторов — еще многие века. Разумеется, в «Александрии» значителен элемент легендарного и откровенно фантастического: это касается прежде всего описания диковинных земель, которые посещает Александр, и сказочных их обитателей; существенно отличается от действительности описание жизни и деяний македонского царя: Александр не был сыном египетского царя Нектанеба, он не завоевывал Рима и Карфагена, не посещал Иерусалима и не беседовал с еврейским первосвященником, жена царя Роксана не была дочерью Дария и т. д. Но подобные исторические легенды были свойственны всей средневековой историографии.

«Александрия», читавшаяся в ЕЛ-2, не получила самостоятельного распространения в древнерусской книжности, но уже с конца XV в. на Руси становится распространенной другая редакция того же эллинистического романа — «Сербская Александрия», русская редакция которой известна более чем в 150 списках, что убеждает в устойчивом интересе читателей к судьбе и деяниям прославленного полководца древности [5]. Вслед за «Александрией» в ЕЛ-2 идут рассказ о преемниках Александра в Египте и Сирии (озаглавленный несколько неожиданно: «Начало царства Царяграда»), а затем — обширный раздел об истории Рима. Даже если составитель ЕЛ-2 ограничился бы извлечениями из основных своих источников — хроник Амартола и Малалы, то и в этом случае история Рима оказалась бы изложенной достаточно полно; особое внимание уделялось перечню правителей: упоминаются все римские императоры, в том числе и те, чье правление продолжалось лишь несколько месяцев (такие, как Пертинакс, Дидий Юлиан, Гордиан, Бальбин или Пупиен). Но составитель ЕЛ-2 стремится рассказать о важнейших событиях как можно обстоятельнее и поэтому дополняет рассказ хроник обширными извлечениями из других источников.

Эта редакторская инициатива таила в себе немалую опасность. Мы не знаем, мог ли составитель ЕЛ-2 учесть печальный опыт своих предшественников, когда механическое сложение больших по объему источников приводило к тому, что новая компиляция становилась чрезмерно громоздкой. Но во всяком случае, русский книжник XV в. пошел иным, чрезвычайно продуктивным путем. Он сократил свой основной (и самый значительный по объему, если не считать «Александрии») источник — Хронику Георгия Амартола, опустил некоторые фрагменты, содержащие богословские рассуждения или подробности истории церкви, и благодаря этому удельный вес повествования на темы собственно исторические

[5] Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.— Л. 1965.

существенно возрос [6]. Это сокращение позволило ему без ущерба для общего объема труда дополнить повествование извлечениями из ряда новых источников.

В состав ЕЛ-2 был введен обширный рассказ о взятии Иерусалима Титом, извлеченный из средневековой еврейской хроники «Иосиппона» [7], причем этот рассказ был интерполирован вставками из Хроники Амартола. В состав главы, повествующей об императоре Октавиане Августе, вошли извлечения из «Жития Богородицы», написанного Епифанием Кипрским. При изложении истории Византии составитель ЕЛ-2 вводит ряд значительных по объему фрагментов из «Жития Константина и Елены» — памятника, уделяющего основное внимание политическим и военным деяниям императора, а отнюдь не его христианским добродетелям. В главу, посвященную императору Юстиниану, вставлена отдельная повесть о создании храма Софии в Константинополе, в главу об императоре Феофиле — особое сказание о нем. Но этим редакционная работа русских хронистов не ограничивалась: повествование о римских и византийских императорах в ЕЛ-2, как и в первой редакции Летописца, составлено на основе Хроники Амартола с постоянным вкраплением фрагментов из Хроники Малалы. ЕЛ-2 привлекает еще один источник: из «Хронографа по великому изложению» он берет сведения о христианских святых и мучениках. Этот материал в виде кратких выборок обычно завершает статьи о римских и византийских императорах.

Чем ближе к современности продвигалось повествование, тем больше создатель ЕЛ-2 ощущал недостаток в источниках. Хроника Малалы заканчивалась изложением событий VI в., Хроника Амартола с его продолжателем — событиями X века. У составителя ЕЛ-2 не было источника, с помощью которого он смог бы изложить события последующих пяти веков. И он, еще недавно включавший в текст такие обширные произведения, как «Житие Константина и Елены» или «Сказание о построении Софии Цареградской», вынужден был довольствоваться малым: после завершения повествования Амартола он воспроизводит статью «Царие, царствующие в Цариграде, православнии же и еретици», содержащую краткие справки об императорах от Никифора Фоки до Мануила Палеолога. Этот перечень, впрочем, разорван одной вставкой: дойдя до упоминания императора Алексея Дуки Мурцуфла, составитель ЕЛ-2 не мог отказать себе в удовольствии включить подробный рассказ о византийских событиях, принадлежащий русскому автору,— «Повесть о взятии Константинополя от фряг», читаемую в ряде русских летописей под 1204 годом.

Существовало предположение, что ЕЛ-2 и был завершен в те годы, когда в Византии правил Мануил Палеолог (1391—1425). Более того, из последней фразы ЕЛ-2 «Мануила Палеолога сын его лето, православен», казалось бы, следовало, что ЕЛ-2 был составлен в 1392 г.— на втором году царствования Мануила [8]. Однако такое заключение было бы слишком категоричным: на втором году царствования Мануила (или вообще в пределах его царствования, когда итоговый подсчет произвести было невозможно) была составлена статья «Царие, царствующие...», включенная в полном своем виде в ЕЛ-2.

Итак, ЕЛ-2 — свод всемирной истории. Рассказ о взятии Константи-

[6] В ЕЛ-2 не вошел текст Хроники, читающийся в издании Истрина (Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Пг. 1920) на с. 269—278, 279—300, 446—448 и др.; в первую редакцию Еллинского летописца этот текст входил.

[7] О знакомстве древнерусских книжников с этим памятником см.: Мещерский Н. А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.— Л. 1958.

[8] Лихачев Д. С. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в.— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ТОДРЛ), 1948, т. 6.

нополя в 1204 г. крестоносцами относится также к истории Византии, хотя и написан русским автором. Но в ЕЛ-2 читаются еще три фрагмента, извлеченные из русской летописи: рассказ о призвании варягов, рассказ о походе Олега и рассказ о походе Игоря на Царьград. Летопись, явившаяся источником этих вставок, была сходна с Софийской первой летописью, или, во всяком случае, с такой летописью, которая восходила к предполагаемому Своду 1448 г., то есть соединяла в себе московскую и новгородскую летописные традиции. Включение этих незначительных по объему фрагментов отнюдь не указывает на попытки составителя ЕЛ-2 соединить всемирную историю с русской: не случайно два из трех летописных фрагментов тематически связаны с византийской историей — сообщения о походах русских князей на Царьград. Задачу объединения всемирной и отечественной истории выполнит другой значительный памятник древнерусской хронографии — «Русский хронограф».

В последние годы удалось, как нам кажется, отвергнуть традиционную датировку «Русского хронографа» 1442 г., предложенную еще А. А. Шахматовым, и принять версию, согласно которой этот памятник был составлен в первой четверти XVI века[9]. Не акцентируя внимания на этом вопросе, требующем дальнейшего изучения, обратимся к характеристике состава памятника и историографических задач, которые выдвинул перед собой его составитель. Цель своего труда он изложил в одной из статей, предшествующих основному тексту памятника. Составитель пишет, что, желая поведать о «чудесах божьих», то есть об устроенном богом мире и свершившихся в нем событиях, обо всем, что произошло в нем с тех пор, «как начал бог творить», и «до сего времени», составитель «Хронографа» подвигнул себя «на многие и длительные труды», стремясь «избрать из многих летописных и бытийских (видимо, из библейских и хронографических.— *О. Т.*) книг нужнейшее и важнейшее и собрать воедино, ибо все те книги об одном пишут, а во всех много разноречий: тот одно писал, а тот — другое», и из-за большого объема тех книг неудобно их все объединить. Составитель признается, что, хотя его работа подобна сбору цветов в букет или сот медовых, «полна сладости духовной», все же труд его тяжел из-за разноречивости источников, ибо он-то пытался изыскать «правое», то есть истину[10].

Итак, помимо историографических задач перед составителем «Хронографа», как он подчеркивает, стояла и сложная практическая задача: стремясь привлечь новые источники для изложения всемирной истории, он должен был отбирать наиболее достоверные факты и при этом заботиться о том, чтобы труд его не стал непомерно велик. Составитель «Русского хронографа» блестяще справился с этой задачей, потому что он был не только историком-источниковедом, но и талантливым литературным редактором. Он отказался от прежних приемов компиляции, когда текст монтировался из готовых блоков: выдержки из источников могли быть разного объема, могли компоноваться по-новому, но в пределах избранных фрагментов текст оставался почти неизменным.

Составитель «Хронографа» прибегает к пересказу источников, а это дает ему возможность сократить объем текста при незначительных утратах объема информации. Так, его не удовлетворило отсутствие в ЕЛ-2 — одном из основных источников «Русского хронографа» — библейской истории, представленной там в виде наикратчайшего конспекта. Он вводит в свой памятник библейскую историю, искусно ее пересказывая. Сохраняя событийную канву «исторических» библейских книг, он безжалостно сокращал материал, не имеющий сюжетного характера. Библейская книга Даниила, которая, как мы знаем, в ЕЛ-2 была воспроизведена полностью и с толкованиями, подвергается той же операции — она сокращена и пересказана, как и остальные библейские книги.

Новым композиционным элементом «Хронографа» является повествование о Троянской войне. В гл. 107 входит статья «Повесть о создании и попленении Тройском», созданная самим составителем «Хронографа» путем искусного соединения двух источников — южнославянской повести о Троянской войне («Притчи о кралех») и рассказа о том же событии, содержавшегося в византийской стихотворной хронике Константина Манассии[11]. Появление в «Хронографе» этой повести открывало русским книжникам еще один (наряду с «Александрией») эпический сюжет, чрезвычайно популярный во всей Европе. На сюжет Троянского эпоса во Франции пишет стихотворный «Роман о Трое» Бенуа де Сен-Мор (XII в.), в Германии появляются поэма «Песнь о Трое» Герберта фон Фрицлара (начало XIII в.) и роман в стихах «Троянская война» Конрада Вюрцбургского (80-е годы XIII в.). Переработки сказаний о Троянской войне распространяются в XV в. также в Чехии и Польше. Русские книжники воспринимали события Троянской войны как подлинные, исторические. Как уже упоминалось, на рубеже XV–XVI вв. был осуществлен перевод еще одного произведения о Троянской войне — латинского романа «История разрушения Трои» Гвидо де Колумна. На этот перевод сошлется впоследствии Иван Грозный, сравнив своего политического противника Андрея Курбского с Энеем и Антенором, «предателями троянскими»[12]. Хронографическая «Повесть о создании и попленении Тройском» обретет и самостоятельную жизнь; она будет выписываться из «Хронографа» и включаться в сборники как отдельное произведение.

Коренной переработке подверглось в «Хронографе» повествование об истории Рима и Византии. Во-первых, составитель привлек два новых источника: уже упоминавшийся болгарский перевод Хроники Константина Манассии[13], а также сокращенную переработку другой византийской хроники, составленной в начале XII в. Иоанном Зонарой. Переработка эта, носившая название «Паралипомен», возникла на сербской почве, а русским книжникам она стала известна, возможно, по сборнику, сохранившемуся до наших дней в составе Волоколамского собрания Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ). Но не «Паралипомен», а именно Хроника Манассии сыграла значительную роль при составлении «Хронографа». Ее текстом был заменен текст ЕЛ-2, восходивший в свою очередь к хроникам Георгия Амартола и Иоанна Малалы.

Составителя «Хронографа» привлекали особенности повествования Манассии, не утраченные в процессе славянского перевода. Именно стиль этой хроники определил ту манеру повествования, которую исследователи называют «хронографическим стилем». Д. С. Лихачев так характеризовал стиль глав «Хронографа», восходящих к Хронике Манассии: «Все движется и живет в повествовании Хронографа. События описываются в нем в резких красках, сравнения из области звериного мира экспрессивны, при этом изложение обильно насыщено психологическими характеристиками. Даже предметы мертвой природы, даже отвлеченные понятия оказываются злыми, добрыми, награждаются людскими пороками и добродетелями... Автор как бы не может удержать своих чувств, он одержим необходимостью высказаться. Чувства, а не рассудок, владеют его пером...

---

[9] Клосс Б. М. О времени создания русского Хронографа.— ТОДРЛ, 1971, т. 26.

[10] Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб. 1911; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 22, ч. 1, с. 18 (текст дается в переводе).

[11] Подробнее о составе этой хронографической статьи см.: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков. Л. 1972, с. 162–166.

[12] Первое послание Ивана Грозного Курбскому. В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. 1981, с. 34.

[13] По наблюдениям М. А. Салминой, извлечения из Хроники Манассии составили полный текст или вошли в гл. 71 «Хронографа» (Салмина М. А. Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа.— ТОДРЛ, 1979, т. 33).

Речь его превращается в сплошной поток: образы, сравнения, эпитеты заполняют текст» [14].

Вот (в переводе) несколько фрагментов текста «Хронографа», восходящего к Хронике Манассии. Рассказывается, например, что «хаган, царь скифов полуденных» (речь идет о нападении аварского хагана на Византию в 70–80-х годах VI в.), предложил императору Маврикию выкупить 12 тыс. плененных им византийских воинов, оплатив по «златице» за человека. Император пожалел денег, и Манассия разражается патетической инвективой: «Но не захотел Маврикий, одолеваем сребролюбием и злобою, не склонили жестокоумие его ни скифов свирепость, ни дикие помыслы хагана варварского, ни рыдания и слезы плененных. Послал хаган во второй раз к Маврикию, он же не склонился к милосердию. Тогда разъярился хаган словно пардус (гепард.— *О. Т.*) и тигр и послал горькую — на такое множество! — смерть. И пожал (увы мне!) меч это множество и покрыл лицо земное трупами, и поля кровью обагрены, пища птицам парящим и зверям. О злато, гонитель и мучитель прегордый, разоритель городов! О злато, делаешь ты мягкими жестоких, а слабых ожесточаешь, язык развязываешь молчаливым, а разговорчивым заключаешь уста, блеском своим манишь сердца к желаниям, словно камни делаешь мягкими! Кто всесильной твоей крепости может избежать?» [15].

Если речь идет об опасностях, которым подвергался в юные годы император Константин Багрянородный, то хронист не боится утомить читателя вычурным и пространным сравнением: «Как только что посаженное и молодое деревцо не может вынести ни мороза, ни дыхания свирепых ветров, ни сильнейшего дождя, ни удушливой жары, ни выпавшего града, но все это вредит юности его и отовсюду опасности стремятся с корнем его выдрать, так же вот, если от бед злопыхательных смогло оно устоять, то станет закаленным, сад ведь, выросший на ветреном месте, гораздо неприхотливее по своей природе; вот так и тот, юный годами царь, сын Львов, Багрянородный Константин, когда все же после долгого течения солнца (то есть по прошествии времени.— *О. Т.*), и бедственных напастей, и искушений лютых дух приобрел несравнимо твердый, и словно корабельник опытный тихого пристанища после долгих бурь достиг» [16].

Составитель «Хронографа» немало потрудился над стилем болгарского перевода Хроники Манассии, упростил синтаксис, заменил некоторые устаревшие или редкие слова, но в целом оставил неприкосновенными вычурный слог, пестроту красок и образность и экзальтированную патетику своего источника. Хроника Манассии не только позволила составителю «Хронографа» заменить тяжелый, маловыразительный текст, восходящий к Хронике Амартола, другим, эмоциональным и красочным — она помогла составителю памятника продолжить повествование: если Хроника Амартола завершалась описанием правления Романа Лакапина (920—944), то в Хронике Манассии повествование было доведено до времени императора Никифора Вотаниота (1078—1081). Но «Хронограф» завершался рассказом о взятии Константинополя турками в 1453 году. Скупые справки статьи «Царие, царствующие...» не могли удовлетворить составителя: скудность сведений о Византии XII—XV вв. была особенно разительна после изобилующего подробностями сюжетно занимательного и эмоционального повествования Хроники Манассии.

Но на его счастье, под руками оказались жития сербских святых [17]:

[14] Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.– Л. 1947, с. 342–344.

[15] Русский хронограф, с. 301.

[16] Там же, с. 355.

[17] Оба жития входили в тот же сборник (Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Волоколамское собр.), в котором был и «Паралипомен»

«Житие краля Стефана Дечанского», написанное выдающимся болгарским писателем Григорием Цамблаком, и «Житие деспота Стефана Лазаревича», написанное болгарским писателем Константином Костенечским. Оба жития — первоклассные литературные произведения, и их слог мог соперничать со слогом Хроники Константина Манассии. Кроме того, в обоих житиях говорилось не столько о благочестии, нищелюбии и «мнихолюбии» краля и деспота, сколько об их государственных делах. Таким образом, в «Хронограф» вошло повествование об истории Сербии, Болгарии и отчасти Византии за длительный период — с середины XIII в. до середины XV столетия [18]. Это было время героической борьбы славянских народов против турецкой экспансии, и повествование о гибели православных государств Болгарии и Сербии, с которыми Русь была связана теснейшими культурными и церковными узами, а затем завершающий «Хронограф» рассказ о падении Константинополя как бы подводили читателя к тем заключительным фразам памятника, в которых говорилось, что именно Русь, набирающая силы и авторитет, осталась единственным оплотом православия, явилась преемницей великой в прошлом Византийской империи.

Может быть именно для того, чтобы подчеркнуть идею преемственности, составитель «Русского хронографа» включил и сведения по истории Руси, изложив их синхронно со сведениями по истории Византии. Им руководило, вероятно, и радостное сознание того, что если иные «благочестивые царства» «грех ради наших по воле божьей безбожные турки пленили и разгромили и покорили под свою власть, то наша Российская земля... растет и молодеет и возвышается, и ей — Христос милостивый! — дай расти, и молодеть, и шириться до скончания века!» [19]. Видимо, в сознании хрониста с падением Константинополя в 1453 г. завершился некий исторический этап, пал «второй Рим». И хотя, как мы теперь знаем, «Хронограф» был составлен через полвека после этой даты, хронист не спешил перешагивать временной рубеж: ведь эпоха Руси, той Руси, которая еще «молодеет и возвышается», которой суждено, как он надеялся, еще долго «расти и шириться», только началась.

Итак, составитель «Хронографа» основной своей целью считал описание всемирной истории. Этим определялся и выбор источника для русских статей «Хронографа» — им стал сокращенный летописный свод, близкий по составу к Сокращенному своду 1495 года. Лишь в нескольких случаях были использованы другие летописные источники [20].

Прежде чем обратиться к характеристике глав и статей, восходящих к русским летописям, коснемся статьи «О князи рустем» гл. 169. Текст ее восходит не к летописи, а к «Паралипомену» (сокращению славянского перевода греческой Хроники Иоанна Зонары). В «Паралипомене» были объединены и слиты в единый рассказ три фрагмента из полного текста Хроники Зонары, два из которых относятся к описанию царствования Михаила III, а третий — императора Василия Македонянина [21]. Имена русских князей — Аскольда, Дира и Олега — отсутствовали в греческом

Зонары. А. А. Шахматов предположил, что именно этим сборником пользовался составитель «Хронографа» (см. Шахматов А. А. К вопросу о происхождении Хронографа.– Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук (Сб. ОРЯС), СПб., 1899, т. 66, № 8, с. 73). Сейчас эта догадка обрела большую силу, если учесть гипотезу Б. М. Клосса, что «Хронограф» был составлен именно в Волоколамском монастыре (см. Клосс Б. М. Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV – первой половины XVI в. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. Л. 1974).

[18] Текст этих глав «Хронографа» с переводом на современный русский язык и с комментариями опубликован в кн.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М. 1984.

[19] Русский хронограф, с. 439–440 (текст дается в переводе).

[20] Клосс Б. М. О времени создания Русского хронографа.

[21] См., напр., полный список сербского перевода Хроники Зонары: Библиотека Академии наук, Рукописный отдел, 24.4.34, лл. 414, 420об., 427.

тексте и полном славянском переводе: они добавлены в известном нам списке «Паралипомена» (в составе сборника ГБЛ, Волоколамское собр., № 655) и являются поэтому не свидетельством знакомства Зонары с предводителями походов «русов», а результатом комментирования текста русским переписчиком «Паралипомена». Что же касается фразы «роди же нарицаемии руси, иже и кумани...», то она является буквальным переводом греческого текста [22]. Предположение Б. А. Рыбакова, что «роди» — это, возможно, жители города Родень [23], приходится отклонить: перед нами форма именительного падежа множественного числа от слова «род», каковым переведено греческое слово «этнос».

Статьи о русской истории, восходящие в основном к сокращенному летописному своду, регулярно помещаются в «Хронографе», начиная с гл. 167. Изложение событий чрезвычайно кратко, иногда это лишь упоминание о вокняжении или смерти князя, о постройке собора, военном конфликте, но не рассказ. В качестве примера приведем извлечение, вставив в текст, в квадратных скобках, некоторые необходимые даты, чтобы хронологическая сжатость повествования предстала бы перед нами более отчетливо: «При сем цари Иване [24] бысть в Руси великий князь Всеволод Ярославич, был на великом княжении лет 15 [1079–1093]. Сего сынове: Владимер Мономах и Ростислав. В то же лето [1093] седе на великое княжение в Киеве Святополк Изяславич, внук Ярославль. В то же лето [1097] ослеплен был Василко Ростиславич, сын внука Ярославля» [25]. Или: «В лето 6620 [1012] преставися Святополк Изяславич, быв на великом княжении лето 21, и седе на великом княжении в Киеве Владимер Мономах, сын Всеволож, и в лето 625 [1117] постави в Володимери церковь камену святаго Спаса, отоиде в Киев, и преставися Владимер Манамах в лето 633 [1125], княжи 13 лет, а всех лет жил 73, всеми добрыми нравы украшен, его же вси страны трепетаху» [26]. Так в нескольких строках изложено все многолетнее княжение одного из наиболее выдающихся князей Древней Руси.

Тот же характер повествования сохраняется и в дальнейшем. Лишь события монголо-татарского нашествия описаны подробнее (есть даже отдельные статьи «О взятии Москвы», «О взятии Владимеря», «О убиении великого князя Юрья», «О убиении Василия Коньстянтиновича» и др.). События русской истории обрываются на 6958 (1450) г.— времени, близком к падению Константинополя, что лишний раз подчеркивает интерес составителя «Хронографа» к всемирной истории.

Известны и другие попытки объединить хронографию и летописание в одном памятнике, уделив, однако, равное внимание и всемирной и русской истории. Один такой опыт — Никоновская летопись, в состав которой вошли все хронографические статьи, посвященные византийской истории и истории южных славян, начиная со статьи «О убиении Варды кесаря» из гл. 166 «Хронографа». Другой, еще более грандиозный замысел — «историческая энциклопедия XVI в.» (по определению А. Е. Преснякова) — Лицевой хронографический свод. В первых его трех томах содержался текст библейских книг, компиляция из ЕЛ-2 и «Хронографа», причем вслед за извлеченной из «Хронографа» «Повестью о создании и попленении Тройском» следовал почти полный текст русского перевода «Троянской истории» Гвидо де Колумна [27].

В XVI в. составляются и новые редакции «Русского хронографа»: «Хронограф Западнорусский», основанный на редакции 1512 г. «Русского хронографа». В Западнорусском хронографе, во-первых, отсутствовала вся библейская часть; во-вторых, были исключены почти все статьи, содержащие изложение русской истории; в-третьих, текст «Хронографа» был дополнен огромной выпиской из польской Хроники Мартина Бельского — повествования о западноевропейской истории от времени Карла Великого и до 1531 года. Меньший интерес представляет хронографический свод, названный нами «Пространным хронографом». Сам этот свод не сохранился, но отразился в двух восходящих к нему хронографических компиляциях: Хронографе 1599 г. и Хронографе 1601 года.

Чтобы завершить рассказ о развитии хронографии в XVI в., необходимо упомянуть о хронографических компиляциях, известных пока в единичных списках (и, вероятнее всего, в единичных списках и существовавших): это Софийский хронограф, содержащий ряд выписок из Хроники Иоанна Малалы, не известных по другим хронографическим сводам [28], и Тихонравовский хронограф, обнаруженный и исследованный еще В. М. Истриным [29], в котором особый интерес представляет новое обращение к Хронике Иоанна Малалы, к редкой в нашей рукописной традиции ее 5-й книге, повествующей о Троянской войне.

В начале XVII в. (если судить по имеющемуся в одной из статей расчету лет,— в 1617 г.) была составлена новая редакция «Русского хронографа». Эта редакция существенно отличается от редакции 1512 года. Библейская часть в ней сокращена, добавлено много нового материала, например, статьи географического содержания (об островах, о морях, об открытии Америки Колумбом). В обширном извлечении из статьи «О дивиих людях» польской Хроники Мартина Бельского (это один из важных источников редакции 1617 г.) рассказывается о фантастических людях, будто бы обитающих в различных далеких странах. Среди них — и персонажи античной мифологии сатиры («жилище их в лесах, по горам, а хожение их скоро, егда текут, никто же не может постигнути их, а ходят наги... а тело их обросло власами»), и люди «без обеих губ», питающиеся запахом цветов и плодов, и люди, подобные кентаврам («половина человека, а другая — конь»), и люди, у которых «зубы в три ряды, главы у них человечии, а тело лютого зверя», и т. д.

Фантастические сведения об аборигенах содержат и статьи о путешествиях в Америку Х. Колумба и А. Веспуччи: «Нашли остров диких людей, ходят наги, а ноги у них как лапы, а толь велики, что может весь человек плюсною покрытися». Примечателен интерес этой редакции «Хронографа» к античной мифологии: из ЕЛ-2 и из Хроники Бельского здесь помещены рассказы о Геракле, Зевсе и Семеле, Персее и Горгоне Медузе, о Дедале и Икаре, об Орфее, Прометее и других богах и героях [30]. Составитель редакции 1617 г. не обошел вниманием и историю Троянской войны: он заменил «Повесть о создании и попленении Тройском», читавшуюся в редакции 1512 г., статьей «О златом руне волшеб-

[22] Ioanis Zonarae Epitome historiarum. Vol. IV. Lipsiae. 1874, p. 15. О синонимичности в византийских источниках антонимов «росы», «тавры» и «скифы» см.: Бибиков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.). В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980. М. 1981. с. 63сл.

[23] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. М. 1982, с. 346–347. Рыбаков рассматривает статью Никоновской летописи «О князи рустем Оскольде», которая является дословной выпиской из «Хронографа», но в заголовке летописцем добавлено имя Оскольда.

[24] Речь идет о византийском императоре Иоанне II Комнине (1118–1143 гг.), вступившем на престол через четверть века после смерти Всеволода. Этот сбой хронологии типичен для «Хронографа»: так, в главу, посвященную царствованию императора Василия II (ум. в 1025 г.), вошли русские события вплоть до 1054 г., в главу о царствовании Константина Мономаха (1042–1055 гг.) вошли русские события 1054–1078 гг., в главу об императоре Андронике III Палеологе (1328–1341 гг.) — события 1344–1356 гг., и т. д.

[25] Русский хронограф, с. 382.

[26] Там же, с. 386–387.

[27] Щепкин В. Н. Лицевой сборник Российского исторического музея.— Известия ОРЯС, 1899, т. 4, кн. 1, с. 1345–1385; Троянские сказания, с. 167–169.

[28] Его текст опубликован: ТОДРЛ, 1983, т. 37.

[29] Истрин В. М. Особый вид Еллинского летописца из собрания Тихонравова.— Известия ОРЯС, 1912, т. 17, кн. 3.

[30] Подробнее см.: Салмина М. А. Античные мифы в хронографе 1617 г.— ТОДРЛ, 1983, т. 37.

ного овна» — переработкой соответствующей статьи Хроники Бельского. Здесь рассказывается, в частности, о предыстории Троянской войны: о бегстве в Колхиду Фрикса и Геллы, об истории золотого руна, о разрушении Илиона Геркулесом, упоминается миф о Зевсе (Юпитере) и Леде [31].

Русская история изложена в редакции 1617 г. очень неравномерно: о событиях до середины XV в. рассказывается по редакции 1512 г., но текст ее значительно и довольно бессистемно сокращен. Так, опущены сообщения о смерти Юрия Долгорукого и об убийстве Андрея Боголюбского, но сохранено известие о пожаре в Ростове; опущено сообщение о вокняжении Ивана Калиты, но сохранена заметка о голоде, когда «жито все мыши поели». Сведения о событиях после 1452 г. составитель черпал из какого-то другого источника, который пока не определен с достаточной точностью. Большое место уделено в редакции 1617 г. рассказу о событиях Смутного времени. Он доведен до 1613 г. — до воцарения Михаила Романова и представляет собой обстоятельное и совершенное по литературной форме повествование [32]. По характеристике Д. С. Лихачева, «рассказ Хронографа 1617 г. о событиях русской истории XVI — начала XVII в. представляет собою единое и стройное произведение», обнаруживающее единство стилистическое и идейное, произведение, пронизанное светским духом, светской оценкой событий и поступков людей [33].

В главах «Хронографа», посвященных царствованиям Бориса Годунова, Василия Шуйского, борьбе за освобождение Москвы от поляков, с особой отчетливостью проявилось новое качество исторического повествования, которое Лихачев определил как «открытие человеческого характера». Обращаясь непосредственно к рассказу Хронографа 1617 г. о событиях Смутного времени, Лихачев отмечает, что в нем наличествует некая система характеристик, «теоретически изложенная в кратких, но чрезвычайно значительных сентенциях и практически примененная в изображении действующих лиц «Смуты». Эта «система» противостоит средневековой... В ней нет резкого противопоставления добрых и злых, грешных и безгрешных, нет строгого осуждения грешников, нет «абсолютизации» человека, столь свойственной идеалистической системе мировоззрения средневековья» [34].

Освободившись от церковно-историографической концепционности, Хронограф XVII в. делает «крупный шаг на пути секуляризации русской хронографии» [35]; рядом с историей православного мира — а только она интересовала, как мы помним, составителя ЕЛ-2 или Хронографа 1512 г. — появляются сведения о «латинах», то есть о странах католического вероисповедания; рядом с библейской историей пересказываются и комментируются языческие мифы. Но наряду с этим «Хронограф» в своей всемирно-исторической части утрачивает былую композиционную стройность, напоминая порой сборник статей, расположенных в хронологическом порядке, выбор которых определяется их занимательностью или нравоучительностью. Эта тенденция, заметная уже в Хронографе 1617 г., становится главной в дальнейшем развитии русского хронографического жанра.

Все чаще и чаще в XVII в. появляются хронографы «особого состава»: компилятивные сочинения, основанные на той или иной традиционной разновидности хронографа, но существенно дополненные или переработанные в соответствии с интересами заказчика или составителя.

[31] Текст этой статьи исследован и опубликован в кн.: Троянские сказания, с. 139–147, 159–160, 184–186.
[32] См. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII века. М. 1987.
[33] Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М. 1970, с. 12–13.
[34] Там же, с. 7, 13.
[35] Там же, с. 12.

14

Примером такого хронографа особого состава может служить рукопись конца XVII — начала XVIII в., подаренная Публичной библиотеке в прошлом веке А. Н. Олениным. В основе хронографа — редакция 1617 года. Канонический текст сохранен, но сделаны многочисленные и обширные вставки. Одним из источников компиляции явилась Никоновская летопись, почти полный текст которой вошел в состав описываемого хронографа. Сюда же включены «Послание Филофея Мисюрю Мунехину», Повесть о Скандербеге и другие памятники. Работа над хронографами особого состава активно продолжается и в XVIII веке.

Такова вкратце история хронографического жанра в древнерусской литературе. В последние годы было обнаружено и описано много хронографических текстов (списки Хроники Амартола, Хроники Георгия Синкелла, списки разных редакций «Русского хронографа»), предпринята публикация некоторых хронографических текстов, существенно дополнены и пересмотрены прежние представления об истории хронографических сводов — второй редакции Летописца еллинского и римского. Остается еще много нерешенных задач. Нужно продолжить разыскания о времени и обстоятельствах составления «Русского хронографа» редакции 1512 года. Недостаточно изучена хронография XVII века. Текст «Хронографа» редакции 1617 г. издан крайне неудовлетворительно. Так называемая третья редакция «Хронографа» (или редакция 1620 г.) практически не изучена, если не считать краткого обзора, сделанного А. Н. Поповым более 100 лет назад [36]. Хронография — важный жанр древнерусской историографии, который должен оставаться в поле зрения исследователей.

[36] Попов А. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М. 1869.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

АЛЕКСАНДР I

В. А. Федоров

Старший сын Павла I и внук Екатерины II родился 12 декабря 1777 года. Екатерина II нарекла его в честь Александра Невского — покровителя Петербурга. Александр был ее любимым внуком, и она сама руководила его воспитанием. Русскую словесность и историю ему преподавал М. Н. Муравьев — писатель, один из просвещеннейших людей своего времени (отец будущих декабристов); естественные науки — известный ученый и путешественник П. С. Паллас; законоучителем и духовником был протоиерей А. А. Самборский — по отзывам современников, «человек светский, лишенный глубокого религиозного чувства», сумевший однако же внушить это чувство своему ученику. Самборский долго жил в Англии, был страстным англоманом; ему было поручено, помимо духовных наставлений, обучать Александра английскому языку.

По рекомендации публициста и дипломата Ф. Гримма, с которым Екатерина вела дружескую переписку, в 1782 г. в Россию был приглашен швейцарец Ф. П. Лагарп — человек высокообразованный, приверженец идей Просвещения и республиканец по взглядам — состоять «кавалером» при Александре и обучать его французскому языку. В этой должности он находился 11 лет (1784—1795). Знакомя Александра с отвлеченными понятиями о естественном равенстве людей, предпочтительности республиканской формы правления, о политической и гражданской свободе, о «всеобщем благе», к которому должен стремиться правитель, Лагарп при этом тщательно обходил реальные язвы крепостнической России. Более всего он занимался нравственным воспитанием своего ученика. Рассказывают, что по совету Лагарпа Александр вел журнал, куда записывал все свои проступки. Впоследствии он говорил, что всем, что есть в нем хорошего, был обязан Лагарпу.

Общий надзор за воспитанием Александра и его младшего брата Константина был вверен графу Н. И. Салтыкову, ограниченному, но ловкому придворному интригану, главной обязанностью которого было доносить императрице о каждом шаге Александра и Константина, равно как и их воспитателей.

Несмотря на подбор блестящих преподавателей, Александр не получил основательного образования. Они отмечали в своем ученике нелюбовь к серьезному учению, медлительность, леность, склонность к праздности. Он не умел сосредоточиться. Мало читал; обладая незаурядным умом, быстро схватывал всякую мысль, но потом так же быстро ее забывал. В 1793 г., когда Александру еще не исполнилось и 16 лет, Екатерина II женила его на 14-летней баденской принцессе Луизе, нареченной в православии Елизаветой Алексеевной. Женитьба положила конец учебным занятиям Александра.

ФЕДОРОВ Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор Московского университета.

Действенной школой его воспитания была атмосфера враждующих между собою «большого двора» Екатерины II в Петербурге и «малого» — Павла Петровича в Гатчине. Необходимость лавировать между ними приучила Александра, по выражению В. О. Ключевского, «жить на два ума, держать две парадные физиономии», развила в нем скрытность и лицемерие. Роскошь и утонченные салонные разговоры не могли скрыть от него закулисную, неприглядную жизнь двора его державной бабки. Он видел непривлекательность грубых гатчинских порядков, презрение Екатерины и ее придворных к «малому двору» в Гатчине, слышал недвусмысленные высказывания своего отца об «узурпации» Екатериной его прав на престол. Тогда-то и сложилась личность Александра, вызывавшая разноречивые оценки и суждения как современников, так и позднее историков.

Уже в 1787 г. Екатерина решила передать престол Александру минуя Павла, а в 1794 г. ознакомила с этим планом своих наиболее доверенных сановников, ссылаясь на «нрав и неспособность» Павла. Утверждают, что против выступил В. А. Мусин-Пушкин, и дело о престолонаследии на время остановилось [1]. В сентябре 1796 г., незадолго до кончины, Екатерина вновь говорила с Александром о своем решении и начала составлять об этом манифест. Намерения Екатерины не были тайной для Павла. О них ему было известно от самого Александра. Уверяя отца в своем нежелании принять престол, он в присутствии А. А. Аракчеева принес Павлу присягу как императору и еще при жизни Екатерины называл его «императорским величеством» [2].

Чтобы погасить подозрительность отца, Александр во всеуслышание заявлял, что желает вообще «отречься от сего неприглядного поприща» (наследования престола); об этом же он сообщал в письмах, несомненно перлюстрируемых для Павла. В 1796 г. он писал Лагарпу (в то время уже выехавшему из России) о своем желании «поселиться с женою на берегах Рейна» и «жить спокойно частным человеком, полагая свое счастие в обществе друзей и в изучении природы» [3].

По вступлении Павла на престол Александр получает ряд важных постов: его назначают военным губернатором Петербурга, шефом лейб-гвардии Семеновского полка, инспектором кавалерии и пехоты, а несколько позже и председателем военного департамента Сената. Каждое утро он обязан был являться к отцу с рапортом, выслушивая от него строгие выговоры за малейшую ошибку. Ряд крупных военных назначений получил и Константин, с которым Павел обращался так же круто, как и с любым офицером. Как свидетельствуют современники, Александр и Константин очень боялись своего деспотичного отца.

В 1796 г. вокруг Александра сложился дружеский, «интимный» кружок молодых аристократов — князь А. А. Чарторыский, граф П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, граф В. П. Кочубей. Собираясь тайно, члены кружка вели откровенные беседы о необходимости отменить крепостничество, о вреде деспотизма, о предпочтительности республиканского образа правления. При этом Александр высказывал весьма радикальные взгляды. Он, как вспоминал Чарторыский, говорил, «что ненавидит деспотизм... любит одну свободу, на которую имеют одинаковое право все люди, что он с живым участием следил за французскою революциею, что, осуждая ее ужасные крайности, он желает республике успехов и радуется им... что желал бы всюду видеть республики и признает эту форму правления

---

[1] Русский архив, 1869, стб. 642–643, 1882 (Воспоминания С. М. Голицына и Н. А. Саблукова).

[2] Довнар-Запольский М. В. Обзор новейшей истории России. Т. 1. М. 1912, с. 30.

[3] Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Тт. 1–4. СПб. 1897–1898. Т. 1, с. 114.

единственно сообразною с правами человечества,.. что наследственная монархия — установление несправедливое и нелепое, что верховную власть должна даровать не случайность рождения, а голосование народа, который сумеет избрать наиболее способного к управлению государством». Чарторыский уверяет, что Александр говорил это вполне искренне.

Во время коронации Павла I Чарторыский по поручению Александра подготовил проект «манифеста», в котором указывалось на «неудобства» неограниченной монархии и на выгоды той формы правления, которую Александр, когда он станет императором, надеялся даровать, утвердив свободу и правосудие. Далее говорилось, что Александр, «исполнив эту священную для него обязанность», намерен «отказаться от власти для того, чтобы признанный наиболее достойным ее носить мог упрочить и усовершенствовать дело, основание которого он положил» [4]. Александр был весьма доволен составленным проектом, благодарил за него Чарторыского, а затем надежно спрятал проект и никогда не заговаривал о нем. Это было вполне в духе Александра.

Впоследствии, уже будучи императором, он не раз заявлял о своем намерении ввести в России конституцию, «законно-свободные учреждения», представительное правление, поручал составить проекты в этом духе, одобрял их и неизменно прятал под сукно. Разрыв между словом и делом, демагогическими заявлениями и реальной политикой был для него характерен и находит свое объяснение в несомненном влиянии противоречивой политики «просвещенного абсолютизма». Модные либеральные и просветительские идеи прекрасно уживались в ней с реакционной абсолютистско-крепостнической практикой.

«Ужасная четырехлетняя школа при Павле», по словам Н. М. Карамзина, не прошла бесследно. К скрытности, лицемерию прибавился страх перед деспотом-отцом, а впоследствии и боязнь заговора. Не только «тень убитого отца», но и опасность самому стать жертвой заговора постоянно преследовали Александра. Правление Павла I вызвало всеобщее недовольство, особенно среди дворянства, интересы которого были сильно ущемлены. К тому же при непредсказуемом поведении Павла никто не мог чувствовать себя в безопасности. Один из современников свидетельствует, что Павел уже готовил приказ своим фаворитам Аракчееву и Ф. И. Линденеру «заточить императрицу и двух сыновей и тем избавиться от всех тех, которые казались ему подозрительными». Императрицу Марию Федоровну предполагалось сослать в Холмогоры, Александра посадить в Шлиссельбург, а Константина в Петропавловскую крепость [5]. Это и помогло заговорщикам привлечь Александра на свою сторону.

Заговор против Павла I созрел уже к середине 1800 года. Вдохновителем его был екатерининский вельможа Н. П. Панин, а руководителем и исполнителем петербургский военный генерал-губернатор граф П. А. Пален; причастен к заговору был и английский посол Ч. Витворт; была вовлечена также большая группа гвардейских офицеров. В сентябре 1800 г. состоялся конфиденциальный разговор Панина с Александром, в котором он «намекнул» на возможное насильственное устранение Павла. Далее все переговоры с Александром вел Пален. Александр дал согласие при условии сохранения жизни отцу, даже заставил Палена поклясться. «Я дал ему это обещание,—говорил после Пален,—я не был так безрассуден, чтобы ручаться за то, что было невозможно. Но нужно было успокоить угрызения совести моего будущего государя. Я наружно согласился с его намерением, хотя был убежден, что оно

[4] Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб. 1909, с. 31–32.

[5] Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Кн. 1. 1859. М. 1971, с. 49–50.

невыполнимо» [6]. Впоследствии Александр утверждал, что заговорщики его «обманули» и демонстративно удалил их всех в деревни. Некоторые исследователи полагают, что Александр лишь на словах потребовал от заговорщиков клятвы, хотя сам не рассчитывал на иной исход дела [7].

В начале марта 1801 г. Павел прослышал о готовящемся заговоре и поделился этим с Паленом. Медлить было нельзя. С Александром был согласован срок выступления — ночь с 11 на 12 марта, когда караул должны были нести солдаты Семеновского полка, шефом которого был Александр. В первом часу ночи Пален принес ему весть о «скоропостижной кончине» Павла I. Рассказывают, что Александр «залился слезами». Пален заставил его выйти к собранным во дворе Михайловского замка Семеновскому и Преображенскому полкам. «Довольно ребячиться, ступайте царствовать и покажитесь гвардии»,— сказал он [8]. 12 марта 1801 г. был обнародован манифест, в котором говорилось: «Судьбам всевышнего угодно было прекратить жизнь любезнейшего родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца» [9].

При известии о смерти Павла I «столичное общество предалось необузданной и ребяческой радости,— вспоминал один из современников,— восторг выходил даже из пределов благопристойности» [10]. Дружный хор торжественных од приветствовал восшествие на престол Александра I. Среди них была и ода Г. Р. Державина «На всерадостное восшествие на престол императора Александра Первого». Правда, она не была пропущена в печать, ибо в ней содержался недвусмысленный намек на дворцовый переворот, но Александр пожаловал за нее поэту бриллиантовый перстень. День коронации нового царя приветствовал стихами и Карамзин. «После краткого и несчастливого царствования Павла вступление на престол Александра было встречено восторженными возгласами,— писал декабрист А. М. Муравьев.— Никогда еще бóльшие чаяния не возлагались у нас на наследника власти. Спешили забыть безумное царствование. Все надеялись на ученика Лагарпа и Муравьева» [11].

Сам Александр своим поведением и даже внешним видом производил впечатление на публику. Скромно одетый император «запросто» разъезжал или гулял пешком по улицам Петербурга, и толпа восторженно приветствовала его, а он «милостиво отвечал на эту дань почтения» [12]. Самые его слова и поступки, по выражению А. М. Муравьева, «дышали желанием быть любимым».

В августе 1801 г. в Петербурге появился вызванный Александром из Женевы Лагарп. Но это был уже не тот республиканец и «якобинец», некогда смущавший придворные круги. Теперь он предостерегает своего воспитанника от «призрачной свободы народных собраний и либеральных увлечений вообще», указывает на пример Пруссии, «соединившей с законами порядок» — твердую монархическую власть. Он советует «сохранить в неприкосновенности» абсолютную власть. «Не дайте себя увлечь тем отвращением, какое внушает вам абсолютная власть, сохраните ее в целости и нераздельно»,— говорил Лагарп. Он давал совет: «Надо приучать своих министров к мысли, что они — только уполномо-

[6] Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX века. Л. 1976, с. 128.

[7] История последнего дворцового переворота в России подробно исследована в кн.: Эйдельман Н. Я. Грань веков. М. 1982.

[8] Мельгунов С. П. Дела и люди александровского времени. Т. 1. Берлин. 1923, с. 5.

[9] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ). Т. 26, № 19779.

[10] Цит. по: Мельгунов С. П. Ук. соч., с. 11.

[11] Мемуары декабристов. Северное общество. М. 1981, с. 123.

[12] Шильдер Н. К. Ук. соч. Т. 2, с. 331.

ченные», обязанные докладывать монарху все дела «во всей полноте и отчетливости»; царю следует «выслушивать внимательно их мнения, но решение принимать самому и без них, так что им остается лишь исполнение». Наконец, он требовал от Александра покарать убийц Павла, дабы впредь не было подобных покушений. Лагарп хотя и понимал вред крепостничества, но советовал Александру вести дело постепенно, «без шума и тревоги» и без малейшего посягательства на права собственности дворянства [13].

Александр вступил на престол со сложившимися взглядами и намерениями, с определенной «тактикой» поведения и управления государством. Современники говорили о таких чертах его характера и поведения, как скрытность, лицемерие, непостоянство: «сущий прельститель» (М. М. Сперанский), «властитель слабый и лукавый» (А. С. Пушкин), «сфинкс, не разгаданный до гроба» (П. А. Вяземский), «коронованный Гамлет, которого всю жизнь преследовала тень убитого отца» (А. И. Герцен). Отмечали в нем и «странное смешение философских поветрий XVIII в. с принципами прирожденного самовластия». Друг его юности Чарторыский впоследствии отзывался о нем: «Император любил внешние формы свободы, как можно любить представление... но кроме форм и внешности, он ничего не хотел и ничуть не был расположен терпеть, чтобы они обратились в действительность». Генерал Н. А. Тучков отметил в воспоминаниях, что уже «при начале вступления на престол» Александра «из некоторых его поступков виден был дух неограниченного самовластия, мщения, злопамятности, недоверчивости, непостоянства и обманов». А. И. Тургенев (брат декабриста Н. И. Тургенева) называл Александра «республиканцем на словах и самодержцем на деле» и считал, что «лучше деспотизм Павла, чем деспотизм скрытый и переменчивый» Александра [14].

Александр I отличался поистине виртуозной способностью строить свои успехи на чужой доверчивости; обладая «врожденным даром любезности», мог ловко расположить к себе людей различных взглядов и убеждений: с «либералами» говорить о «либерализме», с ретроградами — о «незыблемых устоях», проливать «обильные слезы» с религиозной фанатичкой баронессой В. Ю. Крюденер, беседовать с квакерами о спасении души и веротерпимости [15]. За актерство современники называли Александра «северный Тальма» (знаменитый в то время французский актер).

Крайне самолюбивый, недоверчивый и подозрительный, Александр ловко пользовался людскими слабостями, умел играть в «откровенность» как надежное средство управлять людьми, подчинять их своей воле. Он любил приближать к себе лиц, плохо относившихся друг к другу, и ловко пользовался их взаимной неприязнью и интригами, а однажды так и заявил управляющему канцелярией Министерства полиции Я. И. де Санглену: «Интриганы так же нужны в общем государственном деле, как и люди честные, иногда даже более» [16].

М. А. Корф вспоминал, что Александр, подобно бабке своей Екатерине II, «в высшей степени умел покорять себе умы и проникать в души других, утаивая собственные ощущения и помыслы» [17]. Французская писательница мадам де Сталь, на которую Александр произвел большое впечатление при встрече с ним в 1814 г. в Париже, писала о нем как о «человеке замечательного ума и сведений». Александр говорил

[13] Там же, с. 48–50; см. также: Пресняков А. Е. Александр I. Пг. 1924, с. 62–63; Мельгунов С. П. Ук. соч., с. 55.
[14] Мельгунов С. П. Ук. соч., с. 55.
[15] Там же, с. 83.
[16] Довнар-Запольский М. В. Ук. соч., с. 39.
[17] Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Т. 1. СПб. 1912, с. 24.

с нею о вреде деспотизма и заверял в своем искреннем желании освободить крепостных. В том же году во время визита в Англию он наговорил массу любезностей вигам и уверял их, что намерен создать оппозицию и в России, ибо она правильнее помогает отнестись к делу [18].

«Благодушие» и «приветливость» Александра покорили известного прусского государственного деятеля барона Ф. Штейна. Однако от прусского министра не укрылась присущая российскому императору черта: «Он нередко прибегает к оружию лукавства и хитрости для достижения своих целей» [19]. Известно высказывание Наполеона: «Александр умен, приятен, образован, но ему нельзя доверять; он неискренен: это — истинный византиец... тонкий, притворный, хитрый». Известно и высказывание шведского посла Лагербильке: «В политике Александр тонок, как кончик булавки, остер, как бритва, фальшив, как пена морская». «Изворотлив, как грек»,— отозвался о нем французский писатель Ф. Шатобриан [20].

Александр не любил тех, кто «возвышался талантами». Современники отмечали, что он «любит только посредственность; настоящий гений, ум и талант пугают его, и он только против воли и отворотясь, употребляет их в крайних случаях» [21]. Конечно, он не мог обойтись без умных, талантливых государственных и военных деятелей, таких, как М. М. Сперанский, М. И. Кутузов, Н. С. Мордвинов. Нельзя назвать бездарностями и реакционных деятелей его царствования, таких как А. А. Аракчеев, А. С. Шишков, митрополит Филарет. Но в большинстве своем его окружали беспринципные, без чести и совести царедворцы наподобие московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина, министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, «гасителей просвещения» Д. П. Рунича и М. Л. Магницкого, изувера-фанатика архимандрита Фотия.

Александр и сам довольно нелестно отзывался о сановниках, которыми себя окружил. В 1820 г. он жаловался прусскому королю Фридриху-Вильгельму III, что «окружен негодяями» и «многих хотел прогнать, но на их место являлись такие же» [22]. Он старался приблизить к себе людей, не имевших прочных связей в аристократических кругах, привлекал лиц, заведомо ничтожных и даже презираемых в обществе, неохотно назначал на государственные посты представителей родовой аристократии, которая вела себя независимо. Особенно оскорбляло чувства обойденных «засилье иностранцев» на русской службе, которым Александр демонстративно отдавал предпочтение. «Чтобы понравиться властелину, нужно быть или иностранцем или носить иностранную фамилию»,— сетовал А. М. Муравьев [23].

В салонах передавали друг другу остроту генерала А. П. Ермолова, который на вопрос царя, какую награду он хотел бы получить за свои воинские заслуги, ответил: «Государь, сделайте меня немцем». Декабрист И. Д. Якушкин вспоминает: «До слуха всех беспрестанно доходили изречения императора Александра, в которых выражалось явное презрение к русским». Во время смотра своих войск в 1814 г. во французском городке Вертю, в ответ на похвалы герцога Веллингтона по поводу их организации, Александр во всеуслышание заявил, что этим он обязан иностранцам, а однажды в Зимнем дворце, «говоря о русских вообще, сказал, что каждый из них плут или дурак». Не случайно в числе задач Союза спасения было противодействие иностранцам, находившимся на русской службе [24].

[18] Довнар-Запольский М. В. Ук. соч., с. 35; Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб. 1900, с. 44.
[19] Пыпин А. Н. Ук. соч., с. 40.
[20] Мельгунов С. П. Ук. соч., с. 62.
[21] Пыпин А. Н. Ук. соч., с. 43–44.
[22] Там же, с. 381.
[23] Мемуары декабристов. Северное общество, с. 125.
[24] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М. 1951, с. 8–10, 384.

Помимо неискренности, «изменчивости и двусмысленности его характера», у Александра отмечали упрямство, подозрительность, недоверчивость, большое самолюбие и стремление «искать популярности по любому поводу». В семейном кругу его называли «кротким упрямцем». Шведский посол барон Стединг отзывался о нем: «Если его трудно было в чем-нибудь убедить, то еще труднее заставить отказаться от мысли, которая в нем возобладала»[25]. Особенное упрямство и настойчивость он проявлял, когда дело касалось его самолюбия. Упрямство вполне соединялось со слабой волей, как «либерализм» на словах — с деспотизмом, и даже жестокостью, на деле. «Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым»,— отзывался о нем Сперанский, который отмечал и непоследовательность царя («он все делает наполовину»).

Александр никогда не забывал событий марта 1801 г.— не столько из-за «угрызения своей совести», сколько как предостережение. Подозрительность, унаследованная от Павла I, с годами возрастала. Отсюда система надзора и сыска, особенно развившаяся в последние годы его царствования. Сам он охотно слушал доносы и даже поощрял их, требуя от своих сотрудников, чтобы они следили друг за другом, и даже считал допустимым прочитывать корреспонденцию своей жены.

У современников сложилось представление о крайней его ветрености и непостоянстве. Для ближайшего окружения Александра не были тайной его сложные семейные отношения, полные взаимной подозрительности и притворства. Все прекрасно знали, в том числе и императрица Елизавета Алексеевна, о продолжительной (более чем 20-летней) связи Александра с А. М. Нарышкиной, которая в 1808 г. родила ему дочь Софью (смерть Софьи Нарышкиной в 1824 г. Александр переживал как самую большую личную трагедию). Он особенно любил «общество эффектных женщин», выказывая им «рыцарское почтение, исполненное изящества и милости», как выражались его современницы. По свидетельству графини Эдлинг, «отношение к женщинам у Александра не изменялось с летами, и [его] благочестие отнюдь не препятствовало веселому времяпровождению»[26].

Полицейские донесения австрийскому канцлеру Меттерниху во время Венского конгресса, куда съехались монархи Европы, пестрят сообщениями о волокитстве русского царя. Но надо сказать, что «игра в любовь» у Александра подчинялась дипломатической интриге. В салонах Вены велась закулисная дипломатическая игра, и Алкcандр, как и французский министр иностранных дел Талейран, от нее не уклонялся.

Сохранилось немало портретов императора, где Александр выглядит высоким и стройным молодым человеком, розовощеким и голубоглазым, с приятной улыбкой. Наиболее близким к натуре считается портрет, написанный английским художником Дж. Доу. Здесь изображен задумавшийся мужчина средних лет с небольшими бакенбардами и сильно поредевшими волосами. С юности Александр был близорук, но предпочитал пользоваться не очками, а лорнетом; был глух на левое ухо, поврежденное еще в детстве, когда он во время стрельбы оказался рядом с артиллерийской батареей. С юности он закаливал свое здоровье, ежедневно принимая холодные ванны. В повседневном быту жил относительно скромно, был скуп. С весны до глубокой осени обычно проживал в Царском Селе, занимая там малые комнаты дворца. Ранним утром, в любую погоду, прогуливался по царскосельскому парку. С 1816 г. постоянным спутником его прогулок стал Карамзин. Император и придворный историограф беседовали по самым острым политическим

[25] Мельгунов С. П. Ук. соч., с. 64.
[26] Там же, с. 99.

вопросам[27]. Зимой император переезжал в Петербург, где по утрам бывал на разводе караула, затем на воинских экзерцициях.

В первые годы царствования он редко покидал Царское Село или Петербург. Частые и продолжительные разъезды приходятся на последние 10 лет его царствования. Подсчитано, что за это время им проделано более 200 тыс. верст пути. Он путешествовал на север и юг России, бывал на Урале, Средней и Нижней Волге, в Финляндии, Варшаве, ездил в Лондон, несколько раз в Париж, Вену, Берлин, посетил ряд других городов Западной Европы.

В манифесте 12 марта 1801 г. Александр I объявил, что будет управлять «богом врученным» ему народом «по законам и по сердцу в бозе почивающей августейшей бабки нашей», тем самым подчеркнув свою приверженность политическому курсу Екатерины II, много сделавшей для расширения дворянских привилегий. Он и начал с того, что восстановил отмененные Павлом I «Жалованные грамоты» дворянству и городам, дворянские выборные корпоративные органы, освободил дворян и духовенство от телесных наказаний (которые ввел Павел), объявил амнистию всем бежавшим за границу от павловских репрессий, вернул из ссылки до 12 тыс. опальных или репрессированных Павлом по политическим мотивам чиновников и военных. Среди них значились возвращенный еще Павлом I из Сибири, но находившийся в ссылке в Калужской губернии «бывший коллежский советник Радищев» и сосланный в Кострому «артиллерии подполковник Ермолов».

Были отменены и другие раздражавшие дворянство павловские указы, вроде запрета носить круглые французские шляпы, выписывать иностранные газеты и журналы, выезжать за границу. В городах исчезли виселицы, к коим прибивали доски с именами опальных. Была объявлена свобода торговли, повелено распечатать частные типографии и дозволить их владельцам издавать книги и журналы. Была упразднена вселявшая страх Тайная экспедиция, занимавшаяся сыском и расправой. Пока это были еще не реформы, а лишь отмена наиболее тиранических распоряжений Павла I, вызывавших всеобщее недовольство, но влияние этих мер на умы было исключительно велико и породило надежды на дальнейшие перемены. В серьезность реформаторских намерений Александра верили не только в России: даже американский президент Т. Джефферсон полагал, что новый русский царь всерьез готовится к реформам.

Хотя в манифесте о восшествии на престол Александр I и подчеркивал преемственность своего правления с царствованием Екатерины II, однако его правление не было ни возвратом к «золотому веку» Екатерины, ни полным отказом от политики, проводимой Павлом. Александр не любил, когда напоминали о царствовании бабки, и недружелюбно относился к екатерининским вельможам. Демонстративно подчеркивая свое отрицание характера и методов павловского правления, он воспринял много черт его царствования, причем в главной его направленности — к дальнейшей бюрократизации управления, к укреплению самовластья. Да и сами «гатчинские привычки» (приверженность к воинской муштре) глубоко укоренились в нем, любовь к парадам и разводам осталась у него на всю жизнь. По натуре Александр I не был реформатором. К такому заключению пришел и весьма осведомленный его биограф великий князь Николай Михайлович: «Император Александр никогда не был реформатором, а в первые годы царствования он был консерватором более всех окружавших его советников»[28].

Однако Александр не мог не считаться с «духом времени», в первую очередь с влиянием идей французской революции, и даже в какой-то

[27] Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М. 1983, с. 112–118.
[28] Вел. кн. Николай Михайлович. Ук. соч., с. 24.

мере использовал эти идеи в своих интересах. Любопытно его заявление: «Самое могучее оружие, каким пользовались французы и которым они еще грозят всем странам, это общее убеждение, которое они сумели распространить, что их дело есть дело свободы и счастья народов», поэтому «истинный интерес законных властей требует, чтобы они вырвали из рук французов это страшное оружие и, завладевши им, воспользовались им против их самих»[29]. В русле этих намерений и следует рассматривать широковещательные демагогические заявления царя (особенно за границей) о его стремлении к преобразованиям, к обеспечению «свободы и счастья народов», о намерении отменить в России крепостное право и ввести «законно-свободные учреждения», т. е. конституционные порядки.

По сути дела Александр I стремился, не меняя основного направления политики Екатерины II и Павла I, к укреплению абсолютизма — такими способами, которые соответствовали бы «духу времени». В этом и заключалась суть его заигрывания с либерализмом, присущего, впрочем, не только Александру, но и другим российским монархам. Однако он не чуждался, особенно в годы откровенной реакции, применять и «палаческие методы управления». Одна из характерных черт российского самодержавия — его умение, в зависимости от конкретной обстановки, проводить гибкую политику, идти на уступки, приспособляться к новым явлениям и процессам в стране и использовать их в интересах укрепления своих позиций.

Вступая на престол, Александр I публично и торжественно провозгласил, что отныне в основе политики будет не личная воля или каприз монарха, а строгое соблюдение законов. В манифесте от 2 апреля 1801 г. об уничтожении Тайной экспедиции говорилось, что отныне положен «надежный оплот злоупотреблению», что «в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона»[30]. При каждом удобном случае Александр любил говорить о приоритете законности. Населению были обещаны правовые гарантии от произвола.

Все эти заявления имели большой общественный резонанс. Идея законности, утверждения «власти закона» была главнейшей у представителей различных направлений русской общественной мысли: Сперанского, Карамзина, декабристов, Пушкина (наиболее четко выражена эта идея в его оде «Вольность»). Для разработки плана преобразований царь привлек своих «молодых друзей» Строганова, Кочубея, Чарторыского и Новосильцева, которые и составили его «интимный кружок», или «Негласный комитет». Хотя комитет и назывался «негласным», о нем знали и говорили многие. Впрочем, и сам Александр не делал из него тайны, опираясь на него в борьбе с сановной оппозицией. «Молодые друзья», однако, уже оставили былые республиканские увлечения и придерживались весьма умеренных взглядов, были осторожны в своих проектах и предположениях и, строя планы реформы государственного управления, рассуждая о необходимости издать «Жалованную грамоту народу», тем не менее исходили из незыблемости основ абсолютизма и сохранения крепостничества.

С июня 1801 по май 1802 г. комитет собирался 35 раз, но в 1803 г. после всего лишь четырех заседаний был закрыт. Александр I уже прочнее чувствовал себя на троне и не было нужды в либеральных разговорах. Хотя все дело и ограничивалось по существу этими разговорами, но они пугали аристократию екатерининских времен, окрестившую комитет «якобинской шайкой». Повод к такому нелестному эпитету подал сам

[29] Инструкция Александра I Н. Н. Новосильцеву, 1804 г. Цит. по: Окунь С. Б. Ук. соч., с. 119.
[30] ПСЗ. Т. 26, № 19813.

царь, в шутку называвший свой «интимный кружок» «комитетом общественного спасения».

«Дух времени» выразился однако в проведенных Александром мерах, хотя и второстепенных, по такому жгучему вопросу, как крестьянский. С самого начала новый царь без какого-либо специального указа или манифеста прекратил раздачу крестьян в частные руки. Уже во время коронации в сентябре 1801 г. таких раздач не последовало «к великому огорчению многих жаждавших сего отличия»[31]. Когда один из сановников (герцог А. Виртембергский) в 1802 г. обратился к Александру I с просьбой о пожаловании ему имения, царь ответил: «Русские крестьяне большею частию принадлежат помещикам; считаю излишним доказывать унижение и бедствие такого состояния, и потому я дал обет не увеличивать число этих несчастных и принял за правило не давать никому в собственность крестьян»[32].

Это отнюдь не означало, что казенные крестьяне были вполне гарантированы от перевода их на положение крепостных. В 1810—1817 гг. в связи с тяжелым финансовым положением империи было продано в частные руки свыше 10 тыс. душ мужского пола; широко практиковалась сдача казенных крестьян в аренду частным лицам в Белоруссии и на Правобережной Украине (к концу царствования Александра I в аренде там числилось 350 тыс. душ). Казенных крестьян закрепощали и другими путями: например, переводили в удельное ведомство, приписывали к казенным заводам и фабрикам, наконец, организовывали военные поселения (последнее было худшим видом крепостной зависимости).

О характере мер к смягчению крепостной зависимости можно судить и по указу 1801 г. о запрещении публиковать объявления о продаже крепостных «без земли», хотя практика такой продажи не запрещалась: в публикуемых объявлениях теперь сообщалось, что крестьянин не «продается», а «отдается внаймы». Указами 1808—1809 гг. помещикам запрещалось продавать крестьян на ярмарках «в розницу», ссылать их в Сибирь за маловажные проступки; помещиков обязывали кормить своих крестьян в голодные годы. Ничтожные результаты дал и указ 20 февраля 1803 г. о «вольных хлебопашцах», предусматривавший выкуп крестьян на волю по обоюдному согласию их с помещиками. Выкупная сумма была настолько высока, и сделка обставлялась такими кабальными условиями, что к 1825 г. дарованным правом смогли воспользоваться менее 0,5% крепостных крестьян. В 1804—1805 гг. был проведен первый этап крестьянской реформы в Латвии и Эстонии. Реформа распространялась только на «крестьян-дворохозяев». Они получали личную свободу без земли, которую должны были арендовать у своих помещиков за феодальные повинности — барщину и оброк. Эти меры Александра I в принципе не затрагивали прав и привилегий помещиков. Правда, указом 12 декабря 1801 г. недворянские свободные сословия — купцы, мещане, казенные крестьяне — получили право покупать землю.

Многие меры Александра I касались просвещения, печати, центрального управления. Цензурный устав 1804 г. считается самым «либеральным» в России XIX века. Он гласил, что цензура вводится «не для стеснения свободы мыслить и писать, а единственно для принятия пристойных мер против злоупотребления оною». Цензорам рекомендовалось руководствоваться «благоразумным снисхождением для сочинителя и не быть придирчивым, толковать места, имеющие двоякий смысл, выгоднейшим для сочинителя образом, нежели преследовать»[33]. Однако цензорская практика сводила эти благие пожелания на нет, а годы усиления реакционного курса Александра I характеризуются настоящим цензурным

[31] Шильдер Н. К. Ук. соч. Т. 2, с. 68.
[32] Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. СПб. 1869, с. 97—98.
[33] ПСЗ. Т. 27, № 20620.

террором. И все же некоторые цензурные послабления в первые годы его царствования нельзя не отметить; расширялась издательская деятельность, появился ряд новых журналов и литературных альманахов, печатались переводы.

По инициативе Александра за счет казны были переведены на русский язык и изданы произведения известных западноевропейских просветителей — философов, экономистов, социологов, юристов — А. Смита, Дж. Бентама, Ч. Беккариа, Ш. Делольма, Ш. Монтескье. Позже декабристы на следствии будут постоянно указывать на этих авторов, из произведений которых они заимствовали «первые вольнодумческие и либеральные мысли».

Реформа народного образования была проведена в 1803—1804 годах. Отныне в учебные заведения могли быть приняты представители всех сословий, на низших ступенях училищ обучение было бесплатным. Вводилась преемственность учебных программ. Низшей ступенью являлось одноклассное приходское училище, второй — уездное трехклассное училище, третьей — шестиклассная гимназия в губернском городе, высшей — университет, который был поставлен и во главе учебного округа и должен был обеспечивать его учебными программами и кадрами учителей. Помимо существовавшего с 1755 г. Московского университета, в 1802—1804 гг. были открыты еще Дерптский, Виленский, Казанский, Харьковский, а также на правах университета Петербургский педагогический институт (преобразован в университет в 1819 г.). Университеты призваны были готовить кроме учителей для гимназий кадры чиновников для гражданской государственной службы и специалистов-медиков. Университетам предоставлялась довольно широкая автономия. К университетам приравнивались привилегированные средние учебные заведения — Демидовский (в Ярославле) и Царскосельский лицей. Основанием в 1801 г. Института путей сообщения и в 1804 г. Московского коммерческого училища было положено начало высшему специальному образованию.

Еще большее значение имели преобразования органов центрального управления. Все важные законы 1802—1812 гг. (а позже при Николае I) составлялись или редактировались Сперанским, то была вершина его карьеры: он занимал посты товарища (заместителя) министра юстиции, государственного секретаря, директора Комиссии составления законов и Комиссии финляндских дел, ведал подготовкой финансовых реформ. В конце 1808 г. Александр I поручил Сперанскому разработку плана государственного преобразования России и к октябрю 1809 г. проект под названием «Введение к уложению государственных законов» был им представлен царю. Реформы должны были проводиться сверху, в интересах укрепления самодержавия, придавая ему «законную форму».

В своем проекте Сперанский теоретически оправдывает и закрепляет неравенство сословий, привилегии дворянства и отсутствие политических и гражданских прав у «народа рабочего», куда зачислялись помещичьи крестьяне, рабочие по найму и домашние слуги. Вводимому «среднему состоянию» (купцы, мещане, государственные крестьяне) предоставлялись «гражданские», но не политические права. Проект проводил принцип «разделения властей» — законодательной, исполнительной и судебной, при независимости судебной власти и ответственности исполнительной перед законодательной. Эта система давала доступ к управлению страной лишь помещикам и верхам нарождавшейся буржуазии, нисколько не нарушая абсолютной власти царя.

Александр I признал проект «удовлетворительным и полезным», однако проведение его в жизнь встретило сильное противодействие со стороны высших сановников, считавших его слишком радикальным и «опасным», и дело свелось к учреждению в 1810 г. Государственного совета — законосовещательного органа при императоре. Новый орган, централизуя

законодательное дело, обеспечивал единообразие юридических норм, предотвращая появление противоречий в законодательных актах, но сама законодательная инициатива и окончательное утверждение законов оставались всецело прерогативой царя. Члены Государственного совета не избирались, а назначались императором.

В 1811 г. было обнародовано подготовленное Сперанским «Общее учреждение министерств», которое увенчало реформу, начатую в 1802 г., когда старые петровские коллегии были заменены новой, европейской формой высшей исполнительной власти — министерствами. Теперь дела по каждому ведомству решались единолично министром, ответственным только перед императором. Если, однако, первоначально структура и функции министерств еще не были четко определены, то новый закон строго разграничивал компетенцию министерств, устанавливал принцип единоначалия и регламентировал взаимоотношения министерств с другими органами высшего государственного управления — Сенатом, Комитетом министров и Государственным советом. Реорганизованное таким образом центральное управление просуществовало, с небольшими изменениями, вплоть до 1917 года.

Преобразовательная деятельность Сперанского вызвала недовольство в реакционных придворных кругах; вокруг него плелись интриги. До Александра I доходили слухи, муссируемые придворной средой, о «неблаговидных» отзывах о нем Сперанского. Самолюбивый император почувствовал себя оскорбленным, но не подавал виду, более того, стал демонстративно оказывать Сперанскому знаки своей «благосклонности», а это, как знали по собственному опыту придворные, служило верным признаком приближавшейся опалы. 1 января 1812 г. Сперанский был удостоен ордена Александра Невского. А 17 марта 1812 г. его вызвали на аудиенцию к императору. После двухчасового конфиденциального разговора он вышел из кабинета императора «в великом смущении». Дома он застал министра полиции А. Д. Балашова с помощником, которые опечатывали его бумаги. У дома уже стоял возок для отправки Сперанского в ссылку. Сначала Сперанский был доставлен в Нижний Новгород, но вскоре переведен в Пермь.

Падение Сперанского вызвало в придворных сферах бурю восторга. Некоторые даже удивлялись «милосердию» царя, не казнившего «этого преступника, изменника и предателя». Сам Александр был убежден в невиновности Сперанского, но решил принести его в жертву, чтобы погасить растущее недовольство. На следующий день после удаления Сперанского Александр говорил А. Н. Голицыну: «Если бы у тебя отсекли руку, ты наверно кричал бы и жаловался, что тебе больно; у меня прошлой ночью отняли Сперанского, а он был моею правою рукою!». Как вспоминал Голицын, «все это было сказано со слезами на глазах». Позже графу К. В. Нессельроде Александр объяснял: «Обстоятельства заставили вынудить у меня эту жертву общественному мнению» [34]. Через четыре года Сперанский был «прощен», назначен сначала пензенским губернатором, а в 1819 г.— генерал-губернатором Сибири, где провел ряд административных реформ. В 1821 г. он был возвращен в Петербург, назначен членом Государственного совета и управляющим Комиссией составления законов, получил значительные земельные пожалования.

Начало XIX в. в Европе было ознаменовано полосой наполеоновских войн, в которые были вовлечены все европейские страны и народы, в том числе и Россия. В 1803 г. началась подготовка Наполеона к вторжению в Англию. Британское правительство энергично сколачивало новую европейскую коалицию против Франции, чему помогли и действия самого Наполеона. По его приказу в 1804 г. в Бадене был схвачен и затем расстрелян принадлежавший к французскому королевскому дому герцог

[34] Шильдер Н. К. Ук. соч. Т. 3, с. 48.

Энгиенский, подозревавшийся в заговоре против Наполеона. Это событие вызвало взрыв негодования всех европейских монархов, однако лишь Александр I заявил официальный протест. В Петербурге был демонстративно объявлен траур, а Наполеону направлена нота против «пролития венценосной крови». Наполеон ответил вызывающим посланием, в котором говорилось, что и в самой России была пролита «венценосная кровь», и пусть Александр I позаботится схватить и наказать убийц своего отца. Это было прозрачное и публичное обвинение.

Военные действия против Франции протекали неудачно для коалиции. После поражения союзных войск 2 декабря 1805 г. при Аустерлице Австрия капитулировала и заключила унизительный мир с Наполеоном. Русские войска были отведены в пределы России, а в Париже начались русско-французские переговоры о мире. 8 июля 1806 г. был заключен мирный договор между Россией и Францией, однако Александр I отказался его ратифицировать, и Россия формально продолжала оставаться в состоянии войны с Францией. Летом 1806 г. Наполеон захватил Голландию и западногерманские княжества, и осенью образовалась четвертая коалиция против Франции (Пруссия, Англия, Швеция и Россия), однако воевать пришлось только Пруссии и России. В середине октября в двух сражениях прусские войска подверглись полному разгрому. Фридрих-Вильгельм III бежал к границам России. Почти вся Пруссия была оккупирована французами. Русской армии пришлось одной в течение семи месяцев вести упорную борьбу против превосходящих сил французов.

Наполеону удалось оттеснить русские войска к Неману, но и французская армия понесла столь значительные потери, что Наполеон не решился тогда войти в пределы России. 25 июня 1807 г. в Тильзите между Россией и Францией были заключены мирный и союзный договоры. По настоянию Александра I Наполеон согласился сохранить самостоятельность Пруссии, хотя территория ее была сокращена наполовину. Неблагоприятные для России условия Тильзитского мира и союзного договора вовлекали ее в фарватер политики Наполеона, ограничивали самостоятельность Александра I в международных делах, вели к внешнеполитической изоляции. Особенно тяжелые последствия вызвало присоединение в 1808 г. России к континентальной блокаде, что причинило существенный ущерб экономике страны, поскольку Англия была ее главным торговым партнером.

Тильзитский мир наносил серьезный удар по международному престижу России, уязвлял и патриотические чувства. Популярность Александра I резко упала. Поднялся всеобщий ропот. «Вообще неудовольствие против императора более и более возрастает,— доносил шведский посол Стединг своему королю,— и на этот счет говорят такие вещи, что страшно слушать». По свидетельству русского современника, «от знатного царедворца до малограмотного писца, от генерала до солдата, все, повинуясь, роптало с негодованием» [35]. Французский посол в Петербурге герцог Р. Савари писал: «Видна оппозиция решительно против всего, что делает император». В 1807 г. распространялся в списках «Проект обращения» дворянства к императору, с требованием проявлять твердость во внешнеполитических вопросах [36]. Поговаривали даже о возможности дворцового переворота и возведении на престол умной и энергичной сестры Александра I Екатерины Павловны, жившей в Твери. По данным французского историка А. Вандаля, усердно собирал и распространял слухи о «заговоре» против русского царя герцог Савари [37].

Александр внимательно следил за настроениями различных кругов и собирал об этом сведения. Еще в 1805 г., уезжая на войну, он создал

[35] Там же. Т. 2, с. 211.
[36] Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб. 1901, с. 615–624.
[37] Вандаль А. Наполеон и Александр. Т. 1. СПб. 1910, с. 111.

Временный комитет высшей полиции для наблюдения за общественным мнением, толками среди публики. После Тильзитского мира этот комитет был преобразован в Комитет общественной безопасности, которому вменялась в обязанность и перлюстрация частных писем [38].

В правящих кругах, однако, прекрасно понимали, что соглашения 1807 г. знаменовали лишь передышку перед новым военным конфликтом с наполеоновской Францией. «Тильзитский мир для Франции,— писал Сперанский,— всегда был мир вооруженный. Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с [этим] миром: самый мир заключал в себе почти все элементы войны».

Ни к одной из войн Наполеон не готовился так тщательно, как к походу на Россию, прекрасно отдавая себе отчет в том, что ему предстоит иметь дело с сильным противником. Под ружье он поставил 1200 тыс. солдат. Около 650 тыс. составивших так называемую Большую армию были двинуты к русским границам. В России знали о всех деталях подготовки Наполеона к войне. Царский посол в Париже князь А. Б. Куракин начиная с 1810 г. регулярно, дважды в месяц доставлял точные данные о численности, вооружении и дислокации французских войск, ценные сведения он за крупные денежные суммы получал от Талейрана — министра иностранных дел в наполеоновском правительстве.

В России знали примерные сроки вторжения французской армии. Распространенное в литературе мнение о «внезапности» нападения Наполеона несправедливо. Неверно также и утверждение, будто вторжение произошло «без объявления войны»: за несколько дней до него Наполеон официально сделал такое объявление. Но Россия к этой войне не была готова, хотя с 1810 г. полным ходом шло перевооружение русской армии, укрепление ее западных границ, строительство крепостей, устройство складов боеприпасов, фуража и продовольствия. Однако тяжелое финансовое положение страны не позволило выполнить эту программу. Архаическая рекрутская система не могла подготовить необходимые резервы.

Александр I не блистал военными талантами. Современники отметили закономерность: там, где он непосредственно находился, его войска терпели неудачи. Во время тильзитской встречи Наполеон прямо сказал Александру: «Военное дело — не Ваше ремесло». В сущности такого же мнения придерживались и трезво мыслящие русские военные и государственные деятели и даже члены царской семьи.

В преддверии войны Александр имел долгую беседу со Сперанским и в частности спросил, что он думает о предстоящей войне и приписать ли ему, императору, непосредственное руководство военными действиями. Сперанский советовал Александру не брать командование лично на себя, а создать Боярскую думу и ей поручить вести войну, при этом «имел дерзость» расхваливать «воинственные таланты» Наполеона, чем сильно уязвил самолюбие царя [39].

Первая акция Александра при известии о вторжении французских войск — предложение Наполеону мира; с письмом императора к Наполеону был направлен генерал А. Д. Балашов. Впрочем, Александр не верил в успех этой миссии, надеясь лишь выиграть время. Присутствие царя в армии сковывало действия русского командования. Александр нашел в себе мужество внять доводам влиятельных лиц и членов царской семьи, но его отъезд из армии преследовал и другую цель — возложить ответственность за первые неудачи и отступление русских войск на своих генералов. Не мог Александр не прислушаться и к голосу общественности, требовавшей назначить главнокомандующим М. И. Кутузова, которого он особенно не жаловал после Аустерлица. «Общество желало его назначения и я его назначил,— сказал он генерал-адъютанту Е. Ф. Комаров-

[38] Шильдер Н. К. Ук. соч. Т. 2, с. 362–366.
[39] Там же. Т. 3, с. 48.

скому.— Что же касается меня, то я умываю руки». При этом Александр сетовал, что в молодости не отдали его к Суворову или Румянцеву: «Они меня научили бы воевать»[40].

Находясь в столице, Александр был в курсе всего, что происходило в действующей армии, отнюдь не довольствуясь официальными донесениями ее командующих. Верный своему принципу противопоставлять одних лиц другим, Александр, передав командование М. Б. Барклаю де Толли, начальником штаба назначил его соперника генерала А. П. Ермолова с правом личного доклада императору; назначив главнокомандующим Кутузова, начальником штаба поставил личного его недруга генерала Л. Л. Беннигсена, доносившего царю о всех шагах Кутузова.

Русские войска с боями, организованно и в полном боевом порядке отступали. Наполеон убедился еще до подхода к Смоленску, что предстоит длительная и изнурительная кампания. Из Смоленска он отправил пленного генерала П. А. Тучкова к Александру I с предложением мира, но оно осталось без ответа. Позже Наполеон, находясь в Москве, несколько раз обращался к царю с подобными предложениями, но все они были отвергнуты. Еще перед началом войны, видя ее неизбежность, Александр заявил: «Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России». Когда война разразилась, он неоднократно заявлял о своей готовности «истощить все силы империи, дойти до Камчатки», но не заключать мира с Наполеоном. Узнав о взятии Москвы, Александр сказал: «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор своего отечества»[41].

Война 1812 г. явилась поистине всенародной, освободительной войной, и это обеспечило победу над агрессором. 25 декабря 1812 г. был издан царский манифест, возвестивший об окончании Отечественной войны. Но победоносное окончание кампании 1812 г. не означало, что невозможна новая агрессия. Сам Наполеон считал, что война против России не закончена. Но теперь военные действия велись уже за ее пределами. Советские историки обычно рассматривают заграничные походы русской армии 1813—1814 гг. как продолжение Отечественной войны 1812 года. Александр I расценивал продолжение борьбы за пределами России как достижение своей цели — низвержения Наполеона. «Не заключу мира, пока Наполеон будет оставаться на престоле»,— открыто заявил он. Добивался он также и восстановления «легитимных», т. е. абсолютистских, режимов в Европе.

Военные успехи России сделали Александра вершителем судеб Европы. С лихвой было удовлетворено и его самолюбие. После решающей битвы при Фершампенуазе (под Парижем) он с гордостью говорил Ермолову: «Ну что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге; меня считали за простачка». И далее: «Двенадцать лет я слыл в Европе посредственным человеком: посмотрим, что она заговорит теперь»[42]. В 1814 г. Сенат преподнес Александру I титул «благословенного, великодушного держав восстановителя». Император находился в зените величия и славы. Декабрист И. Д. Якушкин вспоминает об энтузиазме, с каким был встречен Александр по возвращении в Россию. Его поразил такой эпизод во время царского смотра возвратившейся из Франции гвардии: какой-то мужик, оттесненный толпой, перебежал дорогу перед самым конем Александра I. «Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого царя. Это было во мне первое разочарование на его счет»[43].

[40] Мельгунов С. П. Ук. соч., с. 65.
[41] Довнар-Запольский М. В. Ук. соч., с. 135.
[42] Мельгунов С. П. Ук. соч., с. 67.
[43] Декабристы. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М. 1987, с. 382.

Тщетны оказались надежды ратников ополчений — крепостных крестьян — на обещанную им «волю» как награду за подвиг в Отечественной войне. 30 августа 1814 г., в день тезоименитства царя, был обнародован манифест «Об избавлении державы Российския от нашествия галлов и с ними двунадесяти язык»[44]. Манифест возвещал о даровании дворянству, духовенству, купечеству различных наград, а о крестьянах было сказано: «Крестьяне, верный наш народ — да получит мзду свою от Бога».

1815—1825 гг. принято считать временем мрачной политической реакции, именуемой аракчеевщиной. Однако она в полной мере проявилась не сразу. Примерно до 1819—1820 гг. наряду с проведением ряда реакционных мер имели место и факты «заигрывания с либерализмом»: планы преобразований продолжали разрабатываться, печать и просвещение пока еще не подвергались тем суровым гонениям, какие начались позднее. В 1818—1820 гг. издаются книги К. И. Арсеньева «Российская статистика» и А. П. Куницына «Право естественное», в которых излагались просветительские идеи и открыто ставился вопрос о необходимости отмены крепостного права в России. В журналах еще продолжали публиковаться тексты западноевропейских конституций.

В ноябре 1815 г. Александр I подписал конституцию образованного в составе Российской империи Царства Польского. Для того времени она была весьма либеральной. 15(27) марта 1818 г. при открытии польского сейма в Варшаве царь произнес речь, в которой заявил, что учрежденные в Польше конституционные порядки он намерен «распространить и на все страны, провидением попечению моему вверенные», однако с оговоркой: «когда они достигнут надлежащей зрелости»[45]. Его речь произвела сильное впечатление на прогрессивных людей России, внушив им надежды на конституционные намерения царя. Карамзин отметил, что речь Александра «сильно отразилась в молодых сердцах: спят и видят конституцию»[46]. Передавали и другие конституционные заявления царя. Декабрист Н. И. Тургенев записал 25 октября 1818 г. в своем дневнике сказанное Александром I прусскому генералу Мезону: «Наконец все народы должны освободиться от самовластия. Вы видите, что я делаю в Польше и что хочу сделать и в других моих владениях»[47].

В 1818 г. Александр поручил Н. Н. Новосильцеву составить «Уставную государственную грамоту» в духе принципов польской конституции 1815 года. Проект был готов к 1820 г. и получил «высочайшее одобрение». Хотя проект Новосильцева, готовившийся в глубокой тайне, так и остался на бумаге, однако самый факт его разработки характерен для политики Александра в те годы. В 1816—1819 гг. была завершена крестьянская реформа в Прибалтике. В 1818 г. 12 сановников получили секретные поручения царя подготовить проекты отмены крепостного права и для русских губерний. Один из этих проектов подготовил Аракчеев, намечавший постепенный выкуп помещичьих крестьян в казну.

Но уже в первые послевоенные годы Александр I проводит и ряд реакционных мер. Учреждение в 1816 г. военных поселений Герцен назвал «величайшим преступлением царствования Александра I». Аракчеев первоначально высказывался против военных поселений, предлагая сократить срок солдатской службы до 8 лет и из увольняемых в запас создавать необходимый резерв. Но как только вопрос о военных поселениях был решен Александром I, Аракчеев стал самым рьяным и последовательным проводником в жизнь этой меры. По наблюдению Шильдера, Аракчеев усмотрел «в этой царственной фантазии верное средство еще

[44] ПСЗ. Т. 32, № 25669.
[45] Девятнадцатый век. Кн. 1. М. 1872, с. 476—477.
[46] Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб. 1866, с. 236.
[47] Цит. по: Семевский В. И. Ук. соч., с. 76.

более укрепить свое собственное положение и обеспечить в будущем преобладающее влияние на государственные дела»[48].

Аракчеев начал службу при дворе в царствование Павла I. Сначала Александр его недолюбливал и однажды в кругу гвардейских офицеров назвал «мерзавцем», но затем увидел в нем привлекательные качества: педантичность, поистине маниакальную приверженность к порядку, неукоснительную исполнительность и незаурядные организаторские способности. Письма Александра Аракчееву за эти годы пестрят уверениями в «дружбе» и выражениями «сердечных чувств», подытоженными в письме 1820 г.: «Двадцать пять лет могли доказать искреннюю мою привязанность к тебе и что я не переменчив»[49]. Карьера Аракчеева при Александре I (как и Сперанского) началась в 1803 году. В 1808 г. Аракчеев уже военный министр и — надо отдать ему должное — на этом посту (до 1810 г.) он сделал немало для вооружения русской армии первоклассной артиллерией. Но «звездный час» Аракчеева наступил со времени назначения его начальником военных поселений и председателем Департамента военных дел Государственного совета. 1822—1825 гг.— время наивысшего могущества этого временщика, которого ненавидела вся страна.

Современники, а впоследствии и ряд историков, видели в «змие Аракчееве» главное «зло» России тех лет. Дело представляли так, что император, занятый внешнеполитическими делами, а в последние годы испытывая «глубокую утомленность жизнью», передал управление страной своему жестокому фавориту. Известный мемуарист того времени Ф. Ф. Вигель отзывался об Александре I как о «помещике, сдавшем имение управляющему» (Аракчееву), в полной уверенности, что в этих руках «люди не избалуются». Монархически настроенные дворянские историки пытались все беды страны свалить на Аракчеева, чтобы тем самым в благоприятном свете представить Александра I. Нисколько не отрицая большого влияния временщика на ход государственных дел, все же надо подчеркнуть, что вдохновителем реакционного политического курса был сам царь, а Аракчеев лишь усердно претворил эту политику в жизнь. Александр, даже находясь за границей, держал все нити управления в своих руках, вникая во все мелочи, касающиеся, кстати, и «ведомства» самого Аракчеева — военных поселений. Начальник штаба военных поселений П. А. Клейнмихель свидетельствовал, что многие из аракчеевских приказов по военным поселениям собственноручно правил император.

Через сеть осведомителей Александр внимательно следил за умонастроениями в России и отдавал соответствующие предписания генералам, возглавлявшим сыск[50]. Александр мастерски умел «перекладывать свою непопулярность» на других. Это видел и сам Аракчеев, говоря, что император представляет его «пугалом мирским». Отлично зная его «переменчивую» натуру, Аракчеев даже в годы своего могущества не был уверен в прочности своего положения. Одному из сановников он говорил об Александре I: «Вы знаете его — нынче я, завтра вы, а после опять я».

Реакционный курс самодержавия был тесно связан с общероссийской реакцией. Окончательный поворот Александра к реакции определился в 1819—1820 гг., что было отмечено современниками. «Как он переменился!» — писал об Александре в середине 1819 г. Н. И. Тургенев. Осенью 1820 г. и сам царь говорил австрийскому канцлеру Меттерниху, что он «совершенно изменился». Наблюдательные современники, в первую очередь декабристы, связывали перемену курса с политическими потрясениями в странах Западной Европы: революциями в Португалии, Испании Неаполе, Пьемонте, греческим восстанием 1821 года. «Происшествия в

[48] Шильдер Н. К. Ук. соч. Т. 4, с. 24.
[49] Там же. Т. 1, с. 180.
[50] Мельгунов С. П. Ук. соч., с. 71.

Неаполе и Пиемонте, с современным восстанием греков произвели решительный перелом в намерении государя»,— писал В. И. Штейнгейль[51].

Речь Александра при открытии второго польского сейма 1 (13) сентября 1820 г. сильно отличалась от сказанной два с половиной года назад. Он уже не вспоминал о своем обещании даровать России «законно-свободные учреждения». В это время полыхали революции в южноевропейских странах. «Дух зла покушается водворить снова свое бедственное владычество,— говорил теперь император,— он уже парит над частию Европы, уже накопляет злодеяния и пагубные события». Речь содержала угрозы полякам применить силу в случае обнаружения у них какого-либо политического «расстройства»[52]. На собравшемся осенью 1820 г. конгрессе Священного Союза в Троппау Александр I говорил о необходимости «принять серьезные и действенные меры против пожара, охватившего весь юг Европы и от которого огонь уже разбросан во всех землях»[53]. «Пожар в Европе» заставил сплотиться реакционные державы Священного Союза, несмотря на их разногласия.

В Троппау царь получил известие о восстании лейб-гвардии Семеновского полка, выступившего в октябре 1820 г. против жестокостей его командира Е. Ф. Шварца. Первым Александру сообщил это неприятное известие Меттерних, представив его как свидетельство, что и в России «неспокойно». Полк был раскассирован по различным армейским частям, 1-й батальон предан военному суду и основная его часть разослана по сибирским гарнизонам без права выслуги, а «зачинщики» приговорены к кнуту и бессрочной каторге. Показательна лицемерными словами о «милостях» царская конфирмация приговора суда. «Государь император,— говорится в ней,— приняв в уважение долговременное содержание в крепости рядовых, равно и бытность в сражениях, высочайше повелеть соизволил, избавя их от бесчестного кнутом наказания, прогнать шпицрутенами каждого через батальон 6 раз и потом отослать в рудники»[54].

Александр был убежден, что выступление солдат Семеновского полка инспирировано тайным обществом. «Никто на свете меня не убедит, чтобы сие выступление было вымышлено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с оными полковника Шварца,— писал он Аракчееву.— ...По моему убеждению, тут кроются другие причины... я его приписываю тайным обществам»[55]. Начались их усиленные поиски. Однако не полиция напала на след существовавшего в то время декабристского Союза благоденствия. С ноября 1820 — февраля 1821 г. власти уже располагали серией доносов; в конце мая 1821 г., по возвращении Александра I из-за границы, генерал И. В. Васильчиков подал ему список наиболее активных членов тайного общества. Рассказывают, что царь бросил список в пылающий камин, якобы не желая знать «имен этих несчастных», ибо и сам «в молодости разделял их взгляды», добавив при этом: «Не мне подобает карать»[56].

Карать он умел, и очень жестоко. Отказ же от открытого судебного преследования был вызван отнюдь не соображениями «гуманности». Громкий политический процесс мог посеять сомнения относительно могущества «жандарма Европы». Александр I, по свидетельству С. Г. Волконского, вообще не любил «гласно наказывать». Размышляя, «что воспоследовало бы с членами тайного общества, если бы Александр Павлович не скончался в Таганроге», Волконский писал: «Я убежден, что император не дал бы такой гласности, такого развития о тайном обществе. Несколько человек сгнили бы заживо в Шлиссельбурге, но он почел бы по-

[51] Восстание декабристов. Материалы. Т. 14. М. 1976, с. 18.
[52] Шильдер Н. К. Ук. соч. Т. 4, с. 179.
[53] Там же, с. 186.
[54] Вел. кн. Николай Михайлович. Ук. соч., с. 124.
[55] Русский архив, 1870, № 1, с. 63.
[56] Шильдер Н. К. Ук. соч. Т. 4, с. 204.

зором для себя выказать, что была попытка против его власти»[57]. Действительно, не желая преследовать явно, Александр покарал ряд выявленных членов тайного общества скрытно, без суда и огласки: отставкой и ссылкой с установлением полицейского надзора.

1 августа 1822 г. Александр I дает рескрипт на имя управляющего Министерством внутренних дел В. П. Кочубея о запрещении тайных обществ и масонских лож и о взятии от военных и гражданских чинов подписки, что они не принадлежат и не будут принадлежать к таковым организациям[58]. В течение 1821—1823 гг. вводится централизованная и разветвленная сеть тайной полиции в гвардии и армии. Вся система слежки делилась на ряд округов, имела свои центры, условные явки и пароли, целую сеть низших и высших «корреспондентов». Были особые агенты, следившие за действиями самой тайной полиции, а также друг за другом. Активизировала свою деятельность и «гражданская» тайная полиция. «Недостатка в шпионстве тогда не было,— вспоминает А. И. Михайловский-Данилевский,— правительство было подозрительно, и в редком обществе не было шпионов, из коих, однако же, бо́льшая часть были известны; иные принадлежали к старинным дворянским фамилиям и носили камергерские мундиры»[59].

Следили и за высшими государственными лицами, в том числе за Аракчеевым (у которого, кстати, была и своя тайная полиция). Служивший у него декабрист Г. С. Батеньков вспоминает, как Аракчеев во время прогулки с ним на Фонтанке указал на шпиона, который был «приставлен за ним наблюдать»[60]. В течение всего царствования Александра I действовали «черные кабинеты», занимавшиеся перлюстрацией частных писем. Это было «классическое» время доносов. Доносили не только на лиц с передовыми взглядами, но и на влиятельных вельмож и ретроградов, например, на министра полиции А. Д. Балашова, министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, митрополита Филарета, на Аракчеева. М. Л. Магницкий подал донос даже на великого князя Николая Павловича (будущего Николая I). И несмотря на такую обстановку правительству так и не удалось обезвредить деятельность тайных организаций.

Наступление реакционного правительственного курса в 1820—1825 гг. обозначалось во всех направлениях. Были отменены все указы, изданные в первые годы царствования Александра I и несколько сдерживавшие произвол помещиков по отношению к крестьянам; вновь подтверждалось право помещиков ссылать крестьян в Сибирь «за продерзостные поступки»; крестьянам запрещалось жаловаться на жестокость своих владельцев. Усилились гонения на просвещение и печать. Цензура беспощадно преследовала всякую свободную мысль. В 1819 г. в Казанский университет для «ревизии» был послан Магницкий. Он обнаружил там «дух вольнодумства и безбожия» и потребовал «публичного разрушения» университета. Александр не согласился на это, но поставил Магницкого попечителем Казанского учебного округа.

Из университета было уволено более половины профессоров, из его библиотеки изъяты все книги, отличавшиеся, по мнению Магницкого, «вредным направлением». Попечитель самовольно отдавал студентов в солдаты и ввел в университете казарменный режим, доложив императору: «Яд вольнодумства окончательно оставил университет, где обитает ныне страх божий». В 1821 г. назначенный попечителем Петербургского учебного округа Д. П. Рунич подверг разгрому столичный университет. Он начал с доноса о том, что науки там преподаются «в противном христианству духе», и возбудил судебный процесс против лучших профессоров: К. И. Арсеньева, А. И. Галича, К. Ф. Германа и Э. В. Раупаха. Процесс тянулся до 1827 г., когда был прекращен за недоказанностью «преступления».

[57] Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб. 1902, с. 427–428.
[58] ПСЗ. Т. 38, № 29151.
[59] Русская старина, 1890, № 10, с. 503.
[60] Русские пропилеи. Т. 2. М. 1916, с. 106.

Это было время господства религиозного обскурантизма и мистицизма, поощряемых Александром I. Увлечение царя мистицизмом заметно проявилось с 1814 года. До этого, как свидетельствовала Александра Федоровна (жена Николая I), он в вопросах религии был весьма «фриволен и легкомыслен». В 1814 г. он встречается в Париже с «европейской пифией» баронессой В. Ю. Крюденер и ведет с ней долгие беседы о религии. Беседы продолжались и в России. Он покровительствует духовным собраниям фанатичной Е. Ф. Татариновой, обращается к разного рода «пророкам» и «пророчицам». Вызванного к нему музыканта Никитушку Федорова, слывшего «юродивым» и «пророком», производит в чиновники. Впоследствии царь приблизил к себе известного своим изуверством архимандрита Фотия, близкого друга Аракчеева. А. С. Шишков составляет для Александра выписки из библейских текстов.

В 1814 г., по возвращении из Парижа, Александр берет под свое покровительство Библейское общество, вступив в число его членов и пожертвовав ему значительные денежные суммы. В Библейское общество вошел «цвет» тогдашней аристократической реакции. Председателем его был поставлен А. Н. Голицын. К 1824 г. оно имело уже 89 отделений в России и издало 876 тыс. экземпляров Библии на 40 языках народов России. Деятельность Библейского общества была связана с Министерством духовных дел и народного просвещения, во главе которого находился тот же Голицын. Однако деятельность Библейского общества и голицынского ведомства нарушала прерогативы православной церкви, что и вызвало недовольство и противодействие высшего духовенства. В 1824 г. оно при поддержке Аракчеева и Фотия добилось упразднения «духовного» министерства, отставки Голицына и роспуска Библейского общества (официально оно было закрыто указом 12 апреля 1826 г.). Несмотря на увлечение мистицизмом, царь не терпел вмешательства своих «пророков» в дела управления государством, и когда, например, баронесса Крюденер попыталась вторгнуться в вопросы политики, она была немедленно выслана из России.

В 1819 г. Александр I занялся вопросом о своем преемнике на престол. Родившиеся у него и Елизаветы Алексеевны в 1797 и 1806 гг. дочери Елизавета и Мария умерли в младенчестве. Состояние здоровья жены царя больше не давало надежды на появление у них детей. Хотя в коронационном манифесте от 15 сентября 1801 г. и не был назван наследник но, согласно «Общему акту о престолонаследии» и «Учреждению об императорской фамилии» Павла I от 5 апреля 1797 г., законным преемником Александра считался следующий по старшинству брат Константин, получивший еще в 1799 г. от отца титул цесаревича. Однако и Константин находился «в тех же семейных обстоятельствах», что и Александр, т. е. был бездетным, а со своей женой фактически разошелся в 1801 году. Рождение в 1818 г. у другого брата царя, Николая Павловича, сына Александра (будущего Александра II) определило выбор. Летом 1819 г. Александр I предупредил Николая и его жену, что они «призываются в будущем к императорскому сану».

В том же году Александр нанес визит Константину в Варшаву, где тот находился в качестве наместника царя. Во время этой встречи Александр дал Константину устную санкцию на развод с женой и разрешение вступить в морганатический брак с польской дворянкой Иоанной Грудзинской при условии передачи своих прав на престол Николаю. Позднее, в 1825 г., Константин говорил, что он сам отрекся от своих прав в пользу Николая. Рассказывали, что и ранее в семейном кругу Константин говорил о своем нежелании когда-либо царствовать («удушат, как отца удушили»). Однако документы, связанные с отречением Константи-

на (да и само его поведение в дни междуцарствия 1825 г.), позволяют прийти к выводу, что отречение едва ли было с его стороны вполне добровольным жестом.

20 марта 1820 г. был издан манифест «О расторжении брака великого князя цесаревича Константина Павловича с великою княгинею Анною Федоровною и о дополнительном постановлении об императорской фамилии»[61]. Манифест давал разрешение Константину на развод с женой, а в дополнительном постановлении указывалось, что член царской семьи при вступлении в брак «с лицом не из владетельного дома, не может сообщить ему прав, принадлежащих членам императорской фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование престола». Условия манифеста вынуждали Константина отречься от прав на российский престол, что он и сделал. 2 февраля 1822 г. Александр дал письменное «согласие» на это, а 16 августа 1823 г. последовал манифест, в котором Александр, ссылаясь на письмо Константина, передавал права на престол Николаю.

Все эти акты составлялись и хранились в глубокой тайне. О манифесте знали только сам Александр, Голицын, Аракчеев и составитель текста — митрополит Филарет. Манифест был положен на хранение в Успенском соборе, а три его копии, заверенные подписями Александра I,— в Синоде, Сенате и Государственном совете с собственноручными надписями царя: «Хранить с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть прежде всякого другого действия». Можно предполагать, судя по этой надписи Александра, что свое решение он не считал окончательным и мог его переменить («востребовать» для пересмотра).

Манифестом нарушался изданный Павлом I закон о престолонаследии, о чем и говорил петербургский генерал-губернатор М. А. Милорадович, когда было получено известие о смерти Александра I, и манифест оглашен в присутствии членов Сената, Синода и Государственного совета. Милорадович указывал, что воля императора, «изъявленная в запечатанной бумаге, не может служить законом, потому что русский государь не может располагать наследством престола по духовной»[62]. Николай вынужден был первым принести присягу своему брату как императору. Константин в своих письмах хотя и заявлял об отказе от престола, но, чтобы Николай мог объявить себя императором, Константин должен был обнародовать официальный манифест о своем отречении. Константин же по сути дела отказался сделать это, ограничившись частными письмами. Такое его поведение до сих пор остается загадкой. Оно создало династический кризис, которым, как известно, и воспользовались декабристы.

Современники рисуют весьма неприглядную картину состояния России в последние годы царствования Александра I. «Сжатое просвещение», «задушенная свобода», «лихоимство в судах», «совершенное отсутствие закона и справедливости в судопроизводстве», казнокрадство, принявшее невиданные размеры, всеобщие жалобы на стеснение промышленности и торговли — все это являло декабристам «картину всеобщего неблагоденствия». «Во всех уголках виделись недовольные лица; на улицах пожимали плечами, везде шептались — все говорили, к чему это приведет? все элементы были в брожении»,— писал впоследствии из крепости Николаю I декабрист А. А. Бестужев.

Нарастало недовольство самим Александром I, который уже не мог «прикрыться» Аракчеевым. Д. И. Завалишин вспоминал, что в последние годы царствования Александра I «раздражение против него было значительно, не было очевиднее факта, до какой степени государь потерял в последнее время уважение и расположение народа». Об «общем негодовании» против Александра I в эти годы свидетельствовал и П. Г. Каховский[63].

Приближенные Александра I отмечали, что в последние годы он становился все мрачнее, чаще стал уединяться. Разумеется, он не мог знать о растущем ропоте в народе и различных общественных кругах и был убежден в существовании тайных обществ и готовящемся против него заговоре, подозревал в этом многих влиятельных лиц из военной среды. В 1826 г. при разборе его бумаг была обнаружена записка, датируемая 1824 г., в которой он писал о росте «пагубного духа вольномыслия» в войсках, о существовании «по разным местам тайных обществ или клубов», с которыми связаны влиятельные лица из военных — А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский, П. Д. Киселев, М. Ф. Орлов и др.[64].

В середине июля 1825 г. Александр получил достоверные сведения о том, что против него зреет заговор в войсках, расквартированных на юге России. Унтер-офицер южных военных поселений И. В. Шервуд случайно узнал о тайном обществе и немедленно донес об этом царю. Однако единственного факта было недостаточно, чтобы обрушить репрессии на участников заговора. По личному указанию Александра I был разработан план выявления конкретных членов и руководителей тайной организации. Возглавлял это расследование Аракчеев. Известия о заговоре в войсках, расположенных на юге России, заставили Александра I отменить намеченный на осень 1825 г. смотр войск в Белой Церкви[65]. Впоследствии из показаний декабристов стало известно, что они замышляли использовать этот смотр для своего выступления.

1 сентября 1825 г. Александр выехал на юг, намереваясь посетить там военные поселения, Крым и Кавказ (поездка предпринималась для поправления здоровья императрицы). 14 сентября царь был уже в Таганроге. Через 9 дней туда приехала Елизавета Алексеевна. С нею Александр посетил Азов и устье Дона, а 20 октября отправился в Крым, где посетил Симферополь, Алупку, Ливадию, Ялту, Балаклаву, Севастополь, Бахчисарай, Евпаторию. 27 октября на пути из Балаклавы в Георгиевский монастырь царь простудился, ибо ехал верхом в одном мундире при сыром пронизывающем ветре. 5 ноября он возвратился в Таганрог уже тяжело больным. Лейб-медики констатировали лихорадку. Ранее в Таганрог прибыл начальник южных военных поселений И. О. Витт с новым доносом на тайное общество, содержавшим и имена руководителей заговора (в том числе П. И. Пестеля). Еще до своей поездки в Крым Александр вызвал в Таганрог Аракчеева, но тот не приехал ввиду постигшего его несчастья (убийства дворовыми людьми его любовницы, Н. Минкиной).

С 7 ноября болезнь императора обострилась. В Петербург и Варшаву были отправлены тревожные бюллетени о состоянии его здоровья. 9 ноября наступило временное облегчение. 10 ноября Александр отдал приказ арестовать выявленных членов тайной организации. Это и было последнее распоряжение Александра: вскоре он окончательно слег, и все дело по раскрытию тайной организации взял на себя начальник Главного штаба И. И. Дибич. Приступы болезни делались все сильнее и продолжительнее. 14 ноября царь пришел в беспамятство. Врачебный консилиум установил, что надежд на выздоровление нет. В бреду он несколько раз повторял по адресу заговорщиков: «Чудовища! Неблагодарные!». 16 ноября царь «впал в летаргический сон», который сменился конвульсиями и агонией. В 11 часов утра 19 ноября он скончался.

Неожиданная смерть Александра I, ранее никогда не болевшего и отличавшегося отменным здоровьем, еще не старого (ему не было и 48 лет),

[61] ПСЗ. Т. 37, № 28208.

[62] Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск. 1983, с. 233.

[63] Из писем и показаний декабристов. СПб. 1906, с. 29–30, 39–40; Завалишин Д. И. Записки декабриста. Т. 1. Мюнхен. 1904, с. 253.

[64] Шильдер Н. К. Ук. соч. Т. 4, с. 330.

[65] Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 2. М. 1955, с. 197.

породила слухи и легенды. Фантастические рассказы о таганрогских событиях появились в 1826 г. в заграничных газетах. В дальнейшем среди многочисленных слухов наиболее широкое распространение получила легенда о «таинственном старце» Федоре Кузьмиче, под именем которого якобы долгие годы (до 1864 г.) скрывался Александр I. Легенда породила обширную литературу, включая повесть Л. Н. Толстого «Записки Федора Кузьмича». Великий князь Николай Михайлович, имевший доступ к секретным материалам императорской семьи, в специальном исследовании «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича» (СПб. 1907) опроверг легенду о «перевоплощении». Еще более аргументированно это сделано в книге К. В. Кудряшова «Александр I и тайна Федора Кузьмича» (Пг. 1923). И все же вплоть до недавнего времени эта легенда продолжала обсуждаться в нашей литературе.

В 1966 г. в защиту ее выступил Л. Л. Любимов, дополнивший известные мемуарные свидетельства рассказами потомков лиц, некогда близких к царскому двору[66]. С аргументированной критикой его доводов выступили С. Б. Окунь и Н. Н. Белянчиков[67]. Все версии о «перевоплощении» Александра I в «старца Федора Кузьмича» основаны исключительно на слухах, зафиксированных мемуаристами. При этом игнорируются или без всякого основания ставятся под сомнение такие документальные материалы, как подробнейшие бюллетени о ходе болезни Александра I, акты вскрытия тела, официальные донесения о болезни и смерти императора, посланные генералами свиты П. М. Волконским и И. И. Дибичем. Наконец, имеются письма императрицы Елизаветы Алексеевны, находившейся при муже до самой его кончины, а также письма придворных дам — княгини С. Волконской и камер-фрейлины Е. Валуевой.

В истории царствования и биографии Александра I имеются спорные и неизученные проблемы. До сих пор неясно, чем были вызваны в 1821 г. отказ Александра I от открытого судебного преследования тайного общества, решение скрывать манифест о передаче прав на престол Николаю, минуя Константина, отмеченная современниками душевная депрессия императора в последние годы жизни. Недостаточно изучены сущность «правительственного либерализма» в начале царствования Александра I, характер его социальной политики, разноречивы оценки его позиции в «польском», «финляндском» и «греческом» вопросах. Деятельность этого монарха еще ждет обстоятельного исследования.

---

[66] Любимов Л. Л. Тайна старца Федора Кузьмича.– Вопросы истории, 1966, № 1.

[67] Окунь С. Б., Белянчиков Н. Н. Существует ли «тайна Федора Кузьмича»? – Вопросы истории, 1967, № 1.

МАО ЦЗЭДУН

В. С. Мясников

Летом 1956 г. Мао Цзэдун переплыл р. Янцзы, чему посвятил свое стихотворение «Плавание»: «Недавно Янцзы переплыл, что вдали простерлась на многие тысячи ли... Хотя ветер дует и волны пошли, сень сада на суше меня не влечет». Стихосложение и плавание были давними увлечениями Мао. В январе 1957 г. он подготовил к публикации 18 своих поэтических произведений. Мао Цзэдун владел различными жанрами классической поэзии, создавал стихи на мотивы старинных песнопений и опирался при этом на древнюю поэтическую традицию. В «Плавании» Мао картину перемен на Янцзы связал с революционными переменами в стране. «Ветер дует и волны пошли» — вот главная идея этого стихотворения.

Веяния XX съезда КПСС дошли до Китая, Компартия Китая шла к своему VIII съезду, и 62-летний Мао Цзэдун переплыл Янцзы, чтобы продемонстрировать, что он преисполнен сил и энергии и ему еще рано отдыхать в «сени сада». А 16 июля 1966 г. состоялся новый его заплыв по Янцзы, для чего был сооружен пластиковый бассейн. По течению бассейн передвигали десятки пловцов, внутри его плыл Мао Цзэдун, одновременно выслушивая доклады о положении дел в Пекине. Там в то время «культурная революция» вступала в решающую фазу. Возвратившись в столицу через несколько дней, Мао в ответ на последнее публичное выступление Председателя КНР Лю Шаоци, пытавшегося спасти от расправы партийные кадры, заявил, обращаясь к хунвейбинам: «Бунт против реакционеров — правое дело». Китай был ввергнут в пучину трагических событий. «Весь терем продувается ветром»,— этой метафорой в одном из своих новых стихотворений Мао Цзэдун прогнозировал желанную ему ситуацию потрясений.

9 сентября 1976 г. он ушел из жизни, прожив почти 83 года, из которых 27 лет руководил огромной страной и около 40 лет возглавлял компартию, крупнейшую в мире по численности. Сегодня, когда начался новый этап в советско-китайских отношениях, возникли объективные условия для того, чтобы глубже изучать опыт прошлого наших отношений. Мао принадлежит в нем особое место.

В 19-й день 11-й луны 19-го года императорского правления под девизом Гуансюй (т. е. 26 декабря 1893 г.) в дер. Шаошань провинции Хунань в семье зажиточного крестьянина Мао Жэньшэна родился первый из будущих четырех детей сын[1], нареченный Жуньчжи. Полноватым круглым лицом мальчик был похож на мать, что считалось счастливой приметой, а крупная родинка на левой стороне подбородка — по поверью, признак того, что он будет властвовать над людьми; наконец, он родился

МЯСНИКОВ Владимир Степанович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР.

[1] Три брата Мао Цзэдуна были казнены гоминьдановцами. Их дети жили в семье Мао.

в год Змеи, и в его гороскопе значилось, что он может стать интеллектуалом, а соответствовавший месячному циклу знак Козерога предвещал, что последняя фаза его жизни будет отмечена бурными событиями. В старом Китае верили предсказаниям.

В пять лет по обычаю мальчику дали второе имя — Цзэдун, это означало, что детство окончено и он должен выполнять посильную работу. С 8 лет он пошел учиться в сельскую школу. И в семье, и в школе обычным способом воспитания было битье. Цзэдун убежал из школы, затем предупредил, что утопится в пруду, если отец не перестанет его бить. Отец обещал прекратить рукоприкладство, а сын извинился, встав все же лишь на одно колено вместо двух. Оба этих случая считались из ряда вон выходящими в конфуцианском Китае, где повиновение старшим (учителю, отцу и т. д.) было основой жизненного уклада. Уклоняясь от домашней работы, Цзэдун обычно уходил куда-нибудь, чтобы в укромном месте почитать книгу. Его любимыми героями стали основатель первой единой Китайской империи Цинь Ши-хуанди, разбойники из романа «Речные заводи», военные и политические деятели эпохи Хань, выведенные в романе «Троецарствие», затем Наполеон, о котором он узнал из брошюры «Великие герои мировой истории» [2].

В те годы, когда он начинал жить в «собственной системе измерений», в его характере обнаружились две определяющие черты: первая — честолюбие, удовлетворяемое через власть; вторая — стремление поставить другого человека в такое положение, из которого тот вынужден будет искать выход. Крестьянский сын, овладевший, несмотря на сословные и имущественные препоны, знаниями, нес в себе тем не менее презрительное отношение именно к «книжным знаниям». Он не стал интеллигентом, а, наоборот, всегда потом подчеркивал неполноценность горожан-«полуинтеллигентов», далеких от практики и не имеющих жизненного опыта сельских тружеников. Выступая 1 февраля 1941 г. в Яньани, Мао говорил: «Читать книги — это самое легкое дело на свете, легче, чем готовить пищу или резать свиней... Вполне возможно, что мое суждение вызовет у некоторых раздражение. Они могут спросить меня: «По-твоему, Маркс тоже был полуинтеллигентом?» Я бы ответил так, верно то, что Маркс не умел ни резать свинью, ни обрабатывать землю, но он принимал участие в революционном движении, изучал, что такое товар... Только таким путем Маркс стал действительно интеллигентом» [3].

Считая себя представителем интересов крестьянства как «главной силы революции», Мао Цзэдун с этой позиции подходил затем к другим социальным слоям. Он стал автором принятого 1 декабря 1939 г. ЦК КПК решения «Широко привлекать интеллигенцию», в котором подчеркивалось, что компартия должна уметь привлекать интеллигентов к национально-освободительной борьбе, ибо «без участия интеллигенции победа революции невозможна» [4]. Но одно дело — использование интеллигенции, а другое — отношение к ней. Не случайно в годы «культурной революции» интеллигенция в «школах 7 мая» «перевоспитывалась», участвуя в самых тяжелых и неприглядных формах сельского труда [5].

Мао Цзэдуну было 27 лет, когда он вступил в коммунистические кружки, а спустя год стал одним из основателей КПК. Его честолюбие диктовало ему вопросы: как доказать всем, что именно он должен быть главой партии, и как стать потом вождем великого народа? История КПК

---

[2] Rice E., Mao's Way. Berkeley. 1972, pp. 5–7; см. также здесь и ниже: Ch'en J. Mao and the Chinese Revolution. N. Y. 1967; ejusd. Great Lives Observed: Mao. N. Y. 1969; Schram S. Mao Tse-tung. Baltimore. 1967; ejusd. The Political Thought of Mao Tse-tung. N. Y. 1967; Uholley S. Mao Tse-tung. N. Y. 1975.

[3] Цит. по: Румянцев А. М. Истоки и эволюция идей Мао Цзэдуна. М. 1972, с. 19.

[4] Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 3. М. 1953, с. 129.

[5] Маркова С. Д. Маоизм и интеллигенция. М. 1974, с. 204.

свидетельствует, что во взглядах и практике Мао уже в 20—30-е годы многое было неприемлемо для других коммунистов и вызывало резкую критику. Поэтому он начал укреплять свое положение, дискредитируя признанных руководителей КПК Ли Дачжао и Чэнь Дусю, а одновременно организовывал травлю всех, кто выступал против выдвижения его самого. «Мао Цзэдун является хитрым политиканом, поэтому он и внутри партии не бросал своего старого искусства,— отмечалось в 1930 г. в документах коммунистических органов провинции Цзянси.— Он устраивал интриги внутри партии, склоки между товарищами, и это являлось его излюбленным и обычным приемом. Он мечтал создать свою личную клику и разрушить партийную организацию» [6].

За левацкий авантюризм Мао Цзэдун не раз подвергался партвзысканиям. На III съезде КПК в 1923 г. он попытался увязать развитие революции в Китае с военным конфликтом между СССР и Китаем. В 1927 г. утверждал, что перед Китаем стоит задача не антифеодальной и антиимпериалистической, а непосредственно социалистической революции. На VI съезде КПК, проходившем под Москвой в 1928 г., Мао, не присутствовавший на съезде, был подвергнут серьезной критике за то, что при комплектовании Красной Армии Китая опирался на люмпен-пролетариат [7]. В 1929 г. Мао Цзэдун выдвинул «стратегический план» — в течение одного года овладеть провинцией Цзянси. Этот «весьма хитрый и коварный человек с чрезвычайно развитым индивидуализмом» «издавна был против ЦК», «неоднократные указания ЦК отвергал и умышленно не выполнял их»,— отмечалось в экстренном циркулярном сообщении Исполкома КПК провинции Цзянси от 15 декабря 1930 г.; он «разработал коварный план с тем, чтобы погубить товарищей по партии», «хочет сосредоточить власть в своих руках,.. не упускает случая обрушиться на Чжу с критикой и делает это на всех собраниях, ... старается ... окончательно подорвать престиж Чжу Дэ» [8].

Левацкий подход навсегда стал характерен для Мао Цзэдуна, а особенно четко выразился в 1930—1931 гг., когда он солидаризировался с Ли Лисанем, рассчитывавшим вовлечь СССР в мировую войну, чтобы ускорить тем самым китайскую революцию [9]. В январе 1935 г. на совещании в Цзуньи Мао Цзэдун, сыграв на самолюбии военных, составлявших там большинство, и подвергнув критике председателя Военного совета ЦК КПК и политкомиссара Чжоу Эньлая, а также исполнявшего обязанности Генерального секретаря КПК Цинь Бансяна (Бо Гу), добился избрания себя в секретариат ЦК [10]. К 1936 г. относится первая попытка Мао заявить о себе всему миру, для чего им были организованы встречи с американским журналистом Сноу. Сноу, имевший контакты с Госдепартаментом США и по совместительству преподававший в пекинском Яньцзиньском университете литературу, был заинтересован в получении из первых рук данных о коммунистическом движении в Китае. Беседы со Сноу были проредактированы лично Мао, причем Сноу обещал ему не раскрывать в своих корреспонденциях ряд сведений, сообщенных конфиденциально. Все же Сноу показал в книге, что Мао Цзэдун — самоуверенный и властолюбивый лидер, который старается приписать себе бóльшую часть заслуг китайского революционного движения, а взгляды его на революционный процесс расходятся с позициями марксистов-ленин-

---

[6] Владимиров О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. М. 1975, с. 38; см. также: Федоров И. Ф., Зубаков В. Г. Членство в КПК: как строилась партия «идей Мао Цзэдуна»? М. 1980.

[7] Из шести съездов КПК до 1936 г. Мао присутствовал на трех, причем выступал только на III. На пяти Пленумах ЦК КПК шестого созыва (1928–1934 гг.) он вообще не присутствовал.

[8] Владимиров О., Рязанцев В. Ук. соч., с. 41–42.

[9] Григорьев А. М. Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг. М. 1980, с. 175–220.

[10] Новейшая история Китая, 1928–1948. М. 1984, с. 157–158.

цев; что он более привержен национализму, чем интернационализму [11].

Возглавив в 1935 г. КПК, Мао Цзэдун продолжал выступать с левацкой тактикой, которая могла привести к подрыву единого национального фронта Китая. Это четко проявилось во время так называемого сианьского инцидента в декабре 1936 г., когда Мао выступал за ликвидацию Чан Кайши, взятого в плен патриотически настроенными военными. Но в 1937—1938 гг. Мао Цзэдун резко повернул вправо, и в тех районах, которые контролировались китайской Красной Армией, подготовленная по его указанию октябрьская (1937 г.) директива отдела пропаганды ЦК КПК запретила проповедь всякой классовой борьбы, демократии и интернационализма. А когда Мао и его сторонникам удалось в конце 30 — начале 40-х годов оттеснить от руководства КПК коммунистов-интернационалистов, в ряде документов, предназначенных для партии и армии, была усилена националистическая пропаганда.

Чтобы удержать захваченную в КПК власть, Мао Цзэдун начал насаждать культ собственной личности. Основным средством для достижения этой цели становятся массовые политические кампании. В 1941—1945 гг., когда внимание и силы ВКП(б) были сосредоточены на борьбе с германским фашизмом, Мао проводил в Яньани чжэнфэн — «кампанию по упорядочению стиля», в ходе которой фальсифицировал историю КПК, представляя собственную фигуру в качестве главного ее персонажа, добиваясь абсолютного авторитета и полной власти в партии и в контролировавшихся Красной Армией районах. Эту кампанию характеризовало наличие продуманного плана с разнообразным арсеналом средств реализации.

Мао Цзэдун поставил под контроль средства информации, создал прочную опору в органах безопасности. Прямая дискредитация линии Коминтерна в Китайской революции и опыта ВКП(б), навязывание в качестве идеологической основы партии «идей Мао Цзэдуна», перевоспитание КПК в духе угодных Мао взглядов — вот во что вылилась эта кампания, ставшая прообразом будущей «культурной революции». Спецслужбы (которыми руководило его доверенное лицо — Кан Шэн, человек с подозрительным прошлым) развернули арест лиц, «подозреваемых» в связях с Гоминьданом и японцами. Честных коммунистов заставляли каяться во всевозможных антипартийных проступках, восхвалять Мао; почти все его оппоненты в руководстве КПК были вынуждены публично признать свои взгляды «вредными» или просто подчиниться решению осудившего их ЦК КПК [12].

В декабре 1943 г., уже после самороспуска Коминтерна, встревоженный Г. М. Димитров обратился к Мао Цзэдуну с письмом: «Я считаю политически неправильной проводимую кампанию против Чжоу Эньлая и Ван Мина, которым инкриминируется... политика национального фронта, в итоге которой они якобы вели партию к расколу. Таких людей, как Чжоу Эньлай и Ван Мин, надо не отсекать от партии, а сохранять и всемерно использовать для дела партии. Меня тревожит и то обстоятельство, что среди части партийных кадров имеются нездоровые настроения в отношении Советского Союза. Сомнительной мне представляется также и роль Кан Шэна. Проведение такого правильного партийного мероприятия, как очистка партии от вражеских элементов и ее сплочение, осуществляется Кан Шэном и его аппаратом в таких уродливых формах, которые способны лишь посеять взаимную подозрительность, вызвать глубокое возмущение рядовой массы членов партии и помочь врагу в его усилиях по разложению партии» [13].

Мао Цзэдун приближался к своему 50-летию. Именно тогда его опи-

[11] Автобиография Мао Цзэдуна помещена в книге: Snow E. Red Star over China. N. Y. 1944, pp. 123–154.

[12] Новейшая история Китая, с. 217.

[13] Там же, с. 218.

сал представитель Коминтерна, находившийся в Яньани, П. П. Владимиров. В самый трудный момент Великой Отечественной войны, когда гитлеровцы прорвались к Волге, Мао и его окружение даже не помышляли о том, чтобы оказать посильную помощь СССР и вели себя с наигранной веселостью, с наивной смелостью и цинизмом, рассуждая о возможности «поражения СССР»; как только речь касалась действий китайской Красной Армии в случае нападения Японии на СССР, Мао уходил от обсуждения и не связывал себя обещаниями [14]. В целом он показал себя как расчетливый политик, более доверяющий практике, чем идеалам, и сознающий, что он превосходит всех лиц из своего окружения в способности вести борьбу за сохранение роли лидера.

Многочисленные взлеты и падения приучили Мао Цзэдуна к недоверчивости. Он умел быть мягким и обходительным, но иногда впадал в слепую ярость. Умело манипулировал массовым сознанием, сочетая пренебрежение к массам (известно его изречение: «Народ — это чистый лист бумаги, на котором можно писать любые иероглифы») с тезисом, что историю творит именно народ. На протяжении всей жизни он стремился к созданию собственного культа. Он упорно насаждал этот культ, уничтожая всех, кто делал попытки выступить против. Он постоянно был нацелен на то, чтобы устранять с политической арены своих соперников. То, что известно в связи с культом личности Сталина, было продублировано в Китае. Мао Цзэдун копировал Сталина, восхищался им, боялся и ненавидел его.

В детстве мать наставляла Мао Цзэдуна, что метод открытых выступлений — «не китайский путь» [15], и советовала применять непрямые атаки. Мао научился использовать весь арсенал известных ему средств, прикрывая стремление к личной власти призывами к борьбе за высокие идеалы революции. Отличительной чертой его характера было умение привлекать на свою сторону одних, заставляя других служить себе. Он широко использовал традиционные приемы выдвижения кадров, когда сначала кого-либо наказывали, а затем неожиданно повышали в должности. Так воспитывалась личная преданность вождю. Выиграв во внутрипартийной борьбе у Ли Лисаня и Чжан Готао, у Бо Гу и Ван Мина, Мао Цзэдун сосредоточил затем силы против главного противника — Чан Кайши.

Чан Кайши стал национальным лидером в годы антияпонской войны. Опытный политик, он умело использовал социальную и национальную демагогию, поручив своим помощникам изложить исповедуемые им политические принципы в книге «Судьбы Китая» [16]. Это обязывало Мао Цзэдуна выступить с работами, которые привлекли бы по крайней мере не меньшее внимание. Популярность Чан Кайши обеспечивалась гоминьдановской государственной и партийной пропагандистской машиной, выпустившей даже сборник цитат «любимого вождя нации». К тому же Чан Кайши был признанным представителем Китая на мировой арене. С ним считались главы великих держав, вели с ним личную переписку Сталин и Рузвельт. С этим врагом (позднее — с его тенью на Тайване) Мао довелось сражаться до конца жизни, даже после победы в ходе революции 1949 года.

На III Пленуме ЦК КПК 6-го созыва 20 апреля 1945 г. после ожесточенных дискуссий было принято «Решение по некоторым вопросам истории нашей партии». В нем все достижения КПК и Китайской революции объяснялись мудрым «руководством Мао Цзэдуна» и осуществлением его идей, а ошибки и недостатки были отнесены за счет других лиц [17]. На

[14] Владимиров П. П. Особый район Китая, 1942–1945. М. 1973, с. 79–80.

[15] Rice E. Op. cit., pp. 4–5; Цзян Цзеши. Судьба Китая. Чунцин. 1944 (на кит. яз.).

[16] Chiang Kai-shek. The China Destiny. N. Y. 1947.

[17] Новейшая история Китая, с. 227.

начавшемся вслед за Пленумом VII съезде КПК Мао выступил с политическим отчетом «О коалиционном правительстве», где отмечал, что регулярные войска КПК стали главной силой в войне против японских захватчиков; он не исключал возможности гражданской войны после окончания войны с Японией, но сделал упор на том, что предпочтительнее избежать ее. На съезде был принят новый устав КПК, в котором отмечалось: «Коммунистическая партия Китая во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна». Так была заменена прежняя формулировка о марксизме-ленинизме как основе идеологии Коммунистической партии.

Чтобы внедрить в сознание партии ту мысль, что идеи Мао Цзэдуна дополняют марксизм-ленинизм, потребовалась длительная борьба, массовые чистки и репрессии, особенно при подготовке VII съезда КПК. Эта борьба носила название кампании по «исправлению стиля». Мао одержал победу и через 24 года после создания КПК стал ее лидером. «VII съезд, проходивший в 1945 г. под председательством товарища Мао Цзэдуна,— повествует бывший председатель Военного совета ЦК КПК Дэн Сяопин,— был после создания нашей партии самым важным съездом в период демократической революции. VII съезд обобщил исторический опыт зигзагообразного развития китайской демократической революции за 20 с лишним лет, разработал верную программу и тактику, устранил в партийных рядах ошибочные взгляды и обеспечил на основе марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна их идейное единство и небывалую сплоченность. Он заложил фундамент для победы новодемократической революции во всей стране» [18].

На VII съезде КПК Мао Цзэдун был избран на специально учрежденный для него пост Председателя ЦК КПК [19]. Этот пост был придуман самим Мао, который теперь становился выше Генерального секретаря ЦК партии. А поскольку Чан Кайши тоже был председателем (вэйюаньчжан в верховном государственном органе) и в народе его так и звали «председатель», то Мао, став «председателем», творил свой имидж главы нации.

В 56 лет Мао Цзэдун вышел на арену мировой политики как лидер Китайской Народной Республики, уже имея за плечами известный дипломатический опыт переговоров с представителями США, зачаствившими в Яньань в 1944—1945 годах. На контакты с зарубежными деятелями неизменно накладывали особый отпечаток актерские черты его характера. Рассказывая о Мао как о человеке, А. А. Громыко отмечал, что, «если отвлечься от его теоретических установок, от его мировоззренческих концепций и особых взглядов в политике, то перед вами предстанет человек в общем любезный и даже обходительный. Мао понимал шутку и сам к ней прибегал. Старую китайскую философию он считал своим родным домом, основательно ее штудировал и говорил об этом. Со знанием ссылался на авторитеты. Мао Цзэдун уважал собеседника, который мог с ним потягаться в обсуждении проблем, но когда дело доходило до острых вопросов политики, то у него на лице появлялась маска. Мао тут же становился другим человеком. На моих глазах в Пекине он просидел весь обед рядом со своим главным гостем — Хрущевым, сказав не более десятка протокольных слов. Мои усилия и в какой-то степени усилия китайского министра Чэнь И положение не выправили» [20].

Сноу пришел к выводу, что основная черта политических взглядов Мао Цзэдуна заключалась в том, что он стремился в первую очередь подчеркивать роль Китая как великой державы. Рассказывая о формировании своего мировоззрения, Мао отмечал, что «сначала это была конфуцианская школа, в ней я шесть лет учил «Четверокнижие» и «Пятикнижие» и в то время очень почитал Конфуция, а потом я попал в буржуазную школу и учился в ней семь лет, в буржуазной школе преподавали только буржуазную философию, я тогда очень почитал Канта, особенно же верил в дуализм. Сначала у меня была феодальная идеология, а потом буржуазно-демократическая». Рассматривая эволюцию его взглядов, исследователи считали возможным выделить три ее главных звена: традиционализм, анархизм, марксизм.

[18] Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М. 1988, с. 4.
[19] Новейшая история Китая, с. 229.
[20] Громыко А. А. Памятное. Кн. 2. М. 1988, с. 134.

Традиционализм впитывался Мао Цзэдуном со школьной скамьи, при чтении художественно-исторической литературы, посещении традиционного китайского театра и от уличных народных сказителей. Первым его учебником был конфуцианский канон «Луньюй» [21], который он часто цитировал. В яньаньских пещерах Мао постоянно вспоминал примеры из истории Китая, цитировал классические книги, особенно эпохи Чуньцю [22]. В произведениях Мао часто встречаются упоминания сюжетов и персонажей исторических романов «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад», приводятся примеры из истории династий Цинь, Хань, Тан и Мин, когда известные полководцы с помощью более совершенной стратегии и тактики одерживали блистательные победы. Составление хитроумных планов стало в политике Китая традицией. От решений важнейших проблем и до народной игры в облавные шашки (вэйци) — всюду велось состязание в составлении стратагем.

В годы антияпонской войны Мао Цзэдун часто ссылался на борьбу крестьянских повстанческих армий, широко использовавших партизанские приемы. Лозунг «древность на службу современности» как идеологическая установка возник у Мао не случайно. Идеи превосходства китайской культуры над другими, составлявшие основу воспитания в старом Китае, сформировали догмат его китаецентристской внешней политики. Древность использовалась Мао для конструирования социально-политических, экономических и философских основ его идей, а в политической практике он использовал сведения из древних канонов, посвященных военному искусству и дипломатии. В них Мао искал рецепты возрождения былого имперского величия [23]. Влияние традиционной идеологии и политических учений на идеи Мао подробно освещено в трудах советских ученых [24].

Одним из любимых произведений Мао Цзэдуна была «Книга правителя области Шан». Древний легист Шан Ян утверждал, что «государство может достичь спокойствия благодаря земледелию и войне... На государство, которое любит силу, трудно напасть, а государство, на которое трудно напасть, непременно добьется процветания... Если войска совершают действия, на которые не отважится противник,— это значит, что [страна] сильна... Если [во время войны] страна совершает действия, которых противник устыдился бы, то она будет в выигрыше» [25].

Мао Цзэдуну исполнилось 18 лет, когда руководимая Сунь Ятсеном Синьхайская революция свергла Цинскую монархию. Но суньятсенизм не увлек юного Мао. Он предпочитал тогда анархизм. Взгляды китайских анархистов эволюционировали к тем идеалам, которые излагались М. А. Бакуниным и П. А. Кропоткиным [26]. Мао подчеркивал превосходство анархизма над марксизмом: анархисты «не гнались за ощутимыми результатами, старались вначале поднять простой народ... Взгляды людей

[21] Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. III. Пекин. 1969, с. 17.
[22] Там же. Т. I. Пекин. 1967, с. 268–269; т. IV. Пекин. 1969, с. 468.
[23] О динамике лозунга «Древность на службе современности» см.: Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М. 1981, с. 3–10.
[24] Алтайский М., Георгиев В. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэдуна. М. 1969; Критика теоретических концепций Мао Цзэдуна. М. 1970; Румянцев А. М. Ук. соч.; Идейно-политическая сущность маоизма. М. 1977.
[25] Книга правителя области Шан (Шан Цзюнь шу). М. 1968, с. 150–151.
[26] Сабурова Е. Ю. Утопии китайских анархистов. В сб.: Китайские социальные утопии. М. 1987, с. 253–270.

этой группы были более широкими, более глубокими. Они хотели... объединить все человечество в одну семью, сплотить все человечество общей радостью и дружбой... Во главе этой группы стоял человек, родившийся в России, звали его Кропоткин» [27].

Когда в начале XX в. марксизм пришел в Китай, последний был слаборазвитой страной с полуфеодальным, полуколониальным обществом, но с оригинальным философским наследием и своеобразной культурой, с национальными стереотипами, выработанными конфуцианством. Марксизм понадобился Китаю, чтобы вывести его из многовекового кризиса, но условия познания и применения марксизма там во многом отличались от европейских.

Мао Цзэдун рано познакомился с «Манифестом Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, однако всерьез занялся изучением марксизма лишь в 1933 г. и то по учебным пособиям, рассчитанным на массового читателя, так как тогда большинство классических произведений марксизма еще не было переведено на китайский язык, а иностранными языками Мао не владел. В его избранных произведениях более половины цитат, которыми он подкрепляет свои утверждения, являются извлеченными из древних и средневековых китайских источников, а ссылок на Маркса и Энгельса — около 4%, причем большинство этих ссылок было сделано при подготовке его сочинений к печати в начале 50-х годов. Зачастую эти ссылки Мао просто поручал подбирать своим секретарям, в частности проф. Чэнь Бода.

С первых шагов на публицистическом поприще в апреле 1917 г. Мао Цзэдун говорил почти исключительно о возрождении былого величия Китайской империи. Путь к этому лежал через «возрождение духа военной доблести». Кредо силовой борьбы осталось для него главным навсегда. В 1929 г. на совещании Бюро ЦК КПК Мао было указано, что он не знает и не понимает марксизма-ленинизма [28]. От таких руководителей КПК, как Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Пэн Бай, Ван Мин и Чжан Вэньтянь, Мао Цзэдун резко отличался тем, что не признавал интернационального характера марксистско-ленинского учения и делал упор на национальные особенности Китая, для которого, по его мнению, мог подойти лишь китаизированный марксизм [29]. Вообще по своей натуре Мао не мог быть явным адептом какого-либо учения: для него это означало остаться на второй роли. Основным методологическим положением Мао Цзэдуна являлось «обследование и изучение» конкретных ситуаций, он противопоставлял это «книжным знаниям» [30].

В октябре 1938 г. на VI Пленуме ЦК КПК 6-го созыва Мао Цзэдун выступил с докладом «Место Коммунистической партии Китая в национальной войне» и сформулировал теорию применения марксизма в китайских условиях: «Коммунисты являются сторонниками интернационального учения — марксизма, однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму. Великая сила марксизма-ленинизма состоит именно в том, что он неразрывно связан с конкретной революционной практикой каждой данной страны. Для Коммунистической партии Китая это означает, что нужно научиться применять марксистско-ленинскую теорию к конкретным условиям Китая. Если коммунисты, являющиеся частью великого китайского народа, плотью от плоти этого народа, будут трактовать марксизм в отрыве от особенностей Китая, то это будет абстрактный, выхолощенный марксизм. Поэтому применять марксизм к конкретным условиям Китая, чтобы он во всех своих проявлениях непременно отражал китайскую специфику, то есть применять марксизм в соответствии с особенностями Китая,— такова задача, которую вся партия должна безотлагательно понять и решить. Нужно покончить с заморскими шаблонами, поменьше заниматься пустыми и абстрактными разглагольствованиями, сдать в архив догматизм и усвоить свежие и живые, приятные для слуха и радостные для глаза китайского народа китайский стиль и китайскую манеру. Отрыв интернационального содержания от национальной формы присущ людям, которые ничего не смыслят в интернационализме. Что же касается нас, то мы стоим за тесное соединение того и другого. В этом вопросе у нас имеются серьезные ошибки, которые нужно решительно преодолеть» [31].

Тогда же Мао Цзэдун в качестве положительного кредо выдвинул тезис: «Винтовка рождает власть» и выступил с призывом, чтобы каждый коммунист усвоил эту истину [32]. «Располагая винтовкой,— утверждал он,— можно действительно создавать партийные организации, и 8-я армия создала на севере Китая мощную партийную организацию. Можно также создавать кадры, школы, создавать культуру, создавать массовое движение. Все, что имеется в Яньани, создано с помощью винтовки, с помощью винтовки добывается все. Кое-кто над нами иронизирует, называя нас сторонниками теории всемогущества войны. Да, мы сторонники теории всемогущества революционной войны. Это неплохо, это хорошо, это по-марксистски». Данный тезис о всемогуществе вооруженных форм борьбы был заимствован Мао у идеологов гоминьдана и из опыта китайских милитаристов. Он говорил об этом: «Для Чан Кайши армия — это его жизнь»; «Есть армия — есть власть»; «Война решает все» — эти истины он прочно усвоил; «В этом отношении Сунь Ятсен и Чан Кайши являются нашими учителями» [33].

После того как КПК стала правящей партией, Мао Цзэдуну пришлось, чтобы не утратить своего влияния, овладеть знаниями в области государственного устройства, экономики, национальной политики и международных отношений. Он стал создавать личную библиотеку. В ней, помимо полных собраний сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Лу Синя, имелись справочные и исторические произведения, переводы произведений мировой классики [34]. На посетителей эта библиотека производила большое впечатление. Рамки читательских интересов Мао постепенно расширялись: от общественных наук до естественных, от марксизма-ленинизма до работ буржуазных авторов, от древних текстов до современных, от китайских книг до иностранных. В круг его чтения вошли философия, логика, эстетика, религия, экономика, политика, военное дело, литература, история, география, естественные науки, техника. Мао не только много читал, но и призывал кадровых работников заниматься самообразованием и часто повторял: «Век живи — век учись» [35].

В КНР опубликовано пять томов «Избранных произведений» Мао Цзэдуна (работы, подготовленные до 1957 г.) [36]. Значительное число выступлений, интервью и заявлений принадлежали Мао и в последующее время, особенно в годы «культурной революции». Однако он не стал лидером в международном коммунистическом и рабочем движении, а остался теоретиком национального типа. Н. С. Хрущев вспоминал, что

---

[27] Цит. по: Румянцев А. М. Ук. соч., с. 11.
[28] Маоизм без прикрас. М. 1980, с. 39.
[29] Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. II. Пекин. 1969, с. 395.
[30] Юй Гуйсян. О взглядах Мао Цзэдуна на обследование и изучение.— Ляонин дасюе сюебао, 1988, № 2, с. 110–111.

[31] Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. II, с. 265–266.
[32] Там же, с. 282. Дословный перевод: «Из дула ружья рождается власть».
[33] Там же, с. 277, 386.
[34] Гун Юйчжи, Пан Сяньчжи, Ши Чжунцюань. Мао Цзэдун как читатель. Пекин. 1986, с. 3 (на кит. яз.).
[35] Там же, с. 16.
[36] Только в 1967 г. в КНР четырехтомник «Избранных произведений» Мао Цзэдуна был опубликован тиражом 86 млн. 400 тыс. на китайском языке, языках нацменьшинств Китая и основных иностранных языках. Тогда же «Сборник избраных произведений» Мао Цзэдуна вышел тиражом 47,5 млн. экз., а сборник «Выдержек» из его произведений (цитатник) — 350 млн. экз. (Жэньминь жибао, 27.III.1967).

Сталин в 1949 г. при встрече в Москве с Мао спросил его, почему китайские коммунисты не заняли в свое время, т. е. в 1945 г., после капитуляции Японии, Шанхай. «Зачем нам было это делать,— ответил Мао Цзэдун,— если бы мы заняли этот город, мы должны были бы нести ответственность за пропитание шести миллионов его жителей». Когда Сталин рассказывал об этом в Политбюро ЦК ВКП(б), то спрашивал: «Какого типа человек этот Мао? Он называет себя марксистом, но не понимает большинства элементарных марксистских истин. Или, может быть, он не хочет понимать их»; Хрущев был согласен с такой оценкой [37].

И до 1949 г., и после победы народной революции в руководстве КПК постоянно происходили столкновения, неизменно заканчивавшиеся трагически для тех, кто не соглашался с Мао Цзэдуном. В чем же причины этой постоянной конфронтации? Было бы неверно объяснять это только чертами его характера. Существенную роль играло и то, что Мао как главный теоретик КПК так и не смог дать идею, которая сплачивала бы коммунистов. Мысль о возрождении былого величия Китая не была оригинальной и предполагала сплочение на националистической основе, что противоречило убеждениям интернационалистов. Но Мао Цзэдун рассчитал, что всех, кто не будет разделять эти его взляды, можно обвинить в антипатриотизме и предательстве национального дела. Важную роль сыграл также тот факт, что Мао стал лидером партии отнюдь не демократическим путем. Кадровые работники партии знали многие «ходы» Мао в его борьбе за власть, что не прибавляло ему авторитета.

Но, чтобы не восторжествовала другая политическая линия, председатель Мао отверг идею коллективного руководства, хотя сам оказался неспособным дать конструктивную концепцию строительства социализма в Китае. Его эксперименты кончались грандиозными провалами, его подход к международным отношениям оказался чреват военной катастрофой. Другие лидеры видели альтернативные пути, а это приводило их к столкновениям с Мао Цзэдуном. Они пытались разрешить противоречия, исходя из норм партийной демократии, но Мао никогда не связывал себя никакими нормами, следовал по пути, очерченному еще Маккиавелли («Тот из государей, который решится переступить нормы морали, окажется в выигрыше»), и добивался своего. Наивысшего драматизма внутренние события достигли на VII и IX съездах КПК. Оба съезда провозгласили «идеи Мао Цзэдуна» теоретической основой деятельности КПК, но в обоих случаях Мао удалось добиться этого только путем репрессий.

После победы народной революции Мао Цзэдун постоянно пытался, перешагнув через объективные факторы, форсировать развитие Китая. Страна превратилась в грандиозный полигон для эксперимента, испытания на практике его идей. В декабре 1953 г. ЦК КПК поставил задачу создания к 1957 г. сельскохозяйственных производственных кооперативов полусоциалистического типа, которые объединили бы 20% крестьян. Но председатель Мао, только что отметив свое 60-летие, спешил реализовать свои утопические планы. Мог ли он согласиться с такими темпами? И уже через полтора года 2-я сессия Всекитайского собрания народных представителей увеличила наметки темпов кооперирования крестьян, а после сессии, 31 июля 1955 г., на совещании секретарей провинциальных горкомов КПК было предложено в ближайшие же годы организовать в кооперативы до 70% сельского населения. В октябре 1955 г. на VI Пленуме ЦК КПК был взят курс на дальнейшее ускорение кооперации, и в результате основная масса крестьян была объединена в производственные кооперативы высшего типа с обобществлением земли и орудий производства. К 1956 г. в кооперативы было вовлечено около 96% крестьянских хозяйств (свыше 87% — в кооперативы высшего типа) [38].

[37] Khrushchev Remembers: The Last Testament. N. Y. 1976, p. 273.

[38] Сюе Муцяо. Исследование экономических проблем социализма в Китае. Пекин. 1980, с. 41 (на кит. яз.).

В сентябре 1956 г. на VIII съезде КПК были осуждены бюрократизм, администрирование, произвол и беззаконие, прозвучал призыв к укреплению демократии и законности, была дана принципиальная оценка культа личности, намечена программа планомерного строительства основ социализма в Китае, изъято из устава КПК положение об «идеях Мао Цзэдуна» как идейной основе партии. В новом Уставе говорилось: «Коммунистическая партия Китая в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом. Только марксизм-ленинизм правильно объясняет закономерности развития общества, правильно указывает пути построения социализма и коммунизма» [39].

Мао вступил в борьбу с принятыми под влиянием XX съезда КПСС решениями VIII съезда, так как не был согласен с ними. Он выработал план создания народных коммун для перехода Китая к коммунистическому обществу, минуя социализм. Одним из показателей перехода должно было явиться соревнование с развитыми капиталистическими странами. На Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 18 ноября 1957 г. Мао Цзэдун заявил, что через 15 лет Китай может догнать и перегнать Англию в производстве основных видов промышленной продукции [40]. Так родился лозунг «Три года упорного труда — 10 тысяч лет счастья».

Для экономического мышления Мао Цзэдуна была характерна стратегия «людского моря» — решение проблем путем использования масс трудоспособного населения. Ему же принадлежала идея существенного увеличения народонаселения Китая. Он считал, что выживание в ядерный век может обеспечить лишь огромная численность жителей. Стратегия «людского моря» применялась им как во внутренней политике, так и во внешней. При этом он эксплуатировал революционный энтузиазм масс и веру народа в КПК. На второй сессии VIII съезда КПК в мае 1958 г. был принят план перевода экономики страны на путь скачкообразного развития. Началась выплавка металла в самодельных домнах. 740 тысяч кооперативов были преобразованы в 23,6 тыс. народных коммун, которые по земельной площади и числу рабочих рук в 20—30 раз превосходили кооперативы. В собственность коммун перешли все средства производства с обобществлением даже домашней птицы, посуды и утвари. Развернулось бесплатное распределение продовольствия без учета количества и качества труда, были уничтожены рынки в деревнях и городах, введено бесплатное питание.

В июле — августе 1959 г. этот курс Мао Цзэдуна подвергся критике на совещании коммунистов в Байдайхэ и на VIII Пленуме ЦК КПК в Лушане. Ряд видных деятелей (заместитель премьера министр обороны маршал Пэн Дэхуай, кандидат в члены Политбюро ЦК КПК и заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньтянь, начальник Генерального штаба Хуан Кэчэн, первый секретарь парткома провинции Хунань Чжоу Сяочжоу) выступили с критикой «большого скачка». Мао резко отверг критику, маршал и его единомышленники были репрессированы. Материалы этого Пленума увидели свет лишь в ходе «культурной революции» в 1967 г. [41] и были интерпретированы как поддержка правильности линии Мао Цзэдуна; только много лет спустя данное решение признали в ЦК КПК «совершенно ошибочным» [42]. Правда, в 1960—1965 гг. были проведены мероприятия по ликвидации последствий «большого скачка». Было в общем покончено с голодом и нехваткой товаров, нача-

[39] Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15—27 сентября 1956 года). М. 1956; с. 508.

[40] 60 лет Компартии Китая. Т. II. Пекин. 1981, с. 496 (на кит. яз.).

[41] Жэньминь жибао, 17.VIII.1967. Пэн Дэхуай обвинялся и в том, что он выступал за военное сотрудничество КНР с Советским Союзом.

[42] Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин. 1981, с. 29 (на кит. яз.).

лось восстановление промышленного производства и сельского хозяйства, реабилитировали 3,6 млн. партийных работников, пострадавших после Лушаньского пленума.

В январе — феврале 1962 г. на расширенном рабочем совещании ЦК КПК Мао Цзэдун, как и другие руководители, выступил с самокритикой и заявил: «За все ошибки, допущенные непосредственно ЦК, ответственность несу я, за косвенные отвечаю также я, ибо я являюсь Председателем ЦК» [43]. То была своеобразная форма утверждения себя в качестве лица, единолично ответственного за судьбу страны. И сразу же Мао вступил в очередную стадию борьбы с несогласными. Осенью 1962 г. он начал новое наступление на оппозиционные ему силы в рядах КПК. На сей раз лозунгом стало преодоление «ревизионизма». Вопрос о «ревизионизме» Мао связал с тезисом о «буржуазном перерождении» СССР и КПСС. Вновь в качестве средства борьбы были развернуты массовые кампании. Удар на этот раз пришелся по партийным кадрам. Свертывалась внутрипартийная демократия, нарушался Устав КПК. Как отмечалось позднее, самовластный стиль работы Мао «постепенно нарушил демократический централизм в партии, культ его личности все возрастал» [44]. То был пролог «культурной революции».

Как рассказывает Дэн Сяопин, когда «в 1966 г. развернулась «великая культурная революция», длившаяся 10 лет, это было неслыханное бедствие. Многие старые кадры стали объектом гонения и нападок, в том числе был и я. Лю Шаоци был первым «лицом, облеченным властью и идущим по капиталистическому пути», а я — вторым. Лю Шаоци был «главнокомандующим», а я «заместителем главнокомандующего» [45]. С 1966 по 1976 г. было репрессировано около 100 млн. человек [46], уничтожены многие старые коммунисты и деятели культуры [47].

К репрессиям Мао Цзэдун прибегал постоянно. Еще в 50-е годы он неоднократно выступал инициатором массовых политических кампаний, направленных на перевоспитание интеллигенции. В ходе этих кампаний репрессии стали обычным явлением, от них пострадали многие тысячи деятелей китайской культуры, среди них писательница Дин Лин и поэт Ай Цин. Но своего апогея политика репрессий достигла в 1966—1968 гг., в разгар «культурной революции». Жертвами репрессий стали выдающиеся китайские революционеры, лидеры КПК — Председатель КНР Лю Шаоци, маршалы Пэн Дэхуай, Хэ Лун, член Политбюро ЦК КПК Тао Чжу, другие руководящие работники партийного и государственного аппарата, рядовые коммунисты, граждане КНР. В мае 1966 г., чтобы избежать мучений и унижений, покончил с собой секретарь Пекинского горкома, известный публицист Дэн То. В ходе репрессий погибли выдающиеся деятели культуры: писатель Лао Шэ, драматурги Тянь Хань и У Хань, скульптор Сяо Фуцзю, историк Цзянь Боцзань, ректор Академии живописи Е Гунчо. Не щадили и семьи репрессированных. Жена У Ханя была отправлена в лагерь «трудового воспитания», где и погибла, его дочь скончалась в тюрьме.

Репрессии велись по спискам, составлявшимся органами государственной безопасности. В качестве «ренегатов», «спецагентов», «контрреволюционных ревизионистов» в эти списки были занесены 71% членов и кандидатов в члены ЦК КПК, избранных на VIII съезде, 61% членов Контрольной комиссии ЦК КПК, около 50% членов Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 3-го созыва и Постоянного комитета НПКСК 4-го созыва [48]. На 12-м пленуме ЦК КПК 8-го созыва, проходившем в октябре 1968 г., из 105 членов ЦК, избранных на VIII съезде, в результате репрессий смогли присутствовать лишь 40 [49]. Как сообщили хунвэйбиновские листовки, Мао Цзэдун настаивал на вынесении смертных приговоров многим видным деятелям КПК и китайской культуры.

---

[43] Хунци, 1978, № 7, с. 16.
[44] Решения по некоторым вопросам истории КПК, с. 32–33.
[45] Дэн Сяопин. Ук. соч., с. 218–219.
[46] Жэньминь жибао, 29.IX.1979.
[47] Современные китайские авторы полностью возлагают ответственность за бедствия «культурной революции» на Мао (см. Гао Гао, Янь Цзяци. Десятилетняя история «великой культурной революции». 1966–1976. Тяньцзинь. 1986 (на кит. яз.).

В 1967—1968 гг. Мао Цзэдуном и его окружением были проведены массовые репрессии руководящего звена провинциальных органов власти. В итоге в провинции Юньнань погибло более 14 тыс. человек, во Внутренней Монголии подверглись преследованиям более 346 тыс. человек, из которых 16222 человека погибли, в провинции Хэбэй более 84 тыс. партийных работников подверглись репрессиям, свыше 2900 из них погибли [50]. Репрессии не обошли и руководящего звена армии, где более 80 тыс. человек пострадали от травли, а 1169 человек погибли [51].

В апреле 1969 г. на IX съезде КПК был принят новый устав, в котором «идеи Мао Цзэдуна» вновь провозглашались теоретической основой деятельности КПК.

Наиболее рельефно черты Мао Цзэдуна как политического деятеля проявлялись в сфере внешней политики Китая, в первую очередь на ее главных направлениях: в отношениях с СССР и США. В декабре 1949 г. Мао направляется в Москву, будучи приглашен на торжества, связанные с 70-летием Сталина [52]. Одновременно предстояло обсудить комплекс советско-китайских отношений. Со Сталиным у Мао были свои счеты. Его раздражала опека Сталиным и Коминтерном революционного движения в Китае [53], и он не мог простить Сталину, что во время Сианьских событий в декабре 1936 г. тот помешал ему расправиться с Чан Кайши; вообще считал, что Сталину не следовало поддерживать Чан Кайши, если существует Мао Цзэдун. А Сталин заключил в 1945 г. с Чан Кайши договор, по которому МНР — Внешней Монголии, по представлениям Мао,— предоставлялось право на самоопределение путем плебисцита. Между тем Мао Цзэдун считал, что, «когда народная революция в Китае победит, Республика Внешней Монголии автоматически станет частью Китайской федерации по собственному желанию» [54].

При всем том Мао публично восхищался Сталиным: какие успехи достигнуты под его руководством! Разгромлена Германия, повержена Япония. Сталин расправился со своими противниками и соперниками. Мао хорошо знал о массовых репрессиях в СССР 30-х годов, изучил этот опыт и применял его у себя. Свое восхищение он выразил в статье «Сталин — друг китайского народа», опубликованной к 60-летию Сталина 20 декабря 1939 года. Мао Цзэдун тогда писал: «Чествовать Сталина — это не значит лишь приносить ему свои поздравления. Чествовать Сталина — это значит стоять за него, за его дело, за победу социализма, за тот путь, который он указывает человечеству, стоять за своего близкого друга. Ведь сейчас огромное большинство человечества живет в муках, и только путь, указываемый Сталиным, только помощь

---

[48] Жэньминь жибао, 22.XII.1980.
[49] Лекции по истории КПК. Тяньцзинь. 1983, с. 364 (на кит. яз.).
[50] Жэньминь жибао, 16.XI.1980.
[51] Там же.
[52] Воспоминания о Ван Цзясяне. Пекин. 1986, с. 84—86 (на кит. яз.); Ши Чжэ. Сопровождая Председателя Мао.– Проблемы Дальнего Востока, 1989, № 1, с. 140–142.
[53] О позиции Коминтерна по «китайскому вопросу» и роли Сталина см.: Коминтерн и Восток. М. 1969, с. 148–154, 276, 283, 286–293. «Как до выступлений Сталина, так и после них Коминтерн проводил в Китае единственно правильную для того времени политику единого национального антиимпериалистического фронта с участием национальной буржуазии. Никаких существенных фактических изменений в китайскую политику Коминтерна выступления Сталина не внесли» (там же, с. 291).
[54] Snow E. Red Star over China, p. 121.

Сталина может избавить человечество от бедствий» [55]. Это не помешало Мао Цзэдуну объявить «московскими агентами» и уничтожить многих коммунистов, получивших подготовку в СССР. Но ведь и Сталин уничтожил многих, кто помогал ему в связи с проблемами Китая: и сотрудников Коминтерна и военачальников, включая столь популярного в Китае маршала В. К. Блюхера.

Весной 1949 г. Сноу опубликовал в шанхайском журнале статью «Станет ли Китай русским сателлитом?». Он писал: «Только одна Китайская компартия во всем мире имеет сегодня в качестве лидера человека, никогда не бывавшего в России; он является единственным коммунистическим вождем, исключавшимся некогда из партии, и не один, а несколько раз, но остававшимся у власти, несмотря на приказ Коминтерна о его удалении. Мао является единственным коммунистическим лидером, помимо Тито, открыто критиковавшим московских агентов; личность Мао Цзэдуна отразила в состоянии внутренней структуры партии глубоко китайский склад ума, касается ли это методов или идеологических взглядов. По сути дела, Мао Цзэдун и его последователи... доказали совершенно непредвиденную кремлевской иерархией истину, что подобные непролетарские революции могут быть успешными вне зависимости от восстания городского пролетариата, а лишь на базе организованного крестьянства как главной силы» [56]. Не все устраивало Мао в этой статье. Наиболее неприятными были сравнение с Тито и намеки на несостоятельность оценок Сталиным характера Китайской революции.

В Москву поезд Мао Цзэдуна прибыл 16 декабря. Он сразу же сделал заявление, в котором говорилось о большом значении дружественных советско-китайских отношений и давалась высокая оценка политике СССР в отношении Китая. Председатель КПК подчеркнул равноправность связей двух стран и отметил, что СССР первым из иностранных государств отменил неравноправные договоры с Китаем [57]. Сталин, приняв Мао, дал в его честь несколько обедов, в ходе которых велись переговоры о заключении советско-китайского договора. На ближней даче Сталина в Кунцеве Мао отвели на втором этаже большую комнату, в которой в свое время жил Черчилль, приезжавший во время войны в Москву. А когда в Москву прибыл Чжоу Эньлай, Мао переехал в Кремль, чтобы удобнее было встречаться с членами всей китайской делегации [58]. В ходе переговоров было решено создать смешанные акционерные общества в Синьцзяне: «Совкитнефть» и «Совкитметалл». Были назначены специальные делегации для обсуждения конкретных мер. Советскую делегацию возглавлял А. А. Громыко, китайскую — Сайфуддин. «После нескольких встреч делегаций в Москве,— вспоминал А. А. Громыко,— выяснилось, что китайская сторона фактически изменила свою позицию. Когда я доложил о положении на Политбюро, Сталин сразу понял, что китайская сторона не желает сотрудничать. На заседании он крепко с сильным резонансом высказался по этому поводу» [59].

Хрущев считал, что Сталин сделал серьезную ошибку, предложив создать общество для эксплуатации природных ресурсов Синьцзяна. Китайская сторона приняла это предложение без возражений, но была недовольна. Мао Цзэдун рассматривал эти общества как вторжение на китайскую территорию, покушение на независимость страны. По мнению Хрущева, Сталин посеял тогда зерна враждебности, антисоветизма и

[55] Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. II, с. 423.
[56] China Weekly Review, 9.IV.1949.
[57] Советско-китайские отношения, 1917–1957. М. 1959, с. 216.
[58] Федоренко Н. Т. Сталин и Мао: беседы в Москве.— Проблемы Дальнего Востока, 1989, № 1, с. 151. Федоренко опровергает распространенную версию, будто Сталин не спешил принять Мао и что последний первые дни пребывания в Москве жил как бы в изоляции.
[59] Громыко А. А. Ук. соч. Кн. 2, с. 130.

антирусских настроений в Китае [60]. «Этот эпизод,— отмечал А. А. Громыко,— при создании советско-китайских смешанных обществ отнюдь не украшал в целом отношения между СССР и КНР» [61]. 14 февраля 1950 г. был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, заключены соглашения о китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, предоставлении Советским Союзом долгосрочного экономического кредита КНР, другие соглашения [62]. Церемония подписания состоялась во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца. Когда министры иностранных дел Чжоу Эньлай и А. Я. Вышинский подписывали документы, все заметили (это видно и на фото), что Сталин в маршальской форме глядел куда-то вбок, а Мао, стоявший рядом, смотрел прямо перед собой [63].

Рассказывая в Пекине об итогах московских переговоров, Мао 11 апреля 1950 г. говорил: «Новый советско-китайский договор и соглашения юридически закрепили дружбу между великими народами Китая и Советского Союза, дали нам надежного союзника. Они облегчили нашу работу в области внутреннего строительства и совместное противодействие возможной империалистической агрессии, во имя сохранения мира во всем мире» [64]. Всекитайское собрание народных представителей единодушно одобрило договор; проголосовал весь зал, кроме председательствовавшего Мао Цзэдуна. Вскоре Мао получил от Сталина послание, в котором тот просил подобрать удобную территорию, где можно было бы создать каучуковую плантацию. Мао Цзэдун ответил: «Мы согласны создать каучуковую плантацию для вас на острове Хайнань, неподалеку от побережья Вьетнама, но мы хотели бы сделать это на определенных условиях. В особенности мы предлагаем, чтобы вы дали нам кредиты, машины и техническую помощь, необходимую для того, чтобы мы сами могли соорудить и эксплуатировать такого рода плантацию, а мы будем выплачивать вам за эту помощь отправкой судов с каучуком» [65]. Этим ответом он подчеркивал право Китая налаживать взаимовыгодные отношения.

Тем не менее Мао Цзэдун был достаточно осторожен. Продолжая идти своим путем, он постоянно выражал Сталину внимание и оказывал уважение. Например, он просил Сталина порекомендовать ему грамотного теоретика-марксиста, который помог бы отредактировать речи и статьи Мао Цзэдуна, написанные им до победы Китайской революции. Готовя к публикации свои избранные труды, Мао хотел проверить свои теоретические построения совместно с кем-либо, имеющим серьезное марксистское образование, и в то же время доказать, что его произведения не уступают «заморским образцам». Сталин воспринял просьбу Мао как свидетельство того, что у него нет претензий на какую-то особую роль в области теории социализма. В Пекин была направлена бригада обществоведов во главе с акад. П. Ф. Юдиным, политическим публицистом, философом (после смерти Сталина Юдин был назначен послом в КНР) [66].

О подлинных настроениях в китайском руководстве сообщал в Москву Гао Ган, член Политбюро ЦК КПК и партийный руководитель Северо-Восточного Китая. Сталин решил продемонстрировать Мао свое дружелюбие и передал информацию советских представителей об их беседах

[60] Krushchev Remembers, p. 274.
[61] Громыко А. А. Ук. соч. Кн. 2, с. 130. Советско-китайские смешанные общества были ликвидированы по инициативе СССР в октябре 1954 г. (Капица М. С. Три десятилетия – три политики. М. 1979, с. 90).
[62] Капица М. С. Советско-китайские отношения. М. 1958, с. 354.
[63] Так эта сцена запечатлена и на кадрах кинохроники. Ши Чжэ отмечает, что Сталин подвинулся вперед, чтобы на фотографиях казаться одного роста с Мао Цзэдуном (Проблемы Дальнего Востока, 1989, № 1, с. 146).
[64] Жэньминь жибао, 13.IV.1950.
[65] Khrushchev Remembers, p. 275.
[66] Ibid., p. 277.

с Гао Ганом непосредственно Мао Цзэдуну, отметив, что в этих записях тот может найти для себя кое-что интересное. Мао вызвал Гао Гана в Пекин и заключил его под домашний арест, затем выдвинул обвинения, схожие с теми, которые Сталин выдвигал против честных коммунистов в руководстве ВКП(б). Были распущены слухи, что Гао Ган покончил жизнь самоубийством.

В год смерти Сталина Мао Цзэдуну исполнилось 60 лет. Юбилей прошел скромно. Председатель Мао не собирался присваивать городам и предприятиям свое имя, предпочитая ставить перед собой только крупные цели: кто займет место Сталина в мировом коммунистическом и рабочем движении? Кто станет его лидером? Вот это был для него главный вопрос.

В первые годы после смерти Сталина Мао заверял советское руководство в дружбе. Он присматривался к новым руководителям СССР. Одной из проблем стала идея использования в Советском Союзе китайской рабочей силы. Хрущев, находясь в Китае в 1954 г., предложил направить в Сибирь миллион или более китайских рабочих для широкой разработки природных ресурсов. Отношение Мао Цзэдуна к этому предложению было типичным для его дипломатии: «Он действительно знал, как нас прижать,— признавался Хрущев.— Вы должны представить себе, каким человеком был Мао Цзэдун. Он двигался так тихо и медленно, как медведь, раскачиваясь из стороны в сторону. Он мог смотреть на вас длительное время, а затем опустить глаза и начать говорить таким расслабленным, спокойным голосом: «Вы знаете, товарищ Хрущев, в течение многих лет существовал общий взгляд, что Китай — неразвитая и перенаселенная страна с очень большой безработицей и что он представляет собой прекрасный источник дешевой рабочей силы. Вы знаете, мы, китайцы, находим этот подход к нам очень оскорбительным, а когда он идет от вас, то он еще более обижает нас. Если бы мы приняли ваше предложение, то другие могли бы неверно представлять себе отношения между Советским Союзом и Китаем. Они могут подумать, что Советский Союз имеет такое же представление о Китае, как и капиталистические страны Запада». Хрущев заявил: «Товарищ Мао Цзэдун, мы действительно не имели никакого намерения создать для вас трудности. Мы искренне не хотим настаивать на нашем предложении; если вы чувствуете, что это нанесло бы ущерб национальной гордости Китая, тогда забудьте вообще о том, что мы упоминали об этом. Мы все сделаем с помощью наших собственных рабочих» [67].

Но когда советская делегация вернулась в Пекин после поездки по стране, китайские представители сами предложили использовать их рабочую силу в Сибири. Советская делегация ответила, что Мао Цзэдун высказался против этого предложения. Тогда китайская сторона выступила с официальным заявлением, что теперь Мао хотел бы помочь советскому руководству и принимает его первоначальное предложение. Советская делегация была поставлена в затруднительное положение как инициатор идеи. И все же она подтвердила свой отказ, так как у нее возникло опасение, что Мао «хотел оккупировать Сибирь без войны» [68]. Это опасение усиливалось тем, что Мао Цзэдун вновь поставил вопрос о «воссоединении» Монголии с Китаем. Ранее он затрагивал этот вопрос в феврале 1949 г., на переговорах с А. И. Микояном. Микоян сослался тогда на точку зрения Сталина, что монгольский народ не согласится поступиться своим суверенитетом и самостоятельностью, и дал понять что СССР против аннексии МНР [69]. В 1954 г. делегация во главе с Хрущевым также отвела домогательства Мао и заявила, что судьба МНР решается в Улан-Баторе [70].

[67] Ibid., p. 284.
[68] Ibid., pp. 284–285.
[69] Капица М. С. Три десятилетия – три политики, с. 31–32.

Однако такого рода коллизии не нарушали позитивного развития отношений между СССР и КНР. Обе стороны не предавали их огласке, чтобы не мешать укреплению дружбы двух стран. Тем не менее выступление Хрущева на XX съезде КПСС с критикой культа личности Сталина было воспринято Мао Цзэдуном как вызов. Ведь против Сталина выдвигались обвинения, которые вполне могли быть предъявлены и Мао. Сначала он отреагировал статьей «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», а через некоторое время опубликовал статью «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата». Он попытался растворить ошибки Сталина в теоретизировании о значении творчества народных масс. Но ход работы VIII съезда КПК показал ему, что решения XX съезда КПСС подрывают фундамент его собственного культа. На съезде китайских коммунистов присутствовала советская делегация. И накануне ее отлета из Пекина к ней в резиденцию неожиданно прибыл премьер Чжоу Эньлай, который в резкой форме критиковал советское руководство за осуждение на XX съезде КПСС культа личности Сталина без согласования этого шага с другими коммунистическими и рабочими партиями.

Выступая на II Пленуме ЦК КПК 8-го созыва 15 ноября 1956 г., Мао Цзэдун сформулировал свое отношение к решениям XX съезда КПСС: «Я думаю, имеется два «меча»: один — Ленин, другой — Сталин. Теперь Сталина как меч русские отбросили. Гомулка и кое-кто в Венгрии подобрали этот меч и обратили его против Советского Союза, против так называемого сталинизма. Коммунистические партии многих европейских стран тоже стали критиковать Советский Союз, и во главе их встал Тольятти. Империализм тоже ухватился за этот меч... Мы в Китае его не выбросили. Мы, во-первых, защищаем Сталина, а во-вторых, критикуем его ошибки, написав статью «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» [71].

В январе 1957 г. Мао Цзэдун выступил на совещании секретарей парткомов провинций, городов и автономных районов. Он возвратился к теме советско-китайских отношений и оценке роли Сталина; он обосновывал возможность советско-китайских разногласий в принципе, готовя к этому кадровый состав партии; обрушился на достижения СССР в экономике, противопоставляя их политическим приоритетам: «Когда у кого-нибудь начинается сильное головокружение от успехов, его нужно каким-нибудь образом крепко обругать. На этот раз в Москве товарищ Чжоу Эньлай уже не стал церемониться и резко поспорил с ними, они ответили тем же; так лучше, сказано было прямо и начистоту. Они хотят воздействовать на нас, а мы на них. Однако мы высказали пока не все, использовали не все чудодейственные средства... Настанет день, когда мы все выложим» [72]. В этом же выступлении Мао Цзэдун подверг критике Сталина за отдельные теоретические ошибки, за догматизм и метафизичность мышления, но не осудил ни культ личности, ни просчеты в строительстве социализма. Сегодня видно, что Мао, стремясь к китаизации марксизма, китаизировал сталинизм. Система экономических и политических взглядов Мао Цзэдуна представляет собой именно китаизированный сталинизм.

По наблюдениям людей, встречавшихся с ним, Мао Цзэдун страдал манией величия. Он третировал людей, окружавших его, относясь к ним как к своей собственности; использовал их, когда они были нужны, а потом заменял кем-либо другим. В 1957 г. во время празднования 40-летия Великого Октября Мао беседовал с Хрущевым. Хрущев был по-

[70] Правда, 2.IX.1964.
[71] Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. V. Пекин. 1977, с. 409.
[72] Там же, с. 438–439.

ражен, насколько китайский лидер напомнил ему Сталина. Обмен мнениями был доверительным, но Хрущева насторожило, как Мао говорил об остальных членах Политбюро ЦК КПК, рисуя всех только черной краской и ни об одном не сказав ничего хорошего [73].

Хрущев предложил, чтобы КПК старалась больше влиять на революционное движение в Азии и Африке, а КПСС — на революционный процесс в Европе и Америке. Мао Цзэдун ответил: «Нет, это даже не подлежит обсуждению, лидирующая роль в Африке и Азии должна принадлежать Советскому Союзу». Тогда же, выступая с речью в Московском университете, Мао говорил: «Социалистический лагерь должен иметь только одного главу, и этим главой должен быть Советский Союз».

Мао Цзэдун в 1957 г. выступил с собственной трактовкой вопросов войны и мира: «Мы не должны бояться войны. Мы не должны бояться атомной войны, атомных бомб и ракет. Неважно, какого рода война будет развязана, обычная или термоядерная, мы победим. Что касается Китая, то если империализм развяжет против нас войну, мы можем потерять более чем 300 миллионов людей. Ну и что из этого? Война — это война. Пройдут годы, и мы увеличим численность населения даже больше, чем было до того» [74]. В выступлении на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве 16 ноября 1957 г. он заявил: «Если половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен, и во всем мире будет лишь социализм, а за полвека или за целый век население опять вырастет больше чем на половину» [75]. Одновременно Мао подчеркивал, что «Китай никогда не пойдет на ухудшение отношений с Советским Союзом и будет совместно с вами выступать в борьбе за мир» [76].

Первый серьезный кризис в советско-китайских отношениях произошел летом 1958 г., но остался практически не замеченным. К мысли о необходимости открытой полемики Мао Цзэдун пришел позднее, а тогда он планировал локальный конфликт с Чан Кайши и США, решив нанести удар по островам в Тайваньском проливе. СССР же по договору 14 февраля 1950 г. должен был оказать Китаю помощь в случае нападения на него третьей державы. Правда, согласно тому же договору правительства двух государств обязывались взаимно консультировать свои внешнеполитические шаги, но этим Мао Цзэдун пренебрег. СССР в те месяцы официально призывал США признать статус-кво на мировой арене и не пытаться изменить его силой. Поэтому в случае конфликта Советский Союз попадал в трудное положение [77].

В это время советская сторона предложила Пекину построить в Китае длинноволновую радиостанцию для связи с советским подводным флотом. Министр обороны СССР Р. Я. Малиновский в письме Пэн Дэхуаю от 18 апреля 1958 г. подчеркивал, что расходы по сооружению станции СССР возьмет на себя, а эксплуатироваться она будет совместно. На встрече с послом Юдиным Мао сказал: «Наш ЦК обсудил этот вопрос: если СССР считает, что необходимо строить, то мы согласны. Расходы мы полностью берем на себя, пользоваться будем вместе, но все права будут наши... В военной области создавать «кооперативы» неподходяще» [78]. В ходе дальнейшего обсуждения проблемы советская сторона предложила 21 июля создать совместные экипажи подводного флота [79]. Приняв Юдина, Мао Цзэдун заметил: «Мы можем сказать, что вы распространяете русский национализм на китайское побережье» [80]. Юдин послал тревожную телеграмму в Москву. Оттуда пришло известие, что Хрущев хотел бы нанести неофициальный визит в Пекин. Мао дал согласие, и 31 июля 1958 г. в КНР прилетели Хрущев и Малиновский с сопровождавшими их лицами. В Пекине стояла влажная жара, и Мао предложил гостям как зал для переговоров площадку у бассейна рядом со своей резиденцией в запретной зоне императорского дворца, где проживали высшие члены китайского руководства.

В ходе беседы Мао Цзэдун время от времени сбрасывал халат и наслаждался плаванием. Эта конференция по форме была уникальной в истории дипломатии, затмив даже советско-немецкое «пижамное совещание» 1922 г. в Рапалло. Загорая и купаясь, стороны вели переговоры. Хрущев заявил, что СССР не имел ни малейшего намерения нарушить суверенитет или вмешаться во внутренние дела КНР, возложить бремя на ее экономику или нанести ущерб национальной гордости китайцев. Однако Мао отверг просьбу Хрущева о том, чтобы советские подводные лодки заправлялись в портах Китая, вопрос же о радиостанции был решен так. «Дайте нам заем,— сказал Мао Цзэдун,— мы сами построим такую станцию»,— и Хрущев пообещал предоставить необходимые материалы, специалистов и заём [81].

При дальнейшем обмене мнениями Мао Цзэдун, рассуждая о перспективах третьей мировой войны, подсчитывал, какую по численности армию могут выставить США, Англия, Франция и каково население Китая, СССР и других социалистических стран: «Ну вот, прикиньте все это, и вы увидите, что я имею в виду». То была одна из фундаментальных его идей — превосходство в населении должно обеспечить выигрыш в борьбе социализма с капитализмом. Хрущев пытался объяснить, что даже во времена А. В. Суворова такие расчеты уже не были основательными; что касается современной войны, то она ведется с помощью новейших технических средств, и расчеты на простое превосходство в численности ни к чему не приведут. «Мы не могли понять,— вспоминал Хрущев,— как наш союзник и человек, который хотел бы быть лидером мирового коммунистического движения, мог иметь столь детские взгляды на проблемы войны» [82]. «Если США нападут на Китай и применят даже ядерное оружие, китайские армии должны отступать из периферийных районов в глубь страны. Они должны заманивать противника поглубже с таким расчетом, чтобы вооруженные силы США оказались в тисках у Китая»,— говорил Мао. «В случае возникновения войны,— считал он,— Советский Союз не должен давать на ее начальной стадии отпор американцам основными своими средствами и, таким образом, не мешать им проникать все глубже внутрь территории китайского гиганта. Лишь затем, когда американские армии оказались бы в центральной части Китая, СССР должен их накрыть всеми своими средствами» [83].

Особого драматизма переговоры достигли в момент, когда Мао Цзэдун поставил вопрос о передаче атомного оружия Китаю, но получил категорический отказ. Это окончательно испортило его отношения с Хрущевым, ибо Мао никогда не отказывался от сценария вселенского атомного пожара и желания иметь средства, которые могли бы его разжечь. 500 млн. человек поставило к тому времени свои подписи под Стокгольмским воззванием, в движение борцов за мир включались виднейшие деятели всех стран, но для Мао это не имело значения.

---

[73] Khrushchev Remembers, p. 288.

[74] Ibid., p. 290.

[75] Маоизм без прикрас, с. 237.

[76] Громыко А. А. Ук. соч. Кн. 2, с. 130. На то, что декларации Мао вроде «Нет силы на Земле, которая могла бы вас разъединить», сделанные им во время этого визита, были прикрытием противоположных стремлений, обращает внимание американский исследователь Райс (Rice E. Op. cit., p. 152).

[77] Rice E. Op. cit., pp. 154–155.

[78] Дипломатия современного Китая. Пекин. 1988, с. 113 (на кит. яз.).

[79] История китайской дипломатии; период КНР 1949–1979. Ланьчжоу. 1988, с. 291 (на кит. яз.).

[80] Дипломатия современного Китая, с. 114.

[81] Khrushchev Remembers, p. 295.

[82] Ibid., p. 297. Вероятно, представления Мао были связаны с опытом войны в 1950–1953 гг. в Корее (Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. V, с. 132, 134).

[83] Громыко А. А. Ук. соч. Кн. 2, с. 133.

Через месяц после того как советская делегация покинула Пекин, в августе 1958 г. разразился тайваньский кризис. Мир был поставлен на грань войны. Советский Союз, соблюдая обязательства по договору 1950 г., выступил с заявлением, отрезвившим милитаристские круги США. 5 сентября в речи на заседании Верховного государственного совещания Мао Цзэдун фактически признал, что его действия могли спровоцировать ядерный конфликт. «Относительно страха перед ядерной войной,— заявил он,— нужно еще раз подумать. Возьмите, например, острова Цзиньмэнь и Мацзу, где было сделано всего несколько выстрелов,— я не предвидел, что в нашем нынешнем мире такое дело может вызвать столько волнений, что на небе соберутся тучи с грозой и дождем, что небосклон будет затянут дымом и туманом» [84].

В конце 1963 г. Мао отметил свой 70-летний юбилей. Провал «большого скачка» выдвинул на политическую арену Китая иных лидеров, которые трезво оценивали экономические возможности страны и учитывали международный опыт социалистического строительства. Однако не уступать места лидера и вести борьбу «острием против острия» — таковы были жизненные установки Мао. Он решил, что его главный противник находится не вне, а внутри Китая: те, кто не допускал мысли о расхождении с другими социалистическими странами далее, чем на дистанцию идеологической полемики. Сам же он считал допустимым даже военное столкновение. И вдруг он как бы отходил на вторую линию в руководстве. Выступал в роли престарелого догматика, допускающего ошибки. Могло ли это стать финалом его жизни и борьбы? «Одинокий монах, бредущий с рваным зонтиком»,— так Мао любил называть себя. Этот литературный образ человека, не понимаемого другими, был на деле полной противоположностью политическому облику Мао Цзэдуна, сложившемуся в представлениях миллионов людей.

Между тем в октябре 1964 г. Хрущев был отстранен от руководства и заменен Брежневым. В ноябре, к 47-й годовщине Великого Октября, Мао Цзэдун направил в СССР делегацию во главе с Чжоу Эньлаем [85]. В день прибытия этой делегации в Москву китайские газеты опубликовали фотоснимки первого испытания китайской атомной бомбы. На приеме в честь иностранных гостей после тостов Малиновский по собственному почину обратился к премьеру Чжоу Эньлаю с такой тирадой: «Хрущев смещен, Мао Цзэдуна тоже надо сместить» [86]. Китайская делегация выразила резкий протест. Советское руководство дезавуировало высказывание маршала, но инцидент не способствовал взаимопониманию. Но Мао Цзэдун и не стремился к этому. Наоборот, в его планы входило отдаление от Советского Союза, разрыв политических связей с ним. Первые шаги в этом направлении он уже сделал летом 1964 г., обнародовав свой «реестр» территориальных притязаний к СССР. Теперь, вынашивая замысел «культурной революции», он готовился к новым прямым и непрямым атакам на Советский Союз и на тех лидеров в собственном окружении, которые, как, например, Лю Шаоци и Чжу Дэ, не разделяли его тезиса о «реставрации капитализма» в СССР, выступали за мирное сосуществование Китая с его великим социалистическим соседом.

Сокрушение внутренних врагов и изменение баланса сил на мировой арене лежали в основе замысла — «великой пролетарской культурной революции» — этого государственного переворота в виде серии массовых политических кампаний, растянувшихся на 10 лет. Внутренние аспекты этого грандиозного регрессивного движения хорошо известны. Если же обратиться к внешнеполитической стороне, то апогей приходился на

---

[84] Маоизм без прикрас, с. 237.
[85] Тихвинский С. Л. Чжоу Эньлай.— Вопросы истории, 1988, № 6, с. 181.
[86] История китайской дипломатии, с. 296.

1969—1970 годы. Мао Цзэдун осуществил военную провокацию на советской границе у о. Даманский и сразу же обвинил СССР в агрессии: «слабый» Китай защищался! А к концу 1969 г. вступил в дело второй фактор — китайско-американское сближение.

То был давно вынашивавшийся Мао Цзэдуном замысел. Ему были подчинены и дозированное участие КНР во вьетнамской войне, и пересмотр внешнеполитических концепций, и демонстративное ухудшение китайско-советских отношений. В китайско-американском диалоге Пекин начал делать шаги к примирению с США раньше, чем Вашингтон. Китай поступился большим, чем США, ибо сближение шло на антисоветской основе, а Вашингтон заставлял китайских лидеров принимать себя таким, каков он есть: продолжалась агрессивная война во Вьетнаме, было предпринято вторжение в Камбоджу и Лаос, сохранялось место в ООН за тайваньским делегатом. Китайская же дипломатия оказывала на США лишь пропагандистский нажим: одно за другим следовали бесконечные «предупреждения» и «строгие предупреждения» по поводу нарушения воздушного пространства КНР американскими военными самолетами. 15 марта 1971 г. президент США Р. Никсон отменил ограничения на поездки в Китай. 10 апреля в Пекине впервые встречали американских пинг-понгистов, причем решение об их приглашении принял лично Мао. 29 апреля 1971 г. Никсон подтвердил свое намерение посетить КНР. В качестве специального представителя бы назначен Г. Киссинджер, началась секретная подготовка визита в Пекин. Обеспечивая успех его миссии, Никсон в выступлении 6 июля назвал Китай в качестве одной из экономически развитых сверхдержав будущего наряду с США, СССР, объединенной Западной Европой и Японией. Это импонировало пекинским руководителям [87]. 20 июля до сведения кадровых работников в Китае было доведено «Уведомление ЦК КПК о приезде Никсона в Пекин» [88]. Так как в ЦК КПК имелась оппозиция этому шагу, приглашение преподносилось в качестве формы «борьбы против американского империализма».

США прекратили чинить препятствия принятию КНР в ООН, и 25 октября XXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла большинством голосов резолюцию о восстановлении прав КНР в ООН и изгнании из ее органов тайваньских представителей. Визит Никсона начался 21 февраля 1972 г., а накануне президент США распространил на КНР правила торговли, которые существовали для большинства европейских стран социализма. Президента принял Мао. Их встреча с высокой степенью достоверности воспроизведена в сценарии исторического фильма «Мао Цзэдун, Никсон в 1972 году», который был подготовлен как произведение, посвященное 40-летию КНР. Кинодраматург Чэнь Дуньдэ так воспроизвел эту сцену: «Физическая слабость больного Председателя Мао совершенно очевидна, женщина-секретарь помогает ему подняться, чтобы приветствовать Никсона» [89]. «Мне нравятся правые,— весело произносит Председатель Мао.— Говорят, что ваша республиканская партия — правая, что премьер Хит — тоже правый». Никсон добавляет: «И еще де Голль». Мао продолжает: «Правые стоят у власти, меня это в какой-то степени радует ... Речи таких, как я, подобны холостым залпам. Например, такие слова: «Народы всего мира, объединяйтесь, свергайте империализм и реакционеров всех стран. (Обращается к Никсону.) Вы как индивидуум, возможно, не числитесь в рядах свергаемых. (Указывает на Киссинджера.). Вот он тоже не относится к тем, кого свергают. Если всех вас свергнут, у нас тогда друзей не останется» [90].

---

[87] Kalb M., Kalb B. Kissinger. Boston. 1974, p. 235.
[88] Синдао жибао, 18.II.1972.
[89] Кинематографическое творчество, Пекин, 1988, № 2, с. 33 (на кит. яз.).
[90] Там же, с. 33—34.

Рабочие переговоры с Никсоном провел Чжоу Эньлай. 28 февраля в Шанхае ими было подписано китайско-американское коммюнике [91].

Только после смерти Мао Цзэдуна в Китае началась переоценка его «идей», установок и деятельности. Она потребовала длительного времени и была сопряжена с острой внутриполитической борьбой [92]. Сегодня в КНР деяния Мао оцениваются по формуле «отделять три от семи» (три десятых негативны, семь десятых — позитивны). Позитивные явления связаны с борьбой за национальное и социальное освобождение, победой революции и начальным этапом строительства социализма, негативные — с «культурной революцией» и культом личности [93]. (В других материалах фигурируют соотношения 4 : 6 и 5 : 5.) Китайские историки высказывают мысль, что левацкие загибы Мао были проявлением феодальной идеологии. В принципе с этим можно согласиться, ибо культ личности — тоже элемент стародавней идеологии, хотя выражение «культ личности» неточно. Культ личности — это система, направленная на развитие личности, что само по себе хорошо. Порочен культ вождя, когда его личность подгоняется под размеры культа.

К моменту победы народной революции Китай еще не имел демократических традиций. Это налагает свой отпечаток на оценку негативных сторон деятельности Мао Цзэдуна: «Два десятилетия после 1957 г. были отмечены „левыми" ошибками, совершенными партией в деле строительства социализма. Например, КПК не считала развитие производительных сил центральной задачей, а „ставила во главу угла классовую борьбу", в экономическом строительстве она просмотрела объективные законы и пыталась догнать и перегнать развитые страны одним махом, производя сталь во дворах, а также другими катастрофическими мерами „большого скачка". Она поспешно бралась создавать народные коммуны, повышать уровень общественной собственности и осуществлять полную уравниловку. Многие правильные политические установки, способствовавшие экономическому развитию и улучшению жизни народа, были отброшены как „капиталистические" и „ревизионистские". Они были заменены политическими установками, которые казались очень революционными, но в действительности ставили революцию под угрозу. Кульминацией этих ошибок явилась „культурная революция". Главной причиной ошибок считается „отсутствие правильного понимания того, что Китай был таким бедным и отсталым, что требовался очень длительный начальный этап социализма» [94].

Мао Цзэдун оставил значительное теоретико-идеологическое наследие. «После III Пленума ЦК КПК 11-го созыва наша партия выработала ряд новых политических установок и курсов, которые в конечном счете являются восстановлением позитивного идейного курса, предложенного Мао Цзэдуном; на этот идейный курс надо ориентироваться при решении вопроса, как строить социализм в Китае» [95]. Эта установка расшифровывается следующим образом: «Теоретические положения Сталина и Мао Цзэдуна относительно этапов развития социализма, даже если они и ошибочны, могут помочь прийти к правильному пониманию и тоже являются ценным идеологическим материалом» [96]. Этот подход является официальным, он изложен в выступлениях членов высшего руководства КНР и документах КПК [97].

Но это не означает, что деятельность Мао остается вне критики: ей дается достаточно суровая оценка: «Товарищ Мао Цзэдун — великий

[91] The President's Trip to China. N. Y. 1972, pp. 151, 152.
[92] Галенович Ю. М. Китай на новом этапе развития.— Вопросы истории, 1988, № 4, с. 31.
[93] Жэньминь жибао, 7.XI.1987.
[94] Бэйцзин ревью, 1987, № 45, с.4–5.
[95] Жэньминь жибао, 7.XI.1987.
[96] Гуанминь жибао, 5.XI.1987.
[97] Дэн Сиопин. Ук. соч., с. 49, 67.

вождь, под его руководством Китайская революция завоевала победу. Однако он страдал серьезным недостатком — пренебрегал развитием общественных производительных сил. Нельзя сказать, чтобы он совсем не хотел развивать производительные силы. Но предпринятые им меры не все были правильными. Например, создание народных коммун не соответствовало законам социально-экономического развития... В 1957 г. возникли некоторые перекосы; гвоздь вопроса — в левачестве. Борьба против буржуазных правых элементов была необходимой, но мы перегнули. Развитие левацких взглядов привело к «большому скачку» 1958 г., что было большой ошибкой. При отсутствии надлежащих условий мы развернули массовое движение за выплавку чугуна и стали, к тому же прибегли к ряду конкретных левацких мер, за что были сурово наказаны»; в 1961 г. снизилось промышленное и сельскохозяйственное производство, ощущалась нехватка ряда товаров, «народные массы жили впроголодь, их активность была серьезно подорвана... В 1962 г. стало восстанавливаться народное хозяйство, в 1963—1964 гг. дела пошли на лад, но в это время опять появились левацкие заскоки. В 1965 г. был поднят вопрос о наличии в партии лиц, облеченных властью и идущих по капиталистическому пути. Затем развернулась „великая культурная революция", что было левацкой крайностью. „Культурная революция" фактически началась в 1965 г., но была официально провозглашена в 1966 г., она продолжалась целых 10 лет, с 1966 по 1976 г., почти весь партийный костяк был ниспровергнут. Объектом этой „революции" были старые кадры. Мы называем такую тенденцию ультралевацким идейным течением» [98].

Следует добавить, что сам термин «отделять три от семи» по форме скалькирован с оценки, которую Мао дал в свое время Сталину на III расширенном Пленуме ЦК КПК 8-го созыва 9 октября 1957 г.: «Остановлюсь здесь на наших расхождениях с Советским Союзом. Прежде всего у нас имеются противоречия с Хрущевым в вопросе о Сталине... Сталина нужно оценивать соотношением 7 : 3. Заслуги у Сталина составляют 70%, а ошибки — 30%» [99]. Если же говорить о существе этого арифметического подхода, то оно вступает в противоречие с жизненными реалиями. В этом плане интересным представляется одно из высказываний Дэн Сяопина. «Когда товарищ Мао Цзэдун достиг последнего периода своей жизни,— отмечал он,— то действительно его мысли не были достаточно последовательными, некоторые его слова противоречили другим его словам. Например, когда он давал оценку „великой культурной революции", то сказал, что в ней было 30% ошибочного и 70% успехов; а ведь 30% ошибочного включают в себя именно сокрушение всего и вся, всестороннюю гражданскую войну. Как можно связать эти две последние упомянутые установки с тезисом о 70% успехов?» [100].

Расхождение в оценках Сталина в советских и китайских публикациях сохранилось до наших дней, равно как и расхождение в оценках Мао Цзэдуна. Этот факт не следует драматизировать. Существуют ведь и другие исторические фигуры, которые мы оцениваем по-разному. У нас длительное время были различными оценки деятельности Хрущева, а за последние годы в Китае появились признаки положительного, не маоцзэдуновского, подхода к Хрущеву и проведенным при нем реформам. Вместе с тем, в КНР раньше, чем в СССР, начали издавать и использовать работы Н. И. Бухарина. Китайские обществоведы активно обсуждают проблему культа личности в истории [101]. Исходя из этих тен-

[98] Там же, с. 72–74, 133, 149–150, 218–219.
[99] Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. V, с. 601.
[100] Хунци, 1983, № 13, с. 7.
[101] Усов В. Н. Китайские авторы о проблеме культа личности.– Проблемы Дальнего Востока, 1988, № 4, с. 65–74.

денций, можно предположить, что с течением времени в отношении каждой из этих двух личностей возобладает основанная на фактах и документах научная точка зрения, которой и станут придерживаться историки, смиряющие свою национальную и всякую иную, но не гражданскую небеспристрастность.

Мы долгое время рассматривали значение действий Мао Цзэдуна, бросая взгляд на Китай сквозь амбразуру былой советско-китайской конфронтации. По сегодня многое изменилось. «В Китае мы видим великую социалистическую державу и предпринимаем практические шаги, чтобы советско-китайские отношения успешно развивались в русле добрососедства и сотрудничества»[102]. Период отчуждения был обусловлен субъективными причинами. Однако, как показал опыт XX столетия, человечество не должно мириться с капризами самовластителей, чем бы они ни руководствовались, ибо это обходится обществу слишком дорого.

Ответственный сотрудник Отдела международных связей ЦК КПК, рассматривая 40-летний опыт истории советско-китайских отношений, отмечает: «Обращение к прошедшей истории необходимо не для того, чтобы сводить старые счеты, а для того, чтобы лучше видеть перспективу. Уроки истории необходимо ставить на службу будущему. Будущие китайско-советские отношения станут добрососедскими, дружественными отношениями нового типа»[103]. Можно полностью согласиться с этим мнением. Такого рода согласие, приумножаясь, может открыть реальные пути совместной работы советских и китайских историков по всестороннему осмыслению опыта взаимоотношений двух стран.

---

[102] Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М. 1987, с. 175.

[103] Данцзян, 1989, № 4, с. 48 (на кит. яз.).

ПУБЛИКАЦИИ

У ИСТОКОВ ПАГУОШСКОГО ДВИЖЕНИЯ

(ДОКУМЕНТЫ, ПЕРЕПИСКА)

Пагуошское движение — общественное движение ученых за мир, разоружение, международную безопасность и научное сотрудничество — возникло в июле 1955 года. Среди его инициаторов были А. Эйнштейн, Ф. Жолио-Кюри, Б. Рассел и ряд других всемирно известных ученых, выступивших с призывом к отказу от войны и к мирному решению международных споров.

Первая конференция состоялась при поддержке известного американского промышленника и общественного деятеля лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сайруса Итона в г. Пагуош (Канада) в 1957 году. В ней участвовали 22 ученых из 10 стран. Последняя — 39-я — проходила в конце июля 1989 г. в Кембридже (США). На ней присутствовали более 200 деятелей науки, политиков, представителей правительственных и общественных организаций из 42 стран мира. Конференция проводилась под лозунгом «К глобальной безопасности через сотрудничество». По убеждению выступивших на этом форуме ученых, международное сотрудничество может принести реальные результаты в решении таких мировых проблем, как продолжающиеся военные конфликты, наращивание запасов вооружения, голод и нищета, экономический спад, нарушение прав человека.

В последних документах Пагуошского движения особо говорится о процессах, происходящих в Советском Союзе. «Несомненно, наиболее значительным фактором из всего, что способствует построению системы глобальной безопасности через сотрудничество, являются важные преобразования в Советском Союзе, известные как перестройка и гласность», что сделало «возможным и нынешние темпы прогресса в области контроля над вооружениями, уменьшения международной напряженности и укрепления безопасности»[1].

Пагуошское движение играет немаловажную роль в мобилизации мирового сообщества на борьбу за сохранение всеобщего мира, выживание человечества, утверждение нового политического мышления в понимании реальностей современного мира.

Публикуемые ниже документы переданы в редакцию академиком Д. В. Скобельцыным. Предисловие к публикации написали академики Дмитрий Владимирович Скобельцын и Моисей Александрович Марков.

* * *

Часть писем Б. Рассела, представляющих известный интерес, относится к предыстории Пагуошских конференций, и в особенности к истории опубликования Манифеста Рассела-Эйнштейна, который и определил тематику и характер этих конференций.

---

[1] Правда, 10.VIII.1989.

В 1967 г. вышла книга «Пагуош. История конференций о науке и мировых проблемах»[2]. Ее автор, английский физик Дж. Ротблат, излагает предысторию Пагуоша очень кратко и с некоторой явно выраженной тенденциозностью.

Я хочу познакомить читателей с историей появления публикуемых документов, для чего вынужден вернуться к событиям 1947 или начала 1948 г. (и следовательно, ко времени ядерной монополии США), когда я находился в длительной командировке при представительстве СССР в ООН. Тогда физиками США была предпринята попытка установить контакт с нами (физиками СССР) по вопросам, которые позже, начиная с 1957 г., и стали предметом обсуждений Пагуошских конференций.

За подписью двух физиков США (один — Харрисон Браун, имя другого не помню) поступило письмо на имя А. А. Громыко (тогда представителя СССР в ООН). Я запомнил Брауна потому, что знал о его работах по исследованию «следов космических лучей» в метеоритах. Гораздо позже я с ним встречался на заседаниях Постоянного комитета Пагуошских конференций, из состава которого мы с ним вышли одновременно в 1963 году. Авторы письма были приглашены в представительство СССР для беседы с Громыко, на которой присутствовал и я в качестве безмолвного свидетеля. Ничего конкретного, видимо, не было предложено и ничего в этом смысле и не было предпринято.

Если говорить о «генеалогии» публикуемых материалов, то можно сказать, что «род Пагуошей, в некотором смысле исторически, пошел из Индии». В мае 1954 г. Индийская ассоциация научных работников предложила Всемирной федерации научных работников (ВФНР) обратиться в ООН с предложением об организации такой конференции. Председатель ВФНР (Жолио-Кюри) обратился 5 ноября 1954 г. с письмом к Председателю Генеральной Ассамблеи ООН. Тогда была уже запланирована конференция под эгидой ООН по мирному использованию атомной энергии — Женевская конференция 1955 г.,— и Жолио-Кюри предложил дополнить программу этой конференции «пагуошской тематикой» (док. № 1, приложение), а также расширить состав участников конференции за счет привлечения организаций ученых. Одновременно председатель ВФНР, в согласии с Исполнительным советом этой федерации, наметил и мероприятия, необходимые для подготовки конференции по указанной выше тематике на случай, если его предложение, адресованное ООН, не будет принято. В частности, было намечено «ядро» возможного организационного комитета, в состав которого мне предлагалось войти (док. № 1). Одновременно циркулярное письмо аффилированным организациям было разослано генеральным секретарем ВФНР Дж. Краузером (док. № 2).

Ответное мое письмо было послано Жолио-Кюри 22 декабря 1954 г. (док. № 3). Линия развития событий, однако, пресеклась, когда в 1955 г. появился текст документа, впоследствии обозначенного как Манифест Рассела — Эйнштейна. Лица, подписавшие позже этот документ, и выступили затем в роли инициативной группы Пагуошских конференций. Что касается состава этой группы, то первоначально предполагалось иметь 17 человек (док. № 8, приложение). По мнению Рассела (с которым согласились), членов этой группы следовало рассматривать как частных лиц, а отнюдь не как представителей тех или иных организаций и тем более государств.

Однако я фигурировал в этом первоначальном списке, вероятно, все же как один из трех представителей социалистических стран (включая Китай). В то время, кстати, я являлся (в нарушение установленных канонов) официальным «представителем СССР» в Консультативном комитете при Генеральном Секретаре ООН Д. Хаммаршельде по подготовке Женевской конференции. Из намеченных первоначально 17 участников большая часть не подписала документа.

[2] R o t b l a t J. Pugwash. The History of the Conferences for Science and World Affairs. 1967. (W. pl.)

Ответ мой на письмо Рассела от 5 апреля 1955 г. (док. № 8) был послан только 1 июля 1955 г. (док. № 11), после того как Рассел отправил мне второе письмо (док. № 9), в котором он высказывал предположение, что его первое письмо, возможно, до меня не дошло. Позиция, занятая в моем письме, по существу, означала отказ подписать документ, поскольку я предлагал процедуру, которая (как следует, например, из док. № 6) была заведомо неприемлема для Рассела. В подписанном мной письме (№ 11), видимо, в согласии с Жолио-Кюри, предлагалось, чтобы лица, подписи которых инициаторы желали получить, собрались и выработали бы совместно приемлемую для всех редакцию Манифеста. Жолио-Кюри, кстати, предложил свой проект текста (док. № 7, Декларация).

Когда я говорю «в согласии с Жолио-Кюри», то имею в виду, что, скорее всего, идея коллективного редактирования документа лицами, намеченными для его подписания, была выдвинута нашими «международниками», которые, без сомнения, и принимали решение по этому вопросу. Они же, видимо, подошли в данном случае так, как это принято при редактировании дипломатических, государственных документов, когда все нюансы и формулировки с сугубой тщательностью взвешиваются, что в данном случае едва ли было необходимо. Жолио-Кюри вовремя отступил от своих (может быть, навязанных ему) позиций, и его подпись (с незначительными оговорками в примечаниях) под текстом Манифеста стоит.

В результате, Манифест был опубликован от имени 11 ученых (США, Англия, ФРГ, Франция, Польша, Япония) при отсутствии кого-либо из Советского Союза. (В числе 11-ти оказался и Дж. Ротблат, который в предыдущих списках не значился.) Согласно принятому в самом начале соглашению, в течение многих лет Постоянный комитет формировался исходя из того, что руководящая организационная роль в нем должна принадлежать англичанам, а «представительство» кроме них предоставлено СССР и США.

Из вошедшей в данную публикацию переписки явствует, что Жолио-Кюри был самым активным участником подготовки демаршей лорда Рассела. Из их писем видно, что для обсуждения возникавших проблем они встречались в Париже. В письме мне от 8 июня 1955 г. (док. № 7) Жолио-Кюри пишет, что я должен был получить копию посланных им Расселу «общих замечаний». Эта копия у меня не сохранилась или, возможно, не была мной получена.

Из переписки Жолио-Кюри — Рассела любопытно письмо последнего от 12 мая 1955 г. (док. № 5). В нем он пишет о тезисе, который якобы провозгласил Н. С. Хрущев и одобрил М. Торез: «Водородная бомба может уничтожить цивилизацию Запада, но не Россию и Китай». Относительно позиции Жолио-Кюри я слышал от И. Г. Эренбурга: якобы он заявлял, что откажется от поста Председателя Всемирного совета мира, если подобные «доктрины» будут пропагандироваться. В беседах со мной, при наших частых встречах, Жолио-Кюри эту тему, насколько помню, не затрагивал.

В общем, из того, что мной изложено со ссылками на публикуемые документы, видно, мне кажется, что Дж. Ротблат в своем изложении обстоятельств зарождения Пагуошского движения слишком «зацентрил» роль (бесспорно, выдающуюся) лорда Рассела (и отчасти свою собственную), оставив в тени Жолио-Кюри. Впрочем, если говорить о последующей истории Пагуошских конференций, то, по моим наблюдениям, центральную роль Ротблата в обеспечении организационной их стороны трудно переоценить. Что же касается «идеологии» в дискуссиях, имевших место в ходе работы Постоянного комитета, могу засвидетельствовать роль Е. Рабиновича, всегда выступавшего очень многословно и, может

быть, несколько путано, кажется, по любому обсуждавшемуся вопросу и всегда с тенденцией к сглаживанию разногласий. Однажды, по его предложению, мне пришлось выступить на страницах редактируемого им журнала «Bulletin of Atomic Scientists» с полемической статьей в духе нашей советской идеологии.

2 декабря 1980 года *Д. Скобельцын*

* * *

Архив акад. Д. В. Скобельцына, относящийся к истории возникновения Пагуошского движения, представляет значительный интерес не только потому, что содержит неопубликованные письма таких ученых, как Рассел, Жолио-Кюри, Скобельцын, относящиеся к подготовке исторически важного документа, известного под названием Манифеста Рассела—Эйнштейна, методология которого определяла более чем 30-летнюю полезную деятельность Пагуошского движения, но и потому, что вносит существенные коррективы в оценку деятельности ученых в борьбе за мир в предпагуошскую пору, которая дана в книге проф. Дж. Ротблата, являющегося историографом Пагуошского движения.

Справедливость упреков Скобельцына к Ротблату относительно игнорирования последним большой роли Жолио-Кюри в предпагуошском движении ученых подтверждается документами. Так, Декларация (док. № 7) представляет собой вариант Манифеста, предложенный Жолио-Кюри, который существенно отличается от опубликованного. В Декларации Жолио-Кюри утверждается, что существование запаса атомных и термоядерных бомб совсем не является гарантией мира.

Как известно, похвальные слова ядерному оружию как фактору, якобы обеспечивающему мир, в настоящее время стали модными, например, в устах М. Тэтчер и др., и, возможно, окажутся главным препятствием на пути полного ядерного разоружения, предложенного Советским Союзом. Мнение элиты ученых играет существенную роль и сейчас.

Декларация Жолио-Кюри не содержит фразы, которая имеется в опубликованном Манифесте, что «искоренение войны потребует мер по ограничению национального суверенитета». Жолио-Кюри все-таки сделал соответствующее замечание в сноске к опубликованному варианту Манифеста [3]. К сожалению, в буклете 1984 г. Ротблат примечание вычеркнул.

Из документов видно, какая широкая деятельность была развита Жолио-Кюри в процессе подготовки конференции ученых. С самого начала в предпагуошском движении наметились два подхода к роли ученых. Жолио-Кюри предполагал, что движение примет широкий, всемирный размах. Он пишет письмо в ООН и предлагает намечавшейся ею Всемирной конференции по мирному использованию атомной энергии придать организационно мирную политическую направленность. Наконец, в письме Расселу (док. № 4) он сожалеет о своей неудаче. Отношение Рассела к предложению Жолио-Кюри выражено в его письме Эйнштейну от 11 февраля 1955 г.: «Жолио-Кюри верит в широкие возможности крупных международных форумов ученых... Я полагаю, что небольшая группа видных представителей науки способна сделать гораздо больше, по крайней мере, на первых порах» [4]. Это предложение Рассела имело некоторый, правда, спорный смысл. Слова его — «по крайней мере, на первых порах» — относятся к тому времени, когда среди небольшого числа подписавших Манифест были такие лица, как Эйнштейн, Рассел, Жолио-Кюри, Юкава и другие лауреаты Нобелевской премии. Но уже на первой Пагуошской конференции не было ни Эйнштейна, ни Жолио-Кюри, да и сам Рассел отсутствовал.

[3] Должно быть согласовано со всеми, в интересах всех (professor Joliot-Curie wishes to add that these limitations are to be agreed by all and in the interest of all).

[4] Einstein on Peace. N. Y. 1981, p. 623.

В последующих Пагуошских конференциях вообще почти отсутствовала та научная элитарность, которую защищал Рассел. Он сохранился лишь в том, что почти на протяжении 30 лет постоянным секретарем исполкома Пагуошского движения и его историографом был Ротблат, определяющая организационная роль которого в истории движения несомненна. Он продолжал держаться в вопросе о формах Пагуошских конференций позиции, противоположной Жолио-Кюри.

В 1973 г., будучи избраным членом Пагуошского совета и его исполкома, исполняя затем эти обязанности, я все время чувствовал неудовлетворенность как своей работой, так и эффективностью Пагуошского движения вообще. Все эти годы меня преследовала мысль, что оно, обладая тем богатством идей, которое содержится в Манифесте Рассела—Эйнштейна, не смогло его использовать — возглавить международное антивоенное движение. Мы в Пагуошском движении оказались в роли «скупого рыцаря», сидящего на закрытом сундуке, наполненном сокровищами. Представление об этих сокровищах дают две выдержки из Манифеста, провозглашенного 30 лет тому назад:

«Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том, что надо сделать, чтобы обеспечить военную победу лагерю, к которому мы принадлежим. Такой возможности больше не существует. Мы должны задавать себе следующий вопрос: «Какие шаги надо предпринять, чтобы предупредить военный конфликт, исход которого гибелен для всех его участников?». И далее указываются способы решения проблемы не на пути конфронтации, а на пути сотрудничества: «В данном случае мы выступаем не как представители того или иного народа, континента или вероучения, а как люди, как представители рода человеческого, дальнейшее существование которого находится под угрозой... Все мы пристрастны в своих чувствах, однако как люди мы должны помнить, что разногласия между Западом и Востоком должны решаться таким образом, чтобы дать возможное удовлетворение всем: коммунистам и антикоммунистам, азиатам, европейцам или американцам, белым и черным».

Результат этих размышлений был изложен мною на одном из пленарных заседаний Пагуошской конференции в Мюнхене в 1977 году. Уместно привести выдержки из этого выступления: «Я хотел бы напомнить вам одно фундаментальное положение Манифеста: «Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том, что надо сделать, чтобы обеспечить военную победу лагерю, к которому мы принадлежим. Такой возможности больше не существует». Гонка вооружений показывает, что мы не убедили мир в том, что «такой возможности больше не существует». Может быть, мы сами не убеждены в этом? Почему мы не смогли убедить политиков и народы принять положения Манифеста относительно «риска всеобщей смерти»? Слова о том, что не существует возможности обеспечить победу «тому лагерю, к которому мы принадлежим», звучат в Манифесте скорее как «заповеди». Может быть, следует написать нечто вроде «научной Библии», где цифрами и фактами мы могли бы доказать, что «риск всеобщей смерти» действительно существует, и продемонстрировать бессмысленность гонки вооружений. Такой детальный Меморандум, написанный учеными и подписанный выдающимися учеными, должен быть послан в ООН, этот Меморандум должен лежать на письменных столах политических деятелей, которые ответственны за судьбы мира. Он должен быть переведен на многие языки и стать доступным всем народам». Это мое выступление не имело каких-либо последствий. Оно нашло место лишь в материалах Пагуошских конференций.

Публикуемые документы дают ответ и на вопрос, почему среди подписавших знаменитый Манифест нет советских ученых. Согласно документам, как Жолио-Кюри, так и Рассел приглашали Скобельцына под-

писать Манифест, и он дал свое согласие. И лишь бюрократические трудности «согласования» того времени с директивными органами лишили его этой возможности.

М. А. Марков

№ 1

Г-ну Д. В. Скобельцыну [1] 1 декабря 1954 г.
Академия наук СССР

Мой дорогой Скобельцын,

Как Вам сообщил академик Опарин [2], Всемирная федерация научных работников предпринимает в настоящее время усилия по расширению перспектив и состава участников Международной конференции научных работников, вопрос о проведении которой изучается в ООН. Направляю Вам для возможного использования копию моего письма г-ну Председателю Генеральной Ассамблеи ООН и его ответ.

Мы хотели бы рассчитывать на Ваше участие в Оргкомитете конференции, которая будет организована или под эгидой ООН или же отдельно; цель же данного письма – официально заручиться Вашей поддержкой. Оргкомитет будет состоять из ограниченного круга лиц, и число которых входят в настоящее время кроме меня наши коллеги С. Ф. Пауэлл [3] и Л. Инфельд [4].

Примите, мой дорогой Скобельцын, мои заверения в наилучших чувствах.

Фредерик Жолио-Кюри [5]

Приложение. О проекте международной конференции ученых о социальных последствиях использования атомной энергии

Растущее беспокойство народов по поводу использования результатов исследований ядерной физики для создания оружия массового уничтожения и контраст этой перспективы с теми возможностями, которые открываются при их применении в мирных созидательных целях, привели отдельных ученых из многих стран мира к мысли о созыве международной конференции ученых для обсуждения сложившейся ситуации и выработки возможной программы действий.

В мае 1954 г. Индийская ассоциация научных работников предложила Всемирной федерации научных работников обратиться в ООН с инициативой проведения такой конференции. Этот вопрос обсуждался на 13-м заседании Исполнительного комитета Всемирной федерации научных работников, состоявшемся в Вене в 1954 году.

В конце сентября 1954 г. американская делегация на Генеральной Ассамблее ООН выступила с предложением о проведении под эгидой ООН международной конференции ученых, на которой бы обсуждались вопросы мирного использования атомной энергии. Однако конференция, предлагаемая американской делегацией, отличается от той, проект которой обсуждался на сентябрьском заседании Исполнительного комитета Всемирной федерации научных работников, так как 1. предполагается, что в ней примут участие ученые, назначенные правительствами своих стран, и таким образом являющиеся официальными правительственными делегатами; 2. приглашение не будет универсальным. В частности, не предполагается участие ученых из Китайской Народной Республики; 3. повестка дня ограничивается обсуждением узких технических вопросов мирного использования атомной энергии.

Соответственно президент Всемирной федерации научных работников 5 ноября 1954 г. обратился с письмом к Председателю Генеральной Ассамблеи и Генеральному секретарю ООН, в котором подчеркивал желательность расширения проекта предлагаемой Объединенными нациями конференции по следующим пунктам:
1. Расширение повестки дня за счет включения дополнительно к обсуждению вопросов мирного использования атомной энергии следующих:

а) опасность атомного, ядерного, биологического и других видов оружия;

б) научно-технический аспект проблемы контроля за использованием атомной энергии;

в) медицинский аспект проблемы использования атомной энергии, и т. д.

2. Расширение круга приглашенных на конференцию за счет представителей от тех организаций ученых, которые активно включились в обсуждение социальных последствий использования атомной энергии и развития науки в целом.

Председатель Генеральной Ассамблеи ООН подтвердил получение письма и сообщил, что его копии распространены среди членов Ассамблеи.

С организационной точки зрения безусловно есть ряд преимуществ проведения конференции под эгидой ООН. Однако если делегаты Генеральной Ассамблеи не сочтут возможным расширить рамки конференции по указанным направлениям, остается настоятельная необходимость созыва конференции, о которой речь шла выше.

Именно поэтому в соответствии с духом дискуссий, состоявшихся на 13-м заседании Исполнительного комитета Всемирной федерации научных работников, проф. Жолио-Кюри предложил, чтобы видные ученые – члены федерации или аффилированных с ней организаций образовали ядро – Организационный комитет по подготовке конференции по вышеуказанным проблемам, если ООН не сочтет возможным расширить проект своей конференции.

Ниже приводится список лиц, которые уже изъявили желание войти в этот комитет: 1. Проф. Ф. Жолио-Кюри (Франция). 2. Проф. Д. В. Скобельцын (СССР). 3. Проф. К. Ф. Пауэлл (Великобритания). 4. Проф. Л. Инфельд (Польша).

Следует отметить, что имеются очень большие надежды на то, что многие другие организации, не примыкающие к Всемирной федерации научных работников, предложат своих представителей для участия в работе Организационного комитета. Конечно, успех конференции зависит от возможно более широкой поддержки и участия в ней ученых, как состоящих в самых различных организациях, так и в них не состоящих. Кому-то нужно было сделать первый шаг, и инициатива Всемирной федерации научных работников вполне оправдана, но это вовсе не означает каких-либо намерений или надежд на то, что участие этой федерации в работе конференции будет доминирующим.

Далее, нам бы очень не хотелось, чтобы у кого-то создалось впечатление, что наша конференция – это некий вызов конференции, предлагаемой ООН. Напротив, мы надеемся, что в случае если все-таки придется проводить две конференции, большинство ученых, которые примут участие в конференции ООН, не оставят без внимания и нашу, более широкую. Для этого желательно, чтобы она состоялась незамедлительно после конференции ООН и в месте, расположенном где-то неподалеку.

Проведению конференции способствовали бы следующие шаги:

1. Всем аффилированным с Всемирной федерации научных работников организациям следует ознакомить своих членов с данным проектом, чтобы приступить к обсуждению целей и повестки дня конференции.

2. Им следует, если они еще этого не сделали, обратиться к главам делегаций их стран на Генеральной Ассамблее ООН с просьбой о поддержке предложения о расширении проекта конференции ООН в направлениях, указанных в письме проф. Жолио-Кюри председателю Генеральной Ассамблеи ООН.

3. Желательно, чтобы они порекомендовали, какие организации из их стран следовало бы привлечь к подготовке конференции.

4. Чтобы они назвали имена видных ученых, которых было бы желательно пригласить в учредители конференции.

Мы были бы признательны, если бы организации и отдельные лица обратились к нам с предложениями о мерах, способствующих успеху конференции, превращению ее в действительно представительный форум самых широких научных кругов. С предложениями следует обращаться к президенту Всемирной федерации научных работников проф. Ф. Жолио-Кюри по адресу: Париж V, Пляс Марселэн Бертоло, Коллеж де Франс.

22 ноября 1954 г.

№ 2

ВСЕМИРНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

К аффилированным организациям 3 декабря 1954 г.

Дорогой друг,

К этому письму прилагаются копии (на английском и французском языках) Меморандума о предлагаемой Международной конференции ученых по социальным последствиям использования атомной энергии.

Мы были бы признательны, если бы Вы прислали свои комментарии и предложения по этому весьма важному проекту нашему президенту проф. Ф. Жолио-Кюри по адресу: Париж V, Пляс Марселэн Бертоло, Коллеж де Франс.

Было бы полезно, если бы кто-либо из членов вашей организации специально занялся сбором этих предложений, с тем чтобы максимально ускорить процесс их обработки,

Искренне Ваш Дж. Г. Краузер Генеральный секретарь

№ 3

Г-ну Ф. Жолио-Кюри Москва, 22 декабря 1954 г.
Президенту Всемирной федерации научных работников

Дорогой Жолио,

Получил Ваше письмо от 1 декабря 1954 г., в котором Вы уведомляете меня о мерах, предпринимаемых Всемирной федерацией научных работников для созы-

ва международной конференции по проблемам атомной энергии, и в котором Вы просите меня войти в состав Оргкомитета этой конференции.

Я с удовольствием принимаю Ваше предложение и сделаю все от меня зависящее для успешной работы этого комитета.

Примите мои заверения в наилучших чувствах.

Искренне Ваш Д. Скобельцын

№ 4

Графу Расселу[6] Париж, 7 июня 1955 г.

Дорогой лорд Рассел,

Уведомляю Вас о получении Ваших писем от 12 и 14 мая 1955 г. Наши письма – мое от 13-го и Ваше от 12-го – видимо разошлись друг с другом.

Я тщательно перечитал и эти оба письма, и письма, которые Вы мне написали 4 февраля, 5 апреля и 27 апреля 1955 г., последнее после нашей встречи 21 апреля 1955 г.

После получения Ваших писем от 12 и 14 мая у меня создалось впечатление, что мы рискуем впасть в недоразумение, которого не желаете ни Вы, ни я.

Я всегда считал, что тот текст, который Вы направили мне и некоторым из наших коллег, является проектом («a statement of which I enclose a draft»*), в этом мнении я утвердился во время нашего разговора и после получения Вашего письма от 27 апреля 1955 г.

В моем письме от 13 мая я стремился главным образом объяснить, в каком духе я предложил бы Вам внести в текст некоторые изменения. Я полагаю, что они позволили бы избежать некоторой путаницы и усилили бы Ваш проект.

Хотел бы ответить также на Ваш вопрос о возможности подписания Вашего проекта декларации.

К сему прилагаю текст, разработанный на основе Вашего первоначального проекта, который составлен с учетом нашей переписки и нашей беседы.

Если Вы согласитесь с данными изменениями в Вашем тексте, то этот новый вариант декларации я готов подписать. В любом случае я не вижу никаких препятствий к тому, чтобы Вы смогли сослаться на прилагаемый текст, который я подписываю.

Искренне Ваш Ф. Жолио Кюри

P.S. По поводу собрания Инициативного комитета для обсуждения вопроса о созыве Международной конференции научных работников – я считаю его очень желательным и возможным. Я хотел бы знать вашу позицию в этом вопросе, а также собираетесь ли Вы на нем присутствовать.

№ 5

12 мая 1955 г.

Уважаемый проф. Жолио-Кюри,

Во время нашей встречи в Париже 20 апреля у меня сложилось впечатление, что Вы могли бы подписать дополненный проект, который мы обсуждали (дополнения никоим образом не изменили его сути). Я был бы Вам признателен, если бы Вы дали мне знать определенно, так ли это. Я нахожусь в некоторой растерянности в связи с новой линией Коммунистической партии, объявленной Хрущевым и поддержанной Торезом, согласно которой водородные бомбы могут разрушить западную цивилизацию, но никак не Россию и Китай. Как мне стало известно, Вы не отделяете себя от этой новой линии, и если это так, то очевидно, что Вы не можете подписать проект, который мы обсуждали. Насколько я понял, Вы собираетесь послать этот проект некоторым ученым в Польше, России и Китае. Но полагаю, что в свете новой политики получить их подписи будет невозможно, хотя я и не знаю, обращались ли Вы к ним с этим проектом. Если окажется невозможным получить подписи коммунистов, я считаю своим долгом опубликовать заявление с теми подписями, которые уже имеются на сегодняшний день, а к нему добавить сообщение, что заручиться поддержкой коммунистов не удалось. Хотя, конечно, будучи вынужден поступить подобным образом, я буду испытывать большое сожаление, так как моя основная цель – это уменьшение напряженности между Западом и Востоком. Я был бы благодарен Вам, если бы Вы сообщили мне свое отношение к этому трудному вопросу. Дело весьма срочное, и я надеюсь, что Вы сумеете ответить мне в течение нескольких дней.

Искренне Ваш Бертран Рассел

№ 6

14 мая 1955 г.

Уважаемый проф. Жолио-Кюри,

Благодарю Вас за Ваше письмо от 13 мая, которое пересеклось с моим от

* Заявление, проект которого я приложил.

12 мая. Я глубоко признателен Вам за то, что несмотря на плохое самочувствие Вы нашли силы рассмотреть поднятые вопросы. Я полностью согласен с тем, что Вы говорите о вмешательстве во внутренние дела других государств, но не вижу, какое это имеет отношение к тому, что мы обсуждаем.

Что касается запрещения термоядерного оружия, то мне представляется, что этот вопрос достаточно полно отражен в тексте, который мы обсуждали совместно. Как я уже объяснил при нашей встрече, я не могу пойти на сколько-нибудь существенные изменения этого текста, так как в этом случае пришлось бы отказаться от подписи Эйнштейна, чего делать, естественно, не хотелось бы. И кроме того, по моему мнению, все то, что сказано в тексте об отказе от термоядерного оружия, это как раз то, что я намерен отстаивать. Так, в действительности, в тексте содержится все то же, только может быть в более краткой форме, что и в Вашем письме, поэтому вся разница между Вами и мной лишь в интонациях. Мне представляется, в частности, что Вы, возможно, не уделили должного внимания параграфу, начинающемуся со слов «Хотя соглашение об отказе от термоядерного оружия...», который заканчивается утверждением, что мы должны приветствовать соглашение о его запрещении.

Я готов ждать в течение двух недель, а может быть, и несколько дольше, предложений и суждений от тех людей, которые, как можно предполагать, подпишут манифест. Но уже сейчас подписей достаточно для того, чтобы опубликовать его, даже если к нам больше никто не присоединится. Я был бы очень огорчен, если бы Вашей подписи под Манифестом не оказалось, так как одной из основных целей было построить мост между точками зрения коммунистов и антикоммунистов, и я полагал, что мой проект не содержит ничего опровергающего рациональные мнения тех и других. Я никоим образом не убежден, что встреча людей, к которым я обращался, включая и тех, кто отказался подписать, могла бы принести хоть какую-нибудь пользу. Но я готов выслушать аргументы «за». Я не думаю, что те, кто отказался подписать манифест, независимо от того, исповедуют они коммунистические или антикоммунистические взгляды, склонны к тому, чтобы вообще искать приемлемую для всех формулу. Возможно, я слишком пессимистично смотрю на вещи.

Я надеюсь, что мое письмо от 1 мая не очень огорчило Вас – оно явилось результатом недоразумения. Что меня беспокоит теперь, это готовы ли Вы подписать предлагаемый вариант, хотя я намерен некоторое время подождать, пока Вы не примете окончательного решения.

Меня очень беспокоит то, что Вы себя плохо чувствуете, но я надеюсь, что Вы скоро поправитесь. Мне бы не хотелось беспокоить Вас в таком состоянии, но дело, к сожалению, не терпит отлагательств. Желаю Вам скорейшего выздоровления,

Искренне Ваш Бертран Рассел

№ 7

Г-ну проф. Скобельцыну

Мой дорогой коллега,

Некоторое время назад Вы должны были получить письмо, которое я Вам направил через лорда Рассела, а также копию моих общих замечаний, посланных мною лорду Расселу.

К сему прилагаю копию моего письма лорду Расселу и декларацию (новый вариант), которую я лично готов подписать.

Примите, дорогой коллега, мои заверения в наилучших чувствах,

Фредерик Жолио-Кюри

ДЕКЛАРАЦИЯ

Человечество находится сегодня в том роковом положении, которое требует, как мы считаем, от ученых проведения Международной конференции научных работников для того, чтобы все оценили и осознали угрозу, которую несет в себе существование и совершенствование оружия массового поражения.

Следует привлечь внимание всех людей к необходимости исключить войну между государствами как средство решения международных споров и уяснить, что наличие атомного и термоядерного оружия (или существующих запасов) ни в коем случае не является гарантией мира.

Лица, подписавшие этот документ, выступают здесь не в качестве представителей той или иной нации, континента или вероучения, а как люди, отдающие себе отчет в огромной опасности, которую представляет для рода человеческого применение атомного и термоядерного оружия.

В настоящее время в разных частях света имеют место конфликты и идеологические противоречия. Каждый сознательный политический деятель испытывает необходимость примкнуть в этой борьбе к одной из сторон. Мы, однако, призыва-

ем Вас найти то общее, что объединяет всех представителей одного биологического вида, имеющего славную историю, и исчезновения которого не желает никто.

Ни одной из сторон мы не должны отдавать никакого предпочтения. Опасность грозит всем людям без исключения, и если это поймут все, то есть надежда избежать ее общими усилиями.

Во всех наших рассуждениях следует принимать во внимание новые и решающие факторы, возникшие с появлением новых видов оружия массового поражения. Не может более идти и речи о поиске мер по обеспечению военной победы той группировке, которой мы отдаем предпочтение, т. к. подобные меры иллюзорны. Вопрос, на который мы должны дать ответ, звучит так: какие меры необходимы для предупреждения военного столкновения, губительного для всех сторон.

Ни общественность, ни даже многие высокопоставленные деятели не представляют себе последствий войны с применением термоядерных бомб. Общественность продолжает считать, что речь идет об уничтожении городов. Все хорошо понимают, что новые бомбы намного мощнее старых, и что если одной атомной бомбой была уничтожена Хиросима, то водородная бомба способна уничтожить самые крупные города, такие, как Лондон, Нью-Йорк или Москва. Не вызывает сомнений, что в войне с применением атомных или водородных бомб крупные города будут сметены с лица земли. Однако это лишь одно из многочисленных бедствий, которые нам грозят. Если будет уничтожено все население Лондона, Нью-Йорка и Москвы, мир тем не менее сможет через несколько веков оправиться от этого потрясения. Но сегодня мы знаем, особенно после испытаний на Бикини, что термоядерные бомбы могут нести разрушения на территории гораздо большие, чем предполагалось ранее.

Было объявлено, что существуют серьезные разработки, доказывающие возможность создания уже сейчас бомб в 2500 раз мощнее той, что уничтожила Хиросиму. Одна такая бомба, взорвавшись недалеко от поверхности земли или под водой, вызовет выброс радиоактивных частиц в верхние слои атмосферы. Эти частицы постепенно опускаются и оседают на поверхности земли в виде смертоносной пыли или дождей. Именно такой пылью были заражены японские рыбаки и их улов. Никто не может определить границ распространения таких смертоносных радиоактивных частиц, однако лучшие специалисты единодушны во мнении, что война с применением термоядерного оружия может, с технической точки зрения, уничтожить все человечество.

Следует помнить, что в случае применения большого количества водородных бомб мгновенно погибнет лишь меньшая часть человечества, тогда как большая его часть будет обречена на медленную смерть от болезней и последствий радиоактивного распада.

Многие видные ученые и военные стратеги неоднократно предупреждали об этом. Мы не можем сказать, что будут наихудшие результаты во всех случаях, но можем утверждать, что такое возможно. Это общее мнение, которое разделяют наши коллеги. Это мнение никоим образом не зависит от их идеологических убеждений или взглядов.

Оно зависит лишь, как показали наши исследования, от степени личной осведомленности. Мы пришли к выводу, что те, кто знает больше, настроены наиболее мрачно.

Ужасные последствия применения атомного и термоядерного оружия убедительно доказывают всем насущную необходимость решения спорных вопросов между государствами путем переговоров, а не военными методами.

Было бы опасно продолжать рассматривать войну как средство решения спорных вопросов между государствами даже при условии запрещения оружия массового поражения. Какими бы прочными ни были договоры о неприменении атомных и водородных бомб, заключенные в мирное время, они не способны предотвратить возможность новой мировой войны; с началом войны оба враждующих лагеря непременно возобновят их производство, т. к. если один из них откажется от этого, то у второго будет гораздо больше шансов выйти победителем.

Почему люди не делают все необходимое, чтобы покончить с войнами и решать все вопросы путем переговоров?

Потому что для большинства из них опасность существует как опасность для человечества, воспринимаемая довольно смутно, а не конкретно для них, для их детей и тех, кто им дорог. Они не могут представить себе, что гибель грозит лично им и тем, кого они любят.

Мы считаем, что наличие запасов ядерных и термоядерных бомб ни в коем случае не может являться гарантией мира. Напротив, договор об уничтожении ядерного и термоядерного оружия даже в рамках общего сокращения вооружений, хотя и не является окончательным решением вопроса, был бы очень важен со всех точек зрения.

Во-первых, подобное соглашение уменьшило бы международную напряженность.

Во-вторых, уничтожение ядерного и термоядерного оружия при наличии серьезных гарантий, что это же будет сделано и противоположной стороной, уменьшит страх перед внезапным нападением, страх, который способствует поддержанию в мире опасного состояния, нервного напряжения.

Подобное соглашение явилось бы важным шагом на пути к ликвидации войн между государствами и мы встретили бы его с большой радостью.

Большинство из нас не придерживаются нейтральных взглядов, однако, будучи людьми, мы должны помнить, что спорные вопросы, возникающие между различными нациями, должны быть решены к полному удовлетворению сторон; эти проблемы не должны решаться военным путем. Мы хотим, чтобы это поняли все.

Как люди мы обращаемся ко всем людям мира: помните о своем человеческом достоинстве, давайте действовать вместе, какими бы ни были наши расхождения.

Именно человек освободил силы, поставившие его перед проблемой, которая волнует нас сегодня. Поэтому в его власти сделать так, чтобы эти силы не были употреблены для его уничтожения. Как писал Эйнштейн, «отвратить эту угрозу стало самой насущной проблемой нашего времени».

Если мы сумеем сделать правильный выбор, перед нами откроется долгий путь непрерывного прогресса и счастья и справедливости, знании и мудрости.

№ 8

Академику Д. Скобельцыну,
Академия наук СССР

5 апреля 1955 г.

Уважаемый сэр,

По соглашению с проф. Эйнштейном я пытаюсь заручиться поддержкой небольшой группы самых видных ученых (список прилагается) заявления об опасности термоядерного оружия, проект которого я прилагаю*. Хочется надеяться, что обнародование такого заявления, подписанного людьми из разных стран мира, самых различных политических убеждений, явится прелюдией к проведению международного конгресса ученых, на котором была бы принята резолюция, подобная той, проект которой я прилагаю. Я полагаю, что все это способствовало бы в какой-то степени убеждению как общественности, так и правительств в том, что необходимы шаги по предотвращению термоядерной войны. Я был бы Вам признателен, если бы Вы сообщили мне, готовы ли Вы подписать прилагаемый проект.

Ваш Бертран Рассел

Приложение. Предполагаемые подписывающие:

лорд Адриан, д-р х. Дж. Баба, проф. Нильс Бор, проф. Макс Борн, проф. Альберт Эйнштейн, проф. А. Хаддоу, проф. д-р Отто Ханн, проф. Л. Инфельд, проф. Ф. Жолио-Кюри, д-р Ли Цзе Куань, д-р В. Паули, проф. С. Ф. Пауэлл, Бертран Рассел, проф. Манне Зигбан, акад. Д. Скобельцын, проф. Х. С. Урей, проф. Хидеки Юкава.

№ 9

22 июня 1955 г.

Уважаемый академик Скобельцын,

Некоторое время назад я послал Вам проект заявления об опасностях ядерной войны, подписать которое я просил нескольких самых видных ученых. Я боюсь, что мое письмо не дошло до Вас, и поэтому посылаю Вам еще раз текст заявления. Я был бы Вам крайне признателен, если бы Вы сообщили мне, готовы ли Вы его подписать. Я также прилагаю список тех лиц, кто уже согласился подписать. Есть еще несколько человек, которые пока не ответили определенно. К ним я тоже обращаюсь, так как обстановка в мире очень напряженная, и хотелось бы опубликовать это заявление как можно скорее.

Искренне Ваш Бертран Рассел

№ 10

МАНИФЕСТ РАССЕЛА–ЭЙНШТЕЙНА (1955 г.)

Мы считаем, что в том трагическом положении, перед лицом которого оказалось человечество, ученые должны собраться на конференцию для того, чтобы оценить опасность, которая появилась в результате создания оружия массового уничтожения, и вынести резолюцию в духе прилагаемого проекта.

В данном случае мы выступали не как представители того или иного народа, континента или вероучения, а как люди, как представители рода человеческого, дальнейшее существование которого находится под угрозой. Мир полон конфликтов, и все второстепенные конфликты отступают перед титанической борьбой между коммунизмом и антикоммунизмом. Почти каждый человек остро чувствует политическую обстановку, питает симпатию или антипатию к той или иной проблеме, но мы хотим, чтобы вы, если это возможно, отбросили эти чувства и рассматри-

* См. документ № 10 – Манифест Рассела – Эйнштейна.

вали себя только как представители одного биологического вида, имеющего замечательную историю развития, и исчезновения которого никто из нас не может желать. Мы должны попытаться сказать об этом так, чтобы ни один из лагерей не смог обвинить нас в пристрастности. Всем, без исключения, грозит опасность, и если эта опасность будет осознана, есть надежда предотвратить ее совместными усилиями. Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том, что надо сделать для того, чтобы обеспечить военную победу тому лагерю, к которому мы принадлежим. Такой возможности больше не существует. Мы должны задавать себе следующий вопрос: «Какие шаги надо предпринять, чтобы предупредить военный конфликт, исход которого гибелен для всех его участников?».

Общественность и даже многие деятели, находящиеся у власти, не представляют себе, что будет поставлено на карту в ядерной войне. Общественность все еще рассматривает ее как средство уничтожения городов. Понятно, что новые бомбы являются более мощными по сравнению со старыми, и что в то время как одна атомная бомба смогла уничтожить Хиросиму, одной водородной бомбы хватило бы для того, чтобы стереть с лица земли такие крупнейшие города, как Лондон, Нью-Йорк и Москва. Нет сомнения, что в войне с применением водородных бомб большие города будут сметены с лица земли. Но это еще не самое большое несчастье, с которым придется столкнуться. Если бы погибли все жители Лондона, Нью-Йорка и Москвы, человечество могло бы в течение нескольких столетий оправиться от этого удара. Но теперь мы знаем, особенно после испытаний на Бикини, что ядерные бомбы могут постепенно приносить смерть и разрушение на более обширные территории, чем предполагалось. Мы авторитетно заявляем, что сейчас может быть изготовлена бомба в 2500 раз более мощная, чем та, которая уничтожила Хиросиму. Такая бомба, будучи взорванной пəд землей или под водой, посылает в верхние слои атмосферы радиоактивные частицы. Они постепенно опускаются и достигают поверхности земли в виде смертоносной радиоактивной пыли или дождя. Именно такая пыль привела к заражению японских рыбаков и их улова. Никто не знает, как далеко могут распространяться такие смертоносные радиоактивные частицы. Но самые большие специалисты единодушно утверждают, что война с применением водородных бомб вполне может уничтожить род человеческий. Есть опасность, что в случае использования большого количества водородных бомб, последует всеобщая гибель — внезапная только для меньшинства, а для большинства — медленная и мучительная. Многие предупреждения уже делались видными учеными и авторитетами в области военной стратегии. Но ни один из них не скажет категорически, что гибельные результаты неизбежны. Они считают, что катастрофа вполне возможна и что никто не может быть уверен в том, что ее можно избежать. Мы убедились в том, что точка зрения специалистов на эту проблему не зависит в какой-либо степени от их политических взглядов. Она зависит только, как показали наши исследования, от объема тех знаний, которыми располагают специалисты. Мы установили, что люди, которые знают очень много, придерживаются наиболее пессимистических взглядов.

Поэтому тот вопрос, который мы ставим перед вами, — вопрос суровый, ужасный и неизбежный: должны ли мы уничтожить человеческий род, или человечество должно отказаться от войны? * Люди не хотят столкнуться с этой альтернативой, так как очень трудно искоренить войну. Искоренение войны потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ненавистны чувству национальной гордости **. Однако больше, чем что бы то ни было, мешает оценке обстановки понятие «человечество», которое кажется туманным и абстрактным. Люди едва ли представляют себе, что опасности подвергаются они сами, их дети и внуки, а не только абстрактно воспринимаемое понятие «человечество». Они не могут заставить себя осознать то, что им самим и их близким грозит неминуемая опасность погибнуть мучительной смертью. И поэтому люди полагают, что войны, вероятно, могут продолжаться при условии, что будет запрещено современное оружие. Это иллюзорная надежда. Какие бы соглашения по запрещению использования водородных бомб не были достигнуты в мирное время, их будут считать необязательными в военное время. И обе стороны немедленно приступят к изготовлению водородных бомб, как только разразится война, потому что, если одна сторона начнет изготовлять водородные бомбы, а другая нет, то та сторона, которая обладает водородными бомбами, неизбежно окажется победительницей.

Хотя любое соглашение о запрещении ядерного оружия как часть общего сокращения вооружений не дает окончательного решения, оно могло бы послужить для достижения некоторых важных целей ***. Во-первых, любое соглашение между

---

* Проф. Жолио-Кюри хотел бы добавить следующие слова: «Как средства разрешения споров между государствами».

** Проф. Жолио-Кюри хотел бы добавить, что об этих ограничениях должны договориться все и в интересах всех.

*** Проф. Мюллер делает оговорку, что это должно означать взаимное и сбалансированное сокращение.

Востоком и Западом полезно в той степени, в какой оно направлено на уменьшение напряженности. Во-вторых, запрещение термоядерного оружия, если каждая из сторон будет считать, что другая сторона честно намерена выполнить обязательства, привело бы к уменьшению страха перед неожиданным нападением в духе Перл-Харбора, который держит в настоящее время обе стороны в состоянии нервного напряжения. Таким образом, мы должны приветствовать такое соглашение только как первый шаг.

Все мы пристрастны в своих чувствах. Однако как люди мы должны помнить, что разногласия между Востоком и Западом должны решаться таким образом, чтобы дать возможное удовлетворение всем: коммунистам и антикоммунистам, азиатам, европейцам или американцам, белым или черным. Эти разногласия не должны решаться силой оружия. Мы очень хотим, чтобы это поняли как на Востоке, так и на Западе.

Перед нами лежит путь непрерывного прогресса в счастьи, знании и мудрости. Изберем ли мы вместо этого смерть только потому, что не можем забыть наших ссор? Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому и забудьте обо всем остальном. Если вы сможете сделать это, перед вами открыт путь в новый рай, если вы этого не сделаете, перед вами — опасность всеобщей гибели.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Мы призываем этот конгресс, а через него ученых всего мира и мировую общественность подписаться под следующей резолюцией:

«В связи с тем, что в будущей мировой войне будет непременно использовано ядерное оружие, и поскольку это оружие угрожает существованию человечества, мы настаиваем, чтобы правительства всех стран поняли и публично признали, что споры между государствами не могут быть разрешены посредством развязывания мировой войны, и мы требуем поэтому, чтобы они находили мирные средства решения всех спорных вопросов». Готовы подписать 15 июня 1955 г. П. У. Бриджмэн, А. Эйнштейн, Л. Инфельд, Г. Мюллер, С. Ф. Пауэлл, Б. Рассел, Х. Юкава.

№ 11

Профессору лорду Бертрану Расселу — 1 июля 1955 г.

Уважаемый сэр,

Только 7 июня, после моего возвращения из Парижа, я получил Ваше письмо от 5 апреля с проектом декларации о возможности использования термоядерного оружия в случае войны.

Я внимательно изучил текст декларации, а также проекта резолюции предлагаемого Вами конгресса.

Насколько я понимаю, в основе обоих документов лежит следующий тезис: «Принимая в расчет последствия возможного использования современных средств массового уничтожения, необходимо подходить к решению всех спорных вопросов в международных отношениях на основе достижения мирных соглашений, признавая недопустимость войны как средства решения таких вопросов».

Я полностью разделяю это положение, и полагаю, что вполне возможно достигнуть соглашение по обоим документам всеми теми, кого Вы включили в список для их подписи.

В соответствии с целями этих документов, которые должны объединить представителей самых разных политических убеждений, необходимо особенно тщательно подойти к составлению окончательного текста документов.

Для подготовки окончательного текста декларации, а также резолюции, было бы желательно организовать встречу тех людей, кто предположительно должен подписать эти документы.

Искренне Ваш академик Скобельцын

№ 12

29 августа 1956 г.

Уважаемый академик Скобельцын,

Я обращаюсь к Вам конфиденциально от имени тех, кто в июле прошлого года выступил с публичным заявлением, и чьи имена Вы найдете в конце письма. Мы хотим пригласить Вас стать членом комитета, в который войдут около 20 ученых, и который соберется в конце декабря в Индии с тем, чтобы выступить с предупреждением об опасности развития средств массового уничтожения. Возможно, Вы помните, что предложение о проведении такой конференции содержалось в нашем заявлении.

Несмотря на то, что за прошедший год напряженность в отношениях между великими державами несколько спала, мы считаем, что для проведения такой конференции все еще остаются веские причины. Так, широко распространилась обеспокоенность продолжающимися испытаниями мощных водородных бомб, а также все слышнее требования о необходимости информации о биологических и других последствиях таких испытаний.

Вследствие сложившейся ситуации правительства некоторых стран образовали комитеты по изучению биологических воздействий радиации, а в ООН создана комиссия, в которую вошли представители 15 стран, перед которой поставлены аналогичные задачи. Недавно были опубликованы результаты исследования некоторых из этих комитетов. Из них становится ясно, что в результате этих испытаний вокруг Земли образуется облако радиоактивной пыли, которое, увеличиваясь по мере продолжения взрывов, может привести к увеличению числа заболеваний раком или другими болезнями. Хотя в настоящее время генетическая опасность еще не столь велика, но получить оценки ее масштабов без глобальных исследований невозможно. Без сомнения, комиссия ООН получит ценные результаты, особенно с учетом того, что все необходимые технические данные, по всей вероятности, будут предоставлены правительствами стран-участниц. Тем не менее мы полагаем, что необходимо провести дополнительно независимые исследования по следующим причинам:

а) Работа комиссии, в которую войдут официальные представители, может быть порой ограничена политическими соображениями. Может быть ограничена свобода публикации результатов ее исследований, даже если отдельные ее члены ратуют за всемерную их широту и глубину, а также полное обнародование их результатов.

б) Если общественное мнение не будет настаивать на ускорении работ, сложный механизм таких комиссий может привести к неоправданным проволочкам.

в) Заявление группы независимых ученых, не представляющих свои правительства, руководствующихся только своей совестью, может найти более широкий и благоприятный отклик у общественности, чем официальная информация.

Кроме проблемы биологического воздействия ядерных испытаний, на предполагаемой конференции могли бы быть рассмотрены также следующие вопросы:

1. Непосредственное воздействие радиоактивных осадков в случае термоядерной войны, а также более отдаленные последствия воздействия радиации.

2. Роль испытаний ядерного оружия в гонке вооружений и опасности возможной неограниченной «ядерной войны».

3. Необходимость создания нового международного кодекса, охватывающего все разнообразие использования радиоактивных изотопов в самых различных областях, и опасность небрежного обращения с ними.

Нам представляется, что комитет должен собраться приватно, а уже в конце встречи решить, желательно ли обнародовать факт своего существования и результаты расследований.

Рассылая приглашения на планируемую конференцию, мы старались, чтобы на ней были представлены самые различные политические точки зрения, а также чтобы в ней приняли участие ученые, работающие в самых разных областях, имеющих отношение к обсуждаемой проблеме. Важно найти баланс всех аспектов проблемы с тем, чтобы результаты были признаны всеми. Список предполагаемых участников прилагается.

Мы решили, что встреча комитета пройдет в Индии, незадолго до сессии Индийского конгресса ученых, которая состоится в начале января 1957 года. Мы были бы признательны Вам, если бы Вы сообщили, и как можно раньше, согласны ли Вы стать членом комитета. Мы полагаем, что средства на проведение встречи удастся получить из различных частных источников, так что финансовые соображения пусть не беспокоят Вас при принятии решения по поводу нашего предложения.

Искренне Ваш Бертран Рассел

Макс Борн (Германия), Фредерик Жолио-Кюри (Франция), Л. Инфельд (Польша), Лайнус Полинг (США), С. Ф. Пауэлл (Англия), Дж. Ротблат (Англия), Х. Юкава (Япония).

Приложение. Список приглашенных ученых

Проф. Маркус Олифант (Австралия), проф. Жозюэ де Кастро (Бразилия), проф. Ли Цзе Куань (Китай), проф. Нильс Бор (Дания), проф. Луи де Бройль (Франция), проф. А. М. Б. Лакассань (Франция), проф. Отто Хан (Германия), проф. Вернер Гейзенберг (Германия), проф. Густав Герц (Германия), лорд Адриан (Великобритания), проф. Александр Хэддоу (Великобритания), сэр Сирил Хиншелвуд (Великобритания), д-р Д. С. Котари (Индия), сэр К. С. Кришнан (Индия), проф. Е. Амальди (Италия), проф. С. Томонага (Япония), проф. Мацуо Сузуки (Япония), проф. Георг де Хевесей (Швеция), д-р Георг У. Бидл (США), д-р Детлев У. Бронк (США), проф. А. Г. Комптон (США), проф. Евгений Рабинович (США), проф. Виктор Вейскопф (США), акад. А. Н. Несмеянов (СССР), д-р Н. И. Нуждин (СССР), акад. Д. В. Скобельцын (СССР), акад. А. В. Топчиев (СССР).

№ 13

Лично и конфиденциально — 18 октября 1956 г.

Уважаемый профессор Скобельцын,

Хочу сообщить Вам о прогрессе, достигнутом в связи с предложением о конференции ученых в Индии по обсуждению опасностей, связанных с развитием атомного оружия. В настоящее время дела обстоят следующим образом:

а) В дополнение к тем, кто первоначально поддержал идею конференции, также изъявили желание участвовать в ней: де Кастро, Хэддоу, Герц, Хевесей, Котари, Лакассань, Олифант, Рабинович. Топчиев и Сузуки выразили надежду, что смогут участвовать.

б) Не смогут участвовать: Адриан, Бидл, Бор, де Бройль, Хан, Гейзенберг, Хиншелвуд и Вейскопф. Но все они желают успеха проведению конференции, кроме одного человека, который сомневается в ее полезности.

в) До сих пор еще не получены ответы от некоторых, кому были посланы приглашения. Это Бюргерс, Оппенгеймер, Ржевски, Швейцер и Тирринг.

г) Из подписавших заявление намереваются присутствовать: Инфельд, Пауэлл, Ротблат, Юкава.

По полученным уже ответам можно ожидать, что образуется пропорциональный комитет из 15–20 человек. Это дает основания для подготовки к проведению конференции, которая предположительно состоится в Дели между 9 и 12 января 1957 года.

Я пока еще не получил Вашего ответа на мое первое письмо с приглашением на конференцию и был бы очень признателен Вам за него. Прилагается более детальный проект повестки для конференции, и Ваши замечания по ней могли бы оказаться весьма полезными.

Мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы подготовили доклад, в котором был бы отражен опыт советской стороны.

Искренне Ваш Бертран Рассел

№ 14

22 ноября 1956 г.

Уважаемый академик Скобельцын,

В связи со сложившейся международной обстановкой и возникшими трудностями с передвижением мы сочли необходимым отложить проведение международной встречи ученых в Индии. Мы надеемся, что удастся провести ее ближе к Пасхе, и в самое ближайшее время я сообщу Вам об этом более подробно.

Искренне Ваш Бертран Рассел

№ 15

12 декабря 1956 г.

Уважаемый лорд Рассел,

Сообщаю Вам, что получил Ваше письмо от 22 ноября, как и два Ваших предыдущих письма, и благодарю Вас за любезное приглашение принять участие в международной конференции ученых, организуемой Вами и Вашими коллегами.

Мне представляется, что в свете предполагаемого времени проведения встречи (ближе к Пасхе) необходимо учесть также и климатические условия. Лично меня и этот аспект договоренности очень волнует.

Я был бы Вам признателен за окончательную информацию о времени и месте проведения встречи.

Искренне Ваш Д. Скобельцын

№ 16

ВСЕМИРНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

11 декабря 1956 г.

Уважаемый академик Скобельцын,

Как Вы уже знаете, международную встречу по проблеме опасности ядерного оружия, проведение которой планировалось в январе в Дели, пришлось отложить. Это решение вызвано тем, что нам не удалось собрать достаточно средств для ее проведения. Мы обращались ко многим частным лицам, но безуспешно. Нами были

получены два предложения о существенной помощи, охватывающей почти все расходы, но с условием, что встреча должна состояться не в Индии. В такой ситуации нам ничего не оставалось, как отложить встречу.

Хотя это и не главная причина, но сложившаяся тревожная обстановка в мире, которая, вообще говоря, делает проведение такой встречи крайне необходимой, повлекла за собой ряд новых осложнений, что могло удержать некоторых участников, принявших приглашение, от поездки в январе в Индию.

Мы надеемся, что задержка не будет долгой, и удастся провести встречу ближе к Пасхе (в марте или апреле). К этому моменту, возможно, страсти, поднятые недавними международными событиями, уже улягутся, и мы сможем провести встречу в менее накаленной обстановке. У нас также имеются веские основания полагать, что финансовые трудности, не позволившие провести конференцию в январе, будут преодолены.

Возможно, что встреча состоится все-таки в Индии, и насколько я понимаю, индийские власти намерены предоставить такие же возможности для проведения ее в пасхальные праздники, как и в январе. Нельзя, однако, не рассматривать и другие возможные места проведения встречи, тем более, если это позволит расширить представительство. Мы надеемся, что сумеем сообщить более подробно и определенно о месте и времени конференции в самом начале будущего года.

Тем не менее, я думаю, полезно изложить здесь степень подготовленности встречи на тот момент, когда было принято решение отложить ее проведение.

Согласились принять участие следующие ученые: Олифант (Австралия), Тирринг (Австрия), де Кастро (Бразилия), Лакассань (Франция), Хэддоу, Пауэлл, Ротблат (Великобритания), Ржевски (Западная Германия), Герц (Восточная Германия), Кришнан, Котари (Индия), Шоу Пей-Юан (Китай), Сузуки, Томонага, Юкава (Япония), Инфельд (Польша), Хевесей (Швеция), Полинг, Рабинович (США), Несмеянов, Скобельцын, Опарин, Сисакян (СССР).

Была предложена следующая повестка дня:

1. Разрушительные возможности ядерного оружия

   а) Испытания: I. Генетическое воздействие; II. Соматическое воздействие; III. Воздействие на животных, посевы, морские продукты; IV. Метеорологические эффекты.

   б) Использование во время войны: I. Непосредственное воздействие; II. Отдаленные последствия.

2. Мирное использование ядерной энергии

   а) Опасности при широком использовании радиации в диагностических целях.

   б) Опасности, связанные с широким использованием радиоактивных изотопов.

   в) Опасности, связанные с широким распространением ядерных реакторов.

3. Проблемы разоружения и международного контроля

   а) Роль ядерных испытаний в гонке вооружений.

   б) Возможность использования топлива ядерных реакторов и нелегальных целях.

4. Попытки разработать эффективную схему защиты мирного населения от ядерного оружия.

5. Необходимость нового кодекса международных законов, охватывающего сферу использования радиоактивных материалов.

6. Поддержание постоянных контактов между учеными разных стран для изучения перечисленных выше и аналогичных проблем.

Было бы полезно использовать оставшееся до проведения отложенной встречи время для подготовки сообщений по какому-либо вопросу или группе вопросов повестки дня. На сегодня уже готовы несколько основных докладов, но было бы желательно, чтобы появились и другие.

Нет необходимости говорить, что встреча проводится по инициативе г-на Рассела, и ни Всемирная федерация научных работников, ни какая-либо другая организация формально не имеют к ней отношения. В этой ситуации наиболее эффективным способом привлечь внимание к деятельности Федерации и различных афиллированных с нею организаций явилась бы подготовка сообщений по вопросам повестки дня конференции. Предприняты некоторые шаги с тем, чтобы эти сообщения были сделаны, даже если авторы присутствовать не будут. Комитет по атомным наукам Британской ассоциации научных работников подготовил доклад по пятому пункту повестки дня. Желательно также участие и других организаций. Я был бы признателен, если бы были подготовлены подобные сообщения, а также замечания и предложения по любому аспекту встречи, и был бы рад передать их г-ну Расселу для рассмотрения.

Искренне Ваш Е. Г. С. Буроп [7]

№ 17

8 февраля 1957 г.

Уважаемый академик Скобельцын,

В дополнение к моему письму от 22 ноября по поводу международной встречи ученых по вопросу опасности, связанной с развитием ядерного оружия, сообщаю, что встреча состоится 8–11 июля в Канаде. Нам пришлось отказаться от проведения ее в Индии в основном по финансовым причинам. Нынешние планы оказались возможными благодаря щедрости некоего канадского филантропа, который любезно предоставляет нам свою загородную резиденцию в Пагуоше, в Нова Скотиа, а также предлагает финансовую помощь для оплаты проезда участников.

Я полагаю, что нам удастся успешно провести нашу встречу в Канаде. Не вижу каких-либо затруднений с визами для тех, кто захочет участвовать. Меня также заверили, что вполне возможно провести встречу тихо, не привлекая к ней широкого внимания, а участники уже сами решат, следует ли сделать какое-либо сообщение для прессы.

Я очень надеюсь, что Вы сможете участвовать во встрече в Нова Скотиа. Я думаю, нет нужды подчеркивать, что недавние события в мире, а также ядерные испытания во все возрастающих масштабах делают созыв такой международной конференции неотложным делом.

Вы уже получили проект повестки дня конференции. Я был бы признателен за замечания и предложения по повестке, а также за сообщение.

Насколько я понял, Вы сможете оплатить транспортные расходы по своим каналам. Пребывание же в Пагуоше, безусловно, обеспечит наш любезный канадский хозяин. Сообщите мне, пожалуйста, собираетесь ли Вы принять участие в нашей встрече.

Искренне Ваш Бертран Рассел

№ 18

10 апреля 1957 г.

Уважаемый академик Скобельцын,

8 февраля я послал Вам последнее письмо по поводу международной встречи ученых по вопросу опасности, связанной с ядерным оружием, которая должна состояться 8–11 июля 1957 года в Пагуоше, Нова Скотиа, но до сих пор не получил ответа. Так как уже необходимо делать последние приготовления, я был бы Вам крайне признателен, если бы Вы сообщили мне, без малейшего промедления, сможете ли Вы участвовать. Я очень надеюсь, что Вы приедете, так как полагаю, что Вы разделяете мое мнение о неотложной необходимости такой встречи в свете последних событий.

Для организационной стороны дела мне было бы желательно знать, сможете ли Вы оплатить дорожные расходы по каким-либо каналам у себя в стране или же Вам необходима помощь из фондов конференции. Вы, вероятно, помните, я подчеркивал, что финансовые вопросы не должны явиться препятствием для чьего-либо участия во встрече, но тем не менее средства из частных источников, предоставленные в наше распоряжение, небезграничны, поэтому было бы желательно, чтобы были предприняты усилия по оплате транспортных расходов из местных источников.

Я советую Вам, если Вы собираетесь приехать, во избежание дорожных затруднений заранее заказать билеты, с тем чтобы успеть в Пагуош к началу конференции. Также следовало бы уже сейчас обратиться за въездной визой. Я со своей стороны постараюсь предпринять шаги с тем, чтобы канадские власти поспособствовали скорейшей выдаче виз участникам конференции. В связи с этим мне понадобятся Ваше полное имя и паспортные данные. Но это обращение к канадским властям имеет смысл лишь в том случае, если Вы сами немедленно обратитесь за визой.

Искренне Ваш Бертран Рассел

№ 19

24 января 1958 г.

Уважаемый профессор Скобельцын,

Как Вам известно, на Пагуошской встрече был образован Постоянный комитет для организации таких встреч в будущем, если в них возникнет необходимость. Этот комитет, членами которого являются профессора Пауэлл, Рабинович, Ротблат и Скобельцын, а я – председателем, собрался в Лондоне 16–18 декабря. Его работе способствовали профессора фон Вайцзекер и Сциллард.

В распоряжении комитета были результаты опроса некоторых ученых США и Великобритании, из которых выяснилось, что среди ученых этих стран широко распространена обеспокоенность нынешней опасной ситуацией в мире, а также желание внести свой вклад и уменьшение напряженности. Имеются свидетельства таких настроений и в других странах, особенно в СССР, Германии и Японии. Комитет находит, что налицо общий консенсус относительно неудовлетворенности ученых, не желающих ограничиваться одними лишь заявлениями и предупреждениями и считающих, что настало время попытаться внести реальный вклад в решение нынешних проблем.

В свете вышесказанного комитет принял ряд решений, среди которых – проведение встречи в узком кругу в Канаде в период с 31 марта по 11 апреля

1958 года. Этим мы опять обязаны г-ну Сайрусу Итону, любезно предложившему нам свою помощь.

Тема предполагаемой встречи – «Опасности нынешней ситуации, связанной с гонкой ядерных вооружений, пути и средства ее уменьшения». Мы планируем, что во встрече примут участие около 25 человек, представляющих разные страны и самые различные мнения. Они встретятся для того, чтобы приватно обсудить некоторые шаги, которые могли бы способствовать уменьшению международной напряженности и сопряженных с ней опасностей. Список предполагаемых сообщений прилагается. Целью встречи является не только обсуждение этих вопросов, но, по возможности, и выработка путей интернационализации общественного сознания по этим важнейшим проблемам. С тем чтобы спокойно обсудить и осмыслить все вопросы, мы планируем проведение встречи в форме двухнедельных приватных бесед, ограничив официальные заседания несколькими часами по утрам.

Мы не собираемся выступить в заключение с каким-либо публичным заявлением, а опубликуем лишь ход обсуждений поднятых вопросов.

Я был бы очень рад, если бы Вы приняли участие в этой встрече.

Далее, комитет был бы признателен, если бы Вы высказались по предлагаемым вопросам, а также назвали другие темы, которые считаете нужным обсудить. Если Вы захотите принять участие во встрече, мы примем меры для обеспечения Вашего пребывания в Канаде, а также, если необходимо, транспортных расходов.

Искренне Ваш Бертран Рассел

Вопросы, предлагаемые для обсуждения на встрече, посвященной проблеме: «Опасности нынешней ситуации, связанной с гонкой вооружений, пути и средства ее уменьшения»

1. Обязательства, взятые на себя каждой из сторон по ограничению использования оружия и современной ситуации, отмеченной гонкой вооружений, например, возможность взаимного соглашения о неприменении ядерного оружия или ограничении его использования при определенных обстоятельствах.

2. Возможность создания международных органов, например, полицейских сил ООН.

3. Возможность обмена информацией между великими державами по атомному оружию, как и научно-технического персонала, занятого в военных проектах.

4. Разрешение локальных проблем локальными средствами; региональные урегулирования – такие, как нейтрализация отдельных стран.

5. Методы разрешения проблем, относящихся к опасности, исходящей из наличия у многих наций большого количества расщепляющихся материалов, связанного со все более распространяющимся использованием ядерной энергии.

6. Возможность расширения обмена студентами и учеными между различными странами.

К другим темам, которые могли бы быть обсуждены на конференции, относятся специфические проблемы разоружения, такие, как разнообразные возможные технические формы контроля и политические условия, при которых этот контроль станет возможным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Скобельцын Дмитрий Владимирович (р. 1892 г.) – академик, в указанный период директор Физического института АН СССР.

[2] Опарин Александр Иванович (1894–1980) – академик, директор Института биохимии АН СССР, лауреат Ленинской премии.

[3] Пауэлл Сесил Франк (1903–1969) – английский физик, иностранный член АН СССР, лауреат Нобелевской премии.

[4] Инфельд Леопольд (1898–1968) – польский физик.

[5] Фредерик Жолио-Кюри (1900–1958) – французский физик и общественный деятель, первый председатель Всемирного Совета Мира.

[6] Рассел Бертран (1872–1970) – английский философ, логик, математик, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии.

[7] Бурон Эрик Генри Стонли (р. 1911 г.) – английский физик и общественный деятель, один из основателей Пагуошского движения, президент Всемирной федерации научных работников, лауреат Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Л. ТРОЦКИЙ. СТАЛИНСКАЯ ШКОЛА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

К ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ СТАЛИНА

Восемь лет борьбы после Ленина, восемь лет борьбы против Троцкого, восемь лет режима эпигонов — сперва «тройка», затем «семерка» и, наконец, «единый» — весь этот многозначительный период *спуска* революции, ее откатов в международном масштабе, ее теоретического снижения подвел нас к некоторому в высшей степени критическому пункту. В бюрократическом триумфе Сталина резюмируется большая историческая полоса и, вместе с тем, знаменуется близкая неизбежность ее преодоления. Кульминация бюрократизма предрекает его кризис, он может оказаться гораздо более быстрым, чем его рост и подъем. Режим национал-социализма и его герой попадают под удары не только внутренних противоречий, но и международного движения. Мировой кризис даст последнему ряд новых толчков. Пролетарский авангард не сможет и не захочет задыхаться в тисках молотовского руководства. Личная ответственность Сталина ангажирована полностью. Сомнения и тревога забрались в души даже наиболее вышколенных. А Сталин не может дать больше того, что у него есть. Ему предстоит спуск, который может оказаться тем более стремительным, чем более искусственный характер имел подъем.

В следующих ниже строках мы хотим дать некоторые материалы к политической биографии Сталина. Наши материалы крайне неполны. Мы выбираем наиболее существенное из того, что оказалось у нас в архиве. Но в нашем архиве нет пока многих существенных, может быть, самых важных материалов и документов. Из архивов Департамента полиции, перехватывавшего и копировавшего в течение десятилетий письма революционеров, документы и пр., Сталин в течение последних лет тщательно собирал материалы, при помощи которых он мог, с одной стороны, держать в руках недостаточно надежных друзей, набросить тень на противников, а главное, оградить себя и своих единомышленников от опубликования тех или других цитат или эпизодов, которые способны нанести ущерб фальшивой «монолитности» искусственно построенных биографий. Этих документов у нас нет. Крайнюю неполноту наших сведений надо всегда иметь в виду при оценке печатаемых ниже материалов.

1.— 23 декабря 1925 года в партийной газете «Заря Востока» ближайшими друзьями Сталина была опубликована следующая жандармская справка, относящаяся к 1903 году:

«По вновь полученным мною агентурным сведениям Джугашвили был известен в организации под кличкой *«Сосо»* и *«Коба»*, с 1902 года работал в социал-демократической партийной организации, сначала меньшевиком, а потом большевиком, как пропагандист и руководитель первого района (железнодорожного)».

По поводу этой жандармской справки о Сталине, опубликованной его сторонниками, никаких опровержений, насколько знаем, нигде не появлялось. Из справки вытекает, что Сталин начал свою работу *меньшевиком*.

Окончание. Начало см.: Вопросы истории, 1989, №№ 7–10, 12.

2. — В 1905 году Сталин принадлежал к большевикам и принимал активное участие в борьбе. Каковы были воззрения его и действия в 1905 году? Каковы были взгляды его на характер революции и ее перспективы? Насколько знаем, никаких документов на этот счет в обороте нет. Никаких статей, речей или резолюций Сталина перепечатано не было. Почему? Очевидно, потому, что перепечатка статей или писем Сталина за тот период могла бы только нанести ущерб его политической биографии[1]. Ничем другим это упорное забвение прошлого «вождя» объяснить нельзя.

3. — В 1907 году Сталин принимает участие в экспроприации тифлисского банка. Меньшевики, вслед за буржуазными филистерами, немало негодовали по поводу «заговорщических» методов большевизма и его «анархо-бланкизма». У нас к этому негодованию может быть только одно отношение: *презрение*. Факт участия в смелом, хотя и частичном ударе врагу делает только честь революционной решимости Сталина. Приходится, однако, изумляться, почему этот факт труслиbо устранен из всех официальных биографий Сталина? Не во имя ли бюрократической респектабельности? Думаем все же, что нет. Скорее по политическим причинам. Ибо, если участие в экспроприации само по себе отнюдь не может скомпрометировать революционера в глазах революционеров, то ложная политическая оценка тогдашней ситуации компрометирует Сталина как политика. Отдельные удары по учреждениям, в том числе и «кассам» врага совместимы лишь с массовым наступлением, т. е. с подъемом революции. При отступлении масс частные, отдельные, партизанские удары неизбежно вырождаются в авантюры и ведут к деморализации партии. В 1907 году революция откатывалась и экспроприации вырождались в авантюры. Сталин во всяком случае показал в этот период, что не умеет отличать отлива от прилива. Неспособность политической ориентировки широкого масштаба он обнаружит в дальнейшем не раз (Эстония, Болгария, Кантон, «3-й период»).

4. — Сталин ведет со времени первой революции жизнь профессионального революционера. Тюрьмы, ссылки, побеги. Но за весь период реакции (1907—1911) мы не находим ни одного документа, в котором Сталин формулировал бы свою оценку обстановки и перспектив. Не может быть, чтоб они не сохранились, хотя бы в архиве Департамента полиции. Почему они не появляются в печати? Совершенно очевидно, почему: они не способны упрочить ту нелепую характеристику теоретической и политической непогрешимости, которую создает Сталину, т. е. себе самому, аппарат.

5. — Одно лишь письмо того периода попало по недосмотру в печать — и оно целиком подтверждает нашу гипотезу.

24 января 1911 года Сталин писал из ссылки друзьям, причем письмо его, перехваченное Департаментом полиции, было перепечатано 23 декабря 1925 года все той же, услужливой не по разуму редакцией «Зари Востока». Вот что писал Сталин:

«О заграничной «буре в стакане», конечно, слышали: блоки — Ленина — Плеханова, с одной стороны, и Троцкого — Мартова — Богданова — с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на заграницу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: «пусть, мол, лезут на стену, сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот работай, остальное же приложится. Это, по-моему, к лучшему».

Здесь не место останавливаться на том, насколько правильно Сталин определяет состав блоков. Вопрос не в этом. Ленин вел неистовую борьбу против легалистов, ликвидаторов и оппортунистов, за перспективу второй революции. Эта борьба определяла тогда в основном все группировки за границей. Как же большевик Сталин оценивает эти бои? Как самый беспомощный эмпирик: «буря в стакане воды; пусть, мол, лезут

на стену; работай, остальное же приложится». Сталин приветствует настроение теоретического безразличия и мнимого превосходства близоруких практиков над революционными теоретиками. «Это, по-моему, к лучшему», пишет он по адресу тех настроений, которые были характерны для периода реакции и упадка. Мы имеем, таким образом, в лице большевика Сталина даже не политическое примиренчество — ибо примиренчество было идейным течением, которое стремилось создать *принципиальную* платформу,— мы имеем слепой эмпиризм, доходящий до полного пренебрежения к принципиальным проблемам революции.

Нетрудно себе представить, какую головомойку получила злополучная редакция «Зари Востока» за опубликование этого письма и какие меры были приняты «в общегосударственном масштабе» для того, чтоб такие письма не появлялись в дальнейшем.

6. — В докладе на 7-м пленуме ИККИ (1926 г.) Сталин следующим образом характеризовал прошлое партии:

«Если взять историю нашей партии с момента ее зарождения в виде группы большевиков в 1903 г. и проследить ее последующие этапы вплоть до нашего времени, то можно сказать без преувеличения, что история нашей партии есть история борьбы противоречий внутри этой партии... Нет и не может быть «средней» линии в вопросах принципиального характера...»[2].

Эти внушительные слова направлены против идейного «примиренчества» по отношению к тем, против кого Сталин вел борьбу. Но эти абстрактные формулы идейной непримиримости находятся в полном противоречии с политической физиономией и политическим прошлым самого Сталина. Он был, как эмпирик, органическим примиренцем, но именно как эмпирик он своему примиренчеству не давал принципиального выражения.

7. — В 1912 году Сталин участвует в легальной газете большевиков «Звезда». Петербургская редакция, в прямой борьбе с Лениным, ставит сперва эту газету, как примиренческий орган. Вот что пишет Сталин в программной редакционной статье:

«...мы будем удовлетворены и тем, если газете удастся, *не впадая в полемическое увлечение различных фракций*, с успехом отстаивать духовные сокровища последовательной демократии, на которые теперь дерзко посягают и явные враги и ложные друзья» («Революция и ВКП(б) в материалах и документах», т. 5, стр. 161—162).

Фраза насчет «полемических увлечений *различных* (!) фракций» целиком направлена против Ленина, против его «бури в стакане воды», против его постоянной готовности «лезть на стену» из-за каких-то там «полемических увлечений».

Статья Сталина вполне, таким образом, совпадает с вульгарно-примиренческой тенденцией цитированного выше письма его 1911 года и полностью противоречит позднейшему заявлению о недопустимости средней линии в вопросах принципиального характера.

8. — Одна из официальных биографий Сталина гласит: «В 1913 году был снова сослан в Туруханск, где оставался до 1917 года». Юбилейный сталинский номер «Правды» выражается так же: «1913—14—15—16 гг. Сталин проводит в Туруханской ссылке» («Правда», 21 декабря 1929 года). И больше ни слова. Это были годы мировой войны, крушения 2-го Интернационала, годы Циммервальда, Кинталя, глубочайшей идейной борьбы в рядах социализма. Какое участие принимал Сталин в этой борьбе? Четыре года ссылки должны были быть годами напряженной умственной работы. Ссыльные ведут в таких условиях дневники, пишут трактаты, вырабатывают тезисы, платформы, обмениваются полемическими письмами и пр. Не может быть, чтоб Сталин за четыре года ссылки не написал ничего по основным проблемам войны, Интернационала и революции. Между тем тщетно стали бы мы искать каких-либо следов

духовной работы Сталина за эти четыре поразительных года. Каким образом это могло произойти? Совершенно очевидно, что если бы нашлась одна единственная строка, где Сталин формулировал бы идею пораженчества или провозглашал бы необходимость нового Интернационала, эта строка давно уже была бы напечатана, сфотографирована, переведена на все языки и обогащена учеными комментариями всех академий и институтов. Но такой строки не нашлось. Значит ли это, что Сталин совсем ничего не писал? Нет, не значит. Это было бы совершенно невероятно. Но это значит, что среди всего написанного им за четыре года не оказалось ничего, решительно ничего, что можно было бы использовать сегодня для подкрепления его репутации. Таким образом годы войны, когда выковывались идеи и лозунги русской революции и 3-го Интернационала, в идейной биографии Сталина оказываются пустым местом. Весьма вероятно, что он в это время говорил и писал: «Пускай они там лезут на стену и устраивают бури в стакане воды».

9. — Сталин приезжает с Каменевым в Петроград к середине марта 1917 года. «Правда», руководимая Молотовым и Шляпниковым, имеет неопределенный, примитивный, но все же «левый» характер, направленный против Временного правительства. Сталин и Каменев отстраняют старую редакцию, как слишком левую, и занимают совершенно оппортунистическую позицию в духе левых меньшевиков: а) поддержка Временного правительства, постольку—поскольку, б) военная оборона революции (т. е. буржуазной республики), в) объединение с меньшевиками типа Церетели. Позиция «Правды» тех дней представляет собой поистине скандальную страницу в истории партии и в биографии Сталина. Его мартовские статьи, явившиеся «революционным» выводом из его размышлений в ссылке, вполне объясняют, почему из работ Сталина эпохи войны не появилось до сих пор ни одной строки.

10. — Приведем здесь рассказ Шляпникова («Семнадцатый год», кн. 2. 1925) о том перевороте, какой произвели Сталин и Каменев, связанные тогда единством позиции:

«День выхода первого номера «преобразованной» «Правды» — 15 марта — был днем оборонческого ликования. Весь Таврический дворец, от дельцов Комитета Государственной думы до самого сердца революционной демократии Исполнительного комитета — был преисполнен одной новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними. В самом Исполнительном комитете нас встретили ядовитыми улыбками. Это был первый и единственный раз, когда «Правда» вызвала одобрение даже матерых оборонцев либердановского толка. Когда этот номер «Правды» был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствовавших нам, и язвительное удовольствие у наших противников. В Петербургский комитет, в Бюро ЦК и в редакцию «Правды» поступали запросы,— в чем дело, почему наша газета отказалась от большевистской линии и стала на путь оборонческой? Но Петербургский комитет, как и вся организация, был застигнут этим переворотом врасплох и по этому случаю глубоко возмущался и винил Бюро ЦК. Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что *«Правда» была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями «Правды», то потребовали исключения их из партии»* (Третий — бывший депутат Муранов).

К этому надо прибавить следующее: а) изложение Шляпникова перерабатывалось и крайне смягчалось под давлением Сталина и Каменева в 1925 г. (тогда еще господствовала «тройка»!); б) в официальной печати не появилось никаких опровержений шляпниковского рассказа. Да и как опровергать? Ведь номера тогдашней «Правды» налицо.

11. — Отношение Сталина к проблеме революционной власти выражено им в речи на партийном совещании (заседание 29 марта 1917 года):

«Временное же правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа. Совет Р. и С. Д. мобилизует силы, контролирует, Временное же правительство — упираясь, путаясь, берет роль закрепителя тех завоеваний народа, которые фактически уже взяты им. Такое положение имеет отрицательные, но и положительные стороны: нам невыгодно сейчас форсировать события, ускоряя процесс откалывания буржуазных слоев, которые неизбежно впоследствии должны будут отойти от нас» [3].

Сталин боится «отталкивать буржуазию» — основной довод меньшевиков, начиная с 1904 года.

«Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции — постольку ему поддержка, поскольку же оно контрреволюционно, поддержка Временного правительства неприемлема».

Совершенно так же говорил и Дан. Можно ли другими словами защищать буржуазное правительство пред лицом революционных масс? Дальше протоколы гласят:

«Тов. Сталин оглашает резолюцию о Временном правительстве, принятую Бюро ЦК, но говорит, что не совсем согласен с нею, и скорее присоединяется к резолюции Красноярского Совета Р. и С. Д.».

Приводим важнейшие пункты красноярской резолюции:

«Со всей полнотой выяснить, что единственный источник власти и авторитета Временного правительства есть воля народа, который совершил этот переворот, и которому Временное правительство обязано всецело повиноваться»...

«Поддерживать Временное правительство в его деятельности лишь постольку, поскольку оно идет по пути удовлетворения требований рабочего класса и революционного крестьянства в происходящей революции».

Речь идет о правительстве князя Львова — Милюкова — Гучкова.

Такова позиция Сталина в вопросе о власти.

12. — Надо особо подчеркнуть дату: 29 марта. Таким образом через месяц с лишним после начала революции Сталин все еще говорит о Милюкове как о союзнике: Совет завоевывает, Временное правительство закрепляет. Трудно поверить, что эти слова мог произнести докладчик на большевистской конференции в конце марта 1917 года! Так не поставил бы вопроса даже Мартов. Это есть теория Дана в наиболее вульгарном выражении: абстракция демократической революции, в рамках которой действуют более «умеренные» и более «решительные» силы и разделяют между собой работу: одни завоевывают, другие закрепляют. И тем не менее речь Сталина не случайна. Мы имеем в ней схему всей сталинской политики в Китае в 1924—1928 гг.

С каким страстным, несмотря на всю сдержанность, негодованием бичевал позицию Сталина Ленин, успевший прибыть на последнее заседание того же Совещания:

«Даже наши большевики,— говорил он,— обнаруживают доверчивость к правительству. Объяснить это можно только угаром революции. Это — гибель социализма. Вы, товарищи, относитесь доверчиво к правительству. Если так, нам не по пути. Пусть лучше останусь в меньшинстве. Один Либкнехт стоит дороже 110 оборонцев типа Стеклова и Чхеидзе. Если вы сочувствуете Либкнехту и протянете хоть палец (оборонцам),— это будет измена международному социализму» (Мартовское партийное совещание 1917 года. Заседание 4 апреля. «Доклад т. Ленина») [4].

Не нужно забывать, что речь Ленина, как и протоколы в целом, до сих пор скрываются от партии.

13. — Как ставил Сталин вопрос о войне? Так же, как и Каменев. Нужно пробудить европейских рабочих, а пока выполнять свой долг по отношению к «революции». Но как пробудить европейских рабочих? Сталин отвечает в статье [в «Правде»] от 17 марта:

«...мы уже указывали на один из серьезнейших способов сделать это. Он заключается в том, чтобы заставить собственное правительство выска-

заться не только против всяких завоевательных планов... но и открыто формулировать волю русского народа, немедленно начать переговоры о всеобщем мире на условиях полного отказа от всяких завоеваний с обеих сторон и права наций на самоопределение».

Таким образом «пацифизм» Милюкова — Гучкова должен был служить средством пробуждения европейского пролетариата.

4 апреля, на другой день по приезде, Ленин с негодованием заявил на партийном совещании:

«Правда» требует от *правительства*, чтоб оно отказалось от аннексий. Требовать от правительства капиталистов, чтоб оно отказалось от аннексий — чепуха, вопиющая издевка» (Мартовское партийное Совещание 1917 года. Заседание 4-го апреля. «Доклад т. Ленина») [5].

Эти слова были целиком направлены против Сталина.

14. — 14 марта меньшевистско-эсеровский Совет выпускает манифест о войне к трудящимся всех стран [6]. Манифест представлял [собой] лицемерный, лжепацифистский документ в духе всей политики меньшевиков и эсеров, которые уговаривали рабочих других стран восстать против своей буржуазии, а сами шли в одной упряжке с империалистами России и всей Антанты.

Как Сталин оценил этот манифест?

«Прежде всего несомненно, что голый лозунг «долой войну» совершенно непригоден как практический путь... Нельзя не приветствовать вчерашнее воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде к народам всего мира с призывом заставить собственные правительства прекратить бойню. Воззвание это, если оно дойдет до широких масс, без сомнения вернет сотни и тысячи рабочих к забытому лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [7]

Как оценил воззвание оборонцев Ленин? В уже цитированной речи 4 апреля он сказал:

«Воззвание Совета рабочих депутатов — там нет ни слова, проникнутого классовым сознанием. Там сплошная фраза!». (Мартовское партийное Совещание 1917 г. Заседание 4 апреля. «Доклад т. Ленина») [8].

Эти слова направлены целиком против Сталина. Поэтому-то протоколы мартовского совещания и скрываются от партии.

15. — Проводя в отношении к Временному правительству и к войне политику левых меньшевиков, Сталин не имел никакого основания отказываться от объединения с меньшевиками. Вот как он высказался по этому вопросу на той же мартовской конференции 1917 года. Цитируем дословно протокол:

«В порядке дня — предложение Церетели об объединении.

Сталин.— Мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения о линии объединения. Возможно объединение по линии Циммервальда—Кинталя».

Даже Молотов выражает, правда, не очень членораздельно, свои сомнения. Сталин возражает:

«Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия». (Мартовское партийное Совещание. Заседание 1 апреля) [9].

Эти немногие слова говорят больше, чем целые томы. Они показывают те мысли, какими Сталин питался в годы войны, и свидетельствуют с юридической точностью о том, что циммервальдизм Сталина был той же самой марки, что и циммервальдизм Церетели. Здесь опять-таки нет и намека на ту идейную непримиримость, фальшивую маску которой Сталин, в интересе аппаратной борьбы, надел на себя несколько лет спустя. Наоборот, меньшевизм и большевизм представляются Сталину в конце марта 1917 года оттенками мысли, которые могут уживаться в одной партии. Разногласия с Церетели Сталин называет «мелкими разногласиями»,

которые можно «изживать» внутри единой организации. Мы видим здесь, насколько к лицу Сталину обличать задним числом примиренческое отношение Троцкого к левым меньшевикам... в 1913 году.

16. — При такой позиции Сталин, естественно, ничего серьезного не мог противопоставить эсерам и меньшевикам в Исполнительном комитете, куда он вошел по приезде, как представитель партии. Не осталось в протоколах или в печати ни одного предложения, заявления, протеста, в котором Сталин сколько-нибудь отчетливо противопоставил бы большевистскую точку зрения лакейству «революционной демократии» перед буржуазией. Один из бытописателей того периода, беспартийный полуоборонец Суханов, автор упомянутого выше Манифеста к трудящимся всего мира, говорит в своих «Записках о революции»:

«У большевиков в это время, кроме Каменева появился в Исп. Комитете Сталин... За время своей скромной деятельности в Исп. Комитете (он) производил — не на одного меня — впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем собственно нечего и сказать». («Записки о революции», кн. вторая, [Пб.— М. 1922] стр. 265, 266).

17. — Прорвавшийся, наконец, из-за границы Ленин рвет и мечет против «каутскианской» (выражение Ленина) «Правды». Сталин отходит к стороне. В то время как Каменев обороняется, Сталин, отмалчивается. Постепенно он вступает в новую официальную колею, проложенную Лениным. Но мы не найдем у него ни одной самостоятельной мысли, ни одного обобщения, на котором можно было бы остановиться. Где представляется случай, Сталин становится между Каменевым и Лениным.

Возьмем самый острый момент внутрипартийной борьбы накануне Октябрьского восстания. Каменев и Зиновьев выступают во внепартийной печати против восстания. Ленин в письме в ЦК называет их выступление «безмерной подлостью» и ставит вопрос об их исключении из партии. Ленина особенно возмущает тот факт, что в своих открытых выступлениях Зиновьев и Каменев, не прекращая агитации против восстания, прикрывают свой разрыв с решением партии лицемерно-дипломатическими формулировками. Между тем, в этот самый день, 20 октября, в центральном органе партии появляется неожиданно для Центрального Комитета следующее заявление:

«О т р е д а к ц и и. Мы в свою очередь выражаем надежду, что сделанным заявлением т. Зиновьева (а также заявлением т. Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи тов. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками» (стр. 137) [10]. Таким образом, там, где Ленин говорил о «безмерной подлости», прикрытой дипломатическими уловками, редакция, опираясь на эти уловки, говорит о «единомыслии».

В редакцию входили тогда Сталин и Сокольников. «Тов. С о к о л ь н и к о в сообщает, что не принимал участия в заявлении от редакции по поводу писем Зиновьева и т. п., считает это заявление ошибочным» (стр. 128). Таким образом выяснилось, что Сталин е д и н о л и ч н о — против Ленина, против ЦК, против другого члена редакции — поддержал Каменева и Зиновьева в самый критический момент, за четыре дня до восстания, таким официальным заявлением, которое способно было только сбить с толку всю партию. Возмущение было общее. Протокол гласит: «Тов. Сталин заявляет, что выходит из редакции» (стр. 129). Чтоб не усугублять и без того нелегкое положение, ЦК отставку Сталина отклоняет.

Но чем же объясняется все-таки поразительное заявление Сталина в «Правде»? Как и целый ряд других шагов Сталина за время апрель — октябрь, заявление это не может быть понято, если не принять во внимание, что над Сталиным тяготела его меньшевистская политика в тече-

ние марта и первых дней апреля. Вчерашний день был так еще ярок в памяти всех; Сталин до 4 апреля настолько неразрывно шел с Каменевым, поворот партийной политики после 4 апреля был настолько резок, что Сталин все время находился в состоянии острого политического недомогания, он вилял, отмалчивался, предоставляя ангажироваться другим, но иногда его все же прорывала бутадами против Ленина в духе приведенного выше заявления от редакции.

18. — В течение нескольких лет Сталин и все его Куусинены распространяют во всем мире ту версию, будто Троцкий самовольно и против ЦК решил в Бресте мира не подписывать. Сталин брался даже доказать это в печати. Теперь мы имеем официальное показание печатных протоколов Центрального Комитета за 1917 год.

Заседание 24/11 января 1918 года. «Тов. Троцкий предлагает поставить на голосование следующую формулу: мы войну прекращаем, мира не заключаем... Ставится на голосование. За — 9, против — 7» (стр. 207).

Кажется, достаточно ясно?

19. — Как относился Сталин к формуле Троцкого? Вот что заявил Сталин через неделю после того заседания, где эта формула была принята 9-ю голосами против 7-ми.

«Заседание 1 февраля (19 января) 1918 г. Тов. С т а л и н: ... Выход из тяжелого положения дала нам средняя точка — позиция Троцкого» (стр. 214).

Приходится удивляться, как эти слова Сталина, несмотря на недреманное око редактора Савельева, сохранились в протоколе: ведь они же не оставляют камня на камне во всей позднейшей многолетней агитации по поводу Брест-Литовского мира. Оказывается, 19 января (1 февраля) Сталин считал, что позиция Троцкого дала партии «выход из тяжелого положения». Слова Сталина станут вполне понятны, если принять во внимание, что в течение всего этого критического периода подавляющее большинство партийных организаций и Советов стояли за революционную войну и что, следовательно, позиция Ленина могла быть проведена не иначе, как путем партийного и государственного переворота (о чем, конечно, не могло быть и речи). Таким образом, Сталин отнюдь не ошибался, а только констатировал бесспорный факт, когда говорил, что позиция Троцкого являлась для партии в тот период *единственно мыслимым выходом из положения.*

20. — А какая же была позиция самого Сталина?

Заседание 23 февраля 1918 г. «Тов. С т а л и н. Можно не подписывать, но начать мирные переговоры».

«Тов. Л е н и н... Сталин не прав, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через 3 недели».

«Тов. У р и ц к и й возражает Сталину, что условия надо принять или нет, но вести теперь еще переговоры нельзя» (стр. 249).

Для всякого знакомого с положением вещей в тот момент ясна безнадежная путаница Сталина, вытекавшая из отсутствия у него какой бы то ни было продуманной позиции. Уже к 18 февраля немцы взяли Двинск. Их наступление развертывалось с чрезвычайной быстротой. Политика оттяжек и проволочек была исчерпана без остатка, Сталин предлагает 23 февраля мира не подписывать, а... вести переговоры.

Никакой самостоятельной позиции в период брестских переговоров Сталин не занимал. Он колебался, выжидал, отмалчивался. В последний момент голосовал за предложение Ленина. Путаная и беспомощная позиция Сталина в тот период достаточно ярко, хотя и не полно, характеризуется даже официально «обработанными» протоколами ЦК.

21. — В период гражданской войны Сталин был противником принципов, положенных в основу создания Красной армии и вдохновлял за кулисами так называемую «военную оппозицию» против Ленина и Троцко-

го. Факты, сюда относящиеся, изложены отчасти в Автобиографии Троцкого (т. 2-й, стр. 167, «Военная оппозиция». См. также статью Маркина на странице 201 этой книги).

22. — В 1922 году, во время болезни Ленина и отпуска Троцкого, Сталин проводит в ЦК, под влиянием Сокольникова, решение, подрывающее монополию внешней торговли. Благодаря решительному наступлению Ленина и Троцкого, решение это было отменено (см. «Письмо в Истпарт»).

23.— В национальном вопросе Сталин занимает в тот же период позицию, которую Ленин обвиняет в бюрократических и шовинистических тенденциях. Сталин с своей стороны обвиняет Ленина в национальном либерализме. (См. «Письмо в Истпарт»).

24. — Каково было поведение Сталина в вопросе о германской революции в 1923 году? Здесь ему приходилось снова, как в марте 1917 года, самостоятельно ориентироваться в вопросе большого масштаба: Ленин был болен, с Троцким велась борьба. Вот что писал Сталин Зиновьеву и Бухарину в августе 1923 года о положении в Германии.

«Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без с.— д., созрели ли они уже для этого — в этом, по-моему, вопрос. Беря власть, мы имели в России такие резервы, как: а) мир, б) землю крестьянам, в) поддержку громадного большинства рабочего класса, г) сочувствие крестьянства. Ничего такого у немецких коммунистов сейчас нет. Конечно, они имеют по соседству Советскую страну, чего у нас не было, но что можем мы дать им в данный момент? Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это «в лучшем» случае. А в худшем случае — их разобьют вдребезги и отбросят назад. Дело не в том, что Брандлер хочет «учить массы», дело в том, что буржуазия плюс правые с. д. наверняка превратили бы учебу-демонстрацию в генеральный бой (они имеют пока что все шансы для этого) и разгромили бы их. Конечно, фашисты не дремлют, но нам выгоднее, чтобы фашисты первые напали: это сплотит весь рабочий класс вокруг коммунистов (Германия не Болгария). Кроме того, фашисты по всем данным слабы в Германии. По-моему, немцев надо удержать, а не поощрять».

Таким образом в августе 1923 г., когда германская революция стучалась во все двери, Сталин считал, что Брандлера надо удержать, а не поощрять. За упущение революционной ситуации в Германии Сталин несет главную тяжесть ответственности. Он поддерживал и поощрял кунктаторов, скептиков, выжидателей в Германии. В вопросе всемирно-исторической важности он не случайно занял оппортунистическую позицию: по существу он лишь продолжал ту политику, которую в марте 1917 года проводил в России.

25. — После того как революционная ситуация была загублена пассивностью и нерешительностью, Сталин долго еще защищал от Троцкого брандлеровский ЦК, защищая тем самого себя. При этом Сталин ссылался, конечно, на «своеобразие». Так, 17 декабря 1924 года — через год после крушения в Германии! — Сталин писал:

«Об этом своеобразии нельзя забывать ни на одну минуту. О нем особенно следует помнить при анализе германских событий осенью 1923 г. О нем прежде всего должен помнить т. Троцкий, огульно (!) проводящий аналогию (!!) между Октябрьской революцией и революцией в Германии и безудержно бичующий германскую компартию» («Вопросы ленинизма», изд. 1928, стр. 171) [11].

Таким образом, Троцкий был повинен в те времена в «бичевании» брандлерианства, а не в покровительстве ему. Из этого ясно видно, насколько Сталин с его Молотовым пригодны для борьбы против правых в Германии!

26. — 1924 год — год великого переворота. Весною этого года Ста-

лин повторяет еще старые формулы о невозможности построения социализма в отдельной стране, тем более отсталой. Осенью того же года Сталин порывает с Марксом и Лениным в основном вопросе пролетарской революции и строит свою «теорию» социализма в отдельной стране. Кстати сказать, нигде у Сталина эта теория в положительной форме не развернута и даже не изложена. Все обоснование сводится к двум заведомо ложно истолкованным цитатам из Ленина[12]. Ни на одно возражение Сталин не ответил. Теория социализма в отдельной стране имеет административное, а не теоретическое обоснование.

27. — В том же году Сталин создает теорию «двухсоставных», т. е. двух-классовых рабоче-крестьянских партий для Востока. Это есть разрыв с марксизмом и всей историей большевизма в основном вопросе: о классовом характере партии. Даже Коминтерн оказался в 1928 г. вынужденным отодвинуться от теории, которая надолго загубила компартии Востока. Но великое открытие продолжает фигурировать и сегодня в сталинских «Вопросах ленинизма».

28. — В том же году Сталин проводит подчинение китайского коммунизма буржуазной партии Гоминдан, выдавая последний за «рабоче-крестьянскую» партию выдуманного им образца.

Китайские рабочие и крестьяне, авторитетом Коминтерна, политически закабаляются буржуазии. Сталин организует в Китае то «разделение труда», которое Ленин помешал ему организовать в России в 1917 году: китайские рабочие и крестьяне «завоевывают», Чан Кайши «закрепляет».

Политика Сталина явилась прямой и непосредственной причиной крушения китайской революции.

29. — Позиция Сталина и его зигзаги в вопросах советского хозяйства слишком свежи в памяти всего мира, поэтому мы на них здесь не останавливаемся.

30. — Напомним еще в заключение только о «Завещании» Ленина. Дело идет не о полемической статье или речи, где можно с основанием предположить неизбежные преувеличения, вытекающие из горячности борьбы. Нет, в «Завещании» Ленин спокойно, взвешивая каждое слово, подает последний совет партии, оценивая каждого из своих сотрудников на основании всего опыта своей работы с ним. Что говорит он о Сталине? а) груб, б) нелоялен, в) склонен злоупотреблять властью. Вывод: снять с поста генерального секретаря.

Еще через несколько недель Ленин продиктовал Сталину записку, в которой заявлял о «разрыве с ним всяких личных и товарищеских отношений». Это было одно из последних волеизъявлений Ленина. Все эти факты закреплены в протоколах июльского пленума ЦК за 1927 г.

* * *

Таковы *некоторые* вехи политической биографии Сталина. Они дают достаточно законченный образ, в котором энергия, воля и решимость сочетаются с эмпиризмом, близорукостью, органической склонностью к оппортунистическим решениям в больших вопросах, личной грубостью, нелояльностью и готовностью злоупотреблять властью для подавления партии.

[Н. МАРКИН][13]. СТАЛИН И КРАСНАЯ АРМИЯ, ИЛИ КАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ

Под заглавием «Сталин и Красная Армия» была напечатана в «Правде» юбилейная статья Ворошилова, объявляющая своей целью «освежить в памяти товарищей» прошлое. Статья издана теперь брошюркой в стотысячном тираже. Произведение это заслуживает того, чтоб на нем остановиться с некоторой подробностью. Количество нагроможденных небылиц и нескладиц совершенно исключительно, даже на фоне статей всех Ярославских. Можно сказать, почти не преувеличивая, что в статье нет ни единой строчки правды, *ни единой*. Мы постараемся, как можно короче, восстановить истину при помощи ссылок на действительные факты и подлинные документы, и частью нигде еще не опубликованные (нами использована часть архива т. Троцкого).

Царицын

В своей автобиографии т. Троцкий довольно подробно останавливается на истории и корнях «царицынской оппозиции». Одной из основ этой оппозиции была мужицкая, а не пролетарская ненависть к «спецам», что не мешало каждому царицынцу иметь «своего спеца, только сортом пониже». Телеграммы Сталина, которые приводит Ворошилов, чрезвычайно ярко подтверждают это «спецоненавистничество» царицынцев и их «идеолога» Сталина. После 8-го съезда партии (март 1919 г.) с вопросом о «спецах» было в принципе покончено. Через десять лет мы «официально» узнаем, при содействии Ворошилова, что Сталин принадлежал к тем элементам, которые вопрос о военных специалистах поняли не сразу и не легко. Эти элементы считали высшей революционностью «глуповатое глумление над военспецом» (Троцкий). Ворошилов, пребывающий сегодня целиком на царицынском уровне, вместо того, чтоб спрятать поглубже сталинское недомыслие 1919 г., дает нам образцы этого «глуповатого глумления».

«...Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана; и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им».

И дальше — в том же духе огульного издевательства и дешевого хвастовства. В этом вся их премудрость. Телеграммы эти — теперь — в свете опыта гражданской войны, настолько сами по себе компрометируют их автора, что мы ограничимся лишь противопоставлением им, хотя и сказанных по другому поводу,— слов т. Троцкого, по прямо бьющих в цель:

«...Это худший тип командиров. Они всегда невежественны, но не хотят учиться. Своим неудачам,— а откуда быть у них удачам? — они всегда ищут объяснения в чужой измене... Цепко держась за свои посты, они с ненавистью относятся к самому упоминанию о военной науке. Для них она отождествляется с изменой и предательством» *.

«Несколько ниже Ворошилов с нескрываемым одобрением, почти с восторгом цитирует белогвардейца-перебежчика Носовича:

«Характерной особенностью этого разгона было отношение Сталина к руководящим телеграммам из центра. Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления округов, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначащую надпись на телеграмме: «Не принимать во внимание».

Так эту телеграмму и не приняли во внимание, а все артиллерийское и часть штабного управления продолжает сидеть на барже в Царицыне».

Ворошилов подписывается под этими словами, он их, так сказать, усыновляет. До сих пор нам, признаться, не пришло бы в голову верить Носовичу. Но Ворошилову и Носовичу вместе мы вынуждены поверить. «Характерной особенностью» отношения Сталина к руководящим телеграммам из центра являлось: «не принимать во внимание». Злейший враг Сталина не мог бы повредить ему больше, чем это сделал Воро-

---

* *Троцкий Л.* Как вооружалась революция. Т. 1, с. 172–173.

шилов, приложив свою печать к характеристике белогвардейца Носовича.

Какая при этих условиях была дисциплина в 10-й армии, судить не трудно. Нарушение директив Реввоенсовета делается в нарочито демонстративной форме. Об «резолюции» Сталина знает Носович, знает армия, но не знает центр. Учитесь-де, мол, как надо «крыть». Если распоряжение центра было неправильно с точки зрения местного положения, всегда можно было добиться его отмены или изменения нормальным путем. Реввоенсовет проводил дисциплину деловую, а не канцелярскую. Особенно характерна для Сталина именно форма невыполнения приказа, без уведомления Реввоенсовета, за его спиною и с особой демонстрацией «самостийности». Надо сказать прямо: если б одна пятая ответственных руководителей армии, даже одна десятая, обладала бы вышеупомянутой «характерной чертой» Сталина, Красная Армия не одержала бы своих побед, революция была бы разгромлена. И именно благодаря «характерной черте», а не почему-либо другому сперва Сталин, а затем и Ворошилов были убраны из Царицына решением Политбюро [14].

Недисциплинированность и нелояльность Сталина проявились и непосредственно по отношению к РВСР. Туда, конечно, нельзя было ответить «не принимаю во внимание», но существовали другие способы выражения пресловутой «характерной черты». Мы покажем несколько подобных фактов и отношение к ним Ленина.

Пересылая Троцкому одну из телеграмм Сталина (02583. 29 мая 1920 г.), Ленин, зная хорошо нелояльность Сталина, делает от руки следующую приписку:

«Т. Троцкий. Если вы не имеете этой и *всех* расшифр. в секр. зампр. телеграмм тотчас, то пошлите Сталину *за моей подписью* телеграмму шифром: «Адресуйте все военные сообщения также Троцкому, иначе опасная проволочка. Ленин» *).

Суть дела ясна без комментариев.

Другой факт. Пересылая (во время заседания) т. Троцкому телеграмму Сталина (№ 4620. 4 июня 1920 г.), Владимир Ильич прилагает следующую записку:

«Т. Троцкий. Надо сообщить Главкому и затребовать его заключение. Пришлите мне, получив его мнение, ваш вывод на заседании Сов. Обороны. Мы поговорим (если не поздно кончится) по телефону». (Написано рукой Ленина).

«Я не понимаю этого порядка: почему Егоров (командующий Южным фронтом) не докладывает непосредственно Главкому, что он обязан делать,— а такой кружной путь нарушает всякую устойчивость отношений». (Написано рукой Троцкого.)

«Не без каприза здесь, пожалуй»... отвечает на той же записочке Ленин.

Заканчивая свои царицынские воспоминания, Ворошилов пишет: «Сталин развил колоссальную энергию». Но куда была, главным образом, направлена эта энергия и чем окончилась царицынская эпопея [15] (она имела еще продолжение на Украине) [16], об этом Ворошилов умалчивает. Из ниже печатаемых документов легко понять почему **).

Телеграмма

Москва, Председателю ЦИК, копия Москва, Предсовнарком Ленину. Из Тамбова.

«Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в пятьдесят тысяч солдат. Тем не

* Подчеркнуто всюду Лениным. Секр. зампр. значит — секретариат заместителя председателя РВСР (Склянский).— *Н. М.*

** Чтоб не слишком загромождать текст, мы приводим часть этих документов в несколько сокращенном виде, опуская военно-техническую часть.— *Н. М.*

менее я оставлю его командующим десятой Царицынской армией на условии подчинения командарму южной Сытину. До сего дня царицынцы не посылают в Козлов даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявлю об этом в приказе по армии. Поскольку Сталин и Минин остаются в Царицыне, они, согласно конституции Реввоенсовета, пользуются правами только членов Реввоенсовета десятой. Для наступления остается короткий срок, до осенней распутицы, когда здесь нет дороги ни пешеходу, ни всаднику. Без координации действий с Царицыном серьезные действия невозможны. Для дипломатических переговоров времени нет. Царицын должен либо подчиниться, либо убраться. У нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае это единственный путь, который я вижу для себя. 4 октября 1918 г. № 552. *Троцкий*».

На другой день Троцкий посылает новую телеграмму:

«Москва. Председателю ЦИК. Копия Предсовнаркому Ленину.

Мною получена следующая телеграмма: «Боевой приказ Сталина номер сто восемнадцать надо приостановить исполнением. Командующему Южным Фронтом Сытину мною даны все указания. Действия Сталина разрушают все мои планы... № 01258 Главком Вацетис. Член Реввоенсовета Данишевский». Троцкий. Козлов, 5 октября 1918 г.».

Из Царицына Сталин был убран. С Ворошиловым без Сталина «сладить» было легче; на его оставление согласен был и Троцкий, чтоб попытаться наладить работу. Однако очень скоро был снят и Ворошилов, которым Сталин продолжал в старом духе руководить из Москвы. На Украине, куда Ворошилов был назначен, он пытался продолжить «царицынскую» линию, результатом чего явились следующие телеграммы Троцкого:

«Москва. Предцик Свердлову.

В Курске украинцев не застал. Поэтому никаких переговоров не вел. Заявляю в категорической форме, что царицынская линия, приведшая к полному распаду царицынской армии, на Украине допущена быть не может... В среде украинцев развал, борьба клик за отсутствием ответственных и авторитетных руководителей. Окулов выезжает в Москву. Предлагаю вам и тов. Ленину внимательнейшим образом отнестись к его докладу о работе Ворошилова. Линия Сталина, Ворошилова и Рухимовича означает гибель всего дела. Предреввоенсовета Троцкий. 10.I.1919 г. Грязи».

На следующий день, в ответ на (не найденную) телеграмму Ленина, Троцкий передает по прямому проводу:

«Тов. Ленину.

Компромисс, конечно, нужен, но не гнилой. По существу дела в Харькове собрались все царицынцы. Что такое царицынцы, об этом прочитайте доклад Окулова, состоящий сплошь из фактического материала и отчетов комиссаров. Я считаю покровительство Сталина царицынскому течению опаснейшей язвой, хуже всякой измены и предательства военных специалистов. Если бы на Украине не было перспективы англо-французского фронта, можно было бы отнестись безразлично к вопросу о командовании, но нам придется там вести серьезные операции. Рухимович — это псевдоним Ворошилова; через месяц придется расхлебывать царицынскую кашу, имея против себя уже не казаков, а англо-французов. Рухимович не один, они цепко держатся друг за друга, возводя невежество в принцип. Ворошилов, плюс украинское партизанство, плюс низкий уровень культурности населения, плюс демагогия — на это мы пойти не можем ни в каком случае. Пусть назначают Артема, но не Ворошилова и не Рухимовича.

Я сейчас выезжаю в Балашов, ввиду некоторых тревожных событий. Если с украинцами письменно не договоритесь, вызову их в Воронеж. Привет.

Еще раз прошу внимательно прочитать доклад Окулова о царицынской армии и о том, как Ворошилов деморализовал ее при содействии Сталина. Троцкий». 11 января 1919 г. (Балашов).

Ленин в этот период еще склонялся к «компромиссу» с царицынцами. Но положение все усугублялось. Очень может быть, что под влиянием «нахлобучки» Ленина Ворошилов сперва несколько «подтянулся». Этим мы склонны объяснить тот факт, что в течение почти пяти месяцев Троцкий не поднимает «вопроса» о Ворошилове. Но в июне все началось сначала. На этот раз Ленин уже не рассчитывает на компромисс и дает Ворошилову и К° резкий отпор. Приводим телеграмму Троцкого и две ответные телеграммы Ленина.

Из Кантемировки. «Москва, Склянскому, Ленину.

Домогательства некоторых украинцев объединить вторую Укрармию, тринадцатую и восьмую в руках Ворошилова совершенно несостоятельны. Нам нужно не донецкое оперативное единство, а общее единство против Деникина. Продовольственные безобразия Донецкого бассейна являются результатом, во-первых, недостатка поступления, во-вторых, отсутствия гражданского продаппарата. Идея военной и продовольственной диктатуры Ворошилова есть результат донецкой самостийности, направленной против Киева и Южфронта, Мельничанский этого совершенно не учел. Не сомневаюсь, что осуществление этого плана только усилило бы хаос и окончательно убило бы оперативное руководство. Прошу потребовать от ЦК, чтобы Ворошилов и Межлаук выполняли вполне реальную задачу, которая им поставлена: создать крепкую вторую Укрармию. Предполагаю на завтра или послезавтра вызвать в Изюм, как центральный пункт, командующего восьмой, тринадцатой и второй, т. е. Ворошилова (также Межлаука и Подвойского), и продовольственников, чтобы объединить то, что может подлежать объединению, отнюдь не создавая донецкой военной республики. 1 июня 1919 г. № 79/с. Предреввоенсовета Троцкий».

В тот же день Ленин отвечает «украинцам»:

«Харьков. Межлауку, Ворошилову, Мельничанскому, Артему, Каминскому.

Надо во что бы то ни стало немедленно прекратить митингование, переводя всю и всякую работу на военное положение, назначая обязательно отдельные лица, отвечающие за выполнение точно определенной работы. Дисциплина ведь должна быть военная. Командарм два и Реввоенсовет два должны запрашивать обо всем свое прямое начальство, т. е. Гиттиса, бросить всякое прожектерство об особых группах и тому подобных попытках прикрытым образом восстановить украинский фронт. И обмундирования и оружия хватит, как на Украине, так и у Гиттиса. Если устранить *хаос, митингования и споры о первенстве*, то достать все можно. Сообщайте точно о фактах выполнения определенных нарядов, т. е. о приходе к месту назначения воинских частей и сборе оружия и прочее.

1 июня 1919 года № 350. Ленин».

«Харьков. Межлауку, Ворошилову, КП Мельничанскому, Артему, Каминскому.

Политбюро Цека собралось первого июня и, вполне соглашаясь с Троцким, решительно отвергает план украинцев объединить вторую, восьмую и тринадцатую армии и создавать особое донецкое единство. Мы требуем, чтобы Ворошилов и Межлаук выполняли свою непосредственную работу создания крепкой Укрармии; или послезавтра Троцкий в Изюм вызовет вас и подробнее распорядится. Извещайте точнее, чаще, строго фактически о том, сколько военного имущества взял Ворошилов у Григорьева и в других местах. По поручению Бюро Цека Ленин».

Мы видим из этих двух телеграмм, что опыт Царицына не прошел бесследно, и что Ленин уж «не на шутку» озабочен положением. Вторая из двух телеграмм Ленина, посланная через несколько часов после первой, в качестве «подкрепления», содержит слова «по поручению бюро Цека». Вот так в действительности обстояло дело с «царицынцами» и «царицынщиной», со Сталиным и Ворошиловым!

Пермь

Прежде всего покажем, как Ворошилов цитирует документы (к сожалению, в нашем распоряжении нет *всех* документов, и поэтому мы не в состоянии текстуально обнаружить все «освежения»). Вот что пишет Ворошилов:

«Ленин телеграфировал тогдашнему председателю РВСР: Есть ряд партийных сообщений из-под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве. Я думал послать Сталина — боюсь, что Смилга будет мягок к ... который тоже говорят пьет и не в состоянии восстановить порядок».

Приведем действительный текст телеграммы, из которого видно, как Ворошилов расправился с ленинским текстом:

«Козлов или по месту нахождения Предреввоенсовета

Троцкому. Москва, 31 декабря 1918 года. № 6684.

Есть ряд партийных сообщений из-под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве. *Посылаю их Вам. Просят вас приехать туда.* Я думал послать Сталина, боюсь, что Смилга будет мягок к ... который, говорят, тоже пьет и не в состоянии восстановить порядок. *Телеграфируйте Ваше мнение. Ленин»*.

Выделенные слова Ворошилов съел, не поперхнувшись, даже не поставив спасительных многоточий. Психология и расчет ясны.

Троцкий отвечает Владимиру Ильичу из Воронежа 1 января 1919 года.

«По оперативным донесениям 3-й армии я заключил, что там полная растерянность верхов, предложил сменить командование. Решение затянулось. Сейчас считаю смену неотложной. Вполне разделяю ваши опасения относительно чрезмерной мягкости выехавшего товарища. Согласен на поездку Сталина с полномочиями партии и Реввоенсовета Республики. Предреввоенсовета Троцкий».

Об этом, конечно, Ворошилов не упоминает, ибо эти две телеграммы, как и многие десятки других слишком ярко обнаруживают характер сотрудничества Ленина и Троцкого.

Теперь по существу о поездке. Командировка Сталина и Дзержинского в Вятку имела чисто инспекционный характер. Это видно и из постановления ЦК («Назначить партийно-следственную комиссию в составе членов ЦК Дзержинского и Сталина, для подробного расследования причин сдачи Перми, последних поражений на Уральском фронте, равно выяснения всех обстоятельств, сопровождающих указанные явления» и т. д.). В телеграммах Дзержинского и Сталина из Вятки, которые приводит Ворошилов, они срочно требуют подкреплений, без чего, по их мнению, «Вятке угрожает гибель». Дальше Ворошилов начинает «освежать» уж от себя, причем делает это в нарочито двусмысленной форме, чтоб создать впечатление, что он лишь пересказывает официальные документы. Оказывается, одна из причин сдачи Перми была «в преступном способе управления фронтом со стороны Реввоенсовета Республики». Допустим на минуту, что Ворошилов прав. Спрашивается, почему партия терпела Троцкого и весь тогдашний РВС? Почему Троцкого не сменили в годы гражданской войны? И еще: почему под руководством «*тогдашнего*» Реввоенсовета были одержаны победы на всех фронтах? Ведь Рев-

военсоветы существуют для войны, а не для мира! Почему ни Сталин, ни Ворошилов не были призваны руководить армией, а, наоборот, не раз снимались с трудных участков? Подобными заявлениями вы компрометируете только партию, ЦК, Ленина. Если б написанные вами небылицы были правдой, значит ЦК совершал тягчайшее преступление перед революцией. Не надо же забывать, что дело происходило в период грозной гражданской войны, а не в мирный период, когда Ворошиловы могут свободно «освежать».

Но на этом дело не кончается. Резюмируя «историческую» поездку Сталина в Вятку, Ворошилов пишет: «В результате всех этих (?) мероприятий (Сталина — Дзержинского) не только было приостановлено дальнейшее наступление противника, но в январе 1919 года... был взят Уральск». Вот уж поистине чрезмерное усердие. «В результате» того, что Сталин в январе 1919 г. благополучно посетил Вятку, за *тысячу километров* (за тысячу!) от Вятки был взят Уральск... В январе, т. е. в самый момент приезда Сталина — Дзержинского, результатов еще не могло быть и в самой Вятке («результаты» — это просто пишется, да не просто делается). Или может быть именно поэтому Ворошилов откопал их в Уральске?

Не останавливаясь подробно на следующей главке «Петроград», выделим лишь три момента.

1. В какой мере Сталин содействовал возвращению Красной Горки (она была оставлена без основания и «возвращена» через четыре дня без затруднений), судить не беремся. Кроме общих фраз, Ворошилов ничего не приводит. Но дело идет тут о совершенно ничтожном эпизоде.

2. Эпизод с Красной Горкой относится к *июню* 1919 года. Сталин тогда, по словам своего апологета, «ликвидировал опаснейшее положение под Питером». Между тем наступление Юденича и развал 7-й армии (в которой работал Сталин) начались как раз *после* упомянутой «ликвидации», достигнув в октябре 1919 года наиболее критической фазы. От июня до октября положение Красной Армии под Питером все ухудшалось. Говорить в этих условиях, что Сталин «ликвидировал» опасность, по малой мере... рискованно. Сталин немного сделал под Питером, да многого, вероятно, и не мог сделать: фронт этот держался тогда временно в черном теле. Но зачем же в таком случае представлять Сталина в ореоле «спасителя»?

3. Дело, однако, в том, что Ворошилов пускается здесь в игру словами. Весь трюк — очень прозрачный — в слове «Питер». В истории гражданской войны есть одна решающая ликвидация «опаснейшего положения под красным Питером» — это победа над Юденичем (октябрь 1919 г.), которая произошла четырьмя месяцами позже сталинского экскурса в Питер. Но это не всякий знает, тогда как о самом факте ликвидации Юденича знают все. На этом и основан ворошиловский трюк: «прикрепить» Сталина к настоящей ликвидации опасности, т. е. к той, к которой Сталин не имел никакого отношения.

Кстати сказать, в свое время Сталин сам оценивал свои поездки гораздо менее самоуверенно — и не мудрено! — то было десять лет назад. Вот, например, что он телеграфировал, в ответ на предложение ЦК поехать на Югзапфронт: «4 февраля 1919 г. Цека партии тт. Ленину и Троцкому. Мое глубокое убеждение: никакого изменения не внесет в положение моя поездка»...

Или, может быть, здесь следует искать причины в другой «характерной» сталинской черте — «капризы» (Ленин)? Во всяком случае, таковы факты. А факты упрямая вещь.

Вслед за Ворошиловым, мы переходим к центральному и важнейшему вопросу — о Южном фронте. Здесь, помимо нагромождения всякого рода мелких инсинуаций, мы находим две «генеральные» фальсификации (пожалуй, фальсификация еще слишком мягкое выражение).

Первая «генеральная» фальсификация. Вот как описывает Ворошилов осень 1919 года, т. е. самый тяжелый период гражданской войны (Деникин угрожает Туле, Юденич — Питеру). «Надо спасать положение. И на южный фронт ЦК посылает в качестве члена РВС тов. Сталина. Теперь (!) уже нет надобности скрывать(!), что перед своим назначением тов. Сталин поставил перед ЦК три главных условия: 1) Троцкий не должен вмешиваться в дела Южфронта и не должен переходить за его разграничительные линии... Эти условия были приняты полностью» *. *Все это ложь с начала до конца.* Даже без той крупицы правды, которая иногда бывает и во лжи. И почему только «теперь» наступило время это открыть? Ведь с 1924 года все было «открыто», что можно было «открыть» [17]. Почему же надо было ждать для последнего открытия, менее сенсационного, чем десятки других, 1929-го года? И не даром Ворошилов снова прибегает к свободному изложению «своими словами». Если бы в действительности существовало такое решение ЦК, почему бы его не привести? Почему вообще не сослаться точно на факты и документы? Очень просто, почему. Каждый факт, каждый документ находится в самом вопиющем противоречии с этой выдумкой. Надо, впрочем, упомянуть здесь, что эту историю не сам Ворошилов выдумал. Он сам сообщает теперь то, что Сталин, в состоянии полного аффекта, заявил на одном из заседаний Политбюро еще в 1927 г. Слухи об этом уже тогда проникли в партию, вызвав у одной части товарищей возмущение (у осведомленных), у другой — полное недоумение. Надо прибавить, что заседание Политбюро, на котором выступал Сталин, велось со стенограммой, предназначенной, как всегда в таких случаях, для отпечатания. На заседании Н. И. Муралов, присутствовавший в качестве члена ЦКК, дал Сталину уничтожающий отпор. После этого стенограмма была положена под сукно и никогда не доводилась до сведения партии, несмотря на настояния оппозиции. Тов. Троцкий тогда же («Письмо в Истпарт») и позже («Моя жизнь») с документами в руках опроверг нелепый вымысел. Ни Сталин, ни кто другой, ни тогда, ни позже, не привели никакого подобия ссылок или доказательств. Ни Сталин, ни кто другой, ни тогда, ни позже, не ответили ни единым словом на бесспорные документы, приводимые Троцким. Больше того, они вынуждены были замолчать. Теперь, через три года, Ворошилов снова поднимает эту смехотворную сплетню. Предоставим же слово документам.

«Российская Коммунистическая партия (большевиков). Центральный Комитет. Кремль. Москва, 5 июля 1919 г.

Орг. и Полит. Бюро ЦК [18], рассмотрев заявление тов. Троцкого и всесторонне обсудив это заявление, пришли к единогласному выводу, что принять отставки т. Троцкого и удовлетворить его ходатайство они абсолютно не в состоянии.

Орг. и Политбюро ЦК сделают все от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для т. Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на Южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, которую избрал сам т. Троцкий. В своих званиях Наркомвоена и Предреввоенсовета *т. Троцкий вполне может действовать и как член Реввоенсовета Южфронта* с тем Комфронтом (Егорьевым), коего он сам наметил, а ЦК утвердил.

* 2 и 3 пункты — по Ворошилову — заключают в себе смену ряда работников и назначение новых (без указания фамилий — не царицынцы ли скрываются под псевдонимом «новых»?).— *Н. М.*

Орг. и Полит. Бюро ЦК предоставляет т. Троцкому полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе и, если он пожелает, постараться ускорить съезд партии.

Твердо уверенные, что отставка т. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы величайшим вредом для Республики, Орг. и Полит. Бюро ЦК настоятельно предлагает т. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять далее свои функции, максимально, в случае его желания, сокращая их в силу *сосредоточения своей работы на Южфронте*.

Ввиду этого Орг. и Полит. Бюро ЦК отклоняет и выход т. Троцкого из Политбюро и оставление им поста Председателя Реввоенсовета Республики (Наркомвоена).

Подлинный подписали: Ленин, Каменев, Крестинский, Калинин, Серебряков, Сталин, Стасова.

С подлинным верно: секретарь ЦК *Елена Стасова*».

Документ этот не нуждается в пояснениях, с одной стороны, и не допускает никаких лжетолкований — с другой. Причины, которые вынудили т. Троцкого к этому ответственному шагу, освещены им в его Автобиографии (т. II-й, стр. 185—186). Кстати, расскажем здесь, как реагировал ЦК, когда Сталин пытался «угрожать» отставкой. Приводим выписку из заседания Политбюро от 14.11.1919 года.

«(Присутствовали: Ленин, Троцкий, Каменев, Крестинский). Сообщить т. Сталину, что Политбюро считает абсолютно недопустимым подкреплять свои деловые требования ультиматумами и заявлениями об отставках».

Итак, ЦК целиком поддержал решение т. Троцкого сосредоточить свою работу на Южном фронте, как на решающем. Один этот документ до тла разрушает ворошиловскую конструкцию. Но можно привести еще десятки доказательств того, что т. Троцкий главную часть времени провел на Южном фронте. Достаточно, например, просмотреть приказы Троцкого по Красной Армии за 1919 г., чтоб убедиться, что подавляющее большинство их не только касается Южного фронта, но и даны на самом фронте. (Ниже, в связи с другим вопросом, мы это покажем еще дополнительно.) В частности всю решающую подготовительную фазу к наступлению на Деникина Троцкий провел на Южфронте, за исключением октября и начала ноября, когда он руководил обороной Петрограда.

Нам кажется, что сказанного по этому вопросу достаточно. Но какая же нужна неряшливость, какое неуважение к партии, чтоб пускать в оборот ворошиловские нелепицы!

Вторая «генеральная» фальсификация. На этот раз, самостоятельное, по-видимому, (да и вообще впервые высказанное) изобретение самого «освежителя». Мы имеем в виду вопрос о двух стратегических планах для Южного фронта. По плану Главного Командования, решающий удар должен был быть нанесен Деникину с фронта Балашов—Камышин на Нижний Дон. В основе этого плана была идея разгрома казачьей базы Деникина, хотя бы ценою собственного отступления в направлении на Москву. Троцкий с самого начала (июль 1919 г.) считал этот план неправильным и боролся против его утверждения в ЦК. Он считал, что этот план только содействует объединению двух совершенно разнородных социальных формаций, т. е. казачества с Добровольческой армией. Наоборот, нанося удар по линии Воронеж — Харьков — Донбасс, Красная Армия двигалась бы в социально дружественной среде (харьковский, донецкий пролетариат и крестьянство), казачество было бы отрезано от Деникина, на которого и обрушилась бы вся сила удара. Тем не менее план Главкома был принят, при прямом участии Сталина и при остром противодействии Троцкого. (Эпизод с подачей Троцким в отставку тесно связан с вопросом о южном стратегическом плане.) Последовали серьезные неудачи на фронте (все это нетрудно проверить хронологически). Вот так в сентябре 1919 г. (а не десять лет спустя, как это делает Ворошилов) характеризовал положение т. Троцкий в своем письме в Центральный Комитет партии:

«Априорно выработанный план операций на Южном фронте оказался безусловно ложным. Неудачи на Южном фронте объясняются в первую голову ложностью основного плана... Поэтому причины неудачи необходимо искать целиком в оперативном плане».

И дальше Троцкий объясняет, как и почему возник этот ошибочный план:

«Ошибочность плана сейчас настолько очевидна, что возникает вопрос: как вообще он мог возникнуть? Возникновение его имеет историческое объяснение. Когда Колчак угрожал Волге, главная опасность состояла в соединении Деникина с Колчаком. В письме к Колчаку Деникин назначал свидание в Саратове. Отсюда задача, выдвинутая еще старым командованием, создать на Царицынско-Саратовском плесе крепкий кулак»... *).

Несколько раньше написания этого документа тов. Троцкому удалось на фронте убедить в правильности своего плана Лашевича и Серебрякова. Результатом чего явилась следующая их общая шифрованная телеграмма (приводим ее полностью):

«Москва Главкому, копия ЦЕКА.

Считаем необходимым привлечь Ваше внимание к нижеследующим вопросам:

Работа по ликвидации Мамонтова до сих пор почти ничего не дала. Автопулеметные отряды не созданы вследствие неполучения пулеметов, даже для малого числа автомобилей. Мамонтов явно идет на соединение со своими через курский фронт. Наши слабые, разрозненные пехотные части почти не тревожат его. Командование Лашевича парализуется отсутствием аппарата связи. Соединение Мамонтова можно считать почти обеспеченным. Опасность прорыва фронта на участке Курск—Воронеж становится очевидной. Ближайшая задача Лашевича сводится к следованию за противником, чтобы попытаться заткнуть дыру, которую тот пробьет. Попытка потрепать Мамонтова партизанскими действиями будет сделана. *Центр тяжести борьбы на Южфронте всецело перешел на курско-воронежское направление, где резервов нет.* Разрушенные дороги препятствуют переброске с царицынского направления на курское. Между тем обстановка повелительно требует перенесения резервов на запад. Возможно, может быть переправить походным порядком конный корпус Буденного. Необходимо еще прибавить, что положение крайне ухудшается полным расстройством фронтового аппарата. Практические задачи представляются нам в следующем виде:

1. Немедленное назначение Селивачева команд'южем.
2. Место Селивачева должен занять помкоманд'юж Егоров.
3. Гнать резервы, в том числе и 21-ю дивизию, следом за Мамонтовым на Курск.
4. Загнуть 9-ю армию с новороссийского направления на Старобельск.
5. Передать по возможности на правый центр корпус Буденного.
6. Гнать для 8-й и 13-й армий маршевые пополнения и снабжение.

№ 364.

6 сентября 1919 года. *Троцкий, Серебряков, Лашевич*».

Другими словами, Троцкий пытается добиться принятия своего плана,

---

* «Как вооружалась революция», т. 2, кн. 1, стр. 300—303. Документ этот опубликован больше шести лет тому назад. Ворошилов, очевидно, рассчитывает — не совсем без основания — на тот факт, что все книги Троцкого изъяты из обращения.— *Н. М.*

уже не в априорном порядке, а на основании опыта двух—трех месяцев борьбы.

Вот ответ Политбюро, за подписью Ленина:

«Орел. Троцкому, Серебрякову, Лашевичу.

Политбюро ЦК, обсудив телеграмму Троцкого, Серебрякова и Лашевича, утвердило ответ Главкома и выражает свое удивление по поводу попыток пересмотреть решенный основной стратегический план. 6 сентября 1919 г. По поручению Политбюро Цека Ленин».

Как мы видим, ЦК — а чего же смотрел Сталин? — и в этот период еще поддерживал оперативный план штаба. Только дальнейшие неудачи (сдача Орла и угроза Туле) вынудили пересмотр плана, в смысле перенесения главного удара на донецкое направление. В этот период, т. е. когда *опыт доказал уже ошибочность старого плана*, от которого отказался и штаб, понял сделанную ошибку и Сталин.

В приводимом Ворошиловым письме Сталина не указана дата его отправления. Сделано это, конечно, нарочно. Приведя дату, Ворошилов не имел бы никакой возможности приписать план Сталину. Мы сейчас покажем, что письмо Сталина было послано через несколько месяцев после возникновения вопроса о двух планах. Ворошилов пишет: «что же касается оперативных директив, ему (Сталину) предлагается *старый план* (*сентябрьский*) нанесения главного удара» и пр. В этой фразе Ворошилов изобличает себя целиком. Во-первых, если в период «планового» творчества Сталина на Южфронте «сентябрьский» (?) план был уже «старым» планом, то совершенно очевидно, что дело происходит после сентября, т. е. уж после того, как Троцкий вторично (см. вышенапечатанный документ) поднимал вопрос о пересмотре плана. Во-вторых, ошибочный план был принят не в сентябре, а за два месяца до того, так что «сентябрьского» плана вообще не существует. В сентябре лишь был *подтвержден* ранее утвержденный план Главкома (см. ответ Ленина на телеграмму Троцкого, Лашевича, Серебрякова). Еще в июле и августе Троцкий, как уже сказано, боролся против принятия плана Главкома, Сталин же был с большинством Политбюро. Дальше, в начале сентября Троцкий пытается вновь — уже на основании ряда итогов опыта — добиться пересмотра плана. Сталин — по-прежнему за неправильный план. И только позднее Сталин производит «переоценку ценностей». У нас есть косвенное доказательство того, что дату сталинского письма следует отнести к *октябрю—ноябрю 1919 г.* Именно: свое пресловутое письмо Сталин кончает «угрозами» отставкой. Выше мы приводили ответ ЦК по этому поводу («недопустимо»... и т. д.). Этот ответ датирован *14 ноября*, следовательно, критическое письмо свое Сталин написал, надо думать, в начале ноября, никак не раньше, т. е. с запозданием в 3—4 месяца. Ворошилов же, с запозданием на 10 лет, утверждает на основании этого письма, что «план Сталина (??) был принят Центральным Комитетом». Вот как «освежается» история!

Покончив с двумя «генеральными», перейдем к мелким фальсификациям Ворошилова.

Приводя телеграмму РВС Южфронта от 11 ноября 1919 г. в РВС Республики с просьбой утвердить организацию 1-й Конной армии, Ворошилов присовокупляет, что «Конная армия была создана, несмотря и даже вопреки центру». Во-первых, что такое «центр»? — всегда двусмысленности! — Политбюро? Главком? Ленин? Троцкий? Во-вторых, если б «центр» был против организации 1-й Конной, зачем ему было утверждать постановление Реввоенсовета Южфронта? Что же касается лично Троцкого, если брать вопрос шире, т. е. о своевременном уразумении роли конницы в маневренной гражданской войне, то достаточно сослаться на популярный в свое время лозунг, выброшенный т. Троцким (кстати, задолго до телеграммы, приводимой Ворошиловым) — «Пролетарий, на коня!». Под одноименным заглавием т. Троцкий напечатал статью, где

ставился также вопрос о крупных соединениях конницы. Одной из главных работ «поезда» (Предреввоенсовета) стало в тот период строительство конницы. Не лишне напомнить, что ближайший сотрудник секретариата Троцкого И. М. Познанский формировал в тот период маршевые конные части. Но Познанский сам ничего рассказать не может, ибо сидит у Сталина—Ворошилова под замком.

Дальше, как об одном из примеров «спасительных» поездок Сталина в «наиболее опасные места» Ворошилов сообщает нам о *несостоявшейся* поездке Сталина на Кавказский фронт. Как ни смехотворно, но факт! Сталин-де, мол, «по болезни» только не поехал. Болезнь — причина уважительная, но мы склонны скорее считать, что и тут дело не обошлось без «капризов», и вот почему. Через неделю, после «спасительной», хотя и не состоявшейся поездки Сталина, он следующей телеграммой отвечает на требование Ленина: принять исключительные меры для ускорения перевозок двух дивизий на Кавфронт.

«Москва. Кремль.— Ленину, копия ЦЕКА партии.

Мне неясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня. В порядке, забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой. Нр. 970. 20 февраля 1920 г. Сталин».

Вот что отвечает ему Ленин:

«На вас ложится забота об ускорении подхода подкреплений с Югозапфронта на Кавфронт. Надо вообще помочь всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях. Пр. 37/3. Ленин».

Как характерен для Сталина тон мелкой кляузы и личной обиды! Как характерен для Ленина тон сдерживаемого негодования! Здесь говорят документы. И мы видим, как красноречив их язык.

Стоит ли говорить, что человеком, которого партия действительно *всегда* посылала на самые трудные участки (в этом, собственно говоря, была его «профессия»), был совсем не Сталин. Вот несколько кратких выдержек из телеграмм Ленина:

«22 августа 1918 г. Свияжск. Троцкому. Измена на Саратовском фронте, хотя и открытая вовремя, вызвала все же колебания крайне опасные. Мы считаем абсолютно необходимой немедленную вашу поездку туда, ибо ваше появление на фронте производит действие на солдат и на всю армию... Ленин, Свердлов».

«10/IV — 1919 г. Троцкому Н. Новгород. Ввиду крайне тяжелого положения на Востфронте, я думаю, вам целесообразнее остаться там. Ленин».

«7/V—19 г. Шихраны. Троцкому. Я опросил сейчас Политическое бюро Цека и в согласии с ним высказываюсь решительно за немедленную вашу и самую быструю поездку в Харьков, где необходимо сломить дезорганизованность и помочь немедленно Донецкому бассейну. *Ленин*».

«15 мая 1919 г. Купянск. Троцкому. Очень рад энергичным мерам подавления восстания... Ленин».

«21/V—1919... Я лично настаивал бы на том, чтобы вы еще раз заехали в Богучар и довели до конца подавление восстания, ибо иначе надежды на победу нет. Ленин».

(Через день) «22 мая 19 г... Я еще раз настаиваю, чтобы вы непременно съездили во второй раз в Богучар и довели дело до конца, ибо у Сокольникова явно работа не спорится. Ленин».

И вот ответ Троцкого:

«Харьков — Луганск (в пути) Москва Склянскому для Ленина. Выезжаю в Богучар, где постараюсь довести дело до конца. Троцкий. 22 мая 1919 г.».

Таковы факты. А сколько их было, таких и подобных *фактов*! И то, что Ворошилову сегодня приходится «освежать» вымыслы, показывает

только, что факты эти, несмотря ни на что, еще слишком свежи в памяти партии!

Н. Маркин.

На этом заканчивается перепечатка книги Л. Троцкого «Сталинская школа фальсификаций». Остальной ее текст представляет собой публикацию протоколов Всероссийского совещания большевиков за 29 марта — 4 апреля 1917 года. Этот источник в 1962 г. уже опубликован (Вопросы истории КПСС, №№ 5—6) с необходимыми комментариями и вошел в научный оборот.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вышедший в 1946 г. первый том Сочинений Сталина, содержащий работы 1901–1907 гг., подтверждает такое объяснение. В предисловии Сталин вынужден был перечислить ряд ошибок, допущенных в этих работах, а в оправдание указывал, что и у Ленина в то время были ошибки, так как «выработка идеологии и политики ленинизма не была еще закончена», перечисленные ошибочные положения были тогда якобы «общепринятыми», причем «мы, практики,.. ввиду нашей недостаточной теоретической подготовленности» вроявляли непонимание теоретических вопросов, в частности, «ввиду свойственной практикам беззаботности» относительно теории. В то же время из работ 1905–1907 гг. видно, что Сталин энергично полемизировал с меньшевиками, правда, объясняя их разногласия с большевиками «наличием интеллигентской и пролетарской тенденций в нашей партии» (Сталин И. В. Соч. Т. 1, с. XI–XIII, 167).

[2] Там же. Т. 9, с. 3–4.

[3] Вопросы истории КПСС, 1962, № 6, с. 94–98.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 106–107.

[5] Там же, с. 107.

[6] См. Известия Петроградского Совета Р. и С. Д., № 15, 15(28). III. 1917; Авдеев Н. Революция 1917 года (Хроника событий). Т. 1. М.–Пг. 1923, с. 198–199.

[7] Сталин К. О войне.– Правда, № 10, 16(29). III. 1917.

[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 108.

[9] Вопросы истории КПСС, 1962, № 6, с. 96.

[10] Здесь и далее в тексте в скобках указаны страницы кн.: Протоколы ЦК РСДРП. Август 1917 – февраль 1918. М. 1929.

[11] См. Сталин И. В. Соч. Т. 6, с. 361.

[12] Троцкий имеет в виду работы Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и «Военная программа пролетарской революции» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 354; т. 30, с. 133).

[13] Н. Маркин – литературный псевдоним Л. Л. Седова, старшего сына Л. Д. Троцкого.

[14] 2 октября 1918 г. ЦК большевиков поставил Сталина перед выбором: подчиниться Реввоенсовету Республики (что «абсолютно необходимо») либо приехать в Москву. 9 октября он сообщил из Москвы своим единомышленникам в Царицыне, что говорил с Лениным и тот «взбешен» их поведением (Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 158).

[15] Смещение партизанствующего руководства «царицынцев» описано в кн.: Шапошник В. Н. Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов-н. Д. 1980.

[16] По результатам деятельности К. Е. Ворошилова на Украине постановлением ЦК РКП(б) было предложено главе Украинского Советского правительства Х. Г. Раковскому «провести в жизнь полное отстранение» Ворошилова «от военной работы» (Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 173).

[17] Автор ошибается. По постановлению ЦК РКП(б) от 5 ноября 1924 г. началось систематическое централизованное «изъятие всех материалов, имеющих какое-либо отношение к архиву ЦК и к истории РКП и находящихся у разных лиц и учреждений» и строгое ограничение доступа к таким материалам, «в первую очередь» – по гражданской войне, Февральской революции (см. В. И. Левин, КПСС и партийные архивы. М. 1988, с. 118–124).

[18] Заседанию Орг- и Политбюро ЦК предшествовал посвященный тем же вопросам Пленум ЦК (см. Ленинский сборник XXXVII, с. 159).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Профессор Гуверовского института (Стэнфорд, США) Роберт Конквест, известный своими многочисленными трудами по истории СССР, предложил редакции «Вопросы истории» для публикации некоторые главы из своей новой книги «Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом». Первое издание этой книги («The Harvest of Sorrow. Soviet Collectivization and the Terror-Famine») вышло в Лондоне в 1986 году. Глава «Судьба кулаков» печатается по русскому переводу этой книги (Overseas Publications Interchange Ltd. Lnd. 1988). Предисловие написано автором специально для «Вопросов истории». Редакцией произведены некоторые уточнения и сокращения текста главы, связанные в основном со спецификой журнальной публикации. Учтены также дополнения, сделанные автором.

Объективность исторического исследования и мнение историка

Каждый из нас имеет собственное мнение, свои позиции. Некоторые точки зрения заявляются открыто, другие в той или иной степени не осознаны. С точки зрения марксистов, самое существенное в этих мнениях и позициях отражает статус экономического класса; не приходится сомневаться, однако, в том, что наряду с этим статусом существуют и такие, как национальная принадлежность, особенности культуры и даже личный темперамент историка.

Величайший из английских историков Э. Гиббон был крайне нетерпим к фанатизму, и особенно к римско-католическому. В качестве примера он писал о католическом историке Тиллемонте, однако, одновременно признавал, что его труды служат «отличным руководством», отличающимся «эрудицией, усердием, правдой и скрупулезной придирчивостью к деталям». Также и по мнению Дж. М. Тревельяна, «беспристрастность историка легко переоценить, но это качество не следует смешивать с действительно необходимыми тщательностью и добросовестностью». Значит, решающий вопрос заключается вообще не в том, каковы убеждения историка, а в том, согласуются ли они с его честностью в отношении фактов.

Даже пять лет тому назад установление истины о событиях 1930—1933 гг. в СССР требовало исследования очень широкого круга разнообразных свидетельств, в массе своей опубликованных за пределами Советского Союза. Как все исторические свидетельства, они исходили из неполных источников. Допускались разного рода эмоциональные и иные искажения. Интеллектуальная атмосфера в то время была еще засорена аргументами, исключавшими вопрос об их доказательности, и часто «буржуазные» авторы запросто обвинялись в политически мотивированной фальсификации. Таким образом, научная дискуссия фактически исключалась. Следует добавить, что и в Советском Союзе историки предпочитали скорее помалкивать, нежели вступать в дискуссию. Парадоксально, но наиболее активные апологеты сталинского подхода были, да и сейчас встречаются на Западе.

В наши дни часто делается акцент на расхождениях по вопросу о числе убитых или депортированных в тот период (и последующие годы). В книге «Жатва скорби» я пишу, что примерно 11 млн. крестьян были уничтожены в 1930—1937 гг. (около 7 млн. в результате голодного террора) и около 3,5 млн. умерли позже. Эти цифры, хотя они и основаны на рассмотрении многих свидетельств, представляют собой не более чем оценки и возможно содержат ошибки, впрочем вряд ли сколько-нибудь значительные. Однако эти оценки называли «необъективными» лишь по той причине, что они были больше тех, которые предлагались другими западными учеными. Но последние в большинстве случаев (хотя и не всегда) принадлежали к тому кругу исследователей, которые не пользовались высокой репутацией, и их суждения по многим вопросам долго еще опровергались советскими авторами.

Вопрос о числе жертв — самый важный. Уже тот факт, что они — за весь сталинский период — исчисляются десятками миллионов, говорят о том, какое несчастье обрушилось на советских людей. Жертвы 1930—1933 гг. сами по себе говорят о масштабах разрушения, которое опустошило деревню и сельское хозяйство. Можно заниматься исследованиями и спорить о том, 6—7 или 10—11 млн. человек умерло в те годы. Надо ли делать слишком большой акцент на этом частном расхождении, если мы согласны в общей оценке всего хода событий? Можно сожалеть, что подобное исследование удалось осуществить и опубликовать только за пределами Советского Союза. Я стремился содействовать решению главной задачи — написанию полной истории коллективизации и ежовщины. В настоящее время советские историки смогут, конечно, заняться всеми этими вопросами и написать о них более полно, избегая ошибок и недостатков, присущих их прежним работам.

Я рассматриваю решение журнала «Вопросы истории» опубликовать часть моей работы не как одобрение моих взглядов (и в еще меньшей степени, не как признание безошибочности того, что я написал, будь то интерпретация всей данной темы или какая-нибудь фактическая деталь), но как свидетельство того, что историки, придерживающиеся различных мнений, могут эффективно и честно сотрудничать в исследовании данной проблемы. Это говорит о зрелости советской историографии, работа которой должна оцениваться по ее собственным заслугам, а не по сектантским стандартам.

Р. Конквест

Роберт КОНКВЕСТ. ЖАТВА СКОРБИ

Судьба кулаков

С точки зрения последовательности событий, ошибочно было бы описывать раскулачивание отдельно от коллективизации, ибо они происходили одновременно и являлись двумя аспектами одной и той же политики. Однако судьба кулаков, начиная с данного момента, столь серьезно отличается от судьбы коллективизированного крестьянства, что представляется целесообразным рассмотреть ее отдельно. Тем не менее следует помнить, что в то же самое время не отнесенное к категории кулаков крестьянство переживало мучительный процесс коллективизации. Да и разгром кулаков частично был проведен ради того, чтобы обезглавить крестьянство и тем самым ослабить его сопротивление введению нового порядка.

27 декабря 1929 г. Сталин провозгласил задачу «*ликвидации* кулачества как класса» [1]. Официальное партийное указание о раскулачивании поступило только 30 января 1930 г., когда Политбюро одобрило и направило местным партийным органам постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», окончательно же узаконена эта политика была лишь инструкцией от 4 февраля того же года [2].

Однако к тому времени массовое раскулачивание в ряде районов шло полным ходом под руководством наиболее рьяных сталинистов. В течение 1929 г. раскулачивание стало превращаться в обычное явление. «Отдельные группы кулаков» были выселены из ряда украинских сел, казачьих станиц и других мест. Все поняли это как начало ликвидации кулачества как класса. Теперь кампания достигла последней стадии и шла в атмосфере предельного «классового» ожесточения. Согласно официальным заявлениям, что «кулаки не сойдут с исторической арены без жесточайшего сопротивления», было решено, что «с кулаком следует обращаться так, как обращались в 1918 г. с буржуазией. Кулаков-вредителей, активно сопротивляющихся строительству нового, надо отправлять на Соловки» [3].

Разумеется само применение термина «кулак» было искажением истины с самого начала существования советского режима. Но теперь его вообще едва ли можно было применять для обозначения класса как экономической категории, даже и в том извращенном значении, которое придавалось этому понятию после революции. Многие кулаки совершенно обеднели, даже по меркам конца 20-х годов, что с полной ясностью следует из советских источников [4]. Других тоже вряд ли можно было считать богатеями или эксплуататорами. Лишь небольшая часть кулаков владела тремя-четырьмя коровами, двумя-тремя лошадьми. Более чем по одному батраку насчитывалось в хозяйствах, составлявших всего 1% общего числа. Показательна стоимость товаров, конфискованных у кулаков. Приводилась цифра 170 млн. рублей, позднее — 400 млн., то есть она колебалась между 170 и 400 рублями на хозяйство — даже если считать, что общее число раскулаченных составляло всего 1 млн. семей, как сообщалось в официальных источниках. По словам одного из комментаторов, расходы на выселение были, вероятно, выше указанной суммы [5].

В одной из областей за январь — февраль 1930 г. было раскулачено 4080 хозяйств, причем к колхозам перешло всего 2367 строений, 3750 лошадей, 2460 голов крупного рогатого скота, 1105 свиней, 446 молотилок, 1747 плугов, 1304 сеялок и 2021 т хлеба и проса! Советский исследователь, приводящий эти данные, объясняет их скудность тем, что бо́льшая часть кулацкой собственности была конфискована во время наступления на кулака в период 1928—1929 годов [6]. В любом случае ясно, что кулак уже стал бедняком. Один из активистов так рассказывал о типичном кулаке: «У него больная жена, пятеро детей и ни крошки хлеба в доме. А мы называем его кулаком! Дети ходят в отрепьях, все оборванные, похожи на призраков. Я заглянул в горшок, стоявший на печи: вода да несколько картофелин — ужин на всю семью» [7]. Особенно потрясали крестьян случаи экспроприации имущества у бывших бедняков, которые непосильной работой за годы нэпа скопили денег на покупку лошади или коровы. Наконец, доход среднего кулака был ниже среднего заработка работников сельского аппарата, преследовавших его как представителя класса богачей.

[1] Цит. по: Документы свидетельствуют. М. 1989, с. 295.

[2] Там же, с. 27—29.

[3] Правда, 21.I.1930; см. также: Davies R. W. The Socialist Offensive. Cambridge (Mass.). 1980, p. 233.

[4] См., напр., Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М. 1975, с. 209.

[5] Cultural Revolution in Russia. Bloomington. 1978, pp. 58—59.

[6] Слінько І. І. Соціалістична перебудова и технична перебудова сільського господарства України в 1927—1932 гг. Київ. 1961.

[7] Kravchenko V. I Choose Freedom. N. Y. 1946, p. 103.

Впрочем, экономическая квалификация приобрела к этому времени поистине фантасмагорические черты. Решение о раскулачивании основывалось на списках налогообложения, но этот, как будто внешне логичный, способ уже не годился для проведения официальной линии. В одном рапорте ОГПУ указывалось, что такой способ «часто не соответствует действительности и не оправдан серьезными причинами!»[8]. На практике вся антикулацкая кампания пошла самотеком, затронув большие группы крестьян разного достатка. Советский писатель И. Стаднюк рассказывает про деревню, где даже местные коммунисты чувствовали, что только пять семей (по 5–8 человек каждая) из 16 раскулаченных можно было и вправду назвать кулацкими[9]. Советские экономисты хрущевского периода приводили в пример село Пловцы на Украине, где 66 из 78 кулацких хозяйств были в действительности середняцкими[10].

Как пишет Э. Г. Карр «Классовый подход уже более не определял политику. Наоборот, политика определяла, какая форма «классового подхода» соответствует ситуации»[11]. Например, даже очень бедного крестьянина, если он был набожен и ходил в церковь, относили к кулакам. В любой момент можно было с легкостью перевести почти 2,5 млн. середняцких хозяйств из категории «союзников» в категорию «классовых врагов».

Сталинская политика излагалась в маловразумительных терминах классового подхода. Эта политика подрывала экономику, поскольку вела к «ликвидации» самых эффективных производителей сельскохозяйственной продукции. Но в чем-то такая политика все же была логичной. Если мы посмотрим на крестьянство более реалистично, чем марксисты, то увидим, что оно по существу представляло собой единое целое, все компоненты его были тесно взаимосвязаны. И цель сталинского удара по крестьянству состояла в устранении естественных лидеров деревни в ее борьбе против подчинения коммунистам. То, что термин «кулак» стали применять гораздо в более широком значении, чем вытекало из партийных экономических дефиниций, как раз доказывает правильность нашего заключения. Еще более ясно это прослеживается на формализации термина «подкулачник» — определения, лишенного какого бы то ни было социального содержания даже по меркам сталинизма, но беспомощно маскирующегося под социально-экономическую категорию.

Официальные документы гласили: «Под «кулаком» мы подразумеваем носителя определенных политических тенденций, которые очень часто прослеживаются также у подкулачников, будь то мужчина или женщина»[12]. Таким образом, любой крестьянин мог подлежать раскулачиванию, и понятием «подкулачник» широко пользовались для расширения категории жертв далеко за пределы самой растяжимой трактовки определения собственно «кулаков». К тому же, вопреки первоначальным инструкциям, раскулачивание отнюдь не было ограничено зонами максимальной коллективизации.

К 1931 г. власти уже начали признавать, что прежние кулаки более не подпадают ни под одно из разнообразных советских определений кулака. Так, например, партийный комитет Западно-Сибирского края сообщал в ЦК, что выселенные в марте кулаки «располагали очень ограниченной собственностью», то есть были бедны. Советский историк отмечает, что кулаки утратили большинство своих характерных особенностей, как то: систематическое использование наемного труда, сдача в наем

---

[8] Н е м а к о в Н. И. Коммунистическая партия – организатор массового колхозного движения в 1929–1932 гг. М. 1966, с. 147.
[9] См. Нева, 1962, № 12.
[10] Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М. 1963, с. 185.
[11] C a r r E. H. A History of Soviet Russia. Vol. 1. Lnd. 1958, p. 99.
[12] На аграрном фронте, 1930, № 7–8, с. 94.

сельскохозяйственного инвентаря и лошадей, собственные мастерские и т. п., так что «к 1931 г. стало все труднее разоблачать кулака, маскировавшего свою классовую сущность»[13]. Такова суть классического марксистского понятия, что бытие определяет сознание: если человек некогда подпал под определенную марксистскую категорию, она становилась его «сущностью», которую последующие изменения были не способны преобразить.

9 мая 1931 г. М. И. Калинин, выступая на конференции секретарей и членов ЦИК, сказал, что правительство собиралось внести изменения в закон об определении кулака, но после дискуссии вынуждено было отказаться от этого намерения. Один из советских комментаторов так поясняет этот факт: «Особенности, характерные для кулака в прошлом, почти полностью исчезли, а новые не поддаются определению!»[14]. «Правда» также предупреждала о том, что «даже лучшие активисты зачастую не могут распознать кулака», поскольку не понимают, что удачно продав собранный урожай, «некоторые середняцкие хозяйства быстро трансформируются в зажиточные и кулацкие»[15]. Поистине — вечная проблема, сводящая на нет всю доктрину о классовой борьбе.

Итак, согласно сей странной логике, середняк мог сделаться кулаком, приобретая новую собственность, но кулак не мог стать середняком, лишившись своей собственности. По существу, у кулака не было выхода. Он был «по своей сущности» классовым врагом, недочеловеком. Объявление кулака врагом соответствовало предвзятым схемам партийных активистов. Он представлял собою во плоти и крови врага, обреченного историей, а такая мишень позволяла организовать куда лучшую кампанию, чем любые абстрактные организационные перемены. Таким образом, появлялась возможность наголову разбить руководителей деревни, которые могли бы значительно усилить и без того немалое сопротивление коллективизации.

Планы партии в отношении кулаков были сформулированы в постановлении ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», разделившем кулаков на три категории, из которых первая, численностью не более 63 тыс. человек, подлежала расстрелу или тюремному заключению. Однако данные о лицах первой категории, которые определялись исключительно местными ОГПУ, оказались значительно выше полученной на местах квоты. Мы располагаем сведениями, которые подтверждаются современными советскими историками, что в действительности к первой категории было отнесено 100 тыс. человек вместо запланированных 63 тысяч[16].

Лица, относящиеся ко второй категории (сюда входили и семьи кулаков из первого разряда), подлежали высылке на Север, в Сибирь, на Урал, в Казахстан или в отдаленные районы своей губернии; в этот разряд должно было входить не более 150 тыс. хозяйств. В письме от 12 февраля 1930 г., помеченном грифом «совершенно секретно», повторяется уже известная нам информация о трех категориях и указывается, что конфискация имущества у лиц, относящихся ко второй категории, должна производиться постепенно, в соответствии с их окончательным выселением[17].

Третья группа, определенная как «лояльная», подлежала теперь частичной экспроприации и расселению где-нибудь в том же районе, но вне колхоза. Очевидно, кулаки, относившиеся к этой категории, должны были находиться под контролем правительства и использоваться на лесо-

---

[13] Г у щ и н Н. Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне в 1926–1933 гг. Новосибирск. 1972, с. 236.
[14] Там же.
[15] Правда, 21.X.1930.
[16] D a v i e s R. W. Op. cit., p. 247–248.
[17] F a i n s o d M. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge. 1958, p. 243.

повале, строительстве дорог, землеустройстве и тому подобных работах. Кулакам третьей категории часто выделялся участок неплодородной земли площадью не более гектара на человека в пределах их губернии [18]. Секретарь Западно-Сибирского крайкома Р. Эйхе (член комиссии, на отчете которой базировалось Политбюро) писал в то время, что «наиболее враждебных и реакционных» кулаков следует отправить в концентрационные лагеря, в такие «отдаленные районы» Севера, как заполярные Нарым и Туруханск; все остальные должны работать в «трудовых колониях» (эвфемизм, означающий трудовые лагеря менее строгого режима), но не оставаться в своих деревнях. За счет кулацкого труда можно будет выстроить новые дороги и предприятия в необжитых районах тайги [19].

На основании анализа последних советских исследований можно прийти к выводу, что согласно первоначальному плану по всем трем категориям должно было быть репрессировано 1005 тыс. семей [20], то есть примерно 5—6 млн. человек. В 1927 г. указывалось, что средняя «кулацкая семья» состоит из 7 чел., тогда итоговое число достигает 7—7,5 млн.[21]. Однако на местах к кулакам присоединяли подкулачников, что значительно увеличило число репрессированных. Один председатель сельсовета хвастал в 1930 г.: «Мы у себя на пленумах сельсовета делаем кулаков сколько нам заблагорассудится. Например, 4 января во время пленума сельсовета население двух деревень выступило по вопросу о выселении кулаков из района деревни Шуйской и высказалось в защиту гражданина Петухова; они настаивали на том, чтобы его считали середняком. Но мы отбили эту атаку и решили выселить его» [22].

Во многих случаях местные власти вскоре превысили установленные нормы. Так, в Московской области квота на выселение была практически перекрыта вдвое, аналогичное положение, согласно советским источникам, наблюдалось в Иваново-Вознесенске [23]. В официальных партийных документах признано, что в некоторых регионах вместо обычного раскулачивания 4—5% крестьянских хозяйств раскулачиванию подверглись 14—20% хозяйств [24]. Эти данные подтверждаются, насколько это возможно, цифрами, которые нам удалось собрать по отдельным деревням. Например, в одном селе, насчитывавшем 1169 дворов, хозяева 202 из них были арестованы и сосланы, а владельцы 140 других выселены [25]. В другой деревне из 1200 хозяйств было раскулачено 160; в третьей — 31 хозяйство из 120, в четвертой — 90 из 800. Согласно статистическому отчету о раскулачивании трех сел Винницкой губернии, в одном из них были выселены хозяева 24 дворов из 312, в другом — 40 из 283, в третьем — 13 из 128 [26].

В книге Стаднюка рассказывается про деревню, в которой «из каждых 20 крестьян один был посажен по арест», и говорится, что им повезет, если на этом дело кончится [27]. Известный советский прозаик Сергей Залыгин так описывает коллективизацию в Сибири: лучших крестьян намеренно уничтожают, к власти приходит кучка лодырей, болтунов и демагогов, любая сильная личность, независимо от социального происхождения, подвергается преследованиям [28]. О том же повествуют и другие советские писатели. Так, в повести В. Астафьева «Последний поклон» отбросы общества, придя к власти, постоянно провоцируют лучших крестьян, стремясь упечь их в Гулаг.

Что касается распределения кулаков по категориям, то данные, которыми мы располагаем по одному из районов Западной области (центр г. Смоленск), показывают, что из 3051 зарегистрированных кулацких хозяйств 447 были отнесены к первой категории; 1307 — ко второй и лишь 1297 — к третьей. Таким образом, уже на этой стадии 63% кулаков подлежали расстрелу, тюремному заключению или выселению. Кроме того, местный циркуляр предписывает, чтобы оставшиеся в губернии кулаки, которым были выделены болотистые или разъеденные эрозией лесистые участки и которых использовали на лесоповале и прокладке дорог, также выселялись в случае невыполнения ими нормы на принудительных работах [29]. Если считать, что эти данные приблизительно отражают общую картину, то из 1 млн. кулацких семей 630 тыс. относились к первой и второй, а 370 тыс.— к третьей категории. В любом случае определение каждой категории было очень растяжимым, как и дефиниция понятия «кулак», и указанные цифры очень скоро существенно выросли.

Первые массовые аресты (начавшиеся в конце 1929 г.) проводились исключительно ГПУ. Были арестованы главы семей, многие из них в прошлом служили в белых армиях. Все они были расстреляны. Затем, в декабре, были снова произведены аресты глав семейств, их в течение 2—3 месяцев держали в тюрьмах, а потом отправили в лагеря. Остальных членов семей пока не трогали, но описали имущество. В начале 1930 г. забрали семьи арестованных. Операция носила столь широкий характер, что на помощь ГПУ были мобилизованы партийные активисты, содействовавшие органам в проведении выселения [30].

В нашем распоряжении имеются циркуляры из Западной области. Местная партийная организация приняла решение о раскулачивании 21 января 1930 г.— до того, как было отдано официальное распоряжение. План проведения операции составили два руководителя местного ГПУ. Аппарат ГПУ был усилен, а отряды милиции сняты с выполнения других заданий. Всех участников операции снабдили оружием. Были созданы памятные со времен гражданской войны «тройки», состоявшие из руководителей местных партийных и советских организаций, а также ГПУ. 3 февраля 1930 г. ОГПУ было предписано совместно с Советом Народных Комиссаров РСФСР разработать предложения о размещении кулаков и их семей, выселенных в отдаленные районы РСФСР, а также об их трудоустройстве. Этот упор на ответственность репрессивного аппарата отражал реальное положение дел.

Принадлежность к третьей категории ненадолго скрасила участь «счастливчиков». Современные советские историки утверждают, что поскольку кулаки третьей категории «также противились созданию колхозов, возникла необходимость выселить и их в более отдаленные районы» [31]. В первые недели 1931 г. до этого еще не депортированные украинские кулаки, не сумевшие выполнить нормы заготовок, также подверглись экспроприации и выселению. Вместе с аналогичными мероприятиями на Северном Кавказе и в Поволжье это переросло в новую волну ликвидации кулаков как класса. В одной деревушке на Днепропетровщине, состоявшей всего из 19 дворов, десять семей было раскулачено в первую волну, а пять — позднее. Селение — Хрушка Киевской губ., насчитывавшее 16 небольших хозяйств, владевших 950 акрами (менее 400 га) земли, было полностью уничтожено в 1930 году. В одной

---

[18] Davies R. W. Op. cit., p. 236; Ивницкий Н. А. Классовая борьба и ликвидация кулаков как класса в 1929–1932 гг. М. 1972, с. 214.
[19] Davies R. W. Op. cit., p. 234.
[20] Ibid., p. 236.
[21] Арутюнян Е. В. Социальная структура сельского населения СССР. М. 1971, с. 26.
[22] Немаков Н. И. Ук. соч., с. 147.
[23] Вопросы аграрной истории. Вологда. 1968, с. 49–50.
[24] Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. М. 1976, с. 243
[25] The Black Deeds of the Kremlin. Vol. 1–2. Toronto. 1953. Vol. 2, p. 306.
[26] Woropay O. The Ninth Circle. Lnd. 1954, p. 46.
[27] Нева. 1962, № 12, с. 200.
[28] Залыгин С. На Иртыше. В кн.: Избранные произведения. М. 1963.
[29] Fainsod M. Op. cit., pp. 241–244, 259.
[30] Ibid.
[31] Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках, с. 105.

из деревень Северного Кавказа зимой 1930 г. были «разоблачены» 16 кулацких семей, ранее не отнесенных к категории кулаков; у них было конфисковано 22 лошади, 30 коров и 19 овец. Таким образом, на этих «эксплуататоров—богатеев» приходилось в среднем по 1,4 лошади, 1,8 коровы и 1,2 овцы на семью! [32].

Официально решение о второй волне депортации было принято в феврале 1931 года. Эта операция была подготовлена лучше первой: были составлены списки, разосланы анкеты ГПУ, замаскированные под налоговую проверку. 18 марта 1931 г. в Западной области началась особая операция. Оказалось, однако, что о плане ее случайно стало известно на селе, и в одном районе из намеченных 74 семей удалось задержать только 32, остальные скрылись [33]. Пожалуй, иного выхода, кроме побега, у этих людей не оставалось. Тот факт, что свыше 1 млн. семей готовы были бросить свое имущество и покинуть дома, говорит сам за себя. «Правда» с самого начала кампании стала публиковать полные негодования статьи о кулаках, которые распродают имущество, деля выручку между своими родственниками-середняками, и оставляют скот некормленным. Кулаков также обвиняли в том, что они предпочитают ломать свой инвентарь лишь бы не сдавать его властям [34]. Иногда кулаки пытались перебраться в другие места вместе со скотом, но из этого ничего не выходило. В Ставрополье на Северном Кавказе кулаки перегоняли стада быков, молочных коров, лошадей и овец из района в район [35].

Когда в деревнях разгорелось массовое восстание, руководителями его часто, хотя и не всегда, были зажиточные в прошлом крестьяне. У них, в сущности, не оставалось никаких других способов сопротивления. Существует много рассказов, как, защищая свои семьи, мужики набрасывались на гонителей с палками или топорами и падали, сраженные пулями. Но наиболее распространенной формой протеста стало уничтожение своей собственности, в том числе и путем поджога. Например, в украинском селе Подгорное на Днепропетровщине одна женщина бросила горящую головню на соломенную крышу дома, который конфисковало у нее ГПУ, с криком: «Мы на этот дом всю жизнь работали, вам он не достанется! Лучше пускай его огонь пожрет!». Уже на ранних этапах раскулачивания советская пресса публиковала массу сообщений о поджогах, являвшихся актами протеста против власти и ее представителей [36].

Иногда утверждают, будто выселение кулаков имело экономическое обоснование: они пополняли резервы рабочей силы в городах, которой не хватало для проведения ударной индустриализации. Кулаков действительно использовали на новых шахтах и других новостройках в местах их ссылки: в Сибири «значительная часть» кулаков третьей категории была «ввиду недостатка рабочей силы», отправлена на строительство новых промышленных предприятий и на заготовку леса [37]. Но в других местах, если кулакам и удавалось уйти из деревни и влиться в пролетариат крупных промышленных районов, это происходило вопреки строжайшим административным и иным мерам властей. Строго секретное распоряжение от 12 февраля 1930 г. требовало особой бдительности, чтобы не пропустить покидающих деревню кулаков на промышленные предприятия [38]. А введение 27 декабри 1932 г. паспортов открыто трактовалось, в числе прочего, как мера по очистке городов от кулаков, преступников и других антиобщественных элементов [39].

Верно, что многие отчаявшиеся «кулаки» хлынули в города. Потребность в рабочих была столь велика, что руководители предприятий принимали их в большом количестве на работу, часто в обход закона. «Правда» резко критиковала таких руководителей: в феврале 1930 г. среди 1100 человек, завербованных на работу в Херсонском районе, оказалось 50 кулаков; они, разумеется, «бездельничали, пили и занимались саботажем», и потому от них необходимо было избавиться [40]. В Донецком каменноугольном бассейне кулаков, сумевших устроиться на работу, вылавливали и отправляли в дальневосточные лагеря [41]. Характерен приказ председателя райисполкома Каменского района (Черкесская обл.) от 31 января 1930 г. об опознании и увольнении «всех в прошлом зажиточных крестьян» с железной дороги и трех местных фабрик [42].

Председатель Криничанского райисполкома (Днепропетровская обл.) Нелупченко осудил те сельсоветы, которые выдали «зажиточным крестьянам справки, где не было указано, что их собственность подлежала конфискации». Судя по этим справкам, предъявители «не подвергались налогообложению», то есть не были кулаками. Такие удостоверения давали ложное представление «о социальном положении» и использовались зажиточными крестьянами, чтобы «просочиться» на предприятия, нанимавшие первых рабочих. «Такую практику следует немедленно прекратить» [43]. Возле ворот Харьковского тракторного завода всегда стояли длинные очереди желавших получить работу. Однако подающие заявления о приеме на завод должны были ответить на вопросы: были ли ваши родители кулаками по происхождению? Ушли ли вы из колхоза? Большинство претендентов не принимали на работу, особенно тех, кто ушел из колхоза [44]. Дело в том, что не только кулаки, но и простые крестьяне все более крупными группами стекались в города.

Тринадцатилетний подросток рассказывал, как он пытался устроиться на работу поблизости от дома, но его не взяли, сказав, что он должен принести свидетельство о рождении, которое ему активисты из его родной деревни отказались выдать. Через несколько дней, когда он попытал счастья устроиться работать на разработках торфа, его снова не приняли по той же причине [45]. Другой подросток, которому удалось сбежать из деревни, устроился на работу, но всякий раз, как обнаруживалось его классовое происхождение или возникали подозрения на этот счет, ему приходилось бежать, пока он таким образом не добрался до Средней Азии [46].

В работе советских историков говорится о том, как некоторые кулаки, «бежав из тех мест, куда их поселили, пробрались в советские учреждения, на промышленные предприятия, в колхозы, совхозы и МТС, где занялись вредительством и расхищением социалистической собственности. Постепенно эти дезорганизаторы производства были обнаружены и понесли заслуженное наказание» [47]. Не могли кулаки, конечно, и служить в армии. Были разосланы специальные инструкции о проверке новобран-

[32] Вербіцький М. Найбільший злочін Кремля. Лондон. 1952, с. 7; The Black Deeds. Vol. 1, p. 466; Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization. Lnd. 1968, pp. 512–513.

[33] Вопросы истории КПСС, 1975, № 5, с. 130; Документы свидетельствуют, с. 39; Fainsod M. Op. cit., p. 248.

[34] Правда, 2, 25.II.1930; The Black Deeds. Vol. 2, pp. 410–411.

[35] Davies R. W. The Soviet Collective Farm. 1929–1930. Cambridge (Mass.). 1980, p. 80.

[36] Правда, 9.X.1929; Вісті, 8, 10.X; 10.XI.1929.

[37] Гущин Н. Я. Ук. соч., с. 218.

[38] Fainsod M. Op. cit., p. 244.

[39] Собрание законов Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР, 1932, № 84, ст. 516.

[40] Правда, 11.II.1930.

[41] The Black Deeds. Vol. 2, p. 198.

[42] Kalynyk O. Communism the Enemy of Mankind. Lnd. 1955, p. 85.

[43] Ibid.

[44] Beal F. Word from Nowhere. Lnd. 1938.

[45] Голод 1933 року в Україні. Мюнхен. 1963, с. 48.

[46] Вербіцький М. Ук. соч., с. 68.

[47] История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М. 1963, с. 277.

цев с целью отсева кулацких элементов, пытающихся проникнуть в Красную армию [48].

Таким образом, кулакам ничего не оставалось делать, как только сидеть в деревне и ждать решения своей судьбы. В самом начале кампании «Правда» предупреждала, что нельзя позволить кулакам распродать имущество и скрыться [49]. В статье, опубликованной в разгар раскулачивания, сообщалось, что к концу 1930 г. было раскулачено 400 тыс. семей, 353,4 тыс. еще оставались нетронутыми, а остальные (200-250 тыс.) распродали свое имущество и бежали в города [50]. Современные советские исследователи обычно приводят данные, лежащие в том же диапазоне — в 1929—1932 гг. 20-25% из 1 млн. кулацких семей (такова была примерная цифра, фигурировавшая в официальных источниках) «самораскулачились», то есть бежали в города [51]. Соотношение это представляется довольно правдоподобным. Мы принимаем его и в наших расчетах о количестве выселенных кулаков: если исходить из данных о числе раскулаченных в 5—6 млн., это будет означать, что 1—1,2 млн. человек скрылось, хотя бы временно, а 4—4,8 млн скрыться не успели и были репрессированы. Как мы убедились раньше, за счет расширения категории кулаков и введения нового ярлыка «подкулачник» указанные цифры значительно возросли, однако соотношение выселенных и скрывшихся могло остаться тем же.

Советский ученый пишет, что до октября 1931 г. выселению подверглось 381 тыс. семей [52]. В Статистическом справочнике по СССР за 1928 г. указано, что средний состав семьи «предпринимателей», то есть кулаков, равен 6,5 человека (5,4 человека для семьи середняков, 3,9 — для бедняков), в совокупности это составит около 2,5 млн человек. Рой Медведев считает, что эти цифры значительно ниже реальных [53] по ряду причин. Во-первых, массовая депортация не прекратилась в октябре 1931 г., а официально продолжалась до мая 1933 г., когда в постановлении, подписанном Сталиным и Молотовым, было объявлено, что отныне будет продолжаться выселение лишь отдельных семей, общей численностью около 12 тыс. семей в год [54]. В этом постановлении говорится, что в 1933 г. было намечено выселить 100 тыс. семей, поэтому весьма вероятным представляется, что приблизительно таковы были темпы депортации за 18 месяцев между октябрем 1931 г. и маем 1933 года. В совокупности это составляет 150 тыс. семей, то есть от 3/4 миллиона до 1 млн. человек, сверх указанных выше, которые были выселены после «второй волны».

В то же время целесообразно обратить внимание на реплику Сталина, сделанную в беседе с Черчиллем, о том, что раскулачивание коснулось «десяти миллионов» человек, хотя его комментарий, что, мол, раскулаченные были крайне непопулярными людьми, изгнанными в большинстве случаев собственными батраками, в расчет принять нельзя. В 1933 г. Сталин говорил о 15% крестьянских хозяйств, что они, дескать, принадлежали кулакам и зажиточным и отошли в прошлое [55]. Численность крестьянских хозяйств в июне 1929 г. равнялась 25 838 тысячам. 15% от этой цифры составит около 3 875 тыс. семей, или (из расчета пяти человек на семью) 19 380 тыс. человек. Отсюда следует вычесть число кулаков, тем или иным образом избежавших депортации. Мы уже отмечали, что по расчетам советских историков, 20—25% кулаков бежало в города. По данным одного эмигранта с Украины, эта цифра еще выше. Он сообщает, что около 2/3 раскулаченных было выселено, а 1/3 скрылась [56]. Приняв за основу эти данные, мы получим численность действительно выселенных кулаков — 13 млн. человек.

По официальным данным, 15 млн. га земли, отнятой у кулаков, стали в 1929—1932 гг. собственностью колхозов. Среднее кулацкое хозяйство обрабатывало в 1928 г. 4,5 гектара. Таким образом, переданная колхозам земля принадлежала около 3,3 млн. кулацких хозяйств, насчитывавших свыше 15 млн. человек, из которых (если треть скрылась) было выслано 10 миллионов (к концу 1938 г. площадь конфискованных у кулаков земель составила 30 млн. га, хотя сюда относятся более поздние конфискации) [57]. Но средняя площадь кулацких хозяйств к тому времени должна была, по ряду объективных причин, сократиться, поэтому цифра 10 млн. является здесь явно минимальной.

М Левин указывает, что численность депортированных, более или менее признаваемая пока в советских исследованиях, превышает 1 млн. семей, или 5 млн. человек, причем эти данные касаются только РСФСР и Украины, поэтому к ним следует прибавить тысячи семей из других союзных республик (например, 40 тыс. из Узбекистана). Левин приходит к выводу, что фактически было депортировано 10 млн. человек, а возможно, и больше. Итоговую цифру в 10—11 млн. человек приводит еще один ученый (С. Свяневич), добавляя, что около трети из них погибло [58]. Таким образом, приняв численность депортированных равной 10 млн., а возможно, и 15 млн., мы вряд ли впадем в преувеличение. По нашим подсчетам, следует считать наиболее вероятной величину 10—12 млн., из которых на данном этапе погибло примерно 3 млн. человек, поскольку эти цифры лучше всего согласуются с данными о смертности крестьян за весь рассматриваемый период.

Но какие бы итоговые величины мы ни получили, необходимо принять во внимание и тех кулаков, преимущественно глав семей, которые были сразу арестованы и расстреляны или «отправлены в Соловки». Выше упоминалось, что число арестованных кулаков первой категории в конце 1929 — начале 1930 г. составляло 200 тыс. человек. (Отнюдь не только кулаки были затронуты репрессиями на тогдашнем этапе: в конце 1929 г. власти объявили, что в одном районе за один-единственный день было арестовано 234 кулака, 200 середняков и 400 крестьян-бедняков [59]). В дальнейшем аресты продолжались теми же темпами. В работах советских историков указывалось, что в первой половине 1931 г. органы Советской власти привлекли к ответственности (то есть арестовали) 96 тыс. человек. Это были кулаки, бывшие белогвардейские офицеры, полицейские и жандармы, а также другие антисоветские элементы [60]. В Западной Сибири во время заготовительной кампании 1931—1932 гг были вынесены судебные приговоры 1 тыс. кулаков и 4700 других крестьян, близких к кулакам по общественно-экономическим показателям [61].

Попавшие в тюрьму или трудовые лагеря прошли через страдания, о которых большинство читателей уже имеет представление В точности установить число этих жертв невозможно. Однако, из одного советского документа той поры известно, что численность лиц, находившихся в местах заключения только в РСФСР и на Украине, доходила в 1931—1932 гг. до 2 миллионов. В тот период, вплоть до 1936—1937 гг., заклю-

[48] Варепов В. Помощь Красной Армии в развитии колхозного строительства. М. 1975, с. 39, 42, 59.
[49] Правда, 26.I.1930.
[50] Ивницкий Н. А. Ук. соч., с. 245.
[51] Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках, с. 239.
[52] Ивницкий Н. А. Ук. соч., с. 299.
[53] Medvedev R. Let History Judge. N. Y. 1971, p. 140.
[54] Fainsod M. Op. cit., p. 263.
[55] См. Сталин И. В. Соч. Т. 13, с. 246.

[56] Ukraine: A Concise Encyclopedia. Vol. 1. Toronto. 1963, p. 617.
[57] Jasny N. The Socialized Agriculture of the USSR. Stanford. 1949, p. 312.
[58] Lewin M. Op. cit., pp 507—508; Swianiewicz S. Forced Labor and Economic Development. Lnd. 1965, p. 124.
[59] Правда. 7.XII.1929.
[60] Вопросы истории КПСС, 1975, № 5, с. 130.
[61] Гущин Н. Я. Ук. соч., с. 242.

ченные в массе своей были крестьянами. Общая численность заключенных, согласно общепринятым расчетам, достигала в 1935 г. около 5 млн., из которых не менее 4 млн. были, вероятно, крестьянами, хотя и не обязательно зарегистрированными как кулаки.

В 1929 г. только в лагерях, расположенных в Коми АССР, находилось, по сообщению бывшего работника лагеря, примерно 200 тыс. заключенных, причем почти все они являлись крестьянами. В лагерях на строительстве Беломорско-Балтийского канала в июне 1934 г. насчитывалось 286 тыс. заключенных, опять-таки — преимущественно крестьян [62]. Летом 1932 г. на берег в районе Магадана были высажены десятки тысяч заключенных, почти сплошь крестьяне, которым предстояло осуществить плохо продуманную программу ударной разработки только что открытых месторождений золота. Когда наступила зима с ее ужасающими морозами (район Магадана — одно из самых холодных мест Северного полушария), целые лагеря вымирали поголовно, не выжили ни охранники, ни собаки. По рассказам немногих уцелевших очевидцев, в живых осталось не более одного из 50 заключенных в магаданских лагерях, а следующий год оказался еще страшнее. Один из переживших эту трагедию очевидцев сказал о своих русских товарищах: «Они умирали, снова проявив то национальное свойство, которое воспел Тютчев и которым всегда злоупотребляли их политики — терпение».

В кратком курсе «Истории ВКП(б)» события 1930—1931 гг. описаны в духе замечаний, сделанных Сталиным в беседе с Черчиллем: «Крестьяне сгоняли кулаков с земли, раскулачивали их, отбирали скот, машины и требовали от Советской власти ареста и выселения кулаков» [63]. Этот пассаж, разумеется, представляет собой весьма точное описание того, что действительно происходит в деревнях. Сначала, по словам советского писателя Василия Гроссмана, «область спускала план — цифру кулаков — в районы, районы делили свою цифру сельсоветам, а сельсоветы уже списки составляли. Вот по этим спискам и брали. А кто составлял? Тройка» [64]. В современном советском исследовании подтверждается, что ответственность за списки кулаков лежала на «тройках» и сообщается их обычный состав: секретарь парткома, член сельсовета и уполномоченный сотрудник ОГПУ [65]. Затем в дело вступали группы «активистов», укрепленные руководством сельсовета. Они действовали по заранее установленному плану, например, большую деревню, состоявшую из тысячи и более дворов, делили на 11 участков, в каждом из которых были свой «штаб» и «бригада» местных коммунистов [66].

Тогда еще находились сельские Советы, сопротивлявшиеся этой системе. Так, в одной деревне (согласно отчету ОГПУ) председатель сельсовета сказал на общем собрании колхоза, что получен приказ раскулачить семь кулаков. Местный учитель (комсомолец) спросил, является ли эта цифра обязательной, и, получив утвердительный ответ, пришел в ярость. Затем было проведено голосование по вопросу о семи предполагаемых кулаках, и все они были «утверждены в правах», председатель благодушно согласился с результатами и выпил по этому поводу с одним из кулаков [67]. В официальном печатном органе украинского правительства цитировались выступления четырех председателей сельсоветов, говоривших, что в их деревнях нет кулаков и поэтому они не знали, как проводить классовую борьбу. Один из этих председателей отказался от помощи присланной со стороны «бригады», а в других случаях сельсовет,

[62] Comission International contre les camps de concentration sovetiques. P. 1951, p. 32.
[63] История ВКП(б). Краткий курс. М. 1945. с. 290.
[64] Гроссман В. Все течет.– Октябрь, 1989, № 6, с. 75.
[65] Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР. М. 1968, с. 246–250.
[66] Вербіцькій М. Ук. соч., с. 33.
[67] Fainsod M. Op. cit., p. 248.

руководство комбеда и правление колхоза были расформированы за саботаж. Газета «Радянська Україна» в январе 1930 г. писала также, что можно привести десятки и сотни других примеров «правого оппортунизма» в деревне (Радянська Україна, 1930, № 10). В Постановлении ЦИК от 25 января 1930 г. откровенно говорилось, что сельсовет, который неудовлетворительно справляется с проведением массовой коллективизации, будет по существу кулацким советом. Раньше или позже его членов ждали чистка и репрессии.

В среде активистов Сталину все же удалось в какой-то степени насадить идею «классовой борьбы» в деревне или, по крайней мере, борьбы между пособниками режима и его жертвами. Изо всех сил разжигалась ненависть, необходимая для нагнетания такой «борьбы». Активисты, помогавшие ГПУ в проведении арестов и депортации, были «все свои же, люди знакомые, но они какие-то обалделые стали, как околдованные, пушками грозятся, детей кулацкими выродками называют. Кровососы! кричат... И ведь в большинстве свои же. Правда, околдованные, так себя уговорили, что касаться ничего не могут,— и полотенце поганое, и за стол паразитский не сядут, и ребенок кулацкий омерзительный, и девушка хуже воши. И смотрят они на раскулачиваемых как на скотину, на свиней, и все в кулаках отвратительно — и личность, и души в них нет, и воняет от кулаков, и все они венерические, а главное — враги народа и эксплуатируют чужим трудом... И никакой к ним жалости: они не люди, а не разберешь что, твари» [68].

Эта цитата взята из книги Василия Гроссмана. Еврей. Один из советских прозаиков, много писавший о фашистской политике уничтожения своих соплеменников, он проводит аналогию между истреблением евреев при Гитлере и ликвидацией кулаков при Сталине. Одна активистка у Гроссмана говорит: «Говорили: это не люди, это кулачье... Кто слово такое придумал — кулачье? Неужели Ленин? Какую муку приняли! Чтобы их убить, надо было объявить: кулаки не люди» [69].

Но не всем активистам удавалось подобным образом заглушить голос совести. ГПУ сообщало о комсомолке, которая (наперекор установкам о свирепости кулаков) говорила, что именно партийные активисты своими зверствами лишают себя права на звание человека: «Мы больше не люди, мы скоты» [70].

У М. Шолохова мы находим драматическую сцену, иллюстрирующую этот тезис. Активист Андрей Разметнов приходит в сельсовет: «Больше не работаю.— Как не работаешь? Где? — Нагульнов отложил счеты.— Раскулачивать больше не пойду. Ну, чего глаза вылупил? В припадок вдариться хочешь, что ли? — Ты пьяный? — Давыдов с тревогой внимательно всмотрелся в глаза Андрея, исполненные злой решимости.— Что с тобой? Что значит — не будешь? От его спокойного тенорка Андрей взбесился, заикаясь, в волнении закричал: — Я не обучен! Я... Я... с детишками не обучен воевать!.. На фронте — другое дело! Там любому шашкой, чем хочешь... И катитесь вы под разэтакую!.. Не пойду! Голос Андрея, как звук натягиваемой струны, поднимался все выше, выше, и казалось, что вот-вот он оборвется. Но Андрей, с хрипом вздохнув, неожиданно сошел на низкий шепот: — Да разве это дело? Я что? Кат, что ли? Или у меня сердце из самородка? Мне война влилася...— И опять перешел на крик: — У Гаева детей одиннадцать штук! Пришли мы — они как взъюжались, шапку схватывает! На мне ажник волос ворохнулся! Зачали их из куреня выгонять... Ну, тут я глаза зажмурил, ухи заткнул и убег за баз! Бабы — по-мертвому, водой отливали сноху... детей. Да ну вас в господа бога!»

[68] Гроссман В. Ук. соч., с. 75.
[69] Там же, с. 76.
[70] Fainsod M. Op. cit., p. 248.

Но другой сельский активист, Нагульнов, ведет себя иначе: «Гад! — выдохнул звенящим шепотом, стиснув кулаки.— Как служишь революции? Жа-ле-е-ешь? Да я... тысячи станови зараз дедов, детишков, баб... Да скажи мне, что надо их в распыл... Для революции надо... Я их из пулемета... всех порешу!» [71] Но фанатизм нагульновского типа был не единственным мотивом поведения активистов.

Наблюдатель отмечает, что легион кулаков был создан завистливыми соседями, соглядатаями и доносчиками, ищущими легкой добычи, продажными и деспотичными чиновниками [72]. Василий Гроссман тоже пишет об этом: «А погубить легко — напиши на него, и подписи не надо, что на него батрачили, или имел трех коров,— и готов кулак» [73].

Активисты носом чуяли любые «отступления от социалистической законности». Шолохов рассказывает о том, как руководитель местных активистов добился выселения середняка, обвинив его в том, что тот нанимал девочку на месяц во время жатвы, да и то лишь из-за того, что сына его призвали в Красную Армию. В более позднем советском романе («На Иртыше» С. Залыгина) действует персонаж, которого заклеймили кулаком, хотя он отличился при тушении пожара в колхозе, а может быть, именно поэтому. Человека этого явно отличают черты вожака: «Нынче Чаузов Степан шел пожар тушить, а завтра он пойдет колхоз рушить, и некоторые мужики его на этот случай берегут! Таких, как Чаузов, навсегда надо от масс изолировать, избавляться от их влияния» [74].

Учительницу, вдову коммуниста, убитого на гражданской войне, раскулачили (по сообщению журнала для учителей той поры) «главным образом потому, что она не раз выгоняла местных активистов — секретаря сельсовета (кандидата в члены партии), местного культработника (также члена партии) и секретаря местного кооператива из школы, где они собирались устраивать пьянки. Поскольку у учительницы не оказалось средств производства, которые можно было бы конфисковать, они забрали ее одежду, кухонную утварь и разорвали книги». Другая учительница, которую раскулачили как дочь священника, представила документы, что она — дочь крестьянина, после чего ей было объявлено, что мать ее частенько бывала у священника и потому весьма правдоподобно, что она все-таки его дочь [75].

Подобные факты иллюстрируют мысль Василия Гроссмана, что «самые поганые, что на крови свои дела обделывали, кричали про сознательность, а сами личный счет сводили и грабили. И губили ради интереса, ради барахла, пары сапог» [76]. Шолохов также не оставляет сомнений в том, что активисты присваивали еду и одежду. Даже в официальных отчетах указывалось, что у так называемых кулаков отбирали обувь, простыни, теплую одежду и пр., и все это шло на поживу их врагам. В «Правде» клеймили «дележ добычи», награбленной у кулаков в Западной области; с кулаков снимали верхнюю одежду и обувь, оставляя их в одном белье. Деревенская беднота растаскивала все: резиновые сапоги, женское трико, чай, кухонную утварь, корыта. В отчете ГПУ упоминается об отдельных членах рабочих бригад и советского аппарата, которые крали одежду и обувь, иногда даже снимая их с владельцев, съедали все, что могли найти в доме, и выпивали все запасы спиртного. Тащили даже очки, съедали или размазывали по иконам кашу из горшков [77]. У одной кулачки хоть и конфисковали имущество, но не выслали

[71] Шолохов М. Собрание сочинений. Т. 5. М. 1986, с. 58, 59.
[72] New York American, 22.VIII.1935.
[73] Гроссман В. Ук. соч., с. 75.
[74] Залыгин С. Ук. соч., с. 487.
[75] Народное просвещение. 1930, № 6, с. 16, 17.
[76] Гроссман В. Ук. соч., с. 75.
[77] Fainsod M. Op. cit., p. 245.

ее, потому что она была хорошая портниха и ее услугами широко пользовались семьи активистов, чтобы подогнать награбленную у кулаков одежду [78]. Василий Гроссман подводит итоги: «Мутные люди определяли — кому жить, кому смерть. Ну и ясно — тут уж всего было — и взятки, и из-за бабы, и за старую обиду... А теперь я вижу, не в том беда, что случалось,— списки составляли жулики. Честных в активе больше было, чем жулья, а злодейство от тех и других было одинаковое» [79]. На местном уровне происходили и «недоразумения». Так, в украинском селе в то время, как некий середняк помогал захватывать кулацкую собственность в одном конце деревни, в другом шла экспроприация его собственного имущества [80]. В ряде случаев о «классовой победе» сообщалось в подобных выражениях: «За период с 5 часов до 7 часов утра кулаки как класс были ликвидированы» [81]. Некоторые распаленные «классовой ненавистью» активисты бросались раскулачивать крестьян за пределами отведенной им зоны [82]. В документах ОГПУ эти действия осуждаются как неправомочные.

Весной 1930 г. прокуратура, стремясь внести хоть какую-то законность и упорядоченность в практику арестов и судов над кулаками, выпускала инструкцию за инструкцией. Но поскольку эти распоряжения издавались вновь и вновь, они явно не давали никаких результатов. Лишь 8 мая 1933 г. появилось «Письмо Сталина — Молотова», адресованное всем партийным и советским работникам, всем органам ОГПУ, судам и прокуратурам. В нем говорилось, что в ЦК и Совнарком поступили сигналы о том, что беспорядочные массовые аресты в деревне все еще продолжаются. Такие аресты производятся председателями колхозов и членами правления, председателями сельсоветов и секретарями партячеек, районными и краевыми работниками; арестовывает любой, кому этого захочется, и кто, строго говоря, не имеет права арестовывать. Неудивительно, что в этой вакханалии арестов органы, действительно наделенные правами арестовывать, в том числе органы ОГПУ и особенно милиция, теряют всякое чувство умеренности и часто совершают необоснованные аресты, действуя по правилу: «Сперва арестуй, а потом веди расследование» [83].

К тому времени, разумеется, кулачество как класс было давно ликвидировано. Концентрация террора в руках профессионалов из значительно разросшихся к тому времени органов безопасности отнюдь не приносила облегчения будущим жертвам. Тем более, что в любом случае, как объяснил Вышинский, революционная законность не исключала, а включала в себя «революционную инициативу масс» [84].

Органы совместно с активистами, подчас примитивно и не без ошибок, продолжали ликвидацию последнего враждебного класса. Как мы уже говорили, обычно им удавалось довести себя до необходимого накала «классовой ненависти», но вот с массой крестьян дело обстояло куда менее успешно. «Правда», конечно, доказывала, что «всякий честный колхозник, издалека завидев кулака, сворачивает в сторону» [85], но тут, как и прежде, описывалось скорее желаемое, чем действительное положение вещей. В документах, которыми мы располагаем, содержится немало упоминаний о том, как председатели сельсоветов, члены партии и просто крестьяне пытались помочь кулакам. Отчеты ОГПУ не оставляют сомнений, что многие бедняки и середняки были против раскулачивания,

[78] Harvard University Refugee Interview Project, Work Section 1719.
[79] Гроссман В. Ук. соч., с. 75.
[80] Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках, с. 185.
[81] Большевик, 1930, № 5, с. 41.
[82] Fainsod M. Op. cit., p. 245.
[83] Ibid., pp. 180–182, 185–186.
[84] Советская юстиция, 1932, № 9, с. 7.
[85] Правда, 15.I.1930.

не голосовали за него, прятали у себя кулацкую собственность и предупреждали своих друзей-кулаков о готовящихся обысках. «Во многих случаях» они собирали подписи под петициями в защиту кулаков» [86].

Известны десятки таких случаев. В одной деревне бедняк-коммунист был исключен из партии и выслан как пособник кулаков за то, что скорбел по поводу расстрела своего родственника-кулака, сопротивлявшегося выселению, и даже похоронил его [87]. Советский писатель Виктор Астафьев так рассказывает об общем сочувствии кулакам, которых высылали в низовья Енисея: «При выселении собралась на берегу вся деревня, вой стоял над Енисеем, выселенцам несли кто яичко, кто калач, кто сахару кусок, кто платок, кто рукавицы» [88].

Даже в официальных изданиях того периода можно встретить рассказ про крестьянина, который, защищая друга, сказал, что раз того раскулачивают, его самого тоже надо раскулачить, потому что хозяйства у них были одинаковые; крестьянину велели подать свою просьбу в письменном виде, после чего — раскулачили [89]. В марте 1930 г. «Правда», пытаясь оценить такие настроения, делает вывод: «Далеко не все середняки политически подготовлены и способны признать необходимость организации и развития колхозов, а также ликвидации кулака как класса» [90]. VI съезд Советов, состоявшийся в марте 1931 г., должен был «клеймить позором» бедняков и середняков, которые помогают кулакам бороться против колхозов. Было также признано, что страх подвергнуться раскулачиванию иногда превращает середняков в «противников коллективизации, Советской власти и политики партии вообще... и тем самым до некоторой степени нарушают изоляцию кулака» [91].

В документах ОГПУ сообщается, что даже городские рабочие проявляют «отрицательное отношение» к депортации кулаков. Старые связи еще держались. В партийных отчетах говорится о рабочих-коммунистах на фабриках, которые сохраняли участки земли в деревнях, а заработок на промышленных предприятиях позволял им «становиться кулаками». На одной фабрике 80% состава партийной ячейки было связано с сельским хозяйством, и ячейка поэтому «проводила кулацкую политику» [92]. Как и прежде, люди больше уважали крестьянина, добившегося благосостояния за счет своего труда, чем завидовали ему. Один из ведущих специалистов писал по этому поводу: «Зажиточного соседа иногда ненавидели как жадного кулака, эксплуатирующего других, но гораздо чаще он вызывал зависть и уважение как добившийся успеха крестьянин» [93].

Сторонник советского режима М. Хиндус так описывает фильм С. Эйзенштейна о коллективизации «Старое и новое»: «Один из злодеев был кулак. Что за чудовище: толстый, ленивый, прожорливый, подлый — словом, подобное создание еще не ступало по земле. Разумеется, в действительности вам вряд ли доведется встретить такого, даже в России. Кулак мог подчас жестоко обращаться с бедными крестьянами, но он никогда не был тем толстым, ленивым, ненасытным чудовищем, каким его изображает Эйзенштейн. В реальной жизни кулак был одним из самых трудолюбивых, бережливых и прогрессивных хозяев на селе... Он трудился без устали, на удивление всем» [94].

В отчете ОГПУ 1931 г. цитируются слова деревенского счетовода:

[86] Fainsod M. Op. cit., p. 246.
[87] Tokaev G. Stalin Means War. Lnd. 1951, p. 6.
[88] Астафьев В. Последний поклон.– Роман-газета, 1979, № 2–7, с. 29.
[89] Большевик, 1930, № 8, с. 20.
[90] Правда, 5.III.1930.
[91] Davies R. W. Op. cit., p. 257.
[92] Fainsod M. Op. cit., pp. 148, 54–55.
[93] Lewin M. Op. cit., p. 27–28.
[94] Hindus M. The Great Offensive. N. Y. 1933, p. 65.

«Забрали лучших, самых прилежных работников» (а никчемные остались) [95]. По Шолохову тоже выходит, что кулаки были не только самыми прилежными работниками, но и самыми передовыми хозяевами. В его книге главный враг колхоза начал в 1920 г. с «голой хаты», добывал лучшие семена, применял химикаты, следовал советам агрономов. Не раз слышали мы о просоветски настроенных бедняках, которые, получив землю, стали кулаками. Для них даже было изобретено особое название — «красные кулаки». В трех деревнях (Черниговской, Полтавской и Винницкой губерний) нашлось пятеро таких кулаков. Двое из них были некогда пастухами, двое других тоже были совершенно безземельными, а пятый владел участком в полгектара. Все они были выселены в 1930 году. В деревне Рудкивцы на Подолье 12 крестьян, принявших в гражданской войне сторону большевиков, в большинстве бывшие «красные партизаны», стали жертвами режима и погибли: двое покончили самоубийством, семеро скончались в изгнании недалеко от Мурманска [96].

Один из бывших активистов записал в 1932 г. со слов своего приятеля-агронома: «Некоторые из них — герои Красной Армии, те самые парни, которые брали Перекоп и чуть не взяли Варшаву. Они осели на земле и пустили крепкие корни. Разбогатели! Только тот, кто не вкалывал, остался бедняком. Те самые, которые и на черноземе не могли вырастить ничего, кроме сорняков, не могли надоить молока от племенной коровы. Они-то потом вопили про классового врага, жиреющего на их поте и крови» [97].

В романе Шолохова красногвардеец, сын бедного казака, раненный в гражданскую войну и получивший награду, становится кулаком. При нэпе он «начал богатеть, несмотря на наши предупреждения. Работал день и ночь». Этот бывший красногвардеец говорит своим прежним товарищам-коммунистам: «Да и Советская власть не на вас... держится. Я своими руками даю ей, что жевать». Новый, только что приехавший в колхоз председатель, для которого героическое прошлое крестьянина никакого значения не имеет, коротко замечает: «Кулаком стал, врагом сделался — раздавить! Какие тут могут быть разговоры?»

Шолохов описывает несколько случаев изгнания кулаков из домов. Толпа крестьян сочувствует кулаку. Когда из хаты выгоняют старика с полоумным сыном и он опускается на колени, чтобы прочесть молитву, активисты велят ему идти дальше, но возмущенная толпа кричит: дайте ему хоть с родным домом распрощаться, а женщины начинают голосить, после чего старика обвиняют в «подстрекательстве».

Известны сотни свидетельств непосредственных очевидцев, что произошло с несчастными кулаками. Безземельный в прошлом крестьянин, служивший в Красной Армии, имел к 1929 г. 35 акров (приблизительно 14 га) земли, двух лошадей, корову, борова, пять овец, 40 кур — на семью из шести челоаек. В 1928 г. он был обложен «налогом» в 2500 руб. и 7500 бушелей зерна. Крестьянин не сумел выплатить этот налог, и его дом (стоимостью 1800—2000 руб.) был конфискован для уплаты штрафа, а затем «куплен» за 250 руб. местным активистом. Домашняя утварь тоже была «распродана» активистам, а сельскохозяйственный инвентарь перешел к колхозу. Самого крестьянина арестовали. В тюрьме ему предъявили обвинение в принадлежности к кулакам (хотя в прошлом именовали лишь «подкулачником»), в отказе платить налоги, в подстрекательстве против коллективизации и Советского правительства, в принадлежности к тайной контрреволюционной организации, во владении 500 акрами (200 га) земли, пятью парами быков, стадом в 50 голов

[95] Fainsod M. Op. cit., p. 250.
[96] Woropay O. Op. cit., pp. 52, 51.
[97] Kopelev L. The Education of a True Believer. N. Y. 1978, p. 270.

крупного рогатого скота, эксплуатации батраков и т. д. За эти преступления его приговорили к десяти годам принудительного труда [98].

Еще одного кулака (владевшего 8 акрами, то есть 3,2 га земли) отправили 5 февраля 1931 г. вместе с другими расчищать железнодорожное полотно от снега. Вернувшись домой, он обнаружил, что все его имущество, кроме чайника, миски и ложки, было конфисковано. Вскоре после этого его арестовали и отправили на лесозаготовки в район Крайнего Севера. Украинскому кулаку, владельцу 12 акров (примерно 4,8 га) земли, коровы, лошади, 10 овец, одной свиньи и около 20 кур, то есть хозяйства, которое могло прокормить четырех человек было вначале, в 1929 г., предписано продать государству 619 бушелей пшеницы, что совершенно невозможно с указанной посевной площади. Крестьянин продал часть имущества и купил по высокой цене зерно, недостававшее ему до нормы. Тем не менее 26 февраля 1930 г. его арестовали и отправили в Сибирь. У другого кулака конфисковали все имущество, в том числе и детскую одежду, кроме той, которая была на его ребятишках. Ему велели регулярно являться в районное отделение ОГПУ, находившееся за 18 км, и предупредили, что если он скроется, пострадает его семья. Дети стали просить милостыню, но всю еду, которую им подавали, забирали активисты. 14 декабря 1929 г. их выбросили на улицу, а вскоре после этого выслали. Его жена, мать и все шестеро детей умерли в ссылке [99].

Девушка из семьи середняка рассказывала очень типичную историю: они жили в с. Покровское на Украине, у них была лошадь, корова, телка, пять овец, несколько свиней и амбар. Отец ее не захотел идти в колхоз, тогда с него стали требовать зерно, которого у него не было, «ему целую неделю не давали спать, били палками и револьверами, пока он не стал весь черно-синий и опух». Наконец его отпустили. Пришлось зарезать свинью, чтобы оставить немного мяса для семьи, а остальное продать в городе и купить хлеба. Затем в дом явились уполномоченный ОГПУ, председатель сельсовета и другие активисты. Они описали имущество и конфисковали все, включая оставшуюся скотину. Отца, мать, старшего сына, двух малолетних дочерей и младенца заперли на ночь в деревенской церкви, а утром погнали на станцию, погрузили в телячий вагон. Наконец, состав из многих таких вагонов тронулся в путь. Неподалеку от Харькова поезд остановился и добрый охранник отпустил девочек попросить молока для младенца. Неподалеку, в крестьянских хатах, им дали немного еды и молока, но когда они вернулись, поезд уже ушел. Девочки долго скитались по деревням, стали опытными беспризорницами, а потом потеряли друг друга, спасаясь от гнавшегося за ними на городском рынке милиционера. Девушка, рассказавшая эту историю, нашла приют в крестьянской семье [100].

Как показывают эти свидетельства, судьбы кулаков были разными. Те, кого отнесли к первой категории — «упорных классовых врагов», арестовали зимой 1929—1930 года. Сообщается, что в киевской тюрьме в это время расстреливали по 70—120 человек за ночь [101]. Бывший заключенный, арестованный за религиозную деятельность, рассказывал, что в тюрьме ГПУ в Днепропетровске в камеру на 25 человек посадили 140, каждую ночь одного-двух арестантов уводили на расстрел. Кулак, сидевший в полтавской тюрьме в 1930 г., говорил, что в камере на семерых находилось, как правило, 36 арестованных, а в камере на 20 человек содержалось 83. Суточный рацион арестантов состоял из 100—150 г черного непропеченного хлеба. В тюрьме, насчитывавшей примерно 2 тыс. заключенных, каждый день умирали около 30 человек. Доктор всегда ставил диагноз «паралич сердца» [102].

---

[98] The Black Deeds. Vol. 1. p. 146.
[99] Голод 1933 року. с. 27, 23–24.
[100] Kravchenko V. Op. cit., pp. 88–90.
[101] The Black Deeds. Vol. 2, p. 624.

А вот история, иллюстрирующая судьбу кулацких семей. В украинском селе Великие Солонцы 52 мужчин арестовали как кулаков, а их жен и детей погрузили на повозки, отвезли на песчаную косу по берегу р. Ворсклы и бросили там [103]. Бывший коммунист рассказывает, что в селе на Полтавщине, где проживало около 2 тыс. человек, в декабре 1929 г. было раскулачено 64 семьи, а еще 20 семей повыгоняли из домов и бросили на произвол судьбы. В марте жители деревни получили приказ, запрещавший оказывать им помощь. Наконец, этих 300 несчастных, в том числе 36 детей и 20 стариков, погнали в пещеры, находившиеся от деревни на расстоянии около 3 миль (приблизительно 4,5 км) и запретили возвращаться в деревню. Некоторым удалось бежать, остальных 200 отправили на Крайний Север [104].

Депортация кулаков была мероприятием столь большого масштаба, что ее часто рассматривают просто как массовую миграцию, как переселение миллионов. Но каждая частичка этой многомиллионной массы была личность со своей собственной судьбой. Некоторые из приговоренных к высылке не доехали до места назначения. Кулак из с. Хрушка Киевской обл., уходя из дома, снял со стены фотографию своего старого дома, который он покидал. Его арестовали и расстреляли в тот же вечер [105]. Глубоких стариков обычно бросали на произвол судьбы. В одном селе активист рассказал заезжему американцу, что хотя 40 кулацких семей было выселено, «очень старых, лет под девяносто и больше, оставили, потому что они не представляют угрозы для Советской власти» [106].

Вот одна такая сцена в описании Василия Гроссмана. «А из нашей деревни гнали раскулаченных пешком. Только что на себя взяли — постель, одежду. Грязь была такая, что сапоги с ног стаскивала. Нехорошо было на них смотреть. Идут колонной, на избы оглядываются, от своей печки тепло еще на себе несут, что они переживали — ведь в этих домах родились, в этих домах дочек замуж отдавали. Истопили печку, а щи недоваренные остались, молоко недопитое, а из труб еще дым идет, плачут женщины, а кричать боятся. А нам хоть бы что: актив — одно слово. Подгоняем их, как гусей. А сзади тележка — на ней Пелагея слепая, старичок Дмитрий Иванович, который лет десять через ноги из хаты не выходил, и Маруся-дурочка, парализованная, кулацкая дочь, ее в детстве копытом лошадь по виску ударила — и с тех пор она обомлела» [107].

Кулак из Сумской обл. вспоминает, что когда его привели на погрузку в поезд, увозивший высылаемых кулаков, он не увидел ни конца, ни начала очереди: всюду, насколько хватало глаз, толпились люди, и все время подходили новые группы из разных деревень. Всех их затолкали в вагоны и через восемь суток доставили в «особые поселения» на Урале. 26 мая 1931 г. состав из 61 вагона, где находилось около 3500 членов кулацких семей, вышел с небольшой станции Янцево в Запорожской губ. и 3 июня прибыл в Сибирь. Другой поезд отправился 18 марта 1931 г. со станции Росты; он состоял из 48 вагонов, в которых находилось более 2 тыс. депортируемых [108].

Обычно в вагоне находилось от 40 до 60 человек. Вагоны запирали снаружи, в них было душно и почти не проникал свет. На десятерых

---

[102] Голод 1933 року, с. 7.
[103] The Black Deeds. Vol. 1, p. 198.
[104] Ibid., p. 191.
[105] Ibid., p. 467.
[106] Experiences in Russia, 1931. Pittsburgh. 1932, p. 176.
[107] Гроссман В. Ук. соч., с. 76.
[108] The Black Deeds. Vol. 1, pp. 179, 144, 166.

выдавали обычно буханку хлеба (примерно 300 г на человека) и полведра чая или жидкой похлебки в сутки (хотя и не каждый день). В некоторые дни вместо чая или супа приносили только воду [109]. До 15 и даже 20% пассажиров умирало по дороге, особенно часто — маленькие дети [110]. В 40-х годах то же явление имело место при массовой депортации национальных меньшинств. Надо учесть, что привозимые таким образом люди нередко были больны, часть женщин — беременны. Одна казачка родила в поезде. Ребенок, как многие младенцы, умер; двое солдат выбросили трупик из вагона прямо на ходу [111].

Иногда выселяемых привозили к месту назначения, а в других случаях их держали в небольших городах как на пересыльных пунктах, пока не приходил следующий транспорт,— особенно часто в Вологде и Архангельске. Все архангельские церкви закрыли и превратили в пересыльные тюрьмы, установив там многоярусные нары. Крестьяне подолгу не мылись, и кожа их покрывалась язвами. Они скитались по городу, прося подаяние, но местным жителям было строжайше запрещено помогать им. Не разрешалось даже подбирать мертвых. Архангельцы, конечно, сами дрожали от страха, боясь ареста [112]. В Вологде 47 церквей также были превращены в тюрьмы для ссыльных крестьян [113].

Советский писатель В. Тендряков рассказывает, как однажды из северного «города Вохрова поползли ссыльные куркули, это уж не соседские мужики, хоть травкой, но кормленные. Ползли и ковыляли босые, раздетые под пронизывающим ветром и ледяным дождем предзимних дней по лужам, затянутым хрустящей пленкой. Многие так и не одолевали 15 км, не добирались до сказочного села, их находили на бровках полей, в придорожных канавах. Но те, кто доползли, наводили ужас на пожарцев: оплывшие, дышавшие с хрипотой и клекотом, сквозь ужас завшивевших лохмотьев — расчесанные, мягкие от водянки телеса. Мужики при виде их смирнели, виновато отворачивались, бабы вытирали глаза, стыдливо совали куски хлеба, в избы не приглашали — куда таких, одного возьми из жалости, от других отбоя не будет» [114].

Через подобные пересыльные пункты или как-то иначе, но в конце концов ссыльные достигали места назначения — в тайге или в тундре. Тем из них, кого везли на самый север Сибири, грозила еще одна опасность — великие реки, текущие к Северному Ледовитому океану. Виктор Астафьев в повести «Царь-рыба» описывает, как везли кулаков на плотах по Угрюм-реке и как многие из них потонули в стремнинах. Если в сибирской тайге по дороге попадалась деревня, кулаков кое-как распихивали по домам, если нет, то «прямо на снег сгружали. Слабые померзали. А трудоспособные стали лес валить... и строили шалаши, балаганы, без сна почти работали, чтобы семьи не померзли» [115].

За Надеждинском (в Сибири) колонна кулаков за четверо суток прошла пешком 70 км до своего нового местожительства. Подойдя, они увидели стоящего на пне офицера ГПУ, который кричал: «Вот тут и будет ваша Украина». И, указав рукой на окружающую тайгу, добавил: «Всякий, кто попытается убежать отсюда, будет сразу же расстрелян» [116]. В другом пункте назначения, под Красноярском, тоже не было крова над головой, но уже патянули колючую проволоку и поставили охранников.

[109] Ibid., p. 144; Solzhenitsyn A. The Gulag Archipelago. Vol. 3. N. Y. 1978, p. 360.
[110] Pigido-Pravoberezhny F. The Stalin Famine. Lnd. 1953, p. 24.
[111] Solzhenitsyn A. Op. cit., p. 360.
[112] Ibid., p. 361.
[113] The Black Deeds. Vol. 1, p. 182.
[114] Тендряков В. Смерть.— Москва. 1968. № 3.
[115] Астафьев В. Царь-рыба. М. 1980, с. 266.
[116] The Black Deeds. Vol. 1, p. 174.

Из 4 тыс. сосланных туда кулаков за два месяца погибли около половины [117].

В лагере на Енисее кулаков поселили в землянках [118]. Немецкий коммунист рассказывает, как на бескрайних просторах от Петропавловска до оз. Балхаш «расселяли» кулаков: «В землю были воткнуты колышки с табличками: «Поселение № 5, № 6 и т. д., а вокруг них — ничего. К этим колышкам пригоняли крестьян и говорили, что теперь они сами должны о себе позаботиться. Крестьяне начинали рыть землянки. Множество их погибло в первые годы от голода и холода» [119]. Советский исследователь также пишет о том, что почти весь трудоспособный состав новоприбывших семей был занят в первые месяцы на строительстве жилья [120].

Сибирский лагерь № 205, находившийся в тайге возле Копейска, к северу от городка Северное, в первое время состоял из хибар, построенных самими заключенными. Около половины мужчин послали валить лес, остальных — в шахты; незамужние и бездетные женщины также работали в шахтах. В ноябре стариков, больных и подростков, не достигших 14 лет, отправили на строительство зимних квартир — лачуг из дерева и земли. Суточный рацион работников состоял из примерно 0,5 л жидкой похлебки и 155 г хлеба. Почти все дети в лагере погибли [121].

На официальном языке все эти крестьянские лагеря именовались «особыми поселениями». Они не считались формой заключения, но находились под прямым контролем ОГПУ и не входили в систему обычного административного устройства. 16 августа 1930 г. правительство издало постановление о кооперировании хозяйств бывших кулаков в районах их поселения [122], но практических последствий это не имело. Ответственный работник советского аппарата сообщает, что раскулаченные даже теоретически не имели права избирать собственных руководителей, а во главе их кооперативов стояли «уполномоченные советских органов, этими органами назначенные» [123], то есть сотрудники ОГПУ. Жители «особых поселений» не имели почти никаких прав, оставаясь изгоями в идеологическом и гражданском отношениях. В случае брака с «особым поселенцем» человек со стороны также причислялся к этому новому классу крепостных. Со слов одного иностранного коммуниста известно, что когда группы новоприбывших строили свои глинобитные лачуги, «партийные боссы часто въезжали в поселение верхом... Они не просто оскорбляли и унижали нас, у них порой была при себе плеть, которой они угощали всякого, кто попадался им на дороге, даже играющих ребятишек норовили стегануть» [124].

В первый период ссыльные зависели от ОГПУ в отношении питания. В северных особых поселениях паек выполнившему норму выработки составлял 600 г хлеба в день; не выполнивший норму получал 400 г, а штрафной паек был 200 граммов. Это было значительно ниже, чем рацион в лагерях принудительного режима даже в худшие периоды их существования [125].

Специальные поселения находились, разумеется, в совершенно необжитых, по существу в безлюдных районах. Значительная часть их располагалась на севере и северо-востоке страны, в частности вокруг Архангельска, Вологды, Котласа. На Крайнем Севере, между Грязовцем и Архангельском, то есть на протяжении 640 км было множество лагерей.

[117] Голод 1933 року, с. 73.
[118] The Black Deeds. Vol. 1, p. 166.
[119] Leonhard W. Child of the Revolution. Chicago. 1958, p. 136.
[120] Сидоров В. А. Мероприятия Советской власти по трудовому перевоспитанию бывших кулаков.— Вопросы истории, 1964, № 11, с. 59.
[121] The Black Deeds. Vol. 1, p. 145.
[122] Сидоров В. А. Ук. соч., с. 61.
[123] Трапезников С. П. Ук. соч. Т. 2, с. 455.
[124] Leonhard W. Op. cit., p. 142.
[125] Голод 1933 року, с. 10.

Сначала они находились на расстоянии 50 км от железной дороги, потом их передвинули еще глубже в лес. Согласно расчетам одного из исследователей, в этом районе было сконцентрировано до 2 млн. кулаков (наибольшая по численности группа), главным образом с Украины. Около половины этого числа составляли дети, впрочем, по мере того, как младшие из них вымирали, это соотношение менялось [126]. По официальным данным, уже в феврале 1930 г. в северных районах находилось 70 тыс. кулацких семей [127], то есть приблизительно 400 тыс. человек, позднее число их намного увеличилось.

«Городское» население Карелии и Мурманска, согласно официальным данным, возросло с 1926 по 1939 г. на 325 тыс. человек, население Северо-Востока СССР — на 478 тыс. человек, Вятки (Кирова) — на 536 тысяч. Увеличение это было достигнуто главным образом за счет кулацких особых поселений и трудовых лагерей. (Можно легко доказать, что такого рода труд, если он не имел сугубо сельскохозяйственного характера, относится статистикой к городскому индустриальному.) Если же на основании данных, приведенных ниже, мы будем считать численность ссыльных, занятых в «промышленности» и сельском хозяйстве, примерно равной друг другу, это будет означать, что лишь в перечисленных выше районах находилось около 2,5 млн. ссыльных.

За 1930—1931 гг. в районе Красноярска поселилось 24,2 тыс. кулацких семей [128]. Крупные партии кулаков направили в Нарым, находящийся на крайнем севере Сибири. Бо́льшую часть года земля здесь промерзает насквозь, а летом превращается в болото. Солженицын так рассказывает о прибытии туда кулаков: «Через село Коченово (Новосибирской области) в феврале 1931-го, когда морозы перемежались буранами,— шли, и шли, и шли окруженные конвоем бесконечные эти обозы, из снежной степи появляясь и в снежную степь уходя... Все тянулись они в нарымские болота — и в ненасытимых этих болотах остались все. Но еще раньше, в жестоком пути, околевали дети» [129].

Крупный советский аппаратчик в своей книге пишет, что к началу 1932 г 196 тыс. «репрессированных кулаков из центральных районов страны» были сосланы в Нарым (население которого составляло тогда лишь 119 тыс. человек) [130]. Из другого официального источника известно, что в Нарым переселили 47 тыс. кулацких семей [131]. Если даже считать, что в средней крестьянской семье было только пять душ, мы все-таки получим общую их численность в 235 тыс. человек, из которых минимум 40 тыс. (то есть 17%), видимо, погибли, еще не доехав до Заполярья, вероятно, прежде всего дети.

Где бы ни оказывались кулаки, от них повсюду ожидали работы. Не способным к тяжелому физическому труду давали иногда ссуду и обеспечивали питанием до первого урожая; работали они под надзором охранников. Но рано или поздно на прокорм у них оставалось только то, что они могли выжать из бедной северной земли. 3 февраля 1932 г. президиум Сибирского крайисполкома вынес постановление добиться к 1934 г. обеспечения переселенцев хлебом, фуражом и овощами за счет собственного урожая. Для достижения этой цели переселенцы должны были освоить 90 тыс. га лесной площади [132], то есть 900 кв. километров.

Один из исследователей сообщает, что кулаки составляли основную рабочую силу «вновь созданных» совхозов [133] и что многие из них остались на земледельческих работах. Остальные составили ресурсы рабочей силы

[126] The Black Deeds. Vol. 1, p. 172.
[127] Сидоров В. А. Ук. соч., с. 58.
[128] История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР, с. 277.
[129] Solzhenitsyn A. Op. cit., p. 399.
[130] Трапезников С. П. Ук. соч. Т. 2, с. 432.
[131] Ивницкий Н. А. Ук. соч., с. 304.
[132] Сидоров В. А. Ук. соч., с. 61.
[133] Ивницкий Н. А. Ук. соч., с. 310.

для других отраслей. Около 60% из более чем миллионной партии депортированных крестьян работали в начале 1935 г. на «промышленных» предприятиях [134]. Весной 1931 г. было принято решение передать 10 тыс. кулацких семей в распоряжение предприятий цветной металлургии, а 8 тыс. отправили на разработку Печорского угольного бассейна [135]. На новом промышленном комбинате Магнитогорска было занято около 50 тыс. рабочих. Примерно 18 тыс. из них были раскулаченные крестьяне (кроме них, на комбинате трудились 20—25 тыс. лагерников, работавших под землей, которые, судя по отчетам, были преступники — воры, проститутки и казнокрады) [136]. Один инженер вспоминает о прибытии в 1931 г. нескольких составов с кулаками. Их распределили на работу в шахты; позднее он сталкивался с группами раскулаченных на золотых приисках, медных и цинковых рудниках в других районах страны [137]. В Бачкаре, на р. Томь, около 5 тыс. кулаков работали на строительстве порта, получая примерно 210 г хлеба в день, прочую еду им предоставляли добывать где угодно [138].

Кулаки, распределенные на сельскохозяйственные работы, подчас добивались успеха благодаря сноровке к тяжелому труду. Так, советский писатель Б. Можаев рассказывает о том, как в 1928 г., на ранней стадии раскулачивания, всех кулаков выселили и отправили на лесоповал. Они работали что есть мочи и так преуспели, что их пришлось вторично раскулачивать и высылать [139]. Без лошадей и плугов, вооруженные лишь несколькими топорами да лопатами, самые упорные из высланных крестьян сумели выжить и создать зажиточные поселения, из которых их снова выселили, как только власти обнаружили рост их благосостояния. Рассказывают, что группа староверов сумела построить процветающее поселение, которое до 1950 г. не имело никаких контактов с окружающим миром. Когда поселение, наконец, обнаружили, жителей его тут же обвинили в саботаже [140].

Вообще же следить за ссыльными было нелегко. По официальным данным, до 1/4 высланных в Сибирь кулаков, в особенности молодежь, к середине 30-х годов сбежали [141]. Их аттестуют как самых непримиримых врагов Советской власти. О беглецах ходит много легенд. Рассказывают, например, о двух украинских парнях, которые, завладев принадлежавшим начальнику станции обрезом и взяв с собой сковородку и немного еды, ушли в тайгу; с тех пор они якобы жили там, питаясь олениной и дичью [142].

Но хотя многие сумели бежать, а другим удалось колоссальным напряжением сил выжить, следует подчеркнуть, что множество выселенных крестьян погибли. В Емецке был огромный лагерь, куда разместили в основном семьи, лишенные кормильцев. Большинство составляли дети. 32 тыс. человек жили в 97 бараках. В лагере свирепствовали эпидемии кори и скарлатины и не было никакой медицинской помощи. Дневной рацион состоял из 430 г черного хлеба, примерно 110 г проса и приблизительно 110 г рыбы. Детская смертность была ужасающей. Проезжая через эти места в 1935 г., один из прежних заключенных увидел, что кладбище, где некогда стояли бесчисленные кресты, сровняли с землей — видимо, по приказу сверху.

Из 50 арестованных в одной деревне членов семей кулаков в 1942 г. вернулись с подложными документами пятеро. Они рассказали, что их

[134] Трифонов И. Я. Ук. соч., с. 369, 381–382.
[135] Ивницкий Н. А. Ук. соч., с. 311.
[136] Scott J. Behind the Urals. Bloomington. 1973, p. 85.
[137] Littlepage J. In Search of Soviet Gold. N. Y. 1937, p. 80.
[138] The Black Deeds. Vol. 1, p. 167.
[139] Можаев Б. Старые истории. М. 1978, с. 152.
[140] Solzhenitsyn A. Op. cit., p. 366.
[141] Гущин Н. Я. Ук. соч., с. 222.
[142] The Black Deeds. Vol. 1, p. 177.

выслали в Сибирь, за несколько сотен километров к югу от Свердловска, и что все, кроме них, погибли от голода и непосильной работы. Одного украинского крестьянина вместе с женой, девятью детьми и престарелыми родителями отправили на Соловецкие острова. Сыну крестьянина — девятилетнему мальчику — удалось бежать, несмотря на то, что при побеге его ранили в ногу. Остальные погибли [143].

В Томском лагере-изоляторе, где содержалось 13 тыс. кулаков, суточный рацион состоял из 280 г хлеба и миски баланды. Ежедневно умирали 18—20 человек. Из 4800 кулаков, прибывших в октябре 1931 г. в сибирский лесной лагерь, к апрелю 1932 г. скончались 2500. Весной 1932 г. в специальное поселение украинцев Медвежье (на Урале) перестали завозить пищу, голод собрал здесь, как и на самой Украине, обильную жатву [144]. Солженицын рассказывает, как 60—70 тыс. человек завезли в верховья сибирской реки Васюган и высадили на клочках твердой земли, со всех сторон окруженных топью, без всякой пищи и орудий труда. Некоторое время спустя сюда направили транспорт с провизией, но он не пробился через сковавший реку лед, и все завезенные на Васюган крестьяне погибли. Дело это, видимо, подверглось судебному разбирательству; и один из виновных был расстрелян [145].

Приведенные в заслуживающих доверия источниках подсчеты показывают, что погибли от 1/4 до 1/3 депортированных [146]. Большинство из них, как мы уже указывали, составляли дети. Переселенный в Емецкий лагерь кулак рассказывает: «18 апреля умерла моя дочка. Трехлетняя «преступница» заплатила за «преступления» своих родителей и дедов» [147]. В романе Ильи Эренбурга «День второй», опубликованном в 1934 г., дается предельно откровенное обоснование всего содеянного с кулаками: «Ни один из них не был виновен ни в чем, но они принадлежали к классу, который был виновен во всем».

С тех пор, как я написал это, депортация кулаков исследовалась и рядом советских специалистов. Их заключения относительно размеров бесчеловечности и экономических бедствий того периода во многом совпадают с моими, а в ряде случаев они приходят к еще более тяжким выводам. Приведенные выше подсчеты, основывающиеся как на эмигрантских, так и советских источниках, призваны способствовать более широкому взгляду на процесс коллективизации.

---

[143] Ibid., pp. 173, 250, 467.
[144] Ibid., pp. 166, 175, 179.
[145] Solzhenitsyn A. Op. cit., p. 303.
[146] Hubbard L. The Economics of Soviet Agriculture. Lnd. 1939, p. 177; Swianiewicz S. Op. cit., p. 123.
[147] The Black Deeds. Vol. 1, p. 173.

(Продолжение следует)

ИСТОРИОГРАФИЯ

Законодательные памятники Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. **Тексты. Л. 1986;** ***Законодательные памятники Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века.*** **Комментарии. Л. 1987;** ***Соборное уложение 1649 года.*** **Текст. Комментарии. Л. 1987.**

После ставшего классикой нашей археографии издания Судебников XV—XVI вв. [1], академическая публикация законодательных памятников отечественной истории надолго прекратилась.

Выход рецензируемых книг, подготовленных Ленинградским отделением Института истории СССР АН СССР, возрождает почти угасшую традицию и дает в руки исследователям обширный и научно выверенный материал для изучения отечественной истории второй половины XVI — середины XVII века.

Если законодательство, предшествующее Судебнику 1550 г., хорошо известно, то важнейшие правительственные указы и распоряжения последующего периода в столь полном виде собраны впервые. Многие из них публиковались раньше лишь в малодоступных изданиях, а 28 не публиковались вовсе.

Казалось бы, положение с публикацией Уложения 1649 г. значительно лучше: мы знаем множество полных изданий, в том числе подготовленное М. Н. Тихомировым и П. П. Епифановым [2]. Однако ни одно из них не было академическим. Л. И. Ивина же провела чрезвычайно кропотливую работу по сличению текстов подлинного свитка и двух первых изданий 1649 года. Справедливо в качестве основы для публикации было избрано второе, представляющее собой окончательный вариант. Вместе с тем тщательно сверены все варианты по первому изданию, рукописному подлиннику и «Описи поправкам». До 1961 г. исследователи обращались главным образом к подновленному тексту «Полного собрания законов», а после выхода пособия М. Н. Тихомирова и П. П. Епифанова — к этой книге, в которой, как показала Л. И. Ивина, текст был воспроизведен по изданию так называемой переходной группы, где часть листов сохраняет все опечатки первого издания, а часть содержит исправления, сделанные во втором. Без критической проверки и пособии М. Н. Тихомирова и П. П. Епифанова воспроизводились рукоприкладства на обороте рукописного свитка Уложения и пометы на его полях, опубликованные И. Е. Забелиным в 1850 году. В рецензируемом издании внесены поправки и исправления в эту важную часть памятника.

Если принципы издания Уложения давно отработаны на многих публикациях, то «Законодательные акты» практически не имеют аналогов: издается не цельный памятник, а созданный составителями комплекс документов. Составители поставили целью собрать «с наивозможной полнотой» законодательные акты Русского государства от Судебника 1550 г. до Уложения 1649 г.» (с. 11). Однако при этом оговаривается, что в состав сборника не включены решения высших церковных властей, если они не имеют общегражданского характера, губные, земские, уставные и таможенные грамоты, которые «ввиду своей специфики и территориально-ограниченной сферы применения каждой грамоты не являются общенормативными законодательными актами», а также указы «по частным судебно-административным делам или указы, имеющие только местное значение» (с. 6).

Сам по себе этот принцип, вероятно,

---

[1] Судебники XV—XVI вв. М.— Л. 1952.
[2] Соборное уложение 1649 года. Учебное пособие для высшей школы. М. 1961.

верен, однако, выраженный в столь общей форме, недостаточен для понимания, почему исключены или включены те или иные конкретные акты. Ведь часто общее распоряжение становится нам известным лишь из грамоты, адресованной местным властям. Таков, например, указ царя Бориса Годунова от 3 ноября 1601 г. об установлении твердой цены на хлеб, адресованный в Сольвычегодск (№ 49). В нем говорится лишь о положении «у Соли Вычегоцкие», а среди тех, кто «затаили» хлеб, чтобы поднять на него цену, названы Строгановы. Тем не менее этот указ отражает, видимо, общее направление правительственной политики, а потому он правомерно включен в издание. Но разве не имеет столь же общего значения грамота царя Федора Ивановича губным старостам Переславля Рязанского от 16 июня 1591 г., в которой четко определен порядок содержания заключенных в тюрьмах [3]? Тем не менее этот акт, как и некоторые аналогичные, в сборник не включен.

Совсем непонятен пропуск указа от 23 февраля 1648 г., запрещающего принимать к рассмотрению иски, не подкрепленные документами [4]. Есть еще один странный пропуск. Ю. Г. Алексеев в комментарии к указу 1624 г. о вернувшихся из-за рубежа посадских людях и крестьянах (№ 135) приводит отрывки из других указов по тому же вопросу, ссылки на которые (и выдержки из них) обнаружил И. Л. Андреев (1624, 1626, 1634 гг.). Почему же эти указы не вошли в основной текст публикации? Ведь статья И. Л. Андреева, на которую ссылается комментатор, вышла в свет на шесть лет раньше рецензируемого издания.

Составители справедливо включают не только сохранившиеся в подлинниках или в списках полные тексты указов, но и их изложение в летописях и разрядных книгах (№№ 2, 11). В связи с этим вызывает недоумение отсутствие в книге летописного изложения указа об опричнине [5]. Вероятно, составители исходили из временного характера этого указа. Однако, во-первых, в сборнике публикуются и указы, срок действии которых заведомо ограничен: например, о разрешении крестьянского выхода на один год (№№ 50, 51). Во-вторых, временность меры не предусматривалась законодателем, а выявилась лишь в дальнейшем.

Нельзя считать обоснованным и пропуск Приговора Первого ополчения 30 июня 1611 года. Как отмечает в комментариях к гл. XVI Уложения Г. В. Абрамович, этот Приговор, «не будучи царским указом, не мог, естественно, быть записанным в Указную книгу Поместного приказа, но явился основой для целого ряда указов Михаила Романова и через них послужил источником многих статей гл. VII, XVI, XVII Уложения 1649 г.» (с. 252).

Одновременно в издании можно встретить некоторые акты, включение которых в него представляется спорным, ибо они содержат распоряжения, носящие сугубо локальный характер: о запрете кулачных боев в Москве, сборищ за Старым Ваганьковым, о порядке продажи московских дворов, о расселении в Москве иноземцев и т. д. (№№ 155, 183, 227, 231, 281, 296). Таков же указ от 7 марта 1636 г., запрещающий перемышльским помещикам из числа белозерцев обменивать свои земли с небелозерцами (№ 230).

Составители поступили верно, расположив публикуемые акты в хронологической последовательности, то есть по тому же принципу, по которому размещены документы в широко известных серийных публикациях актов феодального землевладения, принципу, оправдавшему себя в полной мере. Но вместе с тем пользующемуся изданием не безразлична и кодикологическая сторона: как и из каких документов формировались те или иные средневековые комплексы указов, приговоров и т. п. На первый взгляд, для этого сделано немало: при каждом из актов указаны все привлеченные к изданию рукописи, в которых мы можем найти публикуемый источник, а описание самих рукописей содержит указания на номера актов, опубликованных в сборнике. И все же к этой части издания остаются некоторые претензии.

Если рукописям, содержащим тексты Судебника 1550 г. с дополнительными указами и указанных книг приказов (их всего 36), дано подробное научное описание с краткой росписью содержания и датировкой, то почти столько же рукописей, из которых извлечены отдельные указы, названы только по шифрам. Читателю остаются неизвестны даже название рукописи и время ее создания. А ведь от этих существенных подробностей во многом зависит и доверие к публикуемому тексту. В подробных же описаниях не указывается, к сожалению, в какой последовательности помещены там публикуемые документы. В ряде списков Судебника дополнительные указы помещены под номерами, продолжающими нумерацию основной части памятника. Однако никаких сведений об этом в описаниях мы не находим. Поэтому использовать имеющиеся описания порой затруднительно. Особое удивление вызывает отказ от использования Сводного Судебника (с. 9). Даже если он имеет неофициальный характер (вопрос этот еще достаточно не изучен), было бы полезно привести разночтения к текстам этого памятника. Неофициальный характер свойствен и многим другим сборникам, по которым суммированы разночтения, а то публикуется и основной текст. При публикации Приговора о монастырском и вотчинном землевладении 1551 г. напрасно не указано, что он был включен в Стоглав в качестве гл. 111, и соответственно не приведены разночтения по этому памятнику.

Эти претензии к археографическому уровню публикации могут показаться придирками. В самом деле, выполненный составителями объем работы столь велик, а созданная ими публикация столь важна для науки, что те или иные пропуски или тем более «лишние» документы, погрешности в описании рукописей и т. п. не меняют общей высокой оценки издания. И все же. Слишком уж долго вопросы не методологии, а методики исторического исследования, культуры профессионального труда были у нас в загоне. Не единообразие приемов и методов археографии (вряд ли достижимое), но внимание к неким основным требованиям должно стать общим правилом.

Важную часть обоих изданий составляют комментарии. Они – результат кропотливой исследовательской работы большого коллектива авторов. Комментарии стали не только сводкой имеющихся ученых мнений (что уже необходимо), но и яркими и оригинальными исследованиями. Однако в обоих изданиях четко выявляются два разных принципа комментирования. Комментаторы «Законодательных актов» справедливо считают своей целью не столько юридический, сколько исторический анализ. «Авторы учитывают,– пишут они,– и особенность феодального законодательства: оно часто оказывалось нереализованным или реализованным в формах, неадекватных самим нормам. Этим объясняется стремление в необходимых случаях проследить за тем, как они применялись на практике» (с. 5). Эту последнюю задачу даже не ставят перед собой комментаторы Уложения: их цель – изучение условий появления тех или иных норм, а также критическая оценка «норм права по существу, их отношение к прошлому законодательству и к другим нормам в составе кодекса» (с. 8). А между тем руководитель авторского коллектива А. Г. Маньков специально исследовал применение и развитие норм Уложения по крестьянскому вопросу во второй половине XVII века [6]. Впрочем, обращение к жизненной практике встречается в ряде комментариев к гл. XI, XVI, XX Уложения и некоторым другим, но не более.

Комментарии к «Законодательным актам» привлекают не только попытками там, где это возможно, проследить на практике осуществление законодательных норм, но и стремлением максимально учесть разные мнения в науке. В большинстве случаев это удалось, но иногда отдельные точки зрения излагаются недостаточно точно, а некоторые даже игнорируются. Возьмем в качестве примера документ № 53. Он озаглавлен в издании: «1604 г. июня 12.– Соборный приговор о сборе служилых людей для борьбы с Лжедмитрием и о введении правил посылки ратных людей в походы». В комментарии А. И. Копанев анализирует этот «приговор» как реально существовавший, отмечая лишь, что по мнению И. И. Смирнова, «текст приговора сохранился не полностью». Однако И. И. Смирнов в цитируемой А. И. Копаневым книге, а также в своей статье солидаризируется с мнением С. Ф. Платонова, считавшего, что это текст «в высшей степени сомнительный по слогу и неверной дате» [7].

---

[3] Памятники русского права (ПРП). Вып. 5. М. 1959, с. 238–239.

[4] Там же, с. 227–228.

[5] Полное собрание русских летописей. Т. 29. М. 1965, с. 344–345.

[6] Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.– Л. 1962.

[7] Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606–1607 гг. М. 1951, с. 118; его же. Новый список Уложения 9 марта 1607 г. В кн.: Исторический архив. Т. 4. М.– Л. 1949, с. 74; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Мос-

6*

В самом деле, согласно приговору к 12 июня 1604 г. Лжедмитрий не только уже «пришел в наши Украиные городы с войски великими», но и часть правительственных войск даже успела перейти на его сторону. Однако до перехода Лжедмитрием русской границы (13 октября) оставалось еще целых 4 месяца! Вряд ли просто спутана дата: ведь 13 октября приходилось уже на следующий, 7113 год, а в июне 1605 г. издавать указы мог только царь Дмитрий Иванович. Если добавить явные языковые анахронизмы («харч», «судейство», «управление») и тот факт, что единственный список указа выполнен рукою В. Н. Татищева, то станут ясными причины сомнений в подлинности акта, высказаяные С. Ф. Платоновым и И. И. Смирновым. Понимаю, что у А. И. Копанева могли найтись аргументы в пользу подлинности текста, но их стоило привести, а противоположное мнение отразить яснее.

Не совсем точно изложен ход движения научной мысли по вопросу о приговоре о вотчинном землевладении 1551 г. (№ 5). Так, С. В. Рождественский отрицал не «политические цели законодательства XVI в.», а лишь борьбу его против княжеского землевладения. А. И. Копанев не обратил внимания на слова Рождественского, что «запрещение иногородцам и монастырям приобретать земли в известных областях было прежде всего привилегией местных правительств, установляло и действовало в их интересах» [6]. «Оценка В. Б. Кобриным приговора 1551 г. обусловливается его общим взглядом на политику Избранной рады»,– пишет далее А. И. Копанев. Дело обстоит как раз наоборот: рассмотрение приговора 1551 г., наряду с другими источниками, убедило меня в необходимости пересмотреть традиционную оценку политики Избранной рады.

Комментарий к указу Бориса Годунова от 28 ноября 1601 г. о временном разрешении крестьянского выхода в Юрьев день (№ 50) обходит один существенный момент: демагогическую преамбулу, в которой утверждается, что царь Борис и царевич Федор «пожаловали... от налог и продаж велели крестьяном давати выход». Комментаторы (Р. Б. Мюллер и Ю. Г. Алексеев) не высказали своего отношения к взглядам Р. Г. Скрынникова, по мнению которого, под «налогами и продажами» законодатель подразумевал поборы с крестьян в пользу помещика и распродажу имущества за долги [9]. Однако (и это нуждалось в комментарии) термин «налога» или (реже) «налог» (в данном случае, конечно, налога – иначе было бы не «от налог», а «от налогов») означал вовсе не подать, то есть налог в современном смысле, а утеснение, обременение, обиду [10]. Тем более «продажа» означала не распродажу имущества за долги, а опять-таки притеснение и наказание (см., например, в рецензируемом сборнике: «в... опале и продаже» – № 16; «чинят насильства, и убытки, и продажи великие» – № 98 и т. д.).

К сожалению, большинства недостатков составителям было трудно избежать. Ведь дело не в тех или иных недоработках или небрежностях, а в общих бедах нашей науки. Это, прежде всего, невероятно долгий путь от замысла издания до его завершения из-за хронических сокращений издательских планов в первую очередь за счет изданий источников, особенно феодального периода; из-за сложной бюрократической системы формирования планов научных учреждений. Перед нами книги, у истоков которых стояли еще Б. Д. Греков, А. И. Андреев и Б. А. Романов, скончавшиеся более 30 лет тому назад. У разных, даже близких по своим воззрениям ученых не может быть идентичных взглядов на методику публикаторской работы. Сколько же поколений работало над «Законодательными актами»! Можно только удивляться, что разнобоя оказалось не так уж много. И в этом заслуга коллектива, который завершал издание. Редкость изданий источников приводит к исчезновению навыков, размыванию критериев качества публикаций. Из-за перерыва в традициях многое приходится придумывать заново.

Публикация русского законодательства за целый век – с 1550 по 1649 г. создает надежную базу для новых исследований истории этого периода. Как в свое время издание актов феодального землевладения XV–XVI вв. стимулировало исследования в области социально-экономических отношений в Русском государстве, так и рецензируемые книги, надеюсь, приведут к подъему в изучении политической истории России второй половины XVI – середины XVII века. А это особенно важно. В самом деле, если политическая история второй половины XVI и начала XVII в. изучается сравнительно активно (однако и в этом случае собранные воедино законодательные памятники неминуемо должны придать новое качество работе), то с политической историей России первой половины – середины XVII в. (после изгнания интервентов из Москвы) дело обстоит плачевно.

Монографии и статьи о периоде между 1613 и 1682 гг. посвящены главным образом двум основным сюжетам: классовой борьбе (в особенности городским восстаниям и движению Степана Разина) и проблемам экономического развития страны. Порой создается впечатление, что уже пересчитаны все куры в крестьянских дворах XVII в. и выявлено любое, даже мельчайшее крестьянское выступление. А политическая история тем временем исчезает. Мы редко получаем ответы на вопросы, насколько сложной была расстановка социальных сил в стране, как шла борьба за власть в Боярской думе, при царском дворе. Думается, выход в свет рецензируемых книг вызовет интерес исследователей не только к социально-экономической, но и к политической истории, и мы сможем вскоре прочитать о людях и событиях XVII в. столь же яркие работы, как и об опричнине, Смутном времени или эпохе Петра I.

В. Б. Кобрин

ковском государстве XVI–XVII вв. М. 1937, с. 454, прим. 115.

[6] Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб. 1897, с. 121–122.

[9] Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л. 1985, с. 49.

[10] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М. 1983, с. 137–138; см. также в рецензируемом сборнике: «А досталным сотенным людем в том налоги б не стало» (№ 214); «людем их и крестьяном чинитца налога и обида великая» (№ 245); «тем своим откупом чинят налоги, и продажи, и насилства великие» (№ 247).

О. М. РАПОВ. *Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства.* М. Высшая школа. 1988. 416 с.

Среди работ, вышедших в год 1000-летия принятия христианства на Руси, обращает на себя внимание монография О. М. Рапова. Он анализирует широкий круг русских и иностранных (византийских, арабских, западноевропейских, скандинавских) источников, разнообразные археологические материалы. Для уточнения хронологии им привлечены данные климатологии, дендрологии и астрономии. Обширные историографические и источниковедческие экскурсы обогащают содержание исследования.

Вопрос о причинах принятия христианства Рапов решает, исходя из анализа внутреннего состояния древнерусского общества. Главную причину христианизации он видит в особенностях языческих верований восточных славян. Вслед за акад. Б. А. Рыбаковым автор подчеркивает религиозную общность язычества и христианства, затушевывая тот факт, что эти религии олицетворяют собой различные уровни духовного развития общества. Отмечая «народность» и глубокие исторические корни язычества, автор вместе с тем изображает жестокость его обрядов и непримиримость к другим религиям. Это необходимо Рапову для обоснования одного из главных своих доводов: языческие представления о загробном мире, предполагающие уничтожение на погребальном костре значительных материальных и людских ресурсов, становятся в IX–X вв. тормозом развития раннефеодального общества. Отсюда – необходимость замены язычества новой религией.

Автор использует известное описание погребального обряда русов Ибн Фадланом, сообщавшим, что на погребение было затрачено две трети имущества купца. Но, во-первых, речь идет не обо всем имуществе купца, а о том, которое было с ним в далекой торговой экспедиции. Во-вторых, нельзя не учитывать мнение, что речь идет о купце из прибалтийских земель [1]. Наконец, автор игнорирует столь необходимые в данном случае материалы археологических исследований. А они

[1] См. Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона. В кн.: Как была крещена Русь. М. 1988.

свидетельствуют, что славянские могильники IX–X вв. в своей массе бедны и однообразны [2]. Даже самые богатые дружинные захоронения Киева, Чернигова, Смоленска [3] не идут ни в какое сравнение с пышными погребениями в раннеклассовых обществах Востока и Средиземноморья. Большинство славянских захоронений содержит лишь минимум необходимых вещей. Поэтому едва ли можно говорить о массовом уничтожении материальных ценностей и людей, тормозящем общественное развитие.

Недостаточно обоснованным представляется и мнение Рапова о несовпадении интересов князей и языческих жрецов и борьбе между ними на этой почве, базирующееся на единичных свидетельствах арабских авторов, но не имеющее подтверждения в русских источниках. Кроме того существует гипотеза (она упоминается и в книге), что у славян князья одновременно выполняли и жреческие функции. Указанные автором особенности язычества в любом случае могли быть лишь одной из причин, способствовавших принятию христианства. Рапов приводит и другие суждения о причинах христианизации, высказанные в разное время отечественными историками, но считает многие из них малообоснованными. В частности, он явно недооценивает внешние факторы, повлиявшие на введение христианства на Руси.

Заметное место уделено в книге предыстории принятия христианства в качестве официальной религии. Справедливо критикуются автором как недостоверные: сказание Повести временных лет о путешествии апостола Андрея через землю славян, сведения о крещении новгородского князя Бравлина в «Житии св. Стефана Сурожского», а также версия о миссионерской деятельности Константина и Мефодия среди восточных славян. В книге аргументированно показана несостоятельность гипотезы В. И. Ламанского, находящей поддержку у современных православных богословов, что хазарская миссия Константина имела отношение к Руси. Вместе с тем, по мнению Рапова, христианство начинает широко распространяться на Руси уже с первой половины IX века. Правда, фактов, свидетельствующих о наличии христианства у восточных славян в первой половине IX в., очень мало. Но византийские источники вполне определенно свидетельствуют о крещении русов около 866 г. и между 874 и 877 годами. Эти события автор называет «первым» и «вторым крещением Руси», отмечает их массовый характер. Но данные источников могут иметь и другую интерпретацию: речь идет в них об отдельных случаях крещения славян, главным образом дружинников и купцов. Переход в христианство, по всей вероятности, был в этих случаях вызван политической конъюнктурой (военными неудачами) и не имел глубоких последствий. Не случайно вслед за «первым» понадобилось «второе крещение Руси».

Оригинально трактует Рапов принятие христианства княгиней Ольгой и ее политическую деятельность в целом. Большинство сведений Повести временных лет о княгине Ольге он объявляет недостоверными, пересматривает и хронологию того времени. Что же побудило автора пересмотреть традиционные взгляды на политические события 940-х годов? Исходный пункт его рассуждений – уже знакомый тезис об особенностях погребального обряда у славян. Рапов утверждает, что язычница Ольга должна была последовать за Игорем на погребальный костер. Чтобы избежать этого, она поспешила перейти в христианство. Но об обязательности обряда сожжения жены не говорит ни один известный историкам источник. Таким образом, сугубо гипотетическая посылка позволяет Рапову по-новому излагать ход событий, совершая подчас явное насилие над данными источников. Необходимость подобных построений не оправдана тем более, что в последнее время Г. Г. Литаврин убедительно представил ход событий 940-х годов, ориентируясь на сведения различных по происхождению источников [4].

Всю политическую историю Руси второй половины X в. (до 980-х годов) автор рисует как историю борьбы язычества и христианства. Ярым гонителем христиан и разрушителем храмов выступает Святослав, Ярополк же изображается симпатизирующим христианам. Центральное место в работе занимает сюжет об официальном крещении князя Владимира Святославича и киевлян. Рапов излагает наиболее распространенную и наиболее подкрепленную источниками византийско-корсунскую версию крещения Руси. Но при этом он предлагает обоснованную им ранее в специальной работе датировку событий конца 980-х годов и называет датой крещения киевлян 1 августа 990 года. Эта датировка, конечно, является предположительной, ибо на этот счет в источниках содержатся противоречивые данные. Автор отдает предпочтение указаниям Иакова Мниха и Льва Диакона в собственной интерпретации. Большинство же работ, увидевших свет в последнее время, свидетельствует о том, что датировка Рапова не нашла широкой поддержки у исследователей.

[2] Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л. 1968, с. 162.
[3] См. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М. 1982, с. 248–256.

[4] Литаврин Г. Г. Русско-византийские связи в середине X века.– Вопросы истории. 1986, № 6.

Большую часть фактов автор черпает из «Истории» В. Н. Татищева, из входящей в ее состав Иоакимовской летописи и из Никоновской летописи XVI века. Крещение киевлян Рапов описывает по «Истории» Татищева, фактическая основа которой представляется автору «намного более убедительной» кратких сведений Повести временных лет. Но повествование Татищева, по всей вероятности, является характерным для авторов XVIII в. примером интерпретации и реконструкции событий. Например, по летописи приказ Владимира креститься явно содержал в себе угрозу, и для Татищева естественно было предположить, что были и противники крещения.

Рассказ о крещении новгородцев автор основывает на Иоакимовской летописи. Со ссылкой на В. Л. Янина в книге говорится о несомненной достоверности ее рассказа. Но, во-первых, В. Л. Янин писал лишь о возможном реалистическом источнике рассказа о крещении новгородцев, восходящем к середине XV века [5]. Во-вторых, исследование Янина убедительно доказывает два основных факта: наличие в Новгороде до 988 г. христианской общины при церкви Спас-Преображения и насильственный характер крещения новгородцев, которое сопровождалось большим пожаром в городе. Выводы Янина отнюдь не исключают наличия в рассказе Иоакимовской летописи фантастических подробностей. Но именно на этих подробностях Рапов и строит изложение событий в Новгороде. Думается, нельзя не учитывать влияния бурных событий церковной жизни XVII в. на рассказ о крещении новгородцев в Иоакимовской летописи и принимать его как целиком достоверный.

Еще один дискуссионный вопрос, затронутый в книге,– размах христианизации Руси при Владимире. Автор считает, что в правление Владимира «огромное большинство» населения Руси перешло в новую веру, язычники остались лишь в труднодоступных районах. Такое утверждение предполагает, что почти по всей Русской земле были построены церкви, нашлись кадры священнослужителей, началось регулярное отправление культа, повсеместно имелись переведенные богослужебные книги и церковная утварь. Но эта картина едва ли реальна для конца X – начала XI в., не говоря уже о столь быстром восприятии населением христианского мировоззрения. Летописец отмечал, что заметные успехи христианства связаны с именем Ярослава Мудрого (массовое строительство храмов, появление монастырей, распространение книг). Приведенные Раповым свидетельства источников о крещении Владимиром «всей» Руси говорят лишь о том, что при этом князе христианство стало государственной религией. Завершение же процесса христианизации датируется исследователями по-разному, вплоть до середины XVI века [6].

Стремлению доказать более раннее и более широкое распространение христианства на Руси подчинены источниковедческие изыскания автора. Большинство сообщений Повести временных лет о христианизации Руси объявляется при этом неполным, неточным, а то и прямо фальсифицированным. Как бы оригинальны ни были предположения Рапова, остается открытым основной вопрос: зачем автору и редакторам Повести временных лет, принадлежавшим к духовному сословию, понадобилось скрывать раннее и быстрое распространение христианства на всей земле Руси?

[5] Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении Новгорода (о возможном источнике Иоакимовской летописи). В кн.: Русский город. Вып. 7. М. 1984.

[6] См. Власов В. Г. Хронологические вехи христианизации Руси. В кн.: Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М. 1988.

Многие положения и выводы Рапова можно принять как оригинальные научные гипотезы. Но в целом его концепция крещения Руси представляется неубедительной. Стремление сказать новое слово в науке подчас преобладает у автора над критическим подходом к источникам.

С. А. Мезин

С. Н. ПЛОХИЙ. *Папство и Украина: политика римской курии на украинских землях в XVI—XVII веках.* Киев. Вища школа. 1989. 221 с.

Советские историки не обходили своим вниманием проблем истории Ватикана и его восточной политики. Однако вопросы взаимоотношений папства и восточнославянских народов в период средневековья и нового времени до сих пор остаются недостаточно изученными. В частности, вне поля зрения ученых оставалась история политики римской курии на украинских землях. В последние годы эта тема приобрела особую политическую и научную актуальность.

События, связанные с развитием процессов демократизации и гласности общественной жизни, празднование 1000-летия введения христианства на Руси привлекли внимание широкой общественности и к истории греко-католической церкви, создание которой в конце XVI в. тесно связано с активностью папства в отношении украинских и белорусских земель Речи Посполитой.

В этом смысле представляется вполне своевременным выход в свет монографии С. Н. Плохия, которая в известной степени заполнит вакуум, образовавшийся в исследовании этой проблемы. Стремление автора опираться в своей работе прежде всего на источники позволяет ему во многом отказаться от стереотипов в подходе к проблеме церковной унии, избежать навешивания ярлыков как на многих зарубежных исследователей, так и на представителей нашей дореволюционной историографии[1].

Рецензируемая работа основана на широком круге материалов из папских архивов, опубликованных главным образом в 50—70-е годы нашего столетия в Ватикане (бреве римских понтификов, инструкции нунциям и их отчеты, материалы конгрегации пропаганды веры и других органов курии), которые мало использовались советскими историками. Достаточно активно привлекает автор архивные материалы ЦГИА СССР в Ленинграде, ЦГИА Украинской ССР в Киеве и Львове, рукописных отделов библиотек, отражающие те или иные аспекты папской политики на Украине в XVI—XVII веках.

В начале монографии рассматривается деятельность римской курии по подготовке церковной унии в контексте всей восточной политики папства периода контрреформации. Здесь анализируется процесс формирования униатской программы курии в Восточной Европе, дается детальный обзор первых шагов в ее реализации. Затем автор анализирует роль папства в заключении Брестской церковной унии 1596 года. С. Н. Плохий пытается рассмотреть эту роль в тесной связи с другими факторами как объективного, так и субъективного характера, которые привели к созданию греко-католической церкви. Можно согласиться с выводом автора, что восточная политика папства явилась в известной степени катализатором социальных, политических, национальных, культурно-религиозных процессов, протекавших на восточнославянских землях Речи Посполитой и завершившихся заключением унии (с. 100). В книге характеризуется далее деятельность конгрегации пропаганды веры по упрочению униатской церкви. При этом широко использованы материалы конгрегации (протоколы ее заседаний, входящая и исходящая документация), занимавшейся организацией миссионерской деятельности католической церкви.

Подводя итог проделанному исследованию, С. Н. Плохий подробно анализирует обстоятельства кризиса папской политики на Украине в годы Освободительной войны 1648—1654 гг., подчеркивая антикатолическую и антиуниатскую направленность движения под предводительством Б. Хмельницкого, как выражение протеста широких масс крестьянства, казачества и мещанства и складывавшейся украинской государственности (гетманат) против католической экспансии.

[1] См. Плохий С. Н. Папские послания как источник по истории католической экспансии на Украине в XVI—XVII вв.— Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Днепропетровск. 1985.

Автор выделяет два основных направления папской политики на Украине: 1. курс папства на заключение унии, а в дальнейшем — поддержку и сохранение униатской церкви; 2. попытки использовать казачество в антитурецкой и антитатарской борьбе на стороне Габсбургов и Венеции. Что касается первого направления, то обращает на себя внимание стремление С. Н. Плохия переосмыслить роль иезуитов в подготовке Брестской церковной унии. Он отдает членам ордена пальму первенства в выработке униатской программы папства и начале ее осуществления в первой половине 80-х годов XVI века. Обоснованным представляется и его вывод, что на этапе непосредственной подготовки Брестской унии, то есть в первой половине 90-х годов XVI в., иезуиты оказываются на вторых ролях, а в первой половине XVII в. они неоднократно вступают в конфликт с униатской иерархией.

Особое внимание заслуживает предпринятая автором попытка периодизации папской политики на Украине: униатский натиск в период понтификата Григория XIII; спад интереса к идее унии во второй половине 80-х — начале 90-х годов XVI в.; возобновление активной проуниатской политики при Клименте VIII (начиная с 1594 г.), приведшее к заключению церковной унии. Конец 10-х — начало 20-х годов XVII в. определяются С. Н. Плохием как время кризиса униатской церкви, из которого ее пыталась вывести конгрегация пропаганды веры. Период освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. рассматривается автором как начало кризисного этапа в восточной политике папства. Действительно, подготовленные всем ходом войны решения Переяславской рады явились серьезным ударом для папских интересов в Восточной Европе.

Оригинальностью отличается подход автора к дискуссионному в нашей историографии вопросу о времени и обстоятельствах заключения Ужгородской унии. Опираясь на анализ известных сегодня источников по этой теме, С. Н. Плохий ставит под сомнение сам факт заключения папством особой унии — отличной от Брестской — в 1646 или 1649 годах. Он считает, что речь шла лишь о создании дополнительной униатской епархии в Закарпатье. Эта проблема нуждается в дополнительном исследовании и выдвигаемые С. Н. Плохием доводы будут способствовать активизации дискуссии вокруг вопроса о заключении Ужгородской унии.

Касаясь стремления папских политиков включить казачество в антиосманские лиги, создававшиеся под эгидой или при поддержке папства, автор достаточно подробно повествует о миссии хорватского священника и тайного папского легата А. Комуловича, посетившего Украину в 1594 г. накануне восстания под предводительством С. Наливайко, и участии варшавской нунциатуры в подготовке визита к Хмельницкому венецианца А. Вимины. В обоих случаях речь шла о попытках привлечь казацкие отряды к участию в военных действиях за пределами Украины, что и в середине 90-х годов XVI в., и в годы Освободительной войны объективно должно было ослабить накал народно-освободительной борьбы на украинских землях.

В монографии впервые в советской историографии дан детальный анализ папской политики на украинских землях в XVI — середине XVII в., определены ее основные направления, этапы, аргументирован вывод о ее экспансионистском характере. Вместе с тем украинская политика римской курии недостаточно вписана в контекст всей внешнеполитической деятельности папства в период контрреформации. Встречаются в книге и некоторые хронологические неточности. В целом же она создает основу для более углубленного исследования взаимоотношений и взаимовлияний двух ветвей христианства — католицизма и православия.

И. И. Мигович

A. IRIYE. *The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific.* Lnd. Longman. 1987. 202 p.

А. АЙРИЙЕ. *Происхождение второй мировой войны в Азии и на Тихом океане*

Американский исследователь японского происхождения, профессор истории Чикагского университета А. Айрийе на основе материалов государственных и частных архивов США, Японии и ряда других стран, дневников и мемуаров государственных, политических и военных деятелей, биографических сочинений, прессы анализирует причины и предпосылки войны в Азии и на Тихом океане, политику Японии, США, Великобритании, Франции, Германии и СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Автор исходит из того, что этот регион «к началу 30-х годов... являлся ареной гораздо более широкого соперничества, чем Европа» (с. 1).

Центральное место в книге занимает освещение агрессивных акций японского милитаризма и реакции на них правящих кругов основных империалистических государств, вовлеченных в соперничество в этом регионе. Работа охватывает период от спровоцированного японской военщиной вооруженного инцидента в районе Мукдена в ночь с 18 на 19 сентября 1931 г., повлекшего за собой оккупацию Маньчжурии, до нападения вооруженных сил Японии на владения США, Великобритании, Голландии и Франции 7 декабря 1941 года.

Вашингтонскую систему договоров автор характеризует как «капиталистический интернационализм», как «новую фазу империализма». Она, подчеркивает Айрийе, «не положила конец империалистическим противоречиям, ибо большинство стран участниц (Вашингтонской) конференции продолжало удерживать под своим господством колонии, а некоторые из них после первой мировой войны даже приобрели новые владения» (с. 3). Тем не менее, по мнению автора, до конца 20-х годов такая система «обеспечивала порядок и стабильность» в регионе. «К 1931 г. разногласия между Китаем и другими участниками переговоров в значительной степени были преодолены, и полное восстановление юрисдикции Китая над своей территорией казалось лишь делом времени. В этих условиях спровоцированный Японией вооруженный инцидент был направлен не только против уступок националистическому Китаю, но, в конечном итоге, и на пересмотр всей ранее установившейся международной системы (с. 4).

В отличие от большинства западных историков, стремящихся свести анализ возникновения второй мировой войны к освещению внешней политики и дипломатической деятельности различных государств в межвоенный период, Айрийе затрагивает также проблемы внутренней политики, экономики и идеологии основных государств, вовлеченных в исследуемые им события, а также рассматривает режим, созданный японскими оккупантами на захваченных территориях, пишет о национально-освободительной борьбе китайского народа. В книге дана характеристика различных японских фашистских группировок, возникших в условиях кризиса конца 20-х – начала 30-х годов, ускорившего развитие очага войны на Востоке. Этим организациям удалось привлечь на свою сторону часть офицерского состава армии и флота. Большое влияние приобрело созданное в 1930 г. «Общество цветущей вишни» – военно-фашистская организация армейских офицеров, требовавших установления в стране «наиболее соответствующей духу японской нации военной диктатуры, кардинального решения маньчжуро-монгольской проблемы и коренной перестройки нации, в том числе и путем использования в случае необходимости вооруженной силы» (с. 7).

Расчет японских милитаристов на «невмешательство» США, Великобритании и других стран Запада в их действия в Маньчжурии, подчеркивает автор, полностью оправдался. Совет Лиги наций ограничился призывом к участвующим в конфликте сторонам «не ухудшать положение в Маньчжурии». «США и Великобритания имели возможность восстановить мир в Маньчжурии, и если бы им удалось сделать это, то был бы сохранен мир в отношениях между Японией и Китаем, была бы возрождена вера в механизм международного мира и сотрудничества, Япония сохранила бы свои позиции в сообществе наций, а Китай приобрел бы статус самостоятельной позитивной силы в международных делах» (с. 12–13). Однако лидеры США и Великобритании, как полагает автор, упустили этот шанс.

Айрийе подчеркивает, что Советский Союз с самого начала Мукденского инцидента проявлял очень серьезную озабоченность возможными последствиями событий в Маньчжурии для мира и безопасности в Азии. Советские представители неоднократно высказывали обеспокоенность в связи с расширением операций японских войск в северных районах Маньчжурии. СССР, отмечает автор, пытался сделать все возможное, чтобы не накалять обстановку и предотвратить нежелательное развитие событий, приближающее вероятность развязывания мировой войны. Среди принятых Советским Союзом мер Айрийе упоминает расширение связей с Китаем, установление дипломатических отношений с США в 1933 г., вступление в 1934 г. в Лигу наций, создание в годы второй пятилетки промышленной базы в Сибири и на Дальнем Востоке, строительство укрепленных районов в приграничных зонах, усиление Тихоокеанского флота и др. (с. 30). Но эта озабоченность Советского Союза и принятые им меры не были должным образом поняты и оценены руководителями западных держав, заключает Акира Айрийе (с. 30).

Спровоцированный японской военщиной в ночь на 7 июля 1937 г. вооруженный инцидент у моста Марко Поло в Пекине положил начало дальнейшей эскалации военных действий Японии в Китае. Призыв Советского Союза к правительствам США, Великобритании и Франции о совместных действиях по оказанию помощи Китаю в отражении агрессии со стороны Японии был отклонен (с. 44). Покровительство правящих кругов Запада японским милитаристам, классовый эгоцентризм, стремление направить японскую экспансию против СССР воспрепятствовали организации совместного противодействия поджигателям войны в этом регионе.

Моральную поддержку и материальную помощь Китаю оказывал лишь Советский Союз, заключивший с ним договор о ненападении и обеспечивший поставку самолетов, танков, артиллерийских орудий и других видов вооружения и боевой техники. США и Великобритания ограничивались словесными осуждениями Японии, рассчитанными главным образом на успокоение общественного мнения, не оказывали серьезной помощи Китаю для обуздания агрессора. Япония не только продолжала оккупацию китайской территории, но и предприняла агрессивные действия против СССР. В ходе их, пишет Айрийе, обнаружилась «неподготовленность японской армии к ведению широкомасштабных военных операций против гораздо лучше вооруженной Красной Армии», и они завершились сокрушительным поражением японских вооруженных сил (с. 61–62).

Затем военно-политическое руководство Японии избрало для своей агрессии южное направление. Этот поворот, окончательно сформировавшийся в сентябре 1940 г., автор связывает со стремлением военно-политического руководства Японии обеспечить ей доступ к нефти и другим сырьевым ресурсам стран региона, необходимым для ведения крупномасштабных операций армии и флота (с. 116). Айрийе объясняет этот поворот также и тем, что Япония, надеявшаяся в союзе с Германией и Италией вести борьбу сначала против СССР, «оказалась не просто изолированной, а окруженной постоянно усиливавшейся коалицией государств» (с. 185).

В работе не раскрыта роль монополий в подготовке и развязывании войны, милитаризации и фашизации японского общества. Весьма слабо освещены роль и значение фашистской пропаганды среди населения Японии, формы и методы идеологической обработки ее народа и армии. Недостаточно глубоко раскрыты автором и противоречия внутри складывавшегося блока агрессивных государств.

Н. А. Стрыканов

A. IVANOV. *Cent'anni di lavoro friulano in Russia. Camera di comercio, industria, artigianato e agricoltura di Udine.* Udine. 1986. 104 p.

А. ИВАНОВ. *Сто лет труда фриулов в России*

В последней трети XIX в. в Россию устремились большие группы итальянцев. Среди них преобладали строители, а абсолютное большинство приехавших в Россию итальянцев составили фриулы, населяющие северо-восточную область Италии Фриули-Венеция-Джулия. Их труду и жизни в России на рубеже двух веков и посвящена книга Алессандро Иванова, профессора Института языков и литературы стран Восточной Европы при Университете г. Удине. В книге раскрываются социальные и экономические причины, обусловившие массовую эмиграцию фриулов, земли которых долгое время оставались одной из самых отсталых окраин Австро-Венгрии.

Одним из первых фриулов в 1871 г. в Россию приехал С. Тонитто из местечка Топпо, принявший участие в сооружении многих замечательных памятников и зданий: памятника М. Ю. Лермонтову в Пятигорске, Вознесенского кафедрального войскового собора в Новочеркасске, который по величине считался третьим в России церковным сооружением после Исаакиевского собора в Петербурге и храма Христа Спасителя в Москве. Вклад Тонитто в сооружение Новочеркасского собора был отмечен мемориальной доской, а сам он стал почетным гражданином Ростова-на-Дону, где и умер в 1919 году. Здесь он обзавелся семьей, породнившись с местными жителями. Автор по материнской линии является внуком Тонитто, а поэтому и носит русскую фамилию.

Немало аналогичных судеб описано в книге, основанной на тщательном изучении документов, сохранившихся в архивах и личных коллекциях Фриули. Конечно, не все данные, использованные автором, могут быть приняты безоговорочно. Так, итальянское слово «costruttore» (строитель) можно интерпретировать в широком диапазоне: от архитектора до прораба или даже просто мастера. Специалистам еще предстоит уточнить степень участия итальянцев в строительных или иных работах.

А. Иванов называет Р. Д'Аронко, который в 1892 г. победил в конкурсе на сооружение одного из мостов в Петербурге, Л. Ди Спирта, работавшего старшим техником на строительстве царского дворца в Ливадии. Некто Флориани участвовал в строительстве железной дороги на Мурманск. Фирма Леонардо Перини поставила 13 пилонов для железнодорожного моста через Волгу в районе Сызрани, остававшегося длительное время самым большим в Европе.

Большое внимание в книге уделено участию фриулов в сооружении Транссибирской магистрали, начатом в 1891 году. Как отмечает Иванов, на ее строительстве в общей сложности работала с 1893 г. примерно тысяча итальянцев, две трети которых были из Фриули. Группа фриулов под руководством П. Бронедана строила километровый мост через Енисей. Мастерство каменщиков-фриулов пригодилось и при прокладке Кругобайкальской железной дороги – самого сложного, пожалуй, участка Транссибирской магистрали.

Затем итальянцы, среди которых попрежнему преобладают фриулы, направляются на строительство железной дороги в Китае, попадают на участок Хабаровск – Владивосток. Как сообщает нам А. Иванов, братья дель Миссиер работали на строительстве железнодорожного вокзала во Владивостоке.

Иванов повествует и об участии фриулов в сооружении здания Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств (ГМИИ) им. А. С. Пушкина) в Москве. В конце 1900 г. сюда приезжает из Сибири П. Коллино.

Со своей стороны добавим, что участие итальянцев в строительстве музея не ограничилось только работой Коллино и его земляков. При содействии старшего научного сотрудника ГМИИ им. Пушкина А. А. Демской нам удалось ознакомиться с материалами, по крайней мере, еще двух групп итальянских строителей, в том числе из фирмы братьев – итальянцев Аксерио.

Книга завершается кратким описанием советско-итальянских экономических контактов в наши дни, в которых существенную роль играют фирмы Северо-Восточной Италии, в том числе из Фриули.

Г. А. Баутдинов

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ЧИТАТЕЛИ ПРЕДЛАГАЮТ, КРИТИКУЮТ, СОВЕТУЮТ

С каждым днем растет поток читательских писем в редакцию нашего журнала. Это не может нас не радовать: обращения в редакцию свидетельствуют прежде всего о верности выбранного журналом пути на преодоление застоя в исторической науке, освещение «белых пятен» в отечественной и всеобщей истории, на отыскание Истины; говорят о том, что публикуемые в журнале материалы не оставляют читателей безучастными, заставляют размышлять над фактами недавнего прошлого и событиями давно минувших дней, задумываться о возможных путях выхода из создавшегося ныне кризисного положения, о наших перспективах.

Желая всячески содействовать развитию связей с читателями журнала, мы открываем новую рубрику, в которой намерены публиковать критические замечания, наиболее интересные предложения и пожелания, касающиеся работы журнала и развития советской исторической науки.

* * *

Постоянным подписчиком вашего журнала я стал с 1985 г., читал его время от времени и раньше. В прошлом многие его материалы грешили догматизмом, нормативностью и тенденциозностью. В последние годы в журнале произошли позитивные изменения: больше стало творческих работ, меньше стереотипности, многие материалы отличает новизна подхода. Сейчас история и философия выходят из кризисного состояния, но нужно время для осмысления происходивших в обществе аномалий. Эволюция исторической науки показала, что невозможно объяснить все исторические явления в рамках одной концепции.

Историческая наука слишком долго не считала нужным давать достойную оценку человеку, который рассматривался абстрактно, только с точки зрения классового подхода: раб, пролетарий, буржуа, помещик, крестьянин, интеллигент. Но разве между членами общества всегда царит ненависть и идет борьба? Человек не только объект, но и субъект истории, но этого во многих трудах по истории не видно. Кроме того, часто их отличает сухость изложения, стремление подогнать факты под какой-нибудь заранее готовый теоретический штамп. Удивляет отсутствие индивидуальности в некоторых трудах, в частности, набившие оскомину формулировки: «мы полагаем», «мы считаем», «мы не согласны!» Где же автор?! Где его позиция?!

В историке должно быть немало и от писателя, разумеется, не в ущерб научности излагаемого.

Посмотрите, какой великолепный стиль у Плутарха, Тацита, Арриана, Ливия!

Еще один спорный вопрос в отечественной историографии – зарождение и гибель цивилизаций, народов. Является ли этнос замкнутой структурой? Гибнет ли цивилизация от внешних или от внутренних причин? В этом смысле свежей показалась опубликованная в журнале «Нева» работа Л. Н. Гумилева «Апокрифический диалог». Еще не дана достойная оценка труду О. Шпенглера «Закат Европы». Концепция Шпенглера о генезисе культур и их гибели, на мой взгляд, очень убедительна. Во многих работах отечественных историков преобладает стремление все объяснить или экономическими причинами, или военными нападениями других народов. Конечно, это важные факторы в жизни народов, но далеко не единственные.

Хотелось бы коснуться и другого наболевшего вопроса. Речь идет о Ермолове как палаче народов Северного Кавказа. Никто до сих пор не сказал о нем правдивого слова. Почему же он должен фигурировать в учебнике истории только как герой 1812 г. без единой строчки о его теории «выжженной земли», его кровавых экзекуциях в аулах Северного Кавказа? Журнал должен сказать об этом веское слово. Надо наконец отбросить предрассудки и развенчать этого «героя». Известно, что передовые деятели русской культуры XIX в. гневно осудили колонизаторскую политику царизма на Северном Кавказе, а при Советской власти Сталин установил по отношению ко всем народам политику государственного терроризма. Известно также, что Сталин питал слабость к русским царям, особенно к Ивану Грозному и Петру I. Нет ничего удивительного в том, что сталинизм не считался с правами народов.

Ждем от журнала и правдивого портрета Тухачевского, описания подробностей

подавлении им Тамбовского восстания, действий Суворова во время польского восстания. Среди публикаций, развенчивающих Сталина, мало или вовсе нет таких, в которых бы глубоко и серьезно ставился вопрос вообще о роли личности в истории. Фактов и публицистического анализа немало, но обобщений нет.

Мне понравились опубликованные в «Вопросах истории» портреты Брусилова, Фридриха II. Очень много дают материалы «круглых столов», конференций, организуемых редакцией журнала, интересна работа К. Маркса и др. Многое меняет портрет Нечаева, образ которого раскрыт глубоко и полно. Это ведь огромной важности сведения. Теперь по-новому представляются отдельные перипетии русского освободительного движения, некоторые взгляды на революцию, на творчество Достоевского, на его роман «Бесы», который, как известно, имел реальной основой нечаевский процесс. Хотя нечаевщина вполне осязаемая реальность, злой рок нашей революции, тем не менее реабилитация самого Нечаева очень своевременна. Что касается беспринципности в борьбе и неразборчивости в средствах, то они сопровождают, на мой взгляд, любой революционный скачок в мировой истории.

Хотелось бы на страницах журнала увидеть работы, хотя бы в отрывках, известных историков — зарубежных и отечественных, ранее не печатавшихся у нас.

И. А. Гасанов, филолог, с. Б. Арешевка Кизлярского р-на ДагАССР

Видел по телевидению передачу, в которой принимали участие члены редколлегии журнала «Вопросы истории». Мне показалось, что я смогу почерпнуть в нем достаточно много интересного по проблемам истории. Особенно меня привлекают такие темы: Великая Французская революция, Парижская Коммуна, истоки и условия развития демократии, социализм и рабочее движение, условия развития личности и др.

Г. А. Татаринов, учитель истории, г. Коммунарск Ворошиловградской обл.

Прошу вас опубликовать историю политических процессов конца 20-х — начала 30-х годов, роль которых в нашей истории все еще не выяснена до конца. Я имею в виду прежде всего дела «Спілки визволення України» («Союз освобождения Украины»), по которому вместе с петлюровскими министрами были осуждены профессор Ефремов и другие представители старой украинской интеллигенции, Промпартии, Шахтинской организации и Союзного бюро меньшевиков. По этим делам были осуждены многие представители старой технической интеллигенции, иностраные специалисты и, например, ветеран русского революционного движения меньшевик Н. Н. Суханов.

В настоящее время появилось много публикаций, в которых оспаривается правомерность этих процессов. В журнале «Знамя», например, опубликованы воспоминания А. Лариной, в которых она пишет, что не верит в справедливость этих процессов, и очень тепло отзывается о Суханове, на квартире которого, в частности, проходило заседание ЦК партии, принявшее историческое решение о вооруженном восстании.

В последнем издании Большой советской энциклопедии утверждается, что деятели «Трудовой крестьянской партии» были связаны с шахтинскими «вредителями» и Промпартией, а Чаянов и Кондратьев именуются заговорщиками и вредителями. В настоящее время Чаянов, Кондратьев и другие ученые посмертно реабилитированы, а сама «Трудовая крестьянская партия» оказалась мифом. После этого Промпартия и Шахтинская организация тоже «повисли в воздухе». Публикация надлежаще проверенных материалов о них могла бы послужить делу восстановления исторической правды и разоблачению сталинизма.

Б. И. Клячкин, Москва

В 1989 г. широкая реклама журнала, упоминания о публикации прежде не издававшегося у нас произведения К. Маркса побудили меня подписаться на ваш журнал. Это чисто внешняя причина, побудившая тысячи подписчиков отдать вам свое предпочтение. Но истинные причины роста тиража журнала, на мой взгляд, глубже и сложнее.

За последние четыре года массовое историческое сознание сделало резкий скачок, причем не благодаря историкам. Многочисленные публикации в периодике, кардинально меняющие сложившуюся оценку прошлого как после 1917 г., так и до него, выдвигают на первый план проблему научной достоверности истории. Общеизвестны провалы в этой области. Но, я думаю, обвинять в этом только историков — несправедливо. Источниковедческая база была минимальной, если не сказать больше; да и ни одна правдивая публикация в те годы не была бы разрешена к печати. Поэтому сейчас перед историками стоит очень сложная и трудоемкая задача — воссоздать отечественную историю. Причем процесс обновления осложняется тем, что большинство наших научных кадров воспитано в духе схематизма «Краткого курса», и независимо от их отношения к перестройке это остается объективной реальностью. Других кадров у нас пока нет.

Начиная с конца 1917 г. история страны и история КПСС являются практически одним неразрывным целым. И вся трактовка истории страны с 1917 г. должна была, хотим мы того или нет, вестись именно в этом единстве. Специфика развития страны после 1917 г. требует именно такого подхода. Должен быть единый учебник.

Теперь о самом главном — об источниках. Хотя они и существуют, по практически недоступны. Например, в Саратове есть три экземпляра стенографического отчета XIII партконференции, но работа с ними (без их выдачи на руки исследователю) практически исключена. Это лишь один пример «открытости». Поэтому во весь рост встает проблема издания источников, кардинального расширения источниковой базы исследований.

Отсюда вытекают задачи не только для вашего журнала, но и для Отделения истории АН СССР. Необходимо, на мой взгляд, провести координационное совещание представителей редколлегий всех исторических журналов, на котором поставить и решить вопрос о публикации первоисточников (из архивов партии, советских и зарубежных, личных архивов представителей ленинской гвардии, их воспоминаний, изданных при жизни авторов и не изданных и т. д.). Считаю возможным и необходимым в этой связи издание приложения к вашему журналу в качестве первого шага к публикации первоисточников. Точно так же неплохо было бы издавать свои приложения «Вопросам истории КПСС», «Известиям ЦК КПСС».

Вопрос с бумагой и типографиями считаю надуманным — поток макулатуры за четыре года перестройки никак не снизился. Издание же таких приложений (подписных) к журналу, во-первых, будет рентабельным, во-вторых, исключит ажиотаж, как это было с подписками на Ключевского и Соловьева. На такое приложение подпишутся все ведущие библиотеки страны и все, кто интересуется историей, причем в случае необходимости издание можно повторить (по готовому набору).

Появившиеся многочисленные публикации о Л. Д. Троцком ставят в повестку дня решение вопроса о его реабилитации, а также об издании его трудов и материалов его архива. Это — тот пласт нашей истории, без анализа которого мы рискуем остаться на прежних позициях в изучении начального периода истории Советского государства.

Необходимо поставить вопрос о кардинальном повороте образования к его гуманизации, то есть определить предмет «история» наряду с математикой, русским языком и литературой как основной предмет школьного образования (не два урока в неделю, а минимум четыре). Причем необходимо введение нового курса: «История народов СССР», выполненного на высочайшем профессионально-педагогическом уровне, охватывающего историю появления и развития всех без исключения наций и народностей, населяющих нашу страну. Это будет первым шагом к истинному интернациональному воспитанию. Необходимо также решить вопрос с изданием шестого Полного собрания сочинений В. И. Ленина и полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (по издаваемому сейчас на языке оригинала).

И. И. Сернов, рабочий-испытатель, студент-заочник Исторического факультета Саратовского университета

«Белых пятен» в истории слишком много. И долг историка эпохи перестройки — по мере возможности и на основе фактов восстановить правду истории. В наших учебниках — огромное количество ошибок, фальсификаций и извращений. Надо их ликвидировать, исправить.

Для армянского читателя «белым пятном» является история Армении в 1918–1923 годах. Мы ничего не знаем о первом армянском государстве, созданном в мае 1918 года. Армянский народ радовался восстановлению своего национального государства, но он не мог знать, что его судьба находится не в его руках. Надеюсь, что ваш журнал поможет армянскому народу обрести подлинную историю.

Б. А. Бекназарян, учитель, Ереван

О перестроечной работе, которая проходит в редакции журнала «Вопросы истории», свидетельствуют публикуемые в нем материалы. Журнал стал еще интереснее, и я читаю даже те рубрики, которые раньше только просматривал.

Сегодня небывало возрастает социальная роль истории. Историческое знание становится актуальным для всех — от школьника до государственного деятеля. В этой связи хотелось бы предложить редакции еще одну рубрику. Назвать ее можно так: «Историческое прогнозирование и современность». В этой рубрике нужно было бы остановиться на таких вопросах, как теория коммунистических учений на Западе, проблемы рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения, новый подход к проблемам, связанным с современным капитализмом, практикой социалистического строительства. Сегодня очень много пишут о проблемах социализма, а кто мог бы проанализировать, оценить экономические отношения и связи, дать надежный прогноз? По-моему мнению, нужно прогнозировать модель социализма, изучать и исследовать пути его совершенствования. И это должна, я думаю, делать историческая наука.

Историкам нужно сегодня исследовать забастовочное движение в нашей стране, роль народных фронтов за перестройку, изменения, происходящие в комсомоле, а также те течения неформалов, которые существуют в молодежной среде.

Считаю, что журналу необходимо организовать свои постоянные передачи по радио и телевидению. Эти передачи можно назвать, например, «Исторический диалог». В этих передачах редакция должна использовать архивный и иной документальный материал, поднимать острые проблемы истории. Передачи могут выходить в эфир 1–2 раза в месяц. Редакции журнала следует организовать телемосты с историками социалистических стран и стран Запада. Подобный телемост может быть и в нашей стране, например, между журналами «Вопросы истории» и «Украинским историческим журналом». Аналогичные телемосты можно проводить со студентами-историками нашей страны и западных университетов.

Редакция журнала могла бы выступить инициатором создания «Исторической газеты», которая выходила бы один раз в неделю. Эта газета должна объединить исторические журналы, оперативно распространять историческую информацию, быть помощником сельскому учителю, студентам, обучающимся на исторических факультетах. Подобное периодическое издание необходимо сегодня для пропаганды исторических знаний. Возглавить «Историческую газету» должна редакция журнала «Вопросы истории» как ведущего научно-теоретического органа историков. Редакция может объявить конкурс: «Какой должна быть «Историческая газета»?» Я думаю, что это должен быть исторический еженедельник Союза (или Общества) историков (который надо создать), писателей, журналистов.

Кроме того, редакцяя может объявить конкурс на создание компьютерных игр по истории. Создание таких программ по истории помогло бы приемным комиссиям вузов страны в принятии экзаменов по истории и объективной оценке ответов абитуриентов. Необходимы они сегодня и в школе.

Н. А. Зарицкий, студент-заочник,
с. Кубышевка Еланецкого р-на
Николаевской обл.

Хотя я по специальности филолог, историей интересуюсь основательно, ибо, на мой взгляд, литература и история не могут существовать вне зависимости друг от друга. На журнал «Вопросы истории» я подписался, узнав о его намерении обнародовать труд К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII в.». И не разочаровался. Свидетельством тому – мое решение возобновить подписку на 1990 год.

С журналом я связываю надежду узнать как можно больше о далекой и близкой истории нашей страны. Особенно это относится к «белым пятнам» в колониальном прошлом народов нашей страны. Поскольку до настоящего времени изучаемая нами история СССР являлась по существу лишь слегка подправленной историей России, то и взаимоотношения царизма с «инородцами» преподносились с точки зрения только «старшего брата», то есть с прорусских позиций. Вскользь, скороговоркой коснувшись колониальной политики царизма, спешили к развернутому обоснованию прогрессивного значения «России Пушкина, Белинского» для «добровольно присоединившихся народов окраин», акцентируя при этом внимание на общеизвестном высказывании Ф. Энгельса о цивилизаторской роли России по отношению к странам Востока.

Разумеется, никто не отрицал и не собирается отрицать эту очевидную истину, удивляет лишь одно: почему при этом следует столь старательно скрывать другую сторону медали? До сих пор многие русские соотечественники любую критику в адрес царизма, его захватнической, колониальной политики воспринимают с болезненной настороженностью, усматривая в этом... русофобию (?!). Так не пора ли расставить все точки над «i» в этой сфере? Например, сказать всю правду о кровавых походах Ивана Грозного на Казань, Ермака – в Сибирь, Ермолова – на Кавказ («Смирись, Кавказ: идет Ермолов!»), Черняева – в Казахстан и Среднюю Азию... Справедливо ли, что в Казахстане город, сельский район, ГЭС и другие объекты носят имя... завоевателя этих мест Ермака, там же ему воздвигнут величественный памятник, в то время как мало кто даже из лучших представителей казахского народа удостоен подобных почестей. Соответственно следует дать непредвзятую оценку и вооруженным выступлениям, например, под предводительством Шамиля на Кавказе либо Кенесары Касымова в Казахстане: что это, антирусские выступления или все-таки национально-освободительные движения?

Напечатайте правду о П. А. Столыпине. Считаю это чрезвычайно важным, но только, в свою очередь, прошу при этом до конца раскрыть роль, сыгранную этим крупным государственным деятелем в проведении русификации колонизованных народов, в том числе и путем целенаправленного, массового заселения русскими, например, Казахстана. Коль скоро речь идет о миграционной политике, то хотелось бы знать и правду о том, почему аналогичная политика по отношению к Казахстану продолжалась, по существу, и в годы Советской власти? А что это именно так, легко убедиться, проследив процентное соотношение русских в населении Казахстана (по переписям): 1897 г. – коренное население – 68%, русские – 11% (см.

Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М. 1986, с. 134, 142), 1926 г. – соответственно 57% и 20%, 1939 г. – 38% и 40%, 1959 г. – 30% и 43% (см. Социально-культурный облик советских наций. М. 1986, с. 34). И только в течение последующих 30 лет, да и то благодаря лишь более высокому естественному приросту, удельный вес казахов, по предварительным итогам переписи населения 1979 г., возрос до 40%, а русских снизился до 38%.

Надеюсь, в будущем при объяснении аналогичных фактов уже не будут использоваться прежние «обоснования» типа: «так сложилось исторически», «так надо было в интересах всей страны» и т. д., тем более, что сегодня казахов все время норовят, по меткому замечанию Ч. Айтматова на I Съезде народных депутатов СССР, «поставить в угол» по любому поводу, подчеркивая, что они являются меньшинством на своей родной земле. Можно ли вообразить себе что-либо более унизительное? Мы, представителя нерусских народов страны, хотим знать и худо-бедно знаем факты истории русского народа. Почему же наши русские собратья не желают знать, что были не только петры первые, екатерины вторые, фельдмаршалы кутузовы, но и ханы аблаи, полководцы-батыры богенбая, султаны бабуры, господари стефаны великие, цари тиграны, давиды-строители, что на заре социализма верой и правдой ему служили не только кировы и калинины, но и рыскуловы, мусабековы, ахунбабаевы...

Положительные сдвиги в освещении истории нерусских народов в журнале уже наметились. Огромное вам спасибо за статью «Казахстанская трагедия»! Ваш журнал – первое центральное издание страны, правдиво и научно обоснованно рассказавшее об этой непреходящей боли казахского народа.

Ж. М. Куанышалин, преподаватель
Казахского педагогического
института им. Абая, Алма-Ата

Многие прислужники Сталина и сталинизма до сих пор оказывают влияние и на идеологию, и на сознание людей, убеждая молодежь в «величии» Сталина. Но это заблуждение пройдет, и тогда начнется беспристрастное осмысление той страшной эпохи. Вот здесь-то труды А. В. Антонова-Овсеенко и пригодятся! Еще одна моя благодарность редакции – за публикацяю текстов Л. Д. Троцкого. Мы в огромном долгу перед ним. Если даже считать, что он существенно заблуждался в трактовке К. Маркса, то даже в этом случае революционные заслуги Троцкого просто невозможно переоценить.

Л. М. Ермолаев, Белокалитвинский р-н
Ростовской обл.

Впервые стал подписчиком журнала «Вопросы истории» с апреля 1989 года. До этого времени и не знал о его существовании. Я с большим удовольствием читаю буквально все ваши материалы. То, что печатается в журнале, по истории в школе нам не преподавали, да и все бывшие ученики моего поколения знают всего лишь 10% правды об истории нашего государства. Очень интересно читать материалы «круглых столов», много важного, например, по национальному вопросу. Желаю коллективу журнала «Вопросы истории» больше открывать «белых» и «черных» пятен в истории нашей страны. С удовольствием, например, читаю в рубрике «Историческая публицистика» А. В. Антонова-Овсеенко «Сталин и его время», а товарищи по работе записываются на эти номера журнала «в очередь».

В. В. Жарков, рабочий, г. Чебаркуль
Челябинской обл.

Я подпишусь вновь на ваш журнал, хотя далеко не все в его содержании мне нравится. Больше всего меня привлекают «Исторические портреты», история Русской православной церкви, истории исторической науки. Считаю, что в «Вопросах истории» должно быть меньше материалов по XX веку, журнал должен ограничиться рамками европейских проблем (во всяком случае, уменьшить число материалов по Американскому континенту). Мне также неинтересна история советского периода. Следует больше давать биобиблиографических статей, материалов об исторических личностях: политиках, ученых, деятелях культуры, церкви, военных деятелях. Меня привлекает тема Ватикана – его истории, деятельность, сегодняшний день, структура и т. д. Очень интересна история монастырского летописания и библиотечного дела на Руси. Историю России надо освещать всесторонне, подробно, по-новому и полнее с точки зрения фактической, биографической, культурной, церковной и т. д. Надеюсь на новое «лицо» журнала.

В. Н. Соболев, г. Мытищи
Московской обл.

Глубоко ошибается человек, который на встрече с редколлегией журнала «Вопросы истории», показанной в сентябре по Центральному телевидению, взял на себя смелость заявлять от имени читателей, что о Троцком читать не будут. Если бы этот человек не глядел на вещи сталинскими глазами, то увидел бы — история не так однобока, как ее рисовали. Если мы не разберемся во всех ее перипетиях по меньшей мере в периоде с конца прошлого века, мы никогда не докажем и не поймем, кто сегодня прав, а кто заблуждается. И не красивые политические или экономические теории свидетельствуют о правоте, например, М. С. Горбачева, отстаивающего идеи перестройки. Его действия, политика определены закономерностью развития нашей страны. Понимая это не умозрительно, а научно аргументированно, отталкиваясь от фактов, мы сможем не только видеть истину и ошибки, но и продвигаться по пути постижения истины и исправления ошибок, которые неизбежны в силу отсутствия опыта, информации, а иногда из-за нехватки времени на осмысление быстро меняющейся ситуации.

Думаю, хорошо бы поспорить об истории и с Солженицыным. Обида выедает глаза. А истина, как всегда, в «золотой середине».

Я с нетерпением жду открытия многих архивов. В частности, мне нужно знать подробности работы в НКВД, в охране Кремля одного из моих умерших родственников И. С. Кувалина, а также, кто находился в строительном лагере в подмосковном поселке Катуар (Дмитровского р-на) — уголовники или политические. Это необходимо для моей дальнейшей работы над историей нашей семьи. Спасибо за показанную встречу: жаль, коротка. Мне кажется, это показательно для нашего нынешнего состояния, доставшегося от застоя: слишком много времени на телевидении отведено року, эстраде, моде, конкурсам красоты и так ничтожно мало — встречам с историками, писателями, художниками.

А. И. Курышев, Ташкент

Я выписываю ваш журнал с 1989 г., мне он очень нравится, особенно №№ 6 и 7, которые прочел «от корки до корки». В очерках Антонова-Овсеенко «Сталин и его время» — все правда: я подобное слышал от моих родственников и людей, которые были свидетелями тех событий. Прочел и понял: были честные люди в 30-е годы, такие, например, как Рютин и его товарищи. А то, что вы стремитесь к правде, видно, например, из вашего решения опубликовать Л. Троцкого. Я смотрел по Центральному телевидению встречу членов редколлегии журнала с читателями в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и был возмущен выкриками неумных людей, что Троцкого читать не будут.

С интересом прочитал статью Л. Н. Гумилева «Хунны в Азии и в Европе», кое-что понял из истории славян, но это же капля в море. Я сам тамбовский и хотел бы знать больше о восстании Антонова и его брата, так как много слышал об этих событиях от бабушки, а ее слова во многом расходятся с тем, что о нем пишут. Например, во время восстания в селах Царевка и Дворики не был убит ни один коммунист, наоборот, прятали их от пришлых. Однако все участники восстания без исключения были арестованы, хотя возмущение в деревнях во многом было спровоцировано губернской властью. Трагедия в 30-е годы была не только в Казахстане, но и у нас на Тамбовщине: все те же раскулачивание, разор, голод, убийства.

Хочется извиниться перед С. Н. Хрущевым, перед памятью его отца за то, что выкрикивали некоторые участники встречи в ГБЛ. То, что сделал Н. С. Хрущев, не забудут. Мы стали жить лучше только при Хрущеве. Моя тетя сильно задолжала, ведь за трудодни совсем ничего не давали, зарабатывали меньше, чем платили налогов. Чтобы не умереть с голоду, она ходила в 1946—1953 гг. на колхозные поля колоски воровать.

Я подписался на ваш журнал и на следующий год.

И. К. Никитин, водитель троллейбуса,
Тамбов

Я выписываю ваш журнал с 1989 г. по рекомендации друга. Очень он мне нравится. Наконец-то раскрываются «белые пятна» отечественной истории. Хотелось бы побольше знать о наших военачальниках и государственных деятелях. Надеюсь, в вашем журнале появится статья о жизни и деятельности Ю. В. Андропова.

Е. Г. Тимохова, пенсионерка,
г. Пионерский Калининградской обл.

Сейчас очень много говорят и пишут о сталинщине, о «лихолетье» и многом другом, связанном со временем культа личности. Множество публикаций дает полное представление об этом человеке, о его биографии, характере, о его пути «наверх». Почему же ничего нельзя узнать из печати о таких тиранах, как Гитлер, Муссолини и т. д.? Конечно, их имена встречаются в некоторых статьях или публикациях о Сталине или о второй мировой войне, но нет подробного обзора их жизненного пути, нет именно беспристрастного анализа. Может быть, некоторые считают, что интерес к биографии таких личностей может возникнуть только у «врагов народа» или неофашистов? Только поймите меня правильно: ведь очень хочется знать, как это все началось.

Н. Егорова, г. Любань Тосненского
р-на Ленинградской обл.

Как видно по содержанию журнала, редакция взяла верное направление: в нем есть многое из того, чем в настоящее время интересуется общественность. Хотелось бы видеть на страницах журнала и другие произведения Л. Д. Троцкого, например, «Уроки Октября», о гражданской войне, о первых годах нэпа. Как можно судить, кто был прав, кто виноват в 20-е годы, если не читал их произведения? На встрече редакции журнала с читателями, которая транслировалась по Центральному телевидению, в зале слышались возгласы: «Не надо нам Троцкого, не надо Хрущева» и т. п. Неужели те, кто выкрикивал, до сих пор не понимают, что все это — наша история, ее «белые пятна», и задача исторического журнала и состоит в том, чтобы раскрыть, осветить то, что за этим стоит.

Редакция сделала бы большую, добрую услугу читателям, если бы хотя бы одну из книг иностранных авторов по истории нашей страны опубликовала в журнале. Дело в том, что эти работы рядовому читателю пока не доступны.

А. А. Гринько, Днепропетровск

Признаюсь, что в 70-е годы я просматривал несколько номеров журнала «Вопросы истории», но они меня разочаровали. Прямо противоположное мнение складывается сейчас. В результате с 1989 г. я — ваш подписчик. С моей подачи журналом интересуются ученики (я учитель истории) и их родители. Использую в работе многие ваши статьи, они помогают более четко осмыслить прошлое и дать детям материал в интересной форме. История в школе вообще становится одним из почитаемых предметов. Материалы вашего журнала позволяют систематизировать знания, дают новые подходы ко многим проблемам. Журнал, несомненно, содействует происходящим в стране переменам, хотя на местах не все так просто.

Меня очень привлекает новый подход в оценке событий Февраля 1917 г., периода от Февраля к Октябрю 1917 г., гражданской войны. Почему было столько насилия, трагизма, ведь Временное правительство было обречено? Почему мы практически потеряли интеллигенцию после Октября? Я думаю, эти вопросы интересны всем.

Должна быть из номера в номер рубрика «Исторические портреты». С нетерпением жду публикации о П. Столыпине и его реформах. Предлагаемый цикл очерков по истории Русской православной церкви должен быть продолжительным и написан популярно: круг читателей ведь расширяется. Особо подчеркну, что для учителей цикл статей «История советского общества в новом освещении» просто необходим, как воздух, ибо учебники для 10-го и 11-го классов не отвечают запросам уже и учащихся. Этот цикл должен быть подробным, охватывать определенные периоды: 1917—1918 гг., 1918—1920 гг. и т. д.

Н. С. Волчик, п/о Зеленевичи
Пружанского р-на Брестской обл.

Из всех «толстых» обществоведческих журналов самым читаемым стал ваш. Причины тому ясны. Среди них — очевидное стремление редакции внести ясность в понимание ряда периодов нашего прошлого путем исторически правдивого, объективного освещения фактов и событий.

Говоря о «черном пятне» в нашей восточной политике, я имею в виду не те случаи, которые искажались в нашей литературе или пропаганде. Их немало было вплоть до начала 80-х годов. Я же хочу обратить внимание на те события с конца 30-х и до конца 40-х годов, которые разворачивались в соседней с нами провинции Китая — Синьцзяне. О них много написано (в том числе защищено немало диссертаций) в США, Англии, но ни слова — в нашей литературе, ни слова о нашем участии в том, что там происходило. А ведь в тех делах, насколько я могу себе представить, будучи знаком с их свидетелями и участниками, были задействованы некоторые наши учреждения и органы. Решение, организация и проведение мероприятий, связанных с возникновением в 40-х годах «Восточно-туркестанской республики» в Синьцзяне и с ее «самоликвидацией» (во исполнение договоренностей на Крымской конференции и на встречах в 1945 г. с министром иностранных дел Китая Сун Цзывэнем), прямо связаны с именами Сталина и У. Юсупова. Не только их, но и многих других уже нет в живых. Но есть много людей, которые в итоге вынуждены были в начале 60-х годов на основе договоренности с руководством КНР массово, с семьями, со своим скарбом и скотом перейти в пределы СССР и поселиться в Киргизии и Казахстане, создав в ряде случаев свои совхозы и колхозы. Ради уважения, которое мы воспитывали к себе среди населения Синьцзяна, ради упрочения отношений с китайским народом надо рассказать правду о тех событиях.

Профессор Р. А. Тузмухамедов, Москва

ЕЩЕ РАЗ ОБ «АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»

Статья В. С. Брачева «Дело» академика С. Ф. Платонова» (Вопросы истории, 1989, № 5), восстанавливая одну из наиболее тяжких страниц в истории Академии наук СССР, позволяет избавиться от многих недомолвок и умолчаний в биографиях ряда выдающихся ученых. В то же время значение статьи снижается тем, что «дело» Платонова, сфабрикованное органами ОГПУ и направленное против ученых, автор рассматривает вне связи с так называемой академической историей – конфликтом между Академией и партийными, государственными органами, которые, начиная с 1926 г., всеми возможными средствами добивались ее безоговорочного подчинения своим требованиям.

Об «академической истории» существует большая советская[1] и зарубежная[2] литература, при этом в работах зарубежных историков «дело» академика Платонова рассматривается как одна из заключительных акций органов государственной власти, направленных на подчинение Академии. Что же касается советских исследований, то в них, разумеется, об арестах Платонова и других ученых не упоминается вообще, а события в Академии представлены как «перестройка» ее деятельности, осуществлявшаяся партией и правительством в интересах науки при поддержке передовых ученых. Фактическая же сторона «академической истории» до начала арестов изложена в литературе достаточно точно и на основании большого числа архивных материалов, а также прессы.

Наиболее фундированной является диссертация В. Т. Ермакова «Борьба Коммунистической партии за перестройку работы научных учреждений в годы первой пятилетки» (1956 г.), написанная на основе архивных материалов, в том числе из фондов Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Автор показал, что инициатива «перестройки» Академии исходила не из академических кругов, но на первом этапе значительную роль в ее реорганизации партийные и государственные органы отводили самой Академии. В результате интенсивной работы академической комиссии был разработан проект Устава АН, который 31 мая 1927 г. обсуждался в правительстве, 7 июня был принят Общим собранием Академии и 18 июня утвержден Совнаркомом СССР. Быстрое прохождение Устава через государственные и общественные органы свидетельствовало, по-видимому, о приемлемости его положений как для Академии, так и для правительства.

Важную роль в дальнейших событиях сыграло предусмотренное Уставом 1927 г. и последующими постановлениями СНК СССР значительное расширение состава Академии, а также предоставление права выдвигать кандидатов в ее действительные члены и обсуждать кандидатуры не только академикам, но и неакадемическим научным учреждениям и общественным организациям. Направленные, по смыслу Устава, на демократизацию академической жизни и повышение научного авторитета Академии, эти положения были вскоре использованы для организации на нее давления.

Кампания по выборам новых академиков, вопреки призывам Академии не спешить с выборами, началась в прессе с середины апреля 1928 года. Она направлялась специальной комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) по руководству выборами в Академию и аналогичной комиссией Ленинградского обкома партии, решавшей практические вопросы выборов и санкционировавшей все статьи об Академии в ленинградских газетах. От Академии требовали в основном пополнения состава академиков людьми, желательными партийным и государственным органам. В первой же статье о предстоящих выборах недвусмысленно дано было понять, что от их итогов будет зависеть способность Академии «к реорганизации, расширению и углублению своей научной работы»[3].

На состоявшихся вскоре заседаниях с отчетами непременного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга некоторые из выступавших пытались противопоставлять «таких ученых-общественников, как С. Ф. Ольденбург и Н. Я. Марр», другим академикам[4]. В ходе начавшегося с середины мая 1928 г. выдвижения и обсуждения в печати кандидатур в академики «общественность» требовала отвода ряда ученых, в том числе крупных историков В. Н. Бенешевича и М. К. Любавского (они проходили затем по «делу» академика Платонова), причем голословно обвиняла их в равнодушном или даже враждебном отношении к социалистическому строительству. Неприязненные выступления прессы в адрес Академии зашли настолько далеко, что Ермаков, вынужденный всячески смягчать формулировки, все-таки смог отметить: «В газетах не обошлось без шумливых корреспонденций», а «Ленинградская правда» «не всегда выдерживала необходимый такт».

С целью обеспечить успех на выборах всех кандидатов, намеченных руководящими кругами, в состав 11 отраслевых академических комиссий (не предусмотренные Уставом, они были созданы на основании специального постановления СНК для выработки «предварительных заключений» о выдвинутых кандидатурах) вводились, под видом представителей союзных республик, члены специально созданной правительственной комиссии по подготовке к выборам. Они настояли на том, чтобы количество рекомендуемых комиссиями кандидатов точно соответствовало количеству вакансий. Один из наиболее популярных в академических кругах кандидатов В. Н. Бенешевич был за несколько дней до выборов арестован.

В результате при баллотировке на заседаниях отделений необходимое по Уставу большинство голосов получили все отобранные кандидаты. 12 января 1929 г. было созвано Общее собрание Академии для избрания кандидатов, утвержденных ранее отделениями. Академия пополнилась в результате голосования такими видными марксистами, как Н. И. Бухарин, Г. М. Кржижановский, М. Н. Покровский и др.; был также избран активно поддерживавшийся академическими кругами М. К. Любавский. На Общем собрании, однако, необходимых 2/3 голосов не получили и первоначально не были избраны представители марксистской науки философ А. М. Деборин, историк Н. М. Лукин, литературовед В. М. Фриче, которых продвигали в состав Академии руководящие инстанции. И хотя, несмотря на резкие возражения ряда академиков (И. П. Павлов, В. И. Вернадский, Д. М. Петрушевский и др.), Общее собрание уже в новом, расширенном составе подвергло 13 февраля 1929 г. баллотировке и избрало в Академию не прошедших ранее кандидатов, «неувязка» в Академии наук» (так называлась статья А. В. Луначарского в «Известиях» за 5 февраля 1929 г.) не была прощена.

О предстоящих репрессиях Академию недвусмысленно предупредил в упомянутой статье сам народный комиссар просвещения, ведавший и наукой. «Почтенные сановники от науки захотели пошутить с огнем» и противопоставить «категорическому требованию общественности» свою «формальную свободу», писал он. И заключал статью так: «Отчасти они, может быть, думали, что поддержат этим престиж Академии или покажут заграничным и здешним врагам нашим, что «сохраняют свободу». Если это так, это было бы прикосновением к революционному пламени, и ожог получится болезненным».

Подготовить нанесение «болезненного ожога» было поручено комиссии под руководством Ю. П. Фигатнера, созданной для проверки аппарата Академии. Не наказывая всемирно известных корифеев ранга И. П. Павлова, она сделала «козлами отпущения» избранного вопреки воле «общественности» М. К. Любавского, не ладившего с Покровским Платонова (который, по свидетельству Ермакова, возражал против резких выступлений Павлова в защиту академической автономии) и других ученых. История же с неправильным, по мнению «комиссии Фигатнера», хранением в Академии документов, на которой подробно останавливается Брачев, была всего лишь предлогом для развязывания «дела» Платонова, поэтому его правильнее было бы называть «делом» Академии наук. Это «дело», по замыслу его организаторов, должно было окончательно «вразумить» академиков (которые во время работы «комиссии Фигатнера» обсуждали новый Устав АН, существенно ограничивавший их права) и отбить у них охоту выступать против властей в дальнейшем.

В статье Брачева не отмечено, в частности, что на «засоренность» Академии людьми, «неприемлемыми в научных учреждениях», «Ленинградская правда» указывала еще 12 мая 1928 г., и «комиссия Фигатнера» лишь распространила это обвинение на конкретных сотрудников академических учреждений. Упоминая о высказывании М. М. Цвибака, содержащем обвинение Платонова и его сторонников в монархизме, Брачев проходит мимо подробных «показаний» по этому вопросу С. В. Рождественского, которые цитировал А. И. Рыков в своей речи «На новые рельсы» (М.–Л. 1930). В дальнейшем «дело» академика Платонова, о котором впервые обстоятельно написал Брачев, правильнее было бы рассматривать в общем контексте всей «академической истории».

А. Н. Горяинов

---

[1] См., напр., Воронов С. Из прошлого и настоящего Академии наук.– Новый мир, 1930, № 5; Ульяновская В. А. Формирование научной интеллигенции в СССР, 1917–1937. М. 1966; Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки. М. 1971.

[2] Беломорцев С. Жертвы «дела» Академии наук СССР.– Воля, Мюнхен, 1952, № 10; Занкевич Е. Х. К истории советизации Российской академии наук. Мюнхен. 1957; Graham L. L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party. 1917–1932. Princeton. 1967.

[3] Милютин В. П. О работе в Академии наук СССР. К предстоящим выборам новых академиков.– Ленинградская правда, 14.IV.1928

[4] Перед выборами новых академиков.– Там же, 12.V.1928.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ЗАСЕДАНИЕ БЮРО МКИН

21–24 сентября 1989 г. в Вене прошло заседание Бюро Международного комитета исторических наук (МКИН), посвященное рассмотрению программы очередного, XVII Международного конгресса исторических наук, который состоится 26 августа – 2 сентября 1990 г. в Мадриде.

На Бюро МКИН была утверждена следующая программа работы XVII конгресса МКИН:

I. Большие темы:

1. Открытие Америки европейцами и его последствия. Координатор Э. Торре Виллар (Мексика).

2. Экономическая, социальная и культурная роль мегаполисов в истории. Координатор Т. Баркер (Великобритания).

3. Революции и реформы: их влияние на историю общества. Координаторы Й. Херман (ГДР), Д. Деглер (США).

II. Методологические темы:

1. Концепция времени в европейской и азиатской историографии. Координаторы М. Мияке (Япония), А. Гейштор (Польша).

2. Антропология и социальная и культурная история. Координаторы В. А. Тишков (СССР), В. Башкаи (Венгрия).

3. Историческая биография. Координаторы А. Дюбуа (Швейцария), С. Л. Тихвинский (СССР), Е. Энгельберг (ГДР).

III. Хронологические секции:

А. Древняя история

1. Миграции населения в доколумбовой Америке. Координаторы Ф. Вест (США), Д. Лоренцо (Мексика), В. А. Тишков (СССР).

2. Мифы и символы как источники по истории Средиземноморья. Координаторы: Д. Вернант, М. Детьен (Франция).

Б. Средние века

1. Феодальные системы в Азии. Координаторы Лю Дапянь (КНР), Р. Шарма (Индия), Нагахара (Япония).

2. Провинциальный мир и коммунальные движения. Координаторы П. Блике (Швейцария), Е. М. Энгель (ГДР), Д. Вальден (Испания).

В. Новое время

1. Хлебные злаки в мировой истории. Координатор Ф. Томсон (Великобритания).

2. Модернизация арабского мира. Координаторы С. Телленбах (ФРГ), М. Робба (ГДР).

3. Упадок Оттоманской империи. Координаторы Ф. Шакали (Венгрия), Н. Своронос (Греция), Н. Тодоров (Болгария).

Г. Новейшая история

1. Профессиональное обучение и развитие технического образования. Координатор Й. Пурш (Чехословакия).

2. Изменение в женских профессиях и в социальном положении женщин после промышленной революции. Координаторы И. Блюм (Норвегия), Ф. Бальтазарек (Австрия).

3. Прогресс в мирное время и регресс во время войны как модель для понимания XX века. Координатор Л. Н. Нежинский (СССР).

4. Результаты новейших исследований договоров кануна и периода второй мировой войны. Координаторы Е. Йеккель (ФРГ), Х. Паапе (Голландия), А. О. Чубарьян (СССР).

5. Социальная политика в XIX и XX вв. Координатор Т. Риттер (ФРГ).

6. Национальное самосознание, единство и народные движения в Азии и Африке. Координатор С. Чандра (Индия).

Д. Межсекционные темы

Секции древней и средневековой истории:

1. Зарождение и распространение науки и движения интеллектуалов (невидимые университеты). Координаторы Э. Бенито Руано (Испания), С. Хэмпфри (США).

Секции средневековой и новой истории

1. Организация труда. Координаторы Й. Херман (ГДР), Молас Рибальта (Испания).

2. Взаимоотношения между евреями, христианами и мусульманами. Координаторы Д. Ирмшер (ГДР), А. Шибл (Саудовская Аравия), М. Бреуэр (Израиль), Р. Фией (Ливан).

3. Государства и империи в Черной Африке. Координаторы Ж. Дэвиз (Франция), М. Тымовски (Польша), И. Хрбек (Чехословакия).

Секции средних веков, новой и новейшей истории

1. Стратегия удержания власти. Координатор Х. Пейер (Швейцария).

2. Центр и периферия, метрополии и колонии. Координаторы А. А. Искендеров (СССР), Е. Валлерштейн (США).

3. Болезни и общество. Координаторы В. Байнум (Великобритания), Д. Рили (США).

Помимо «больших» и методологических тем и тематических заседаний секций по хронологическим периодам в дни работы конгресса будут проходить заседания аффилированных с МКИН международных комиссий, комитетов и ассоциаций по различным направлениям и областям исторической науки. Ниже приводится тематика этих заседаний.

1. Международная ассоциация византиноведения:

– Болезни и общество в византийском мире.

2. Международная комиссия по славянской истории:

– Контакты между странами Иберии и славянами с XVI по XX в.

3. Международная комиссия по латиноамериканским и карибским исследованиям:

– Непрерывность и разрыв преемственности в истории Латинской Америки.

4. Международная федерация обществ и институтов по изучению Ренессанса:

– Административное заседание.

5. Международная ассоциация по экономической истории:

– Международная торговля продуктами питания (с раннего средневековья).

6. Международная ассоциация права и учреждений и Международная комиссия истории университетов:

– Политические власти и университетский мир.

7. Международная комиссия по истории социальных движений и социальных структур:

– Молодежь и ее движения (XIX–XX вв.).

8. Международная комиссия по морской истории:

– Продовольствие для всего мира. Морская торговля и перевозка продовольствия.

9. Международная комиссия по истории второй мировой войны:

– Путь к войне.

10. Международная комиссия по истории представительских учреждений:

– Парламентская институционализация результатов восстаний или революций.

11. Международная комиссия по сравнительной военной истории:

– Влияние военной мысли на войны на протяжении пяти столетий.

12. Международная комиссия по истории городов:

– Правила строительства новых городов и кварталов (в XIV–XVIII вв.).

13. Международная ассоциация исторических обществ по изучению еврейской истории:

– Евреи-сефарды и их распространение. Их влияние на историю Испании и историю евреев.

14. Международная комиссия по сравнительной истории церкви:

– Церковь и национальность.

15. Международная ассоциация по сравнительной истории Европы:

– Европейское общественное мнение и деколонизация после второй мировой войны.

16. Международная комиссия по дидактике истории:

– Изменения в историческом сознании в отношении установления мирового исторического пространства.

17. Международная комиссия по историографии:

– Западная и незападная историография: традиции, контакты и новые подходы.

Наряду с перечисленными международными организациями, являющимися, как и национальные комитеты историков различных стран, полноправными членами МКИН, при МКИН действует также ряд «внутренних» комиссий. Они проведут свои заседания в дни работы конгресса по следующей тематике:

1. Комиссия по библиографии:

– Методологическая и техническая информация в области исторических наук.

2. Международная комиссия по исторической демографии:

– Роль государства и общественного мнения в сексуальном и демографическом поведении.

3. Международный комитет исторической метрологии:

– Меры и веса в купеческих и торговых книгах.

4. Международная комиссия по истории Французской революции:

– Итоги юбилейных торжеств, посвященных 200-летию революции.

5. Международная ассоциация аудиовизуальных средств в исторических исследованиях и образовании:

– История на телевидении.

6. Международная комиссия по истории Октябрьской революции:

– Советы и общественные организации в Октябрьской революции;

– Политические деятели Октябрьской революции.

7. Международная комиссия истории международных отношений:

– Архивы и публикации дипломатических документов;

– Современные проблемы и методологические тенденции в области истории международных отношений;

– Международные организации, их архивы и возможности работы историков в них.

8. Общество истории Крестовых походов и Латинского Востока:

– Религиозные меньшинства в государствах крестоносцев.

9. Международная федерация по исследованию истории женщин:

– Социальное, экономическое и политическое обозрение циклических изменений в жизни женщин.

Как и на предыдущем, XVI, конгрессе МКИН, состоявшемся в 1985 г. в Штутгарте, в Мадриде пройдет ряд «круглых столов», организуемых по инициативе отдельных национальных комитетов историков и отдельных ученых. Были рассмотрены и утверждены следующие темы для «круглых столов»:

1. Защита гражданского населения и военнопленных во время первой мировой войны. Ответственный М. Маккароне (Ватикан).

2. Западный и восточный романский мир. Ответственный С. Паску (Румыния).

3. Историки и философия истории. Диалог между философами истории и историками. Ответственный Вейт Браузе (Австралия).

4. Эпоха Просвещения. Сравнение Европы с Азией. Ответственный Хироши Мидзута (Япония).

5. Рукописные источники эпохи Марко Поло (1250–1330 гг.). Ответственный Р. Бринтель (Великобритания).

6. История цыган и ее источники. Ответственный И. Зос (Венгрия).

7. Ян Амос Коменский в мире науки и культуры. Ответственный Я. Пурш (Чехословакия).

8. Новые исследования по истории Интеллидженс сервис в XX веке. Ответственный К. Джефри (Ирландия).

9. Историки, политики и идеология. Ответственный К. Джефри (Ирландия).

10. Технические аспекты индустриализации в странах Средиземноморья в XIX–XX вв. Ответственный Е. Агриантони (Греция).

11. Историки и проблема сохранения культурного наследия человечества. Ответственный С. Л. Тихвинский (СССР).

Таков широкий спектр вопросов, привлекающих внимание мирового сообщества историков, по которым ожидается плодотворная дискуссия на предстоящем конгрессе.

Национальный комитет историков Советского Союза рассчитывает на участие в работе конгресса, наряду с утвержденными Бюро МКИН докладчиками от СССР, в общей сложности до 70–80 советских историков, представляющих различные академические и вузовские центры всех республик страны, и ведет переговоры с ЦК ВЛКСМ и Комитетом молодежных организаций о направлении в Мадрид в период работы конгресса специальной молодежной туристической группы из числа молодых историков страны.

Накануне открытия XVII конгресса МКИН состоится заседание Генеральной ассамблеи МКИН, на котором будут проведены выборы нового президента и генерального секретаря МКИН, а также четырех новых членов Бюро. Члены Бюро МКИН избираются из числа видных историков, труды которых известны мировой научной общественности, с учетом соблюдения справедливого географического принципа распределения вакансий, принятого в системе учреждений Организации Объединенных Наций. Выдвижение кандидатов в члены Бюро осуществляется национальными комитетами стран – членов МКИН, а также аффилированными организациями. Избрание президента, генерального секретаря, казначея МКИН, равно как и членов Бюро осуществляется тайным голосованием на Генеральной ассамблее из числа выдвинутых кандидатов, как правило, с учетом рекомендаций Комитета по назначениям МКИН, избираемого на предыдущей сессии Генеральной ассамблеи.

Бюро МКИН на своем заседании в Вене рассмотрело также заявку Национального комитета историков Социалистической Республики Вьетнам о приеме в члены МКИН и приняло решение рекомендовать его к избранию в члены МКИН на Генеральной ассамблее в Мадриде.

С. Л. Тихвинский

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ в 20—50-х годах XIX в.» *

Конференция проходила в Махачкале 20–22 июня 1989 года. Она была организована Институтом истории СССР АН СССР, Институтом истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР и Дагестанским университетом им. В. И. Ленина. В ней приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Ростова, Краснодара, Днепропетровска, Нальчика, Орджоникидзе, Грозного, Майкопа, Черкесска, Махачкалы, многих районов Дагестанской АССР, а также представители общественных формирований молодых историков Чечено-Ингушетии и города Сочи.

* Публикуется по просьбе участников конференции.

В принятых конференцией «Основных выводах и рекомендациях» отмечается, что народно-освободительная борьба горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.– составная часть отечественной истории, одна из героических и драматических страниц прошлого народов Кавказа. До сих пор не создана цельная, правдивая, подлинно научная концепция событий, сыгравших важнейшую роль в судьбах этого многонационального региона. Во многом это объясняется тем, что развитие историографии, начавшееся со времени установления Советской власти на Северном Кавказе, было дважды грубо прервано и нарушено. В условиях культа личности Сталина в 1951 г. было сфабриковано беспрецедентное решение, признавшее движение горцев Дагестана и Чечни реакционным, националистическим. Фальсификаторская статья М. Багирова в журнале «Большевик» сформировала антинаучную и антигуманистическую вульгарно-социологическую точку зрения, основанную на прямой подтасовке и искажении фактов, версию, объявившую движение горцев под руководством Шамиля антинародным и инспирированным из-за рубежа, а его предводителей – ставленниками турецкого султана и агентами английских колонизаторов. При этом замалчивалась социально-историческая оценка, данная К. Марксом и Ф. Энгельсом движению горцев – народная, оборонительная, освободительная война против царизма.

После XX съезда КПСС научная сессия Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы в Махачкале и Всесоюзное совещание историков в Москве отвергли культивировавшееся в течение ряда лет авторитарное мнение об агентурном характере движения горцев. Было показано, что это движение, выросшее на социально-экономической почве Северо-Восточного Кавказа, было народно-освободительным, направленным своим острием против местных феодалов и колониальной политики царизма. Впоследствии появился ряд ценных документальных публикаций, обобщающих исследований и коллективных трудов по данной проблеме.

Однако период застоя пагубно отразился на характере и уровне разработки ключевых проблем истории народов Северного Кавказа. Прокатившаяся в те годы волна юбилейных празднеств, посвященных «добровольным присоединениям» и «вхождениям» создала атмосферу, не способствовавшую объективному и деловому изучению прошлого этих народов. В числе признанных неактуальными и запрещенных тем оказалась проблематика национально-освободительных движений. В литературе и публикациях появился ряд несостоятельных высказываний и оценок по многим актуальным вопросам истории северокавказских и в том числе дагестанских народов. В первую очередь это относится к оценке развития русско-дагестанских, русско-северокавказских связей, к оценке социальной сущности и идейных истоков освободительной борьбы горцев в 20–50-х годах XIX века.

Всесоюзная научная конференция открывает качественно новый этап в изучении и интерпретации всего сложного комплекса проблем истории Кавказской войны. Глубокое и объективное освещение исторических, социальных и идеологических предпосылок, целевых установок, движущих сил и характера движения горцев Дагестана и Чечни приобретает большое значение в деле интернационального и патриотического воспитания советских людей. Борьба горцев выражала интересы всех народов Дагестана, Чечни и Северо-Западного Кавказа и имела освободительный, антифеодальный, антиколониальный характер. Она возникла на местной социально-экономической почве как следствие захватническо-колониальной политики царизма и усиления феодального гнета. В движении принимали участие различные социальные потоки, но основу его составляло горское крестьянство, боровшееся как против феодальной власти, так и против грабительской политики царизма.

Мужественная борьба горских народов имела огромное значение для всего Кавказского региона. Она была созвучна национально-освободительным движениям народов нашей страны, революционным движениям Европы и Востока, вызывала восхищение у передовых прогрессивных деятелей России, революционных демократов. Не следует ни в коей мере отождествлять русский царизм с русским народом. Напротив, в борьбе русского народа против крепостничества и абсолютизма и в борьбе горцев за национальную независимость и самоуправление рождалось сознание единства интересов народов. Признание объективно-прогрессивного значения присоединения Дагестана и Чечни, как и Северного Кавказа в целом, к России – одно из главных положений концепции русско-северокавказских отношений.

Тот факт, что идеология кавказского мюридизма, ставшая в силу сложившихся причин знаменем движения, как и участие в нем представителей духовенства, не дает оснований представлять это движение как исключительно мюридистское. Вместе с тем эта идеология сыграла объединительную и мобилизующую роль в борьбе масс, выполнила определенные патриотические функции.

Конференция показала, что ряд поднятых ее участниками вопросов требует дальнейшего, более углубленного и мотивированного анализа. Нужно не обходить сложности и противоречивости движения, учитывать известную ограниченность его целей и консервативность идеологических установок, всячески избегать как нигилистических, так и идеализаторских тенденций и подходов в освещении борьбы горцев.

Участники конференции подчеркнули,

что совершенно неприемлемо и недопустимо оценивать народно-освободительную борьбу горцев как сепаратистскую и феодально-религиозную, сводить ее к экспансии кавказских горцев против России. Необходимо руководствоваться классовыми критериями при интерпретации и оценке идейных позиций и движущих сил движения горцев.

Участники конференции пришли к выводу, что следует резко расширить источниковую базу исследований обсуждаемой проблемы, предусмотреть публикацию ряда относящихся к движению горцев Северного Кавказа материалов, в их числе архивных. Было решено подготовить и издать обобщающую монографию «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни под водительством Шамиля», а также монографию, посвященную историографии этой проблемы, в том числе и зарубежной; коллективные и индивидуальные труды о взаимоотношениях народов Кавказа, Северного Кавказа, Дагестана и Чечни как между собой, так и с русским народом; научно-популярные работы по истории и культуре народов Северного Кавказа; историко-политические портреты руководителей и активных деятелей этой борьбы.

Участники конференции поддержали предложение о разработке Институтом истории, языка и литературы им. Г. Цадасы комплексной программы по всестороннему и глубокому изучению и освещению истории народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX века и — по согласованию с соответствующими научными учреждениями Северного Кавказа — превращению его в координационный центр по разработке этой проблемы. Было выражено пожелание, чтобы в планах Института истории СССР АН СССР было уделено большее внимание изучению прошлого народов Кавказа, в частности истории народно-освободительного движения на Северном Кавказе.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» — 500-летие ОТКРЫТИЯ АМЕРИКИ: ВСТРЕЧА ДВУХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Советский Комитет солидарности с народами стран Латинской Америки, редакции журналов «Вопросы истории» и «Латинская Америка» 12 сентября провели «круглый стол», посвященный предстоящему 500-летию первого путешествия Христофора Колумба в Америку.

Открывая дискуссию председатель Комитета К. А. Хачатуров подчеркнул значение этого события в истории человечества. Юбилей его отмечается во всех странах. Подготовка к нему развернулась и в СССР.

Большое внимание участников «круглого стола» привлекли проблемы, поставленные в выступлении М. С. Альперовича: как следует правильно оценивать и называть данное событие и как его исследовать в контексте комплексного, системного, всемирно-исторического подхода. Он подчеркнул, что сейчас особенно остро ощущается необходимость в широкомасштабном подходе к этой теме, с учетом длительности процесса и роли всех участвовавших в нем колонизационных потоков не только иберийского, но и английского, французского, голландского и российского. Настало время для создания обобщающего труда по истории Американского континента, в котором были бы освещены и темы, долгое время остававшиеся «белыми пятнами» и «фигурами умолчания».

А. Ф. Шульговский призвал рассматривать историю открытия Америки с позиций нового политического мышления и с учетом идеологической борьбы, ведущейся в мировой историографии. Так называемые атлантисты утверждают, что именно англо-саксонская цивилизация указала всему миру путь прогресса, а «второсортные» испаноязычные страны оказались будто бы на задворках истории. Необходимо заново разработать многие аспекты истории стран Пиренейского полуострова и Латинской Америки. Эту историю нельзя рисовать только мрачными красками. В ней были не только абсолютизм, инквизиция и мракобесие, но присутствовала и сильная народная струя, воплотившаяся в революционно-гуманистических движениях. Мы еще очень слабо знакомы с «философией общего дела креолов», с подлинным манифестом этой философии «Письмом к американским испанцам» (1792 г.) перуанского иезуита Вискардо-и-Гусмана, идеи которого были подхвачены патриотами Латинской Америки. Объективно оценивая роль религиозного фактора в истории стран Латинской Америки следует преодолеть и традиции воинствующего антиклерикализма, проявляющегося в односторонней трактовке места иезуитов в жизни народов этого региона.

Чл.-корр. АН СССР Н. Н. Болховитинов поддержал призыв к комплексному подходу при изучении истории Америки. Он выразил несогласие с трактовкой «атлантической цивилизации» как исключительно англосаксонской, поскольку в освоении Америки принимали участие разные страны, прилегающие к Атлантическому океану, и каждая из них сделала свой вклад в этот процесс. Он подчеркнул, что, говоря о специфике развития стран и народов региона, нельзя абсолютизировать фактор автохтонности. Метрополии наложили сильнейший отпечаток на эволюцию народов, оказавшихся в зоне их колонизации. Новая Франция и Новая Англия географически очень близки друг другу, но их развитие шло совершенно по-разному. Сам процесс колонизации следует изображать объективно и всесторонне, со всеми его минусами и плюсами.

Э. Э. Литаврина, присоединившаяся к требованию комплексного анализа американской истории, вместе с тем отметила, что без изучения средневековой Испании нельзя полностью понять, как и какие сложились в Латинской Америке социальные структуры, как протекали там многие процессы. Следует не столько противопоставлять Испанию Америке, сколько глубоко и многопланово осмыслить причины, факторы, стимулы, содержание синтеза (совместимости, а может быть симбиоза) испанского феодализма (со всей его спецификой) и доколониальных структур. Она возражала против тенденции относить все явления и процессы, имевшие место в Латинской Америке, к феодальной формации. Последняя, по ее мнению, существовала здесь скорее в виде уклада.

На конкретных вопросах сравнительно-исторического подхода к истории латиноамериканской и испанской художественной (конкретно речь шла о театральной) культуры остановился В. Ю. Силюнас, который отметил плодотворность органического сочетания эмпирического и системно-теоретического анализа.

Принципиальным вопросам системного анализа применительно к теме «круглого стола» посвятил свое выступление С. И. Семенов. Открытие Америки не было единовременным актом, встреча культур, цивилизаций растянулась на века, поэтому и процесс их взаимодействия следует рассматривать во всей его целостности, на всем его протяжении, то есть до сегодняшнего дня. Наша историография явно абсолютизирует формационный, но недооценивает цивилизационный вектор этого процесса. Иберо-американская культура принадлежит к пограничным. Благодаря тому, что иберо-американский мир являлся составной частью державы Габсбургов, в нем отложился и балкано-дунайский исторический опыт. К комплексному исследованию проблемы следует привлечь и чехословацких филологов, и венгерских и австрийских историков, полнее оценить влияние идей миротворчества и соборности. Предстоит еще многое сделать и для того, чтобы преодолеть тенденции к абсолютизации, примитивизации, упрощению гегелевской схемы, делившей народы на исторические и неисторические и представить историю стран Америки как процесс многолинейный.

В терминах «открытие Америки», «великие географические открытия», утверждал Ю. А. Зубрицкий, слышны отзвуки европоцентристского подхода, принижавшего роль коренных народов Американского континента. В латиноамериканских странах предпочитают говорить о «встрече двух культур», а индейцы именуют открытие Америки «началом европейской агрессии», «началом борьбы индейцев против агрессии». Ватиканские историки употребляют выражение — «500-летие начала евангелизации Америки». Необходимо подходить к данной проблеме с позиции плюрализма, учитывая реальное содержание, вкладываемое в каждое из этих определений. Вряд ли уместно говорить о «сплаве» двух культур, скорее мы имеем дело с их симбиозом. В. Б. Земсков предложил придерживаться того названия, которое использует журнал «Латинская Америка» — «Латинская Америка: встреча миров, культур и континентов». Он подчеркнул роль России в этом процессе. С. Я. Серов поддержал употребление термина «открытие Америки», ссылаясь на то что в новом плюралистическом подходе следует оставить место и Европе.

Чл.-корр. АН СССР А. А. Искендеров заметил, что многие исторические события по мере своего удаления, предстают перед историками в ином свете, нежели их наблюдали современники, ограниченные непродолжительностью времени своего сопричастия к ним. Соблюдая необходимую осторожность при подходе к сложившейся системе понятий, мы в то же время не можем не учитывать и требования нового политического мышления. Четкость и определенность наших формулировок, всего понятийно-терминологического аппарата имеют очень большое значение, утвердившиеся формулы и определения в дальнейшем превращаются в стереотипы массового исторического сознания. А. А. Искендеров подчеркнул, что примитивизированная схема уже не отвечает потребностям исторической науки, мешает ее развитию, побуждая историка не столько исследовать исторический процесс, как таковой, сколько более или менее искусственно привязывать события — в неизбежно деформированном виде — к заранее заданной социологической схеме. В Латинской Америке были и есть общества, не укладывающиеся в традиционные схемы. Истоки латиноамериканского национализма не могут быть поняты без учета специфики развития этого региона.

Н. П. Калмыков остановился на том, что открытие Америки и великие географические открытия относятся к событиям огромного значения, когда сталкиваются друг с другом огромные этносы, фактически именно в это время возникает действительно всемирная история. Это была увертюра к новой истории человечества. Он призывал не торопиться с изобретением новых понятий. Коснувшись формационного подхода, Н. П. Калмыков заметил, что он применим к исследованию любого региона, но, разумеется не в виде схемы, побуждающей историка непременно искать какую-то определенную формацию. По его мнению, противоречие между формационным и

цивилизационным подходами мнимое, кажущееся. Конечно, примитивная «пятичленка» искажает реальный процесс, уводит исследователя от изучения всех факторов многопланового и противоречивого социального развития.

В. И. Гуляев заявил о своей приверженности к утвердившемуся понятию — «открытие Америки» Колумбом. Он остановился на его предшественниках и подчеркнул, что открытие Колумба имеет всемирно-исторический характер и по той причине, что оно стало возможным благодаря огромному культурному потенциалу, накопленному к тому времени человечеством.

С. А. Микоян поддержал высказанную М. С. Альперовичем мысль о том, что нужно отрешиться при выборе того или иного определения от боязни кого-то обидеть и т. д. Обсуждая вопрос о терминологии, определении, характеристике того или иного явления надо последовательно и настойчиво идти по пути поиска объективной истины. Мы не должны задевать национальных чувств народов, но обязаны говорить правду, разумеется, в корректной научной форме.

Р. К.

ОБСУЖДЕНИЕ ШКОЛЬНОГО УЧЕБНИКА ПО ИСТОРИИ СССР

14 сентября 1989 г. на заседании Отделения истории АН СССР с участием представителей институтов состоялся обмен мнениями о новом учебнике по истории СССР для 10 класса (авторы: Ю. И. Кораблев, И. А. Федосов, Ю. С. Борисов./ М. Просвещение. 1989. 351 с.). В нем излагается история нашей страны от рубежа XIX–XX вв. до 1941 года.

Акад. И. Д. Ковальченко, открывая дискуссию, сказал, что организованное по просьбе Государственного комитета СССР по народному образованию данное обсуждение носит предварительный характер: основное пройдет в институтах. Он отметил, что, к сожалению, наши учебники еще в малой степени решают задачу выработки у учащихся определенных навыков самостоятельного исторического мышления, основанного на критическом анализе фактов. Не найдено (это относится и к обсуждаемому пособию) необходимое сочетание фактографии и анализа; явно преобладает первый аспект, а собственно анализ нередко подменяется декларативными оценками, рассчитанными в основном на запоминание, а не размышление. Необходимо ускорить разработку многих проблем истории СССР в свете новых подходов. Это важно не только с точки зрения работы над новыми учебниками, но и для того, чтобы поставить заслон получившему широкое распространение некомпетентному, а порой и просто дилетантскому освещению нашего прошлого. Вместе с тем следует исходить из того, что школьные учебники нужны, их написание нельзя откладывать до завершения разработки учеными всех нерешенных проблем. Поэтому авторам учебников приходится брать на себя и решение ряда концептуальных вопросов.

Акад. И. И. Минц призвал поддержать авторов обсуждаемого учебника, стремившихся под новым углом зрения показать достижения нашего народа под руководством большевиков, рассказать, базируясь на выявленных новых источниках, о сложном периоде истории страны. Конечно, учебник необходимо совершенствовать, в частности, продолжать работу над уточнением ряда ключевых формулировок.

Чл.-корр. АН СССР В. А. Куманев отметил, что обсуждаемый учебник (жаль, что он создавался не на конкурсной основе) отличается — по сравнению с предыдущим — существенными достоинствами: использованы новые документы и факты, с новых позиций освещен ряд этапов и событий в истории страны, сделана попытка предложить свою интерпретацию проблем, относящихся к разряду «белых пятен». И все же, учебник еще нельзя назвать полнокровным пособием ни с содержательной, ни с методической точек зрения. В главах, посвященных послеоктябрьскому периоду, видна печать поспешности. Это сказалось на многих формулировках, в том числе и тех, что вынесены в заголовки глав и параграфов (гл. XII, §§ 52, 55 и др.). Нуждаются в уточнении положения о значении опыта борьбы за социализм в нашей стране (с. 193), о судьбе социализма в СССР (с. 350 и 351). Следует расширить список упоминаемых в книге видных большевиков, государственных деятелей, ставших жертвами сталинских репрессий и долгое время находившихся в забвении. Полнее и определеннее надо сказать о сталинщине и самом Сталине, решительнее устраняя существующие фальсификации, оставшиеся в наследство от «Краткого курса». В. А. Куманев остановился также на освещении в учебнике политики партии в области культуры и в отношении интеллигенции. В этой связи он указал на некоторые фактические ошибки, оценки и выводы, носящие упрощенный, а зачастую излишне обтекаемый характер (с. 183, 184, и др.), что затрудняет учащимся усвоение учебного материала. Досаду вызывают и стилистические погрешности.

Чл.-корр. АН СССР Я. Н. Щапов отметил, что в параграфе учебника, посвященном религии и атеизму в СССР (с. 291–293), ничего не говорится о декрете 1918 г. об отделении церкви от государства и основной его цели — осуществлении условий для обеспечения свободы совести. При характеристике первой Советской Конституции и перечислении свобод, которые она декларировала, о свободе совести также ничего не говорится. Разделы учебника о дореволюционной и послереволюционной истории практически не связаны между собой. Это относится и к освещению истории религиозных организаций в России. Официально негативное отношение к церкви в Советском государстве, которое привело к огромным утратам как в области культуры и ее памятников, так и в области общечеловеческой морали, к гибели части духовенства и верующих, определялось факторами, сложившимися еще в XIX — начале XX в.: революционной концепцией о коренном различии места, которое занимает религия в классовом, эксплуататорском обществе и обществе бесклассовом, и традиционным отрицательным отношением церкви к революционным движениям.

Акад. А. М. Самсонов остановился на главе XII учебника «СССР в годы первых пятилеток. Расцвет командно-административной системы», в которой разоблачается сталинизм и его пагубное влияние на жизнь страны. По его мнению, следовало бы, пусть кратко, но рассказать об истоках сталинизма. Хотя объем учебника строго ограничен, надо было все же более выпукло показать не только негативные, но и позитивные процессы в развитии экономики, социальной и духовной сфер.

Освещению вопросов истории внешней политики СССР посвятил свое выступление В. К. Волков. Эта линия прослежена в учебнике очень неравномерно и не дает сколько-нибудь последовательной и цельной картины реального внешнеполитического курса СССР. Отсутствует характеристика Брестского мира, как грабительского и «похабного». Следовало бы упомянуть и о Дополнительном протоколе (июль 1918 г.), который ужесточал условия Брестского мира и налагал новые обязательства на Советскую Россию, рассказать об оккупационной политике кайзеровской Германии на захваченных ею территориях. В учебнике не объясняется, из чего исходил внешнеполитический курс Советского государства, как повлияла на него установка на неизбежность в самое ближайшее время мировой революции. Советско-польская война показана в учебнике со старых позиций. Помимо уточнения ее характера, побудительных стимулов сторон следовало бы более взвешенно подойти к проблеме советско-польской границы по Рижскому миру (1921 г.).

Не показана авторами характерная для второй половины 20-х — начала 30-х годов двойственность внешней политики СССР, связанная с активной деятельностью Коминтерна (который рассматривался капиталистическим миром как орудие внешней политики СССР) и его пропагандистскими кампаниями. Именно здесь коренится причина резкого ухудшения международного положения СССР в 1927–1928 гг. (разрыв отношений с Англией, убийство Войкова и т. д.). Однако это не сопровождалось подготовкой интервенции против СССР со стороны капиталистических держав. Такие утверждения — плод пропагандистских усилий сталинского руководства, стремившегося к созданию в стране психологической атмосферы «осажденной крепости».

В учебнике необходимо было сказать хоть несколько фраз о внешнеполитических последствиях установления в СССР командно-административной системы, а также массовых сталинских кампаний террора и репрессий, способствовавших усилению примерно с конца 1936 г. внешнеполитической изоляции СССР. Она выразилась в падении его международного престижа, резком снижении готовности других государств сотрудничать с ним, сузила его способности к проведению активной внешней политики. Подвергались эрозии его договорные отношения с другими странами. Эта изоляция была наглядно продемонстрирована в период Мюнхенского сговора империалистических государств, который привел к краху франко-чехословацко-советской системы союзных договоров, призванных создать барьер на пути фашистской агрессии. Потеря Советским Союзом такого качества, которое в теории международных отношений определяется понятием «союзоспособность», проявилась и в ходе англо-франко-советских переговоров весной — летом 1939 г., уже в период предвоенного политического кризиса в Европе.

В этой связи акад. А. М. Самсонов заметил, что, говоря об этих переговорах (с. 344), авторам следовало бы все же отметить, что английская и французская миссии в дальнейшем получили полномочия на ведение переговоров, а французская также и на подписание договора (с. 344).

В. К. Волков отметил, что в учебнике не раскрыт генезис советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года. Из текста учебника может сложиться ложное впечатление, будто Советскому Союзу был предъявлен некий ультиматум, который был принят. Не упомянуты секретные протоколы к пакту. Нет характеристики советско-германского договора о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г., подписание которого было грубым нарушением ленинских принципов советской внешней политики. Учитывая значение этих проблем в современных условиях, их роль в формировании базовых представлений об истоках внешней политики страны, следовало бы изложить эти вопросы в учебнике особенно четко.

В Отделение истории АН СССР поступили также рецензии и отзывы на учебник из институтов истории АН Белоруссии и Латвии. Их авторы сделали много замечаний и выдвинули ряд предложений по отдельным главам и параграфам. По мнению М. О. Бича (Минск) I–VII главы учебника не отличаются новизной подходов к освещению основных вопросов истории России периода империализма. Недостаточно раскрыты характеристика ее политического строя, партийно-политическая структура страны, чрезмерно много места уделено истории большевистской партии и ни слова не сказано об экономизме в РСДРП, о Бунде, зубатовщине, не раскрыто значение перехода рабочего класса от экономической борьбы к политической в 1901–1903 годах. Следует уделить больше внимания освещению истории революционно-демократических партий и организаций. При этом национальные социал-демократические, революционно-демократические и либеральные организации должны рассматриваться – соответственно – вместе с РСДРП, эсерами, «Союзом освобождения», земцами и кадетами. Надо раскрыть смысл левоблокистской тактики большевиков.

Складывается впечатление, что авторы не преодолели установку «Краткого курса» о большевистской партии, как единственном руководителе масс в борьбе с царизмом (с. 24, 28–29, 32–33, 37–38, 50, 62–66, 87–91). Вопрос об отношении к буржуазным партиям требует более серьезной проработки. Полностью обойдены программа и деятельность кадетов и октябристов. Следовало бы дать более основательную характеристику партий, относящихся к буржуазно-либеральному центру (с. 53), позиций меньшевиков и эсеров в период первой мировой войны (с. 79). В § 22, по сути, отрицается стихийный в известном смысле характер Февральской революции.

В. И. Вышинский (Минск) замечает, что в учебнике слишком пространно изложена политическая история страны, но слабо освещены изменения в самом обществе – материальное положение и быт трудящихся, социальная структура, духовный облик советских людей. Учебник перегружен цитатами из произведений В. И. Ленина. Мотив и цели перехода к нэпу практически сведены к тем обстоятельствам, которые вызывали необходимость замены продразверстки продналогом. Необходимо подчеркнуть, что нэп – это метод построения социализма. Борьба с «оппозиционными течениями» в ВКП(б) со второй половины 20-х годов подается по-старому. Между тем Сталин вел борьбу не за чистоту ленинизма, а использовал ее ради устранения своих политических противников и установления личной диктатуры.

Е. К. Прыгунова (Минск) считает, что в параграфе, посвященном триумфальному шествию Советской власти, мало места отведено роли армии в революции, и нет целостной картины борьбы с контрреволюцией. Требует пояснения тезис, что весной и летом 1918 г. меньшевики и правые эсеры «оказались в первых рядах контрреволюции» (с. 180).

В ходе обсуждения особое место заняли вопросы истории народов СССР и межнациональных отношений. Чл.-корр. АН СССР А. А. Искендеров указал на то, что учебник построен пока еще в основном на общероссийском (русском) материале и не отражает специфики развития народов и национальных регионов страны. Чл.-корр. АН СССР В. А. Куманев считает, что вряд ли оправдает себя старый метод выделения особых параграфов о положении в нерусских регионах (они выглядят как некое приложение к «основной» истории), правильнее было бы (хотя это и не просто) излагать историю народов нашей страны в общем контексте. О. В. Волобуев подчеркнул необходимость преодоления «московско-ленинградского центризма» и учитывать, что учебник адресован школьникам страны с многонациональным населением.

Л. М. Дробижева высказала мнение, что учебник не отражает многие актуальные вопросы, связанные с национальными интересами народов, с их исторической памятью. Надо, чтобы в нем присутствовали некоторые существенные сюжеты, относящиеся к исторической характеристике культуры и быта народов СССР, определенные этнографические и демографические сведения, без которых нельзя адекватно представить себе их развитие, как и всю историю нашего многонационального государства.

Эти вопросы поднимались и в отзывах, поступивших из Белоруссии и Латвии (М. Бич, В. И. Вышинский, Н. А. Селиванов, Е. К. Прыгунова – все Минск; И. Р. Шнейдере – Рига). В них также отмечается недостаточное внимание авторов к истории народов СССР. Конкретно указывается на необходимость усилить раскрытие таких вопросов как специфика национальной политики царизма в разных районах, основные национальные партии и организации, их программы и деятельность, их роль в общеполитическом развитии страны и национально-освободительном движении, принципиальное отличие буржуазного национализма угнетенных наций от великодержавного шовинизма, становление советской национальной государственности, государственная независимость Эстонии, Латвии и Литвы в форме буржуазной демократии.

Говоря об общем положении со школьными учебниками по истории, А. Н. Самсонов назвал его кризисным. Старые учебники по современной истории СССР отвергнуты, репутация учебников по более отдаленным периодам подорвана. Авторские коллективы для создания новых учебников отсутствуют. Программы исторических курсов в средней школе несовершенны. Задерживается серьезная научная разработка весьма существенных проблем истории советского общества. Негативную роль сыграла огульная критика пробных учебников. Обсуждаемый учебник рассчитан на два года. Он не может удовлетворять современным требованиям и уже сейчас в процессе подготовки следующего издания – подвергается переработке. Помощь Отделения истории крайне необходима, особенно в формировании новых авторских коллективов, консультировании и рецензировании глав, в первую очередь по современной истории. Желательно, чтобы журнал «Вопросы истории» опубликовал серию статей по наиболее актуальным проблемам истории советского общества.

Редактор учебника Ю. И. Кораблев сказал, что авторы осознают переходный характер подготовленного ими пособия. Они постарались учесть многие замечания и предложения, высказанные в ходе обсуждения учебника 1986 г. издания. Однако не все удалось сделать. Не сумели они переписать заново главы по дооктябрьскому периоду. В разделах по советскому периоду мало позитивного материала. Некоторые оценки быстро устаревают. По ряду вопросов авторский коллектив не выработал еще правильного подхода.

В. П. Дмитренко высказал мнение, что школе нужны учебники разных типов, в том числе и ориентированные на «открытые проблемы». В учебники для старших классов нужно смелее вводить элементы дискуссионности, проблемности. О. В. Волобуев заметил, что издание учебников должно сопровождаться выпуском «шлейфа» пособий: сборников документов, биографических справочников, иллюстративного материала, которые бы поворачивали внимание школьников и преподавателей к первооснове исторических курсов – фактам и документам.

В ходе обсуждения рассматривались также вопросы, относящиеся к разработке новой концепции школьного исторического образования. По мнению В. Е. Мельниченко, разговор об учебнике для 10 класса показал, что необходимо подойти к обсуждаемой проблеме с более широких позиций. Он еще раз подтверждает необходимость выработки новой концепции школьного исторического образования. Конечно, какое-то время придется совершенствовать имеющиеся школьные учебники по истории. Однако в принципе этот путь уже исчерпал себя. Перестройка исторической науки, переосмысление исторического процесса, формирование нового исторического сознания учащихся требуют создания качественно новых учебников. Во весь рост встает задача – полной их замены на новой концептуальной основе. В настоящее время выдвинут ряд новых взглядов на школьное историческое образование. Очень важно, чтобы к их экспертизе подключились ученые. Их участие будет необходимо и на этапе подготовки новых программ по всем курсам истории. Понятно, что ученые могли бы принять участие в написании новых учебников и, конечно же, в их широком обсуждении. Выработка концепции школьного исторического образования предполагает активное участие ученых – специалистов и опытных педагогов. Вероятно следовало бы эти вопросы обсудить на совместном заседании Отделения истории и Государственного комитета СССР по народному образованию.

В. П. Дмитренко назвал некоторые наиболее важные, с его точки зрения, проблемы, возникающие при разработке концепции исторического образования в средней школе. К ним, по его мнению, относятся: отражение истории России и СССР в контексте общемировой истории; соотношение истории государства и истории народов, политики государств и процессов саморазвития (на основе собственных законов) классов, форм собственности, народов, регионов и т. п.; закономерности формирования советской модели социализма, ее роль в истории; исторические предпосылки кризиса и закономерности перестройки советской системы.

CONTENTS

SOMMAIRE

SUMARIO

Технический редактор И. В. Карандашова

Сдано в набор 07.12.89 Подписано к печати 29.01.90 А-05821 Формат 70×108 1/16
Высокая печать Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 1835,9 тыс. Уч.-изд. л. 19,5
Бум. л. 6,0 Тираж 106 000 экз. Заказ 3797 Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6. М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской обл. Зак. 358

НОВЫЕ КНИГИ

SANCHEZ AGESTA L. **La democracia en Hispanoamérica.** Un balance hist. Madrid. RIALP. 1987. 305 p.

TUSELL J. **Radiografia de un golpe de Estado.** El ascenso al poder del general Primo de Rivera. Madrid. Alianza. 1987. 282 p.

Dal Terzo Mondo in Italia. Studi e ricerche sulla immigrazioni straniere. Testi di Umberto Melotti, Guido Ambrosio, Bruna Sironi et al. A cura di Umberto Melotti. Milano. Centro Studi Terzo Mondo. 1988. 112 p.

SPADOLINI G. **Intervista sulla democrazia laica.** A cura di Paolo Bonetti. Roma – Bari. Laterza. 1987. 193 p.

SPINI V. **Da Ginevra a Reykjavik. Italia e Europa nel negoziato Est-Ovest.** A cura di Blando Palmieri. Milano. Mediolanum ed. Assoc. 1987. 206 p.

LEFEBVRE J.-P. **Entre deux fêtes. La politique au Québec, de 1966, à 1976...** (etc.). Montréal. Stanké. 1987. 227(6) p., (6) f. ill.

MEYER J. **La cristiada.** 1. La guerra de los cristeros. VII, 410 p. (7) f. il. 2. El conflicto entre la iglesia y el Estado, 1926–1929. 411 p., (8) f. il. México. Siglo XXI. 1988.

Nicaragua y los teólogos. Coord.: José María Vigil. México. Siglo XXI. 1987. 315 p.

RIVERA CASTRO J. **En la presidencia de Plutarco Elías Calles (1924–1928).** México. Siglo XXI. 1987. 247 p.

REE E. van. **Socialism in one Zone: Stalin's Policy in Korea, 1945–1947.** Acad. Proefschr. Amsterdam. 1988. XI, 325 p. (5) L. ill.

GOMES V. **Guerra de Espanha.** Achegas ao redor da participação portug. Lisboa. 1987. 229 p.

HIMMELFARB G. **The New History and the Old.** Critical Essays and Reappraisals. Cambridge (Mass.); London. The Belknap Press of Harvard Univ. Press. 1987. 209(6) p.

The New England Working Class and the New Labor History. Ed. by Herbert G. Gutman and Donald H. Bell. Urbana. Chicago. Univ. of Illinois Press. 1987. XVI, 296 p.

HERZIG A. **Unterschichtenprotest in Deutschland, 1790–1870.** Göttingen. Vandenhoeck u. Ruprecht. 1988. 155 S.

Berliner Demokratie, 1919–1985. I. Berlin als Hauptstadt der Weimarer Republik, 1919–1933. Mit einem statist. Anh. zur Wahl- u. Sozialstatistik des demokratischen Berlin, 1919–1933. Otto Büsch, Wolfgang Haus. Hrsg. von der «Arbeitsgruppe Berliner Demokratie» am Fachbereich geschichtswiss. der Freien Univ. Berlin. 1987. XIII, 500 S.

GAUS G. **Deutschland im Juni.** Köln. Kiepenheuer und Witsch. 1988. 167 S.

AHMAVAARA Y. **Esseitä tästä ajasta.** Porvoo etc. Söderström. 1987. 352 s.

KAINULAINEN J. **Asejuna pietarista 1918.** Helsinki. Aleakirja. 1987. 76 s.

KARVONEN L. **From White to Blue – and – Black.** Finnish Fascism in the Inter-War Era. Helsinki. The Finnish Soc. of Sciences and Letters. 1988. 135 p.

BENOT Y. **La Révolution française et la fin des colonies: 1789–1794.** Essai. Paris. La Découverte. 1988. 272 p.

FRANCHINI Ph. **Les guerres d'Indochine.** 1. Des Origines de la présence française à l'engrenage du conflit international. Paris. Pygmalion (Watelet). 1988. 437 p. (8) f. ill.

LEMAY E. H. **Des députés aux Etats Généraux.** Paris. Hachette. 1987. 273 p.

JOHNSON P. **Moderna tider: Tjugotal till åttiotal.** Övers. av Birgitta Eriksson och Sven Eriksson. 2. korrigerade uppl. Stockholm. Ratio. 1988. 942 s. (16) l. ill.

Neue soziale Bewegungen – und ihre gesellschaftlichen Wirkungen. Thomas Bein, Martin Dahinden, Theo Ginsburg et al. Hrsg. von Martin Dahinden. Zürich. Verl. der Fachvereine. 1987. 266 S.

SCHEIBEN O. **Krise und Integration.** Wandlungen in den polit. Konzeptionen der Sozialdem. Partei der Schweiz, 1928–1936. Ein Beitr. zur Reformismusdebatte. Zürich. Chronos. 1987. 422, (6) S.